9(c)
Д57

К. И. Добрынинъ.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРСЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

Изданіе В. С. Спиридонова.

I. 181.425

ПРОВЕРЕНО 2003

B 22

9(с)
Д57

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРСЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Для I и II классовъ мужскихъ гимназій
и реальныхъ училищъ и для городскихъ училищъ.

СОСТАВИЛЪ

К. И. Добрынинъ,

директоръ Кашинскаго Алексѣевскаго реальнаго училища.

I. 18. 425

Со 104 рисунками.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено (въ 3-мъ изданіи) для среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ, по Положенію 1872 г., училищъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1911 г., май).

Учебн. Ком. при Собств. Е. И. В. Канцеляріи по учрежд. Имп. Маріи допущено въ качествѣ руководства для женскихъ институтовъ и гимназій. (Отнош. отъ 30 ноября 1911 г., за № 30596).

Изданіе пятое, дополненное.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
МАКУШИНА и ПОСОХИНА
въ Иркутскѣ
имѣетъ громадный выборъ книгъ
по всѣмъ отдѣламъ знанія и ли
тературы.

Москва—1913 г.
Издатель В. С. СПИРИДОНОВЪ.
Моховая, уг. Тверской, д. Варваринск. Акц. О-ва.
Телефонъ № 120-95.

Областная библиотека
имени А. М. ГОРЬКОГО
гор. Калинин

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1913.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Введеніе нѣсколько лѣтъ тому назадъ изученія Русской исторіи въ курсъ I-го и II-го классовъ среднеучебныхъ заведеній, вызвавшее появленіе множества учебниковъ по этому предмету, заставило и насъ, за отсутствіемъ подходящей книги, составлять для учениковъ разсказы изъ исторіи Россіи. Въ настоящее время мы рѣшились подѣлиться съ другими тѣмъ, что было нами сдѣлано,—рѣшились прибавить свою книгу къ значительному уже количеству учебниковъ по Русской исторіи. Нами руководило главнымъ образомъ желаніе дать учащимся, при ихъ первоначальномъ знакомствѣ съ великимъ прошлымъ ихъ родины, такой матеріалъ, который бы знакомилъ ихъ съ этимъ прошлымъ безъ всякаго ложнаго освѣщенія и искусственнаго подчеркиванія однихъ фактовъ и замалчиванія другихъ. Насколько это намъ удалось—судить, конечно, не намъ.—Съ другой стороны, хотя учебникъ предназначается только для младшихъ классовъ, мы нашли возможнымъ дать и научное объясненіе извѣстныхъ явленій, насколько это доступно для пониманія учениковъ I-го и II-го классовъ.—Въ упрекъ намъ могутъ быть поставлены нѣкоторыя длинноты и излишнія подробности изложенія, въ родѣ многочисленныхъ свидѣтельствъ «очевидцевъ» и «современниковъ»; намъ кажется, что каждый преподаватель сумѣетъ изъ многаго сдѣлать малое, такъ что особеннаго затрудненія при прохожденіи курса эти подробности составить не могутъ.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Радушный пріемъ со стороны гг. преподавателей, оказанный составленному мною учебнику по Русской исторіи, заставляетъ насъ печатать его вторымъ изданіемъ черезъ годъ послѣ перваго.—Выпуская его въ свѣтъ, я, прежде всего, считаю своимъ долгомъ принести благодарность тѣмъ знакомымъ и незнакомымъ преподавателямъ, которые

нашли возможнымъ сообщить мнѣ свои замѣчанія по поводу учебника. Руководствуясь, до извѣстной степени, этими указаніями, а также высказанными пожеланіями, я сдѣлалъ кое-какія дополненія и исправленія въ текстѣ, а также ввелъ болѣе мелкій шрифтъ для извѣстныхъ отдѣловъ.—Кромѣ того, прибавлено нѣсколько новыхъ рисунковъ и портретовъ.

Предисловіе къ 3-му изданію.

Настоящее изданіе отличается отъ предыдущаго поправками преимущественно чисто-редакціоннаго характера. Согласно полученнымъ мною указаніямъ преподавателей, кое-гдѣ сдѣланы сокращенія или дополненія текста. Количество рисунковъ и портретовъ увеличено, при чемъ нѣкоторые изъ прежнихъ замѣнены новыми.

Предисловіе къ 4-му изданію.

Въ настоящемъ изданіи, кромѣ введенія во многихъ мѣстахъ мелкаго шрифта, добавлено, согласно высказаннымъ пожеланіямъ преподавателей, нѣсколько новыхъ главъ. Кое-гдѣ сдѣланы дополненія или сокращенія текста. Количество рисунковъ увеличено.

Предисловіе къ 5-му изданію.

Выпуская настоящее изданіе меньше, чѣмъ черезъ годъ послѣ предшествующаго, не считаю возможнымъ дѣлать серьезныя измѣненія и только въ концѣ прибавляю обзоръ событій Русской исторіи съ 1894 г. по юбилейный 1913 годъ. Рисунки пересмотрѣны и нѣкоторые изъ нихъ замѣнены новыми.

Г. Кашинъ. **К. Добрынинъ.**

ВВЕДЕНІЕ.

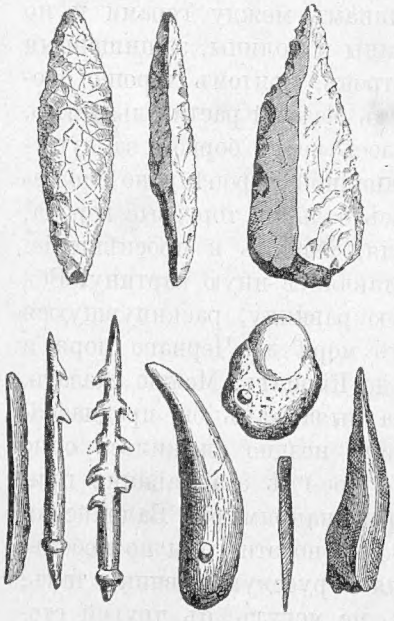
Европейскій материкъ по природѣ своей раздѣляется на двѣ части—западную и восточную. Западная состоитъ какъ бы изъ отдѣльныхъ полуостововъ, около которыхъ море образовало множество большихъ и малыхъ заливовъ. Вдоль и поперекъ по Зап. Европѣ проходятъ горные хребты, которые дѣлятъ ее на отдѣльныя области, расположенныя по долинамъ между горами и по равнинамъ большихъ рѣкъ. Эти равнины и долины, защищенныя горами отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ, притомъ хорошо орошенныя, и въ настоящее время цвѣтутъ богатой растительностью. Населенію этихъ странъ не приходилось вести борьбы за существованіе, и неудивительно, что въ Западной Европѣ рано сложилось нѣсколько государствъ, появились большіе торговые города, развились промышленность и торговля, явилось и просвѣщеніе.

Восточная половина Европы представляетъ иную картину. Вся эта страна составляетъ одну огромную равнину, раскинувшуюся отъ Ледовитаго океана и Балтійскаго моря до Чернаго моря и Каспійскаго и отъ Уральскихъ горъ до Карпатъ. Можно сказать, что самой природой русская равнина была какъ бы предназначена къ тому, чтобы на ней рано или поздно сложилось одно сильное большое государство. Только кое-гдѣ эта равнина приподымается и на ней образуются горы, напримѣръ, Валдайская или Среднерусская возвышенности и др.; но эти горы по небольшой высотѣ своей не могутъ раздѣлять русскую равнину такъ, какъ дѣлятъ горы Западную Европу, не могутъ, съ другой стороны, защищать русскую равнину отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, который, не встрѣчая на пути своемъ никакихъ преградъ, господствуетъ надъ большей половиной Восточной Европы. Много поэтому пришлось положить труда первымъ обитателямъ русской равнины на оборону отъ холода и отъ врага внѣшняго, а также и на то, какъ на скудной почвѣ получше устроить свою жизнь, пока, наконецъ, тамъ сложилось одно большое государство.

По природѣ Восточную Европу можно раздѣлить на нѣсколько полосъ. На крайнемъ сѣверѣ тянется полоса тундръ, болотъ, которыя только въ срединѣ короткаго лѣта оттаиваютъ на нѣсколько вершковъ, а большую часть года представляютъ унылую равнину, занесенную снѣгомъ. Вслѣдствіе сильныхъ холодовъ въ этомъ краю деревья расти не могутъ.

Южнѣе идетъ полоса лѣсовъ. Много лѣсовъ по Волгѣ и Окѣ и сейчасъ, но тысячу и больше лѣтъ тому назадъ ихъ было неизмѣримо больше. Села и города среди нихъ казались рѣдкими островками. Наиболѣе густо заселенная въ настоящее время мѣстность между Волгой и Окой въ тѣ отдаленныя времена была покрыта густыми лѣсами, которые тянулись на сотни верстъ, изрѣдка перемежаясь озерами и болотами или открытыми мѣстами, удобными для поселенія.

За Окой, къ югу, начинались степи. Эти степи, весной покрывавшіяся густыми травами, лишь кое-гдѣ, въ долинахъ рѣкъ или по пригоркамъ, уступавшими мѣсто лѣснымъ островамъ и рощамъ, въ теченіе ряда вѣковъ благопріятствовали жизни только кочевого населенія, находившаго тамъ обильный кормъ для своихъ табуновъ лошадей и стадъ рогатаго скота. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, богатыхъ черноземомъ, съ незапамятныхъ временъ развилось земледѣліе.



Орудія древнекаменнаго вѣка.

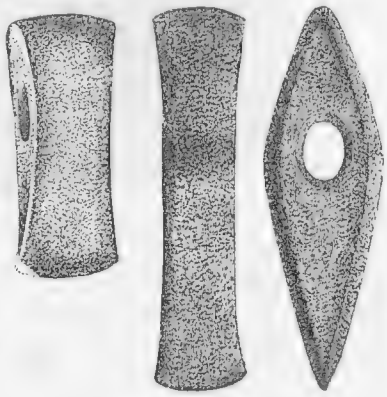
Восточная половина Европы была обитаема уже за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х. Это доказывается тѣмъ, что въ Россіи во многихъ мѣстахъ при раскопкахъ найдены первыя, такъ называемыя, каменныя орудія человѣка: ими онъ убивалъ звѣря для пищи, ими рѣзалъ дерево, обтачивалъ кости и рога звѣрей; сначала эти орудія представляли собой кремни, грубо обработанные въ видѣ топоровъ, ножей, наконечниковъ копій и стрѣлъ, но съ теченіемъ времени человѣкъ научился дѣлать эти орудія болѣе удобными и красивыми. Впрочемъ, объ этихъ первоначальныхъ обитателяхъ Восточной Европы мы знаемъ очень мало.

Первыя болѣе или менѣе опредѣленныя извѣстія о Восточной Европѣ, и то, главнымъ образомъ, о южной части ея, находимъ мы у греческаго историка Геродота („отца исторіи“), который самъ былъ въ южной Россіи въ V-мъ вѣкѣ до Р. Х. и описалъ ее подъ именемъ „Скиѳіи“.

Климатъ Скиѳіи, по словамъ Геродота, очень суровый: зима продолжается 8 мѣсяцевъ, да и остальное время довольно прохладно. Зимой даже море замерзаетъ (подразумѣвается, у береговъ). Холодъ бываетъ такой, что если пролить воды на землю, то грязи не бываетъ; наоборотъ, отъ разложеннаго огня на землѣ получается грязь. Зимой не бываетъ ни

грома, ни дождя, а если случится зимой громъ, то это считаютъ за большую диковину.

Что касается жителей этой страны, то Геродотъ больше всего разсказываетъ о скиѳахъ-кочевникахъ, или такъ наз. царскихъ скиѳахъ. У скиѳовъ-кочевниковъ, по словамъ Геродота, не было ни городовъ, ни селъ, ни домовъ: скиѳы проводили всю жизнь, переходя съ мѣста на мѣсто. Главное богатство скиѳа—скотъ, особенно лошади. Питались они почти исключительно кониной; ихъ любимый напитокъ—лошадиное молоко. Для доенія кобылицъ скиѳы держали особыхъ рабовъ, которымъ выкалывали глаза, чтобы они не могли убѣжать. Единственное жилище скиѳа—войлочный шатеръ. При перекочевкѣ этотъ шатеръ быстро разбирался и укладывался на телѣгу, гдѣ помѣщались также жены и дѣти скиѳа, а самъ онъ проводилъ все время на конѣ.



Орудія новокаменнаго вѣка.

Поклонялись скиѳы, по словамъ Геродота, многимъ богамъ — небу, солнцу, лунѣ и др. Храмовъ, жертвенниковъ и идоловъ они не ставили; только одному богу войны устраивали жертвенникъ. Волхвовъ, гадателей у скиѳовъ было великое множество. Но ихъ положеніе было не всегда выгодно. Если ихъ предсказанія не оправдывались, то ихъ клали связанными на телѣгу, нагруженную хворостомъ, зажигали этотъ хворостъ и пускали воловъ, запряженныхъ въ телѣгу, по степи. Въ жертву своимъ богамъ скиѳы приносили воловъ, коровъ, лошадей и другихъ животныхъ. Богу войны жертвы приносились иначе. Устраивали изъ хвороста огромный курганъ, на верху его ставили старинный желѣзный мечъ, которому и приносили жертвы въ большемъ количествѣ, чѣмъ другимъ богамъ. Когда брали въ плѣнъ непріятелей, то отъ каждой сотни приносили одного въ жертву.

Скиѳы вообще были очень кровожадны. На войнѣ скиѳъ пилъ кровь перваго убитаго имъ врага. Головы убитыхъ непріятелей скиѳы относили къ царю, чтобы имѣть право участвовать при раздѣлѣ добычи; кто не приносилъ головы, тотъ ничего и не получалъ. Кожа съ непріятельскаго черепа искусно снималась и привѣшивалась къ уздѣ коня; и у кого было больше такихъ знаковъ побѣды, тотъ считался храбрѣе всѣхъ. Изъ череповъ знатнѣйшихъ непріятелей скиѳы дѣлали себѣ чаши, изъ которыхъ и пили вино на большихъ празднествахъ. Пили они вина очень много и притомъ не смѣшаннаго съ водой, какъ дѣлали греки, а чистаго, что считалось у грековъ признакомъ грубости и варварства.

Своихъ царей скиѳы погребали съ большими почестями и особеннымъ образомъ. Тѣло умершаго они бальзамировали, клали на колесницу и обвозили покойника по всѣмъ его бывшимъ владѣніямъ. Печаль ихъ выражалась тѣмъ, что они наносили себѣ раны на лицѣ, урѣзывали уши и стригли волосы. Чѣмъ дальше везли погребальную колесницу, тѣмъ больше и больше народу присоединялось къ печальному шествію. Когда

привозили тѣло царя на царское кладбище (у Днѣпровскихъ пороговъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые изъ нынѣшнихъ ученыхъ), то выкапывали большую четырехугольную яму, а въ ней отдѣльныя пещеры. Въ одной

Курганъ на югѣ Россіи.

погребали царя, а въ остальныхъ—одну изъ царскихъ женъ и самыхъ близкихъ слугъ, предварительно задушивъ ихъ. Съ ними клали царскую утварь, оружіе и различныя украшенія, большею частью золотыя. Потомъ всѣ собравшіеся на погребеніе наперерывъ засыпали могилу землей, стараясь сдѣлать насыпь какъ можно больше; такимъ образомъ сооружали иногда громаднѣйшій курганъ саженъ въ 10 вышины, шаговъ 500 въ окружности. Черезъ годъ справлялись поминки: снова убивали лучшихъ изъ

Вазы, найденныя въ скиѳскихъ могилахъ.

уцѣлѣвшихъ слугъ умершаго царя, убивали и лучшихъ коней его (тѣхъ и другихъ иногда до 50) и мертвыхъ всадниковъ на мертвыхъ коняхъ ставили на кольяхъ вокругъ кургана.

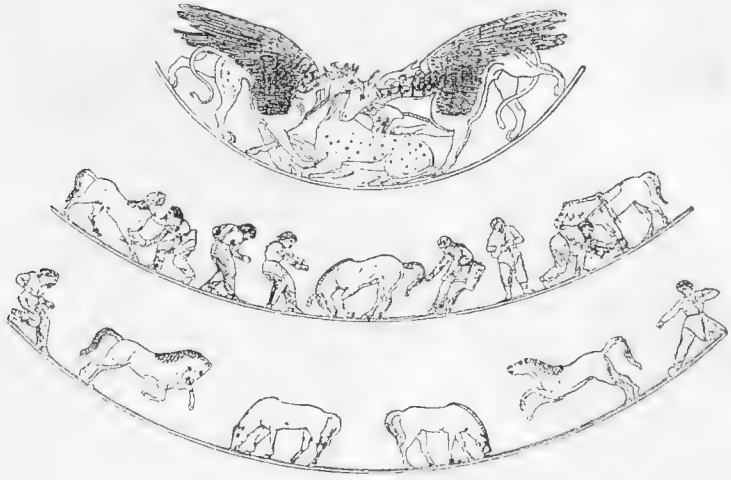
Къ разсказамъ Геродота о скиѳахъ ученые долго относились очень недовѣрчиво. Но когда стали раскапывать курганы, то разсказы Геродота подтвердились почти вполнѣ.

Несмотря на то, что сокровища многихъ скиѳскихъ могилъ оказались расхищенными неизвѣстно когда и неизвѣстно кѣмъ, при раскопкахъ кургановъ было найдено огромное количество скиѳскихъ древностей: напр., при раскопкѣ Чертомлыцкаго кургана было найдено около 2500 предметовъ, драгоцѣнныхъ для науки. Особенно важное значеніе

Изображенія скиѳовъ на вазѣ.

имѣютъ двѣ вазы—одна золотая, найденная близъ Керчи, другая—серебряная, открытая близъ Никополя (недалеко отъ Днѣпровскихъ пороговъ).

Хотя оба эти сосуда греческаго издѣлія, но они сдѣланы сообразно вкусамъ и нравамъ скиѳовъ, а потому даютъ понятіе о вооруженіи и одеждѣ ихъ. Скиѳская одежда была приспособлена для верховой ѣзды:



Изображенія скиѳовъ на вазѣ.

короткій кафтанъ запахивался пола на полу и туго подпоясывался ремнемъ, украшеннымъ пластинками и пуговицами. Кафтаны были теплые и холодные: первые дѣлались на мѣху и обшивались мѣхомъ по краямъ. Обувь состояла изъ короткихъ сапоговъ, которые у щиколотки перевязывались ремнемъ. У богатыхъ скиѳовъ и у царей кафтаны и шаровары

украшались золотыми пуговицами и бляшками разныхъ размѣровъ и рисунковъ. Скиѳы носили бороды и длинные волосы, зачесывая ихъ назадъ. Сверху одѣвался башлыкъ, который также украшался пуговицами и бляшками. Вожди на головѣ носили ленточную золотую перевязь, а на шеѣ ожерелье, иногда до полуфунта вѣсомъ. Въ женскихъ могилахъ найдено множество всевозможныхъ украшеній.

Главнымъ оружіемъ скиѳовъ были лукъ и стрѣлы; кромѣ того, употреблялись копья и короткіе мечи. Своего коня скиѳъ украшалъ, какъ только могъ: сѣдло, уздечка, даже шея коня украшались цѣпочками и колокольчиками.

Послѣ Геродота свѣдѣнія о жителяхъ русской равнины становятся весьма туманны и сбивчивы. Правда, греческіе и римскіе писатели называютъ намъ разныя племена, тамъ обитавшія, но трудно сказать, кого они разумѣютъ подъ сарматами и другими подобными народами.

I. Славяне.

Опредѣлить точно, когда славяне пришли въ Европу,—невозможно. Несомнѣнно одно, что, поселившись первоначально гдѣ-то около Карпатъ, они уже въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х. небольшими группами переселяются на Балканскій полуостровъ и что правительство римское, которому принадлежалъ этотъ полуостровъ, не въ силахъ было противиться такому переселенію. Нѣсколько позднѣе, въ VI или въ VII вѣкѣ, славяне покинули прикарпатскій край и разошлись въ разныя стороны: одна часть ихъ направилась съ Карпатъ на сѣверъ и заняла земли до р. Эльбы, гдѣ значительная часть ихъ была впослѣдствіи покорена и онѣмечена западными государствами; другая группа продолжала движеніе на Балканскій полуостровъ, который и заняла почти весь; третья группа съ Карпатъ переселилась въ равнину Днѣпра-Волхова и получила впослѣдствіи названіе славянъ русскихъ.

Тѣ славяне, которые жили по среднему теченію Днѣпра на поляхъ, назывались полянами; къ западу отъ нихъ въ деревахъ, т.-е. въ лѣсахъ, по р. Припяти поселились древляне; къ СВ. отъ полянъ по Деснѣ—сѣверяне; отъ Припяти до З. Двины по болотамъ (дрягвамъ) жили дреговичи; по верховьямъ Днѣпра и З. Двины жили кривичи; самая сѣверная группа славянъ, жившая по Ильменю и рѣкамъ, въ него впадающимъ, не имѣла особаго названія, а называлась просто славянами. Къ В. отъ Днѣпра, по Сожу, жили радимичи, на верхней Окѣ вятичи и т. д.

Славяне жили отдѣльными племенами; царей у нихъ не было; не составляли они и одного государства. Каждое племя жило посвоему; часто они враждовали другъ съ другомъ и ссорились. Племена раздѣлялись на роды, а родъ, въ свою очередь, дѣлился на семьи. Въ каждомъ родѣ былъ старшій, котораго всѣ признавали главой, который чинилъ судъ и расправу надъ родичами. Земля у рода была общая и обработка ея была его главнымъ

занятіемъ. Изъ другихъ занятій можно указать скотоводство и пчеловодство; мѣха, медъ и воскъ вывозились изъ славянскихъ земель даже въ другія страны.

Жили древніе славяне очень просто, чѣмъ приводили въ изумленіе иностранцевъ-наблюдателей. Большихъ красивыхъ домовъ они строить не умѣли. Иногда они дѣлали жилища изъ бревенъ, иногда сплетали его изъ хвороста и обмазывали глиной, иногда жили въ земляпкахъ. Эти жилища часто были безъ оконъ и освѣщались черезъ отверстіе въ крышѣ или стѣнѣ; это же отверстіе замѣняло трубу для выхода дыма. Въ жилищахъ весьма часто устраивалось по нѣсколько выходовъ, на случай нападенія непріятельскаго.

Очень рано появляются у славянъ города. Но это не нынѣшніе города, которые являются мѣстомъ промышленности и торговли. Древніе славянскіе города были просто укрѣпленными пунктами для обороны отъ нападенія непріятеля. (Съ теченіемъ времени вокругъ такого укрѣпленія начинали мало-по-малу селиться купцы и ремесленники.) Такіе города были необходимы славянамъ, такъ какъ имъ почти постоянно приходилось вести войны съ сосѣдями. На войнѣ славяне отличались необыкновенной храбростью, но, будучи плохо вооружены и не умѣя сражаться сомкнутымъ строемъ, они не могли выдержать правильнаго боя на открытомъ мѣстѣ съ настоящими войсками западныхъ и южныхъ сосѣдей. Поэтому, чтобы побѣдить непріятеля, они старались напасть на него врасплохъ или заманить въ засаду.

„Они любятъ схватываться съ непріятелемъ, — пишетъ императоръ Византійскій Маврикій,—въ узкихъ, трудно проходимыхъ и утесистыхъ мѣстахъ. Они умѣютъ пользоваться засадами, неожиданными нападеніями и ловушками, дневными и ночными, не затрудняясь въ придумываньи всевозможныхъ уловокъ. Они превзойдутъ кого угодно въ умѣньи переправляться черезъ рѣки и могутъ оставаться подолгу въ водѣ. Въ случаѣ неожиданнаго вторженія въ ихъ страну, они погружаются въ глубину воды, держа во рту длинные, нарочно для этого сдѣланные, пустые внутри стволы тростника. Лежа навзничь въ глубинѣ, они выставляютъ эти стволы на поверхность воды и черезъ нихъ дышатъ, такъ что могутъ по нѣскольку часовъ оставаться въ этомъ положеніи, не возбуждая никакого подозрѣнія. Неопытные, видя тростникъ, считаютъ его растущимъ въ водѣ; но кто знаетъ объ этой уловкѣ, можетъ по виду и положенію надрѣзанныхъ стеблей догадаться и проткнуть ротъ тростникомъ или вытащить его изъ воды и тѣмъ лишить ихъ возможности долѣе скрываться подъ водою. Вооружаются они двумя маленькими дротиками каждый, а нѣкоторые и щитами, хотя хорошо сдѣланными, но очень затрудняющими передвиженіе. Они употребляютъ также деревянные луки и маленькія стрѣлы, намазанныя ядомъ, который дѣйствуетъ очень сильно, если не принять противоядія и

если не перевязать раны, чтобы отрава не просочилась дальше и не заразила всего тѣла. Не подчиняясь общей власти и находясь во взаимной враждѣ, они не умѣютъ сражаться въ строю и вблизи, не любятъ встрѣчаться съ непріятелемъ на открытомъ и ровномъ мѣстѣ. Если же и случится имъ отважиться на рукопашный бой, они поднимаютъ общій крикъ и понемногу подвигаются впередъ. Если непріятели начнутъ отступать передъ ними, они неудержимо устремляются на нихъ; если же нѣтъ, они поворачиваютъ назадъ, нисколько не спѣша извѣдать силу враговъ въ рукопашной схваткѣ. Они предпочитаютъ держаться лѣсовъ, пріобрѣтая тамъ значительный перевѣсъ, такъ какъ умѣютъ искусно сражаться въ тѣснинахъ. Очень часто, неся съ собой добычу, они при малѣйшей тревогѣ бросаютъ ее и бѣгутъ въ лѣсъ; когда же непріятели столпятся кругомъ добычи, они съ той же легкостью возвращаются и наносятъ имъ вредъ".

Если славянамъ случалось взять врага въ плѣнъ, то, приведя его въ домъ, они обращались съ плѣнникомъ ласково. Случалось, что, по прошествіи извѣстнаго срока, они даже отпускали его на волю. Вообще свирѣпые и страшные на войнѣ, они были совсѣмъ другими въ мирное время у себя дома. Ихъ простодушіе и честность бросались въ глаза иноземнымъ наблюдателямъ: «честность ихъ такова, что имъ неизвѣстны совершенно воровство и обманъ: у нихъ не видно ни замковъ, ни ключей; свои ящики и сундуки они оставляютъ незапертыми». Въ особенности много говорятъ иностранцы о гостепріимствѣ славянъ.

„Они радушны къ пришельцамъ и дружелюбно провожаютъ ихъ изъ мѣста въ мѣсто, куда имъ нужно; если по небрежности хозяина приключится гостю вредъ, сосѣди ополчаются противъ такого хозяина, считая за несчастіе обиду иностранца". Другой очевидецъ сообщаетъ: „Нѣтъ народа привѣтливѣе славянъ своимъ гостепріимствомъ. Въ приглашеніи гостя они какъ бы соперничаютъ другъ съ другомъ, такъ что никогда страннику не приходится искать себѣ крова. Если же случится, что кто-нибудь отвергнетъ странника и не приметъ его, то считаютъ дѣломъ правымъ сжечь домъ и имущество того хозяина, и всѣ единогласно называютъ его безчестнымъ, подлымъ и стоящимъ всякаго поруганія; не считается даже стыдомъ украсть у сосѣда, чтобы угостить гостя".

Не всегда, впрочемъ, славяне являются такими миролюбивыми. Дурнымъ обычаемъ у нихъ былъ обычай родовой, кровавой мести. Если кому-нибудь изъ славянъ наносилась обида, то самъ обиженный или его родичи должны были непремѣнно мстить обидчику или его роднѣ. Въ случаѣ убійства, не только убійца, но и весь его родъ могъ ждать гибели отъ дѣтей убитаго или отъ родственниковъ его; не отомстить жестоко за обиду считалось позорнымъ. Такого суда, которому повиновались бы разные роды, не было, и потому приходилось самому обиженному чинить судъ

и расправу надъ обидчикомъ, если онъ принадлежалъ къ другому роду. Немудрено, что у славянъ отдѣльные роды часто подолгу враждовали между собой.

Эта постоянная вражда славянскихъ племенъ между собой была для нихъ несчастьемъ. Уже древніе писатели говорили о славянахъ: „между ними постоянные раздоры; ни въ чемъ они не могутъ согласиться между собой; всѣ питаютъ другъ къ другу вражду и никто не хочетъ повиноваться другому; а не будь они во враждѣ, вслѣдствіе своего раздѣленія на многочисленные роды и племена, ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы помѣряться съ ними силами“. Другой писатель говоритъ: „такъ какъ славяне дѣлятся на множество племенъ и они между собой не согласны, то можно сначала убѣжденіями или подарками привлечь на свою сторону однихъ, потомъ напасть на остальныхъ“.

До конца X вѣка наши предки были язычниками: боготворили силы природы и ея явленія. Главнымъ благодѣтельнымъ существомъ они считали солнце: «оно, — говорили они,—прогоняетъ своимъ свѣтомъ ночную тьму, своимъ тепломъ согрѣваетъ землю». По вѣрованіямъ славянъ, солнце вело постоянную борьбу съ холодомъ и тьмою: зимой побѣждалъ морозъ, и вся природа замирала; тяжело было тогда на душѣ у славянина. Но зато, когда наступала весна и солнце дольше оставалось на небѣ и ярче и сильнѣе начинало свѣтить,—весело тогда и на сердцѣ у людей; радостными пѣснями встрѣчали они весеннее солнце, радуясь его побѣдѣ,—побѣдѣ жизни надъ смертью,—и молили его, чтобы оно побольше дало тепла и свѣта. Черныя тучи, иногда скрывающія солнце, представлялись славянамъ страшными чудовищами—врагами солнца, и гроза, по ихъ понятіямъ, являлась борьбой съ этими чудовищами бога-громовника: радовались люди поэтому, когда на небѣ не оставалось тучъ. Но не всегда солнце было для человѣка богомъ добрымъ: иногда оно такъ выжигало землю, что трескалась почва, выгорали травы на поляхъ, хлѣба на нивахъ; да и богъ-громовникъ иногда разилъ землю своими огненными стрѣлами. Велика была милость боговъ къ людямъ, но и страшны были они въ своемъ гнѣвѣ: падалъ на землю человѣкъ, умолялъ грозныхъ боговъ о пощадѣ и все готовъ былъ отдать имъ въ жертву. (До сихъ поръ въ нашихъ сказкахъ, сложившихся въ глубокой древности, видно, какъ олицетворялись различныя силы природы, какъ народъ представлялъ ихъ въ видѣ животныхъ или людей. солнце, напр., представлялось въ видѣ жаръ-птицы, конязлатогрива и др., морозъ въ видѣ Кащея безсмертнаго, вьюга—Бабы-яги и т. д.)

О томъ, какъ называли славяне своихъ боговъ, мы знаемъ

мало: извѣстно, что они чтили бога-громовника подъ именемъ Перуна, бога-вѣтра—подъ именемъ Стрибога, чтили Велеса, или Волоса, который считался покровителемъ стадъ и потому назывался еще скотьимъ богомъ, и нѣкоторыхъ другихъ. Кромѣ этихъ главныхъ боговъ, вѣрили во многихъ другихъ: въ лѣсу, по вѣрованію славянъ, жилъ лѣсной богъ—лѣшій; въ водѣ—водяной; въ рѣкахъ—русалки; особенно же чтили домашняго бога—домового.

Славяне думали, что души умершихъ предковъ не покидаютъ родного очага, что они заботятся о своемъ потомствѣ, хранятъ его отъ всякихъ бѣдъ, если оно чтитъ память ихъ; если же нѣтъ—тогда эти домашніе боги становятся безпокойными, производятъ часто тревогу въ домѣ, наводятъ бѣду. Души предковъ чтились подъ именемъ чуровъ, или щуровъ.

Боговъ своихъ они чествовали праздниками, состоявшими въ жертвоприношеніяхъ животныхъ и даже людей, въ молитвахъ, гаданьяхъ, и заканчивавшимися пиромъ и играми. Такъ какъ главнымъ божествомъ славянъ было солнце, дающее жизнь всей природѣ, то и главные праздники были посвящены божеству солнца.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ (около нашего Рождества) у славянъ былъ праздникъ Коляды, или рожденія краснаго солнца. Въ честь рождающагося солнца славяне приносили жертвы при пѣніи пѣсень, посвященныхъ божеству солнца. Въ этотъ же праздникъ совершались различныя гаданія, посредствомъ которыхъ славяне старались узнать о будущей судьбѣ: гадали посредствомъ куръ, кольца, зажженной лучины и т. д. (Эти гаданія во многихъ мѣстахъ Россіи уцѣлѣли до сихъ поръ).

Когда ранней весной снѣгъ начиналъ таять и показывалась на пригоркахъ первая травка, славяне весело встрѣчали весну съ ея непремѣнными признаками—первымъ громомъ, первымъ дождемъ—и въ честь ея было нѣсколько праздниковъ. Встрѣча весны состояла въ пѣніи весеннихъ пѣсенъ, купаньи и въ то же время сопровождалась проводами зимы, которую подъ видомъ соломеннаго чучелы топили въ водѣ или сожигали. И до сихъ поръ еще во многихъ мѣстахъ встрѣчаютъ весну пѣсней: „весна, весна красная, приди, весна, съ радостью, съ великой милостью, со льномъ высокимъ, съ корнемъ глубокимъ, съ хлѣбами обильными“. А при первомъ дождикѣ поютъ: „дождикъ, дождикъ, припусти; поливай, дождь, на бабину рожь, на дѣдову пшеницу, на дѣвкинъ ленъ поливай ведромъ. Дождь, дождь, припусти поскорѣй, посильнѣй, насъ, ребятъ, обогрѣй“. Когда на возвышенностяхъ, подъ дѣйствіемъ горячихъ лучей весенняго солнца, стаивалъ снѣгъ, славяне праздновали „Красную горку“. Они пѣли пѣсни въ честь воды, молились о дождѣ, о плодотвореніи земли и зажигали огни въ честь солнца. Хороводными пѣснями и играми они намекали на предстоящія сельскія земледѣльческія работы. Въ то же время на этихъ играхъ молодежь знакомилась между собой. Послѣ игръ ходили на

могилы и приносили туда кушанье покойникамъ (радуница), воспѣвали достоинства умершихъ, а затѣмъ устраивали въ память ихъ тризну (поминки).

Послѣ праздника Красной горки шли полевыя работы, послѣ которыхъ, по вечерамъ, устраивались игры у воды. По окончаніи первыхъ полевыхъ работъ, при наступленіи болѣе теплыхъ дней, устраивался праздникъ Семикъ (теперь въ четвергъ на 7-й недѣлѣ послѣ Пасхи). Молодежь, съ вѣнками на головахъ, съ вѣтками въ рукахъ, собиралась на берегу озера или рѣки и гадала посредствомъ вѣнковъ, бросаемыхъ въ воду, о будущности. Въ то же время на могилахъ совершали тризну.

Послѣднимъ лѣтнимъ праздникомъ былъ праздникъ Купалы (теперь 24-го іюня). Въ это время стоятъ самые длинные и самые жаркіе дни; около этой поры особенно замѣтенъ ростъ травъ и хлѣбовъ. Славяне ду-

Похороны русса. *Съ карт. Семирадскаго.*

мали, что эту производительную силу земля получаетъ чудеснымъ образомъ въ ночь на Купалу. Поэтому наканунѣ Купалы они зажигали костры при помощи огня, добытаго посредствомъ тренія, а затѣмъ молодежь попарно, взявшись за руки, прыгала черезъ эти костры. (Нѣкоторые думаютъ, что въ этомъ первоначально и заключался у древнихъ славянъ брачный обрядъ, такъ какъ свадьбы устраивались преимущественно около этого времени.) По вѣрованію славянъ, травы въ эту ночь получали особую чудодѣйственную силу, и это заставляло славянъ собирать эти травы, напр., папоротникъ, который будто бы распускался только въ эту ночь. Какъ бы въ ознаменованіе того, что съ праздника Купалы солнце пойдетъ на убыль, къ зимѣ, что дни будутъ короче, славяне скатывали съ горы зажженное колесо.

Первымъ осеннимъ праздникомъ былъ Перуновъ праздникъ (нынѣ Ильинъ день)—праздникъ бога-громовника, который въ этотъ день про-

1.181 425

изводилъ какъ бы на прощанье страшные раскаты грома. (И до сихъ поръ въ русскомъ народѣ держится повѣрье, что 20-го іюля непремѣнно должна быть гроза.) Затѣмъ начиналась жатва, которая также сопровождалась играми на открытомъ воздухѣ (въ честь бога Велеса). Съ окончаніемъ полевыхъ работъ славяне собирались уже въ домахъ, а не на открытомъ воздухѣ. И до новой Коляды у нихъ не замѣтно никакихъ праздниковъ.

Особыхъ языческихъ храмовъ у славянъ не было, а молились они своимъ богамъ въ лѣсной глуши, у озеръ и рѣкъ, на возвышенныхъ мѣстахъ, потомъ въ городахъ. Дѣлали идоловъ, т.-е. изображенія своихъ боговъ, въ видѣ людей, обыкновенно изъ дерева. Въ жертву приносили имъ разныхъ животныхъ, молились, гадали о будущемъ по разнымъ примѣтамъ. Особенныхъ жрецовъ у восточныхъ славянъ не было, а совершали жертву старцы, старшины родовъ. Было у славянъ вѣрованіе и въ загробную жизнь. Покойниковъ своихъ они зарывали въ землю, а иногда сожигали; съ покойникомъ зарывали въ могилу или клали съ нимъ на костеръ пожитки его, утварь, а также оружіе и боевого коня, если покойникъ былъ воинъ. Очевидно, славяне вѣрили, что загробная жизнь походитъ на земную, и умершимъ понадобятся ихъ пожитки. Послѣ погребенія на могилахъ совершали тризну.

Вѣрили славяне и въ предзнаменованія: думали, что боги разными примѣтами даютъ людямъ возможность узнавать будущее. Отсюда ведетъ начало обычай гадать. Тѣ люди, которые умѣли объяснять знаменія и гадать, назывались волхвами, кудесниками и т. п. По вѣрованіямъ славянъ, они даже могли отвратить бѣду или накликать ее своими заклинаніями.

II. Преданіе о началѣ русскаго государства.

О томъ, какъ и когда произошло Русское государство, не сохранилось никакихъ достовѣрныхъ извѣстій. Первымъ княземъ, о которомъ сообщаютъ намъ иностранные греческіе писатели, былъ Олегъ (см. ниже, гл. III). О предшественникахъ же Олега, т.-е. о первыхъ князьяхъ русскихъ, сохранилось лишь слѣдующее преданіе.

Разселившись широко отдѣльными родами, которые безпрестанно ссорились и воевали другъ съ другомъ, славяне не могли давать достаточнаго отпора своимъ сосѣдямъ-врагамъ, а потому случалось нерѣдко, что сосѣдніе иноплеменные народы заставляли ихъ платить имъ дань. Случилось это и съ славянами сѣверными.

1.181 425

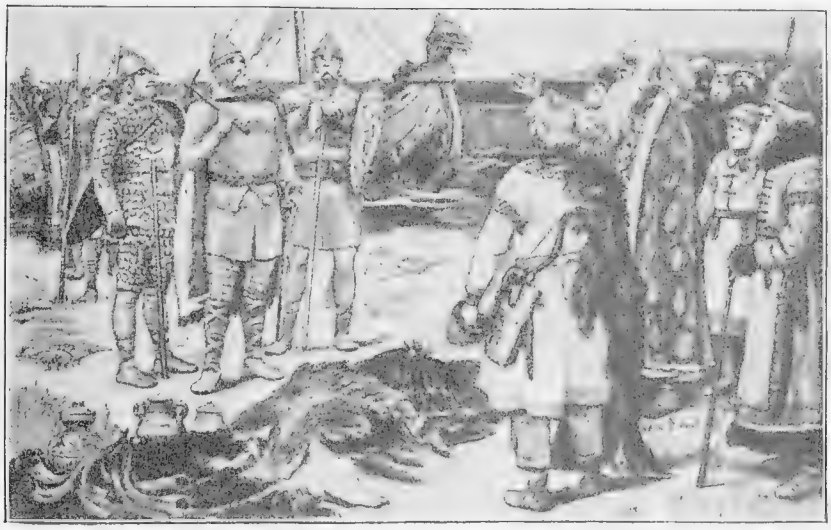
Областная библиотека имени А. М. Горького
гор. Калинин

Въ то время въ Скандинавіи, за Балтійскимъ моремъ, жилъ особый народъ — норманны. Скандинавія — страна суровая: и въ настоящее время она покрыта большею частью скалами, озерами и дремучими лѣсами. Земледѣліемъ заниматься тутъ было трудно, а прибрежнымъ жителямъ, у которыхъ были только голые утесы да песокъ, и совсѣмъ невозможно: имъ приходилось искать пропитанія на морѣ. Но немногіе занимались рыбной ловлей; большая часть предпочитала ѣздить по морю и грабить встрѣчныя суда да прибрежныя страны. Шайки этихъ морскихъ удальцовъ, подъ начальствомъ безстрашныхъ викинговъ (морскихъ королей), наводили ужасъ на всѣхъ береговыхъ жителей Зап. Европы. Иногда по рѣкамъ, впадающимъ въ океанъ, норманны на своихъ легкихъ плоскодонныхъ ладьяхъ поднимались далеко внутрь страны и тамъ грабили жителей, при чемъ города и монастыри обращались ими въ развалины. Какой ужасъ чувствовали жители З. Европы передъ норманнами, видно изъ преданія, что въ молитвѣ Господней вмѣсто словъ «избави насъ отъ лукаваго» было поставлено: «отъ ярости норманновъ избави насъ, Господи».

Воины-варяги.

Этихъ норманновъ знали — подъ именемъ варяговъ — и славяне, такъ какъ черезъ славянскія земли они неоднократно пробирались въ Грецію, куда ходили для грабежа или на службу къ греческимъ императорамъ. Непорядки и несогласія славянъ были имъ хорошо извѣстны. Варяги разъ явились изъ-за моря и наложили дань на славянъ ильменскихъ, на кривичей и на сосѣднія финскія племена. Года черезъ два надоѣло славянамъ платить дань, и они прогнали варяговъ за море. Но, избавившись отъ врага, они попрежнему стали враждовать другъ съ другомъ; пошли войны и неурядицы. Тогда славяне ильменскіе (новгородскіе), кривичи и два финскихъ племени—чудь и весь—собрались на вѣче (собраніе) и стали думать, какъ установить въ своей землѣ миръ и порядокъ. По совѣту нѣкоего Гостомысла, они рѣшили выбрать князя, который бы правилъ ими и судилъ ихъ по

праву; князя этого они рѣшили призвать изъ чужой земли, чтобы онъ не радѣлъ своему роду больше, чѣмъ другимъ. Послы отъ славянъ были отправлены за море къ варягамъ, къ небольшому племени Русь. Тамъ они сказали: «земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами». Собрались на этотъ зовъ со своими родичами три брата—Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ,—пришли въ славянскую землю и заняли разные города: Рюрикъ сѣлъ сначала въ Ладогѣ, а потомъ въ Новгородѣ, Труворъ—въ Изборскѣ, а Синеусъ—на Бѣлоозерѣ. Отъ нихъ наша земля и прозвалась русскою (862 г.).



Прибытіе Рюрика съ братьями.

Два года спустя младшіе братья умерли, и Рюрикъ сдѣлался правителемъ всей страны. Для того, чтобы собирать дань и судить народъ, онъ по разнымъ городамъ посадилъ своихъ родственниковъ и знатныхъ варяговъ. Двумъ дружинникамъ своимъ—Аскольду и Диру—онъ почему-то не далъ въ управленіе городовъ. Тогда оба эти варяга отпросились у него съ своими родственниками въ греческую землю. Отправившись внизъ по Днѣпру, они по дорогѣ увидѣли на горѣ городокъ и спросили, чей это городъ. Имъ отвѣчали, что были тутъ нѣкогда три брата—Кій, Щекъ и Хоривъ,—построили этотъ городокъ и перемерли, а потомки ихъ платятъ дань степному народу—хозарамъ. Аскольдъ и Диръ остались въ этомъ городѣ и, освободивши его

отъ хозаръ, сами стали владѣть землею полянъ. Изъ Кіева на 200 лодкахъ, съ большимъ количествомъ воиновъ, Аскольдъ и Диръ отправились громить Царьградъ. Трепетъ объялъ жителей столицы, когда Аскольдъ и Диръ приблизились и осадили Царьградъ съ моря; какъ нарочно, царь греческій со всѣмъ войскомъ ушелъ воевать въ Малую Азію, и городъ защищать было совершенно некому. Въ такой бѣдѣ, не надѣясь отразить «руссовъ» силой, греки прибѣгли къ помощи Божіей. Все греческое населеніе цѣлую ночь съ жаромъ молилось, а на утро отправилось крестнымъ ходомъ къ морю, на которомъ виднѣлись русскіе корабли, и тамъ съ молитвами была погружена въ море чудотворная одежда Божіей Матери, съ давнихъ поръ хранившаяся въ одномъ изъ соборовъ Царьграда. Едва только она коснулась воды, какъ море, до тѣхъ поръ тихое и спокойное, взволновалось страшной бурей. Русскія суда были развѣяны вѣтромъ, опрокинуты или выброшены на берегъ. Весьма немногіе изъ русскихъ избѣжали гибели и возвратились въ Кіевъ. (Скоро послѣ похода Аскольдъ и Диръ приняли христіанство отъ посланнаго къ нимъ греческаго епископа.) Греки же въ память заступничества Царицы Небесной сложили Ей благодарственную пѣснь, которая до настоящаго времени поется у насъ въ концѣ всенощной: «Взбранной Воеводѣ побѣдительная».

III. Первые кіевскіе князья.

Послѣ Рюрика сынъ его Игорь остался малолѣтнимъ, а потому править княжествомъ сталъ родственникъ Рюрика—Олегъ, который является уже достовѣрнымъ лицомъ въ русской исторіи.

Олегъ былъ очень воинственный князь. Онъ покорилъ подъ свою власть всѣ племена, жившія по Днѣпру, такъ какъ хотѣлъ забрать въ свои руки весь водный путь «изъ варягъ въ греки». Аскольдъ и Диръ, княжившіе въ Кіевѣ, были имъ убиты, и городъ этотъ Олегъ сдѣлалъ своею столицей: «да будетъ Кіевъ матерью городовъ русскихъ», сказалъ онъ. Такимъ образомъ Олегъ сталъ первымъ княземъ кіевскимъ. Отсюда онъ предпринималъ походы на сосѣднія племена и покорилъ древлянъ, сѣверянъ и др. Особенно прославился Олегъ своимъ походомъ на Царьградъ. Для этого похода собралъ онъ огромное войско—до 2000 лодокъ. Сначала по Днѣпру онъ спустился къ Черному морю, а потомъ вдоль морского берега поплылъ къ столицѣ Греціи. Когда онъ прибылъ туда, греки закрыли входъ въ гавань цѣпями и затво-

рились въ городѣ. Олегъ велѣлъ вытащить лодки на берегъ и сталъ опустошать городскія окрестности: русскіе разоряли дома, жгли церкви, перебили множество народа. Видя все это, греки испугались и выслали сказать Олегу: «возьми дань, какую хочешь, только не губи города». Олегъ согласился, взялъ съ грековъ большую дань и заключилъ съ ними торговый договоръ, по которому русскимъ купцамъ въ Царьградѣ представлялись различныя льготы; напримѣръ, они могли торговать, не платя пошлины. Передъ возвращеніемъ домой, въ знакъ побѣды надъ греками, Олегъ прибилъ свой щитъ на главныхъ воротахъ Царьграда. Всѣ дивились необычайной удачѣ походовъ Олега, объясняя это его умомъ и хитростью, и прозвали его за это «вѣщимъ», т.-е. мудрымъ (907 г.).

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ похода на Царьградъ Олегъ умеръ. О смерти его существуетъ такое преданіе. Одинъ кудесникъ предсказалъ Олегу, что онъ умретъ отъ своего любимаго коня. Услышавъ это, Олегъ велѣлъ увести коня подальше и никогда на него не садился. Прошло четыре года. Разъ какъ-то онъ вспомнилъ про коня и узналъ, что конь давно издохъ. Тогда онъ пожелалъ видѣть хоть кости коня, своего бывшаго любимца. Пріѣхавъ на то мѣсто, гдѣ онѣ лежали, обмытыя дождями и полузаросшія травой, Олегъ слѣзъ съ лошади и, наступивъ ногой на черепъ коня, съ усмѣшкой сказалъ: «ужъ не отъ этой ли кости придется мнѣ умереть!» Въ это время изъ черепа выползла змѣя и ужалила Олега въ ногу. Отъ этого Олегъ и умеръ.

Послѣ Олега княземъ сталъ Игорь. При немъ на русскую землю обрушились новые враги — печенѣги, которые около этого времени появились изъ Азіи и заняли южнорусскія степи, между Дономъ и Днѣстромъ. На быстрыхъ коняхъ, вооруженные копьями и стрѣлами, печенѣги врасплохъ нападали на русскую землю, грабили и опустошали ее. Игорю нѣсколько разъ приходилось ходить противъ этихъ кочевниковъ.

По примѣру Олега, Игорь ходилъ войной на Царьградъ, такъ какъ греки перестали соблюдать договоръ, заключенный ими съ Олегомъ. Первый походъ былъ неудаченъ, но послѣ второго Игорь опять добился для русскихъ купцовъ разныхъ льготъ и получилъ съ грековъ большую дань.

Походы свои русскіе князья совершали обыкновенно лѣтомъ, а зимой объѣзжали подвластныя имъ племена, чинили судъ и расправу у нихъ и собирали съ нихъ дань. Обычай этотъ назывался «полюдьемъ». Подъ старость Игорь самъ пересталъ ходить

за сборомъ дани, а поручалъ его своимъ старшимъ дружинникамъ, которые при этомъ наживались. Остальной дружинѣ это не особенно нравилось, и она разъ убѣдила самого Игоря отправиться на «полюдье». Но это путешествіе было для Игоря гибельно: древляне, озлобленные тѣмъ, что Игорь хотѣлъ взять съ нихъ двойную дань, убили его (945 г.).

Со смертью Игоря Кіевское княжество оказалось въ большой опасности: сынъ Игоря—Святославъ—былъ еще ребенокъ, между тѣмъ Кіеву угрожали съ юга печенѣги, а древляне, убившіе Игоря, возстали. За малолѣтствомъ Святослава, русской землей стала править мать его—Ольга, женщина умная и рѣшительная. Она усмирила возставшія племена (при чемъ жестоко отомстила, по языческимъ обычаямъ, древлянамъ за смерть мужа) и сама объѣхала всѣ подчиненныя ей области, устанавливая точный размѣръ даней и податей. Особенно Ольга прославилась тѣмъ, что первая изъ русскихъ князей приняла христіанскую вѣру. До нея христіане уже были въ Кіевѣ: въ договорѣ Игоря съ греками уже упоминаются христіане и соборная церковь св. Иліи въ Кіевѣ. (Несомнѣнно, христіанство было занесено въ Кіевъ изъ Царьграда, съ которымъ русскіе купцы вели оживленныя торговыя сношенія.) Въ Кіевѣ же Ольга, вѣроятно, и познакомилась впервые съ христіанской вѣрой. Въ 955 году, имѣя отъ роду 60 лѣтъ, Ольга отправилась въ Царьградъ и тамъ крестилась. Возвратившись въ Кіевъ, Ольга хотѣла обратить и сына своего Святослава въ истинную вѣру. Но суровому, воинственному Святославу не по душѣ было христіанское ученіе. Ольга молилась за сына, говоря: «да будетъ воля Божія! Если Богъ хочетъ помиловать родъ мой и землю русскую, то обратитъ ихъ къ Себѣ, какъ обратилъ меня». И желаніе Ольги сбылось скоро. Потому древній лѣтописецъ назвалъ ее «зарей христіанства» въ Россіи, а Церковь причислила ее къ лику святыхъ.

Еще при жизни Ольги Святославъ вступилъ въ управленіе страной. Но спокойной жизни онъ не выносилъ: онъ больше всего любилъ войну и почти всю жизнь провелъ въ походахъ, иногда очень отдаленныхъ отъ Кіева. Онъ жилъ, какъ простой воинъ, спалъ подъ открытымъ небомъ, подложивъ подъ голову сѣдло, а подъ себя подостлавъ войлокъ; въ походахъ не возилъ съ собой ни возовъ, ни котловъ и не варилъ мяса, а изрѣзавъ конину или говядину мелкими ломтиками пекъ ихъ на угольяхъ и такъ ѣлъ. Во время войны не прибѣгалъ онъ къ хитростямъ и не любилъ нападать врасплохъ, а, собираясь на кого-нибудь войной, преду-

преждалъ: «Иду на васъ». Сначала Святославъ покорилъ славянское племя вятичей, а потомъ хозаръ. Послѣ этого онъ отправился на болгаръ дунайскихъ и завоевалъ ихъ землю. Но это не понравилось сосѣдямъ болгаръ—грекамъ, и Святославу пришлось съ ними вести борьбу. Русскихъ было значительно меньше, чѣмъ грековъ, но мужество ихъ было такъ велико, что въ большинствѣ сраженій они оказывались побѣдителями. Разъ греки окружили Святослава войскомъ въ 10 разъ большимъ, чѣмъ у него. Пробиться черезъ ихъ ряды русскимъ не было никакой возможности. Русскіе оробѣли. Тогда Святославъ сказалъ: «уже намъ некуда дѣться: волей или неволей мы должны биться; не посрамимъ земли русской. Ляжемъ костьми. Мертвымъ нѣтъ срама. Если же побѣжимъ, то падетъ на насъ позоръ. Я пойду впередъ; если сложу свою голову, думайте о себѣ сами». Воины Святослава отвѣчали: «гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ». Началась битва, и греки были отражены. Но, не получая изъ русской земли помощи, Святославъ понималъ, что ему не устоять противъ сильнаго непріятеля, и рѣшилъ оставить Болгарію и уйти въ Кіевъ. Когда онъ шелъ домой, печенѣги, извѣщенные болгарами, что Святославъ возвращается съ большой добычей, подстерегли его около Днѣпровскихъ пороговъ и напали на него. Самъ Святославъ и вся его дружина пали въ этомъ сраженіи; до Кіева добрались только нѣсколько человѣкъ, которые и принесли вѣсть о гибели князя.

Русскій воинъ X вѣка. Одежда Святослава.

IV. Владиміръ Святой и крещеніе Руси.

Послѣ Святослава русская земля сначала раздѣлилась между его тремя сыновьями, но черезъ нѣсколько лѣтъ правителемъ остался младшій изъ нихъ—Владиміръ.

Въ началѣ своего княженія Владиміръ показалъ себя ревност-

нымъ язычникомъ: онъ всюду ставилъ идоловъ, а въ Кіевѣ передъ своимъ дворцомъ (теремомъ) поставилъ идола бога-Перуна съ серебряной головой и золотыми усами. Такіе же идолы были поставлены и по другимъ городамъ; идоламъ этимъ приносились обильныя жертвы и въ честь ихъ устраивались праздники.

Но недолго Владиміръ оставался язычникомъ. Одинъ случай произвелъ на него такое сильное впечатлѣніе, что поклоненіе идоламъ сразу стало ему не по душѣ. Лѣтописецъ разсказываетъ, что послѣ одного удачнаго похода старцы и бояре сказали: «бросимъ жребій на юношей и дѣвицъ; на кого падетъ онъ, того и принесемъ въ жертву богамъ». Жребій палъ на сына одного христіанина, жившаго въ Кіевѣ. Когда люди, посланные жрецами, хотѣли взять мальчика, отецъ его воспротивился этому, говоря: «ваши боги—дерево: сегодня стоятъ, а завтра сгніютъ; они не ѣдятъ и не пьютъ; они сдѣланы руками человѣческими. Есть единый истинный Богъ, Который сотворилъ землю, и звѣзды, и луну, и солнце; Онъ сотворилъ и человѣка. Ваши же боги что сотворили? Они сами сдѣланные. Не дамъ сына своего бѣсамъ». Посланные возвратились на мѣсто, гдѣ предполагалось жертвоприношеніе, и передали слова варяга. Народъ заволновался. Съ оружіемъ въ рукахъ толпа бросилась къ дому Ѳеодора (такъ звали этого варяга-христіанина), разломала заборъ и, ворвавшись на дворъ, стала кричать: «подавай сына въ жертву богамъ». Ѳеодоръ стоялъ въ это время, заслоняя собой сына, на высокомъ крыльцѣ дома и отвѣчалъ: «если ваши боги—точно боги, то пусть пришлютъ одного изъ своей среды и возьмутъ у меня сына, а вы зачѣмъ требуете?» Тогда кіевляне съ дикими криками бросились къ дому христіанина и подрубили столбы, на которыхъ держалось крыльцо; подъ развалинами его погибъ Ѳеодоръ съ сыномъ своимъ Іоанномъ. (Память ихъ празднуется православной Церковью 12-го іюля.)

Этотъ случай произвелъ сильное впечатлѣніе на Владиміра, и съ этой поры онъ пересталъ приносить жертвы идоламъ. Въ Кіевѣ жило много христіанъ; Владиміру легко было познакомиться съ христіанскимъ ученіемъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ умный князь сталъ колебаться въ старой вѣрѣ, почувствовавши высоту христіанскаго ученія сравнительно съ грубымъ язычествомъ. И вотъ, разнесся по Кіеву слухъ, что князь хочетъ вѣру перемѣнить. Такъ какъ въ Кіевѣ жило ради торговли много купцовъ изъ чужихъ земель, то черезъ нихъ и сосѣдніе народы тоже узнали о намѣреніи Владиміра. Со всѣхъ сторонъ поэтому стали приходить къ Владиміру послы, такъ какъ каждому сосѣду хотѣлось

сдѣлать своимъ единовѣрцемъ такого сильнаго князя, какъ Владиміръ. Приходили къ нему послы отъ живших въ на Волгѣ магометанъ, отъ римскаго папы и отъ евреевъ. Наконецъ, явился православный греческій монахъ, и разсказъ его сильно подѣйствовалъ на Владиміра. Особенно поразила Владиміра картина Страшнаго Суда, которую ему показалъ монахъ, когда говорилъ о загробной жизни. «Когда придетъ Христосъ Богъ во славѣ Своей съ неба на землю судить живыхъ и мертвыхъ и воздастъ каждому по дѣламъ его,—такъ говорилъ проповѣдникъ,—тогда тѣхъ, которыхъ найдетъ праведными, поставитъ на правую сторону и пошлетъ ихъ въ царствіе Свое небесное на вѣчное веселіе; тѣхъ же, которыхъ найдетъ грѣшными, поставитъ налѣво и пошлетъ на безконечныя муки въ неугасимую геенну огненную». Смотря на картину, Владиміръ глубоко вздохнулъ и сказалъ: «хорошо тѣмъ, которые направо, и горе тѣмъ, что налѣво». Крестись и ты, если хочешь быть съ праведниками»,—сказалъ ему на это проповѣдникъ. «Подожду немного»,—отвѣчалъ Владиміръ, а въ сердцѣ у него глубоко залегла мысль принять православную вѣру. Для окончательнаго рѣшенія этого вопроса онъ созвалъ на совѣтъ бояръ своихъ и городскихъ старцевъ и разсказалъ имъ, какъ приходили къ нему разные проповѣдники и каждый предлагалъ свою вѣру. «Знаешь, князь,—говорили бояре,—своей вѣры бранить никто не станетъ, а если хочешь узнать каждую вѣру хорошенько, то пошли къ каждому народу развѣдать, какъ они служатъ своему богу». Владиміръ такъ и сдѣлалъ. Ходили послы и на Волгу—къ болгарамъ-магометанамъ, и на западъ—къ нѣмцамъ-католикамъ, но ни та, ни другая вѣра имъ не понравилась.

Когда же они присутствовали на богослуженіи въ греческомъ храмѣ св. Софіи, «въ то время,—говоритъ лѣтописецъ,—осіялъ ихъ свѣтъ небесный и были они какъ бы внѣ себя отъ духовной радости, которою наполнились сердца ихъ». Поэтому, возвратившись въ Кіевъ, они хвалили только одну вѣру—греческую. «Сего ради вѣруемъ,—говорили они,—что ихъ вѣра есть истинная и что только тамъ, съ тѣми людьми, пребываетъ Богъ. И какъ человѣкъ, вкусившій сладкаго, не захочетъ горькаго, такъ и мы, познавши греческую вѣру, не хотимъ оставаться въ прежней». Послѣ этого Владиміръ твердо рѣшилъ принять вѣру греческую.

На слѣдующій годъ Владиміръ сталъ воевать съ греками и осадилъ съ большимъ войскомъ греческій городъ Корсунь (въ Крыму, близъ нын. Севастополя). Городъ долго не сдавался. Владиміръ далъ обѣщаніе, если городъ сдастся, креститься. Корсунь

скоро сдался. Тогда Владиміръ послалъ въ Царьградъ греческимъ императорамъ-братьямъ сказать, чтобы они выдали за него замужъ свою сестру Анну, грозя иначе пойти войной на самый Царьградъ. Императоры отвѣтили, что ихъ сестра—христіанка и не можетъ выйти за него, такъ какъ онъ язычникъ, но что если онъ крестится, они согласны исполнить его желаніе. Владиміръ согласился и, вмѣстѣ съ дружиной своей, принялъ христіанскую вѣру въ Корсунѣ (по греческому или православному обряду). Затѣмъ онъ вступилъ въ бракъ съ царевной Анной. Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ велѣлъ священникамъ крестить всѣхъ своихъ сыновей и сталъ истреблять идоловъ. Ихъ приказано было жечь и рубить, а идолъ Перуна былъ сброшенъ въ Днѣпръ. Священники греческіе, пріѣхавшіе съ Владиміромъ, ходили по городу и проповѣдывали новую вѣру. Наконецъ Владиміръ велѣлъ всѣмъ кіевлянамъ собраться въ назначенный день на берегу Днѣпра.

Крещеніе кіевлянъ.

Явился князь съ духовенствомъ. Всѣ присутствовавшіе вошли въ воду, и священники окрестили ихъ. Произошло это въ 988 году по Р. Х.

Изъ Кіева христіанство распространилось и по другимъ большимъ городамъ русской земли.

Сдѣлавшись христіаниномъ, Владиміръ перемѣнился: сталъ

кротокъ, милосердъ, снисходителенъ, пересталъ воевать изъ-за одной славы и добычи. Обратилъ онъ вниманіе на нужды народа: заботился о распространеніи и укрѣпленіи въ народѣ истинной вѣры Христовой, строилъ церкви, приказывалъ переписывать богослужебныя книги, велѣлъ священникамъ при церквахъ обучать дѣтей грамотѣ. Кромѣ того, на духовенство возложена была

Памятникъ Св. Владиміру въ Кіевѣ.

забота о неимущихъ и больныхъ: при церквахъ должны были находиться больницы, странноприимные дома и т. п.

Заботился Владиміръ и о томъ, чтобы защищать слабаго отъ сильнаго, чтобы ввести въ судъ правду: онъ позволилъ всѣмъ, кому была нужда, лично являться съ просьбой къ нему на княжій дворъ.

Хорошо и тепло жилось при этомъ князѣ, и онъ оставилъ послѣ себя добрую память: народъ прозвалъ его «ласковымъ княземъ, Краснымъ Солнышкомъ».

По смерти (1015 г.) Владиміръ былъ причисленъ къ лику святыхъ, а за распространеніе христіанства между язычниками названъ Равноапостольнымъ.

V. Народныя былины о Владимірѣ Святомъ и его богатыряхъ.

Добрая память русскаго народа о Владимірѣ Св. выразилась въ такъ называемыхъ былинахъ объ этомъ князѣ. Въ этихъ сказаніяхъ своихъ народъ чаще всего вспоминаетъ о пирахъ Владиміра и о его богатыряхъ.

Былины—это не достовѣрный разсказъ о томъ, что дѣйствительно

было. Былины свидѣтельствуютъ намъ, что народъ принималъ самое живое участіе въ историческихъ судьбахъ Руси, умѣлъ по-своему очень вѣрно понимать ихъ и сохранилъ о нихъ память въ продолженіе многихъ столѣтій (хотя и не безъ искаженій). Въ былинахъ сказывается, напр., память о той порѣ, когда русскому народу приходилось жить постоянно насторожѣ, такъ какъ изъ степи часто налетали враги-кочевники и сильно опустошали землю русскую. Да, впрочемъ, не съ этой только стороны грозила опасность. Лѣса густые, непроходимые тянулись на сотни и тысячи верстъ; изъ-за лютаго звѣря не было ни проходу, ни проѣзду по этимъ дебрямъ. Надо было и землю отъ врага сторожить, и дороги прокладывать и отъ злого звѣря оборонять. Приходилось всюду вести тяжелую борьбу.

Богатыри. *Съ картины Васнецова.*

По народнымъ преданіямъ, всю эту борьбу вынесли на своихъ плечахъ „удалые добрые молодцы“, „богатыри могучіе“, которыхъ больше всего жило при Владимірѣ Святомъ.

Вотъ что, напр., поется въ этихъ былинахъ. Пируетъ съ дружиной своей храбрый Владиміръ-Красное Солнышко въ своемъ высокомъ дворцѣ. Много у него на пиру славныхъ могучихъ богатырей. Подаются туда ѣда сахарная, питье медовое; всѣ наѣдаются досыта, напиваются допьяна. Всѣмъ весело и привольно; слышны пѣсни и игра на гусляхъ. Самъ князь похаживаетъ по комнатамъ и потчуетъ своихъ „дорогихъ гостей“ заморскимъ виномъ изъ турьяго рога. Подноситъ одному богатырю ковшъ меду сыченаго (сладкаго), другому чару зелена вина въ полтора ведра. Принимаетъ богатырь эту чару „единой рукой“, выпиваетъ „единымъ духомъ“. Много на пиру богатырей: тутъ и Алеша Поповичъ, который хотя и не всегда думаетъ о пользѣ родины („у него глаза завидущіе, руки загребущія“), но

и онъ можетъ избавить землю русскую отъ какого-нибудь Тугарина Змѣевича; тутъ и Добрыня Никитичъ, что страшнаго Змѣя Горыныча убилъ; тутъ и Васька Долгополый, и Потокъ Ивановичъ, и Дюкъ Степановичъ, и Чурило Пленковичъ. Не мало и другихъ богатырей пируетъ у князя Владиміра. Но нѣтъ другого такого, какъ Илья Муромецъ.

Илья Муромецъ былъ крестьянскій сынъ, изъ-подъ города Мурома, изъ села Карачарова. 33 года онъ не владѣлъ ни руками, ни ногами—сиднемъ сидѣлъ. Пришли разъ къ нему, въ отсутствіе родителей, нищіе (калики перехожіе)—самъ Христосъ и два апостола. Попросили у Ильи воды испить, а онъ имъ говоритъ, что и встать не можетъ. Тогда приказали ему калики встать—и вдругъ: диво дивное, чудо чудное. Откуда сила взялась—всталъ Илья, какъ встрепанный. Напившись воды, принесенной Ильей, калики велѣли и ему выпить; выпилъ Илья—и почуялъ въ себѣ силу непомѣрную. Не сидѣлось ему послѣ этого въ родительскомъ домѣ; сталъ онъ просить у своихъ родителей благословенія „ѣхать въ Кіевъ къ князю Владиміру на поможеніе, на сбереженіе“. Отецъ отпускаетъ его, но даетъ ему заповѣдь великую: понапрасну ни басурманской, ни христіанской крови не проливать. Илья поѣхалъ въ Кіевъ прямой дорогой, по которой уже много лѣтъ не было ни проходу, ни проѣзду; залегла та дорога отъ Соловья-разбойника: сидитъ онъ на семи дубахъ, кричитъ по-звѣриному, свиститъ по-соловьиному такъ, что никто противъ этого посвиста устоять не можетъ. И Илью встрѣтилъ онъ такимъ же свистомъ, такъ что у Ильи конь даже на колѣни палъ. Тогда вынимаетъ Илья изъ колчана каленую стрѣлу и, помня отцовскую заповѣдь, стрѣляетъ Соловью въ правый глазъ. Полетѣлъ Соловей съ дуба на землю комомъ. Илья привязываетъ его къ сѣдлу и везетъ въ Кіевъ. Тамъ поступаетъ онъ на службу къ князю Владиміру и обороняетъ русскую землю отъ Калина-царя, отъ Идолища Поганаго и отъ разныхъ другихъ недруговъ. Подвиги свои Илья совершаетъ тогда, когда нужно избавить кого-нибудь отъ бѣды, постоять за честь русской земли. Дѣйствуетъ онъ не изъ корысти, не ищетъ почета, не любитъ похвальбы и за дѣло берется только тогда, когда безъ него ужъ нельзя обойтись, когда ему „некѣмъ замѣниться“. Всякое дѣло онъ ведетъ на чистоту, безъ хитрости. За эти свойства и сталъ Илья любимымъ богатыремъ русскаго народа.

VI. Свв. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянъ.

Одновременно съ христіанствомъ на Руси началась и письменность. Для русскихъ славянъ, просвѣщенныхъ вѣрою во Христа, понадобились священныя и богослужебныя книги. Такія книги и были привезены изъ Греціи. Но написаны онѣ были не на греческомъ, а на славянскомъ языкѣ, больше чѣмъ за сто лѣтъ до крещенія Руси, приблизительно въ то время, когда русское государство только что основывалось. Изобрѣтателями славянской грамоты и переводчиками священныхъ книгъ на славянскій языкъ были свв. братья Кириллъ (Константинъ) и Меѳодій. Они были сыновья греческаго вельможи и родились въ Солуни

(Θεссалоникахъ), гдѣ служилъ ихъ отецъ. Такъ какъ около Солуни было много славянскихъ поселеній, то оба брата съ дѣтства усвоили славянскій языкъ и свободно на немъ говорили. Старшій братъ Меѳодій, выросши, поступилъ въ военную службу, былъ правителемъ одной области, населенной наполовину греками, наполовину славянами, но затѣмъ оставилъ міръ и постригся въ монахи.

Кириллъ съ дѣтства отличался блестящими способностями, былъ взятъ въ Царьградъ, гдѣ и воспитывался вмѣстѣ съ молодымъ императоромъ Михаиломъ III. (Ихъ учитель былъ Фотій, впослѣдствіи знаменитый византійскій патріархъ.) По окончаніи образованія Кириллъ принялъ санъ священника, но потомъ вскорѣ, подобно Меѳодію, ушелъ въ монастырь.

Около 858 года въ Константинополь прибыло посольство изъ Хозарской земли (лежавшей между Дономъ и Волгой) съ просьбой—прислать знающихъ людей для споровъ о вѣрѣ съ іудеями и магометанами. Имп. Михаилъ и патріархъ Фотій рѣшили отправить къ хозарамъ Кирилла и Меѳодія. Хозарскій ханъ принялъ братьевъ-проповѣдниковъ очень дружелюбно и (хотя самъ не принялъ христіанства) позволилъ имъ свободно проповѣдывать въ своемъ государствѣ. Братья пробыли въ Хозарской землѣ довольно долго и много народу обратили въ православную вѣру. (Между прочимъ, въ г. Корсунѣ они открыли мощи священномученика папы Климента римскаго, сосланнаго сюда при одномъ изъ римскихъ императоровъ.)

Вскорѣ по возвращеніи (862 г.) Кириллъ и Меѳодій были отправлены въ Моравію.

Кромѣ русскихъ славянъ, въ Европѣ жили еще славяне ю ж н ы е, жившіе по нижнему Дунаю и на Балканскомъ полуостровѣ, и славяне з а п а д н ы е—поляки, чехи, моравы, славяне полабскіе и др., которые занимали почти половину Зап. Европы до р. Эльбы (Лабы). Въ одно изъ западно-славянскихъ княжествъ, въ Моравское (гдѣ теперь Чехія), христіанство уже проникло. Тамъ много лѣтъ уже проповѣдывали, съ благословенія римскаго папы, нѣмецкіе проповѣдники. Но богослужебныя и священныя книги, принесенныя ими въ Моравію, были написаны на латинскомъ языкѣ, непонятномъ для мѣстныхъ жителей; на этомъ же языкѣ совершалось богослуженіе. Населенію Моравіи это не нравилось, и нерѣдко случалось, что церкви нѣмецкихъ проповѣдниковъ стояли пустыми, такъ какъ ихъ никто не посѣщалъ; а иногда случалось и такъ, что моравскіе славяне, уже обращенные

въ христіанство нѣмецкими проповѣдниками, отрекались отъ новой вѣры и опять обращались въ язычество.

Видя это, моравскій князь обратился къ византійскому императору, который считался главнымъ покровителемъ православной вѣры, съ просьбой — прислать къ нему въ Моравію такого человѣка, который сумѣлъ бы толковать слово Божіе населенію Моравіи на языкѣ, для него понятномъ. Имп. Михаилъ, въ отвѣтъ на эту просьбу, и отправилъ туда братьевъ Кирилла и Меѳодія.

По дорогѣ къ новому мѣсту своей проповѣди братья остановились на нѣкоторое время въ Болгаріи, черезъ которую имъ пришлось проѣзжать. Болгары передъ этимъ были язычниками, но какъ разъ въ царствованіе имп. Михаила приняли христіанство отъ Византіи, т.-е. съ греческими священниками и книгами на греческомъ языкѣ. Чтобы христіанство сильнѣе распространялось среди болгаръ, Кириллъ и Меѳодій теперь изобрѣли славянскую азбуку, а потомъ перевели на славянскій языкъ самыя необходимыя книги богослужебныя и священныя. Такъ какъ печатать тогда еще не умѣли, то эти книги переписывались и расходились по всей Болгаріи, а вслѣдствіе этого и христіанство быстро распространилось по всей Болгаріи.

Съ этими книгами Кириллъ и Меѳодій прибыли въ Моравскую землю и сразу же стали служить въ церквахъ на славянскомъ языкѣ и говорить проповѣди также на языкѣ славянскомъ.

Трудно даже представить себѣ радость и изумленіе моравскаго населенія, когда оно услышало богослуженіе на языкѣ, для него понятномъ (тогда всѣ славянскіе языки были болѣе похожи одинъ на другой, чѣмъ въ настоящее время), и получило возможность читать на своемъ языкѣ Священное Писаніе. Неудивительно, что жители Моравіи массами стали переходить къ Кириллу и Меѳодію. Тогда нѣмецкіе проповѣдники, весьма недовольные успѣхомъ проповѣди братьевъ и тѣмъ, что сами они остались почти безъ учениковъ, стали жаловаться на Кирилла и Меѳодія римскому папѣ, который считался главнымъ духовнымъ лицомъ въ Зап. Европѣ. (Тогда т. н. раздѣленія церквей еще не было.) Они даже говорили, что Кириллъ и Меѳодій не имѣютъ права проповѣдывать христіанство на славянскомъ языкѣ, такъ какъ учить народъ можно будто бы только на латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ языкахъ—по той причинѣ, что только на этихъ языкахъ была сдѣлана надпись на крестѣ Спасителя—I. Н. Ц. I. По жалобамъ проповѣдниковъ, Кириллъ и Меѳодій были вызваны въ Римъ. Они нисколько не побоялись отправиться туда, такъ

какъ были увѣрены въ правотѣ своего дѣла. И, дѣйствительно, разсмотрѣвъ ихъ переводъ Священнаго Писанія и выслушавъ ихъ объясненія, папа римскій разрѣшилъ имъ проповѣдывать и совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Но въ Моравію вернулся одинъ Меѳодій: Кириллъ остался въ Римѣ въ одномъ изъ монастырей и тамъ скоро послѣ этого умеръ (869 г.). Меѳодій одинъ продолжалъ въ Моравіи начатое имъ дѣло и закончилъ переводъ всего Священнаго Писанія на славянскій языкъ.

Но враги Меѳодія не успокоились. Не добившись ничего у папы, они стали всячески наговаривать на Меѳодія тогдашнему германскому императору и добились того, что Меѳодій былъ даже подвергнутъ тѣсному заключенію, въ которомъ пробылъ больше 2-хъ лѣтъ. Но ему и тутъ удалось оправдаться: онъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ, назначенъ епископомъ Паннонскимъ (Чехіи и нын. Венгріи) и скончался въ глубокой старости (885 г.).

Послѣ его смерти католическое духовенство добилось все-таки своего: всѣ ученики Кирилла и Меѳодія стали подвергаться всевозможнымъ притѣсненіямъ, такъ что вынуждены были удалиться изъ Моравіи. Они ушли въ Болгарію, а въ Моравіи снова установилось богослуженіе и чтеніе Священнаго Писанія на латинскомъ языкѣ. Но труды Кирилла и Меѳодія не пропали даромъ. Въ Болгаріи христіанство, благодаря ихъ переводу Св. Писанія на славянскій языкъ, утвердилось прочно и даже стало проникать оттуда (задолго еще до Владиміра) въ русскую землю. Въ виду этого Кириллъ и Меѳодій названы были первоучителями славянъ. Православная Церковь причислила ихъ къ лику святыхъ. (Память ихъ празднуется 11-го мая.)

VII. Кіево-Печерская лавра.

При сынѣ Владиміра Св.—Ярославѣ Мудромъ—христіанская вѣра еще больше распространилась и укрѣпилась въ русскомъ народѣ. Ярославъ былъ очень усерднымъ христіаниномъ; самъ постоянно занимался чтеніемъ священныхъ книгъ и хотѣлъ, чтобы на Руси было больше книжныхъ, грамотныхъ людей; для этого онъ приказывалъ открывать школы при церквахъ и монастыряхъ, не жалѣлъ денегъ на переписку книгъ (печатать тогда еще не умѣли).

До принятія христіанства у русскихъ не было писаныхъ законовъ и во всѣхъ дѣлахъ они руководились обычаемъ, т.-е. «какъ раньше дѣлалось». Съ принятіемъ христіанства, рядомъ со ста-

рянными обычаями, появились новые взгляды и новыя понятія, вслѣдствіе чего стали необходимы законы писаные, обязательные для всѣхъ. Такой сборникъ русскихъ законовъ и былъ составленъ, подъ именемъ «Русской Правды», при кн. Ярославѣ Мудромъ; въ него вошли (отчасти) прежніе обычаи, постановленія князей (до Ярослава) и нѣкоторые греческіе законы.—Впослѣдствіи, при дѣтяхъ Ярослава, сборникъ этотъ былъ дополненъ.

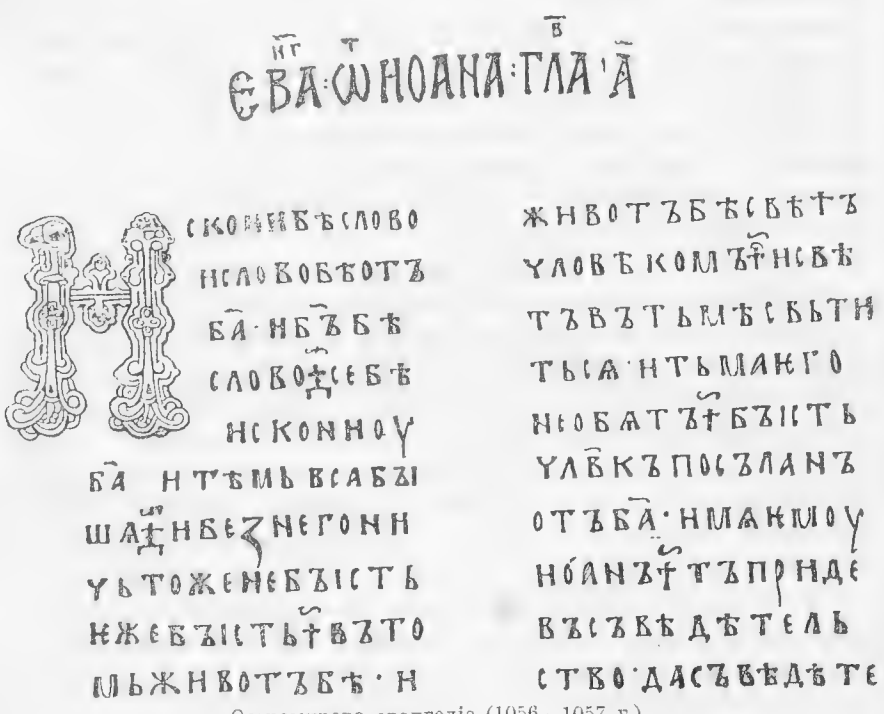
Благодаря просвѣтительной дѣятельности кн. Ярослава, вѣра православная распространялась и крѣпла. Скоро нашлись такіе усердные христіане, которые только и думали о вѣрѣ и молитвѣ. Они удалялись въ лѣса, въ уединенныя мѣста и тамъ постились и молились. Около нихъ собирались благочестивые люди со всѣхъ концовъ русской земли. Такимъ образомъ произошли монастыри. Наиболѣе знаменитымъ въ древности былъ монастырь Кіево-Печерскій, впослѣдствіи названный Кіево-Печерской лаврой.

Основателемъ этого монастыря былъ одинъ благочестивый человѣкъ, по имени Антоній. Онъ постригся въ монахи въ одномъ изъ греческихъ монастырей (на Аѳонѣ), но не остался тамъ, а съ благословеніемъ одного старца пришелъ назадъ на Русь (1051 г.) и поселился около Кіева въ пещерѣ, гдѣ проводилъ время въ постѣ и молитвѣ. Слава о его подвигахъ распространилась по русской землѣ, и къ нему стали собираться благочестивые люди. Они расширили пещеру Антонія, устроили въ ней церковь и кельи и образовали одну братію; Антонія они выбрали игуменомъ. Впослѣдствіи, когда число ихъ возросло, они построили монастырь на горѣ, надъ пещерой. Монастырь этотъ и сталъ называться Печерскимъ. Монахи печерскіе проводили все время въ молитвѣ и трудахъ: сами носили воду, рубили дрова; въ свободное время они переписывали священныя книги, переводили съ греческаго на славянскій житія, поученія и т. п. и распространяли такимъ образомъ на русской землѣ грамотность и просвѣщеніе.

Особенно прославился между печерскими иноками второй игуменъ монастыря—Ѳеодосій.

Ѳеодосій былъ единственный сынъ зажиточныхъ родителей, которые ему старались дать хорошее по тогдашнему времени образованіе; онъ былъ очень способенъ и въ ученіи скоро опередилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ обнаруживалъ набожность и благочестіе. Онъ не рѣзвился и не игралъ, какъ другія дѣти, не любилъ носить яркую цвѣтную одежду, а одѣвался просто, старался работать простую работу вмѣстѣ со слугами и въ свободное время любилъ читать или слушать, какъ

читаютъ божественныя книги. Когда ему было 14 лѣтъ, отецъ его умеръ. Ѳеодосій съ этого времени только и думалъ о спасеніи души. Разъ, услышавши при чтеніи Евангелія: «аще кто не оставитъ отца или мать и вслѣдъ Мене не идетъ, нѣсть Мене достоинъ», и еще: «пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененіи, и Азъ упокою вы», онъ рѣшилъ совсѣмъ уйти изъ дому, тѣмъ болѣе, что жизнь, которую велъ Ѳеодосій, не нрави-



Остромирово евангеліе (1056—1057 г.).

лась его матери; напр., она больно била его, когда узнавала, что онъ раздастъ нищимъ имущество и печетъ просфоры для церкви. Онъ отправился въ Кіевъ, но тамъ его ни въ одинъ монастырь не принимали, такъ какъ видѣли на немъ очень плохую одежду. Наконецъ, онъ пришелъ къ преп. Антонію, и тотъ принялъ его къ себѣ.

Поселившись въ Печерскомъ монастырѣ, Ѳеодосій сталъ вести здѣсь самую строгую отшельническую жизнь. Никакой работой онъ не гнушался и не тяготился и исполнялъ не только свою, но часто и чужую работу, если замѣчалъ, что она почему-либо не окончена. Онъ былъ добръ ко всѣмъ и его всѣ любили; по-

этому, когда Антоній сложилъ съ себя игуменство, братія избрала въ игумены Ѳеодосія.

Первымъ дѣломъ Ѳеодосія была постройка большой церкви, такъ какъ количество братіи возросло до 100 человѣкъ, а затѣмъ онъ ввелъ монастырскій уставъ. Церковь во имя Пр. Богородицы была выстроена недалеко отъ пещеры; самъ Ѳеодосій принималъ участіе въ ея постройкѣ. Уставъ, введенный Ѳеодосіемъ, былъ очень строгій. По этому уставу въ монастырѣ нельзя было ничего дѣлать безъ благословенія и разрѣшенія игумена: ни пить, ни ѣсть, ни держать хлѣба или воды въ кельѣ, ни съѣсть ягоды въ

Кіево-Печерская лавра.

полѣ. Трапеза у иноковъ должна была быть общая. Общимъ должно было быть имущество, даже одежда; никто не могъ ничего назвать своимъ; даже въ разговорахъ запрещалось говорить: мое, твое, собственное. Монахи не должны были принимать милостыню; взять что-нибудь у кого-нибудь позволялось только съ благословенія игумена. При встрѣчѣ монахи должны были кланяться другъ другу, при чемъ младшіе принимали благословеніе отъ старшихъ. Послѣ вечерни монахамъ запрещалось ходить по кельямъ для бесѣды. Больше всего Ѳеодосій требовалъ отъ братіи полнѣйшаго повиновенія волѣ игумена; всякое уклоненіе отъ его приказаній считалось тяжкимъ грѣхомъ. Братія такъ привыкла повиноваться волѣ своего игумена, что разъ монахъ-привратникъ не рѣшился безъ спросу у него впустить самого князя Кіевскаго, потому что князь пріѣхалъ въ такое время, когда, по

приказанію Ѳеодосія, постороннихъ впускать въ монастырь уже не разрѣшалось.

Жизнь иноковъ проходила въ долгихъ церковныхъ службахъ и тяжелыхъ трудахъ. Пища была скудная: монастырь былъ еще бѣденъ, и случалось, что братія съ вечера не знала, чѣмъ будетъ питаться завтра; но всѣ иноки и игуменъ твердо вѣрили, что Богъ, питающій небесныхъ птицъ, пропитаетъ и ихъ. Съ теченіемъ времени, когда отъ разныхъ пожертвованій монастырь обогатился, Ѳеодосій сталъ отдѣлять десятую часть всѣхъ доходовъ монастыря на бѣдныхъ, даже устроилъ особый дворъ, гдѣ жили на счетъ монастыря нищіе, калѣки и больные. Каждую субботу Ѳеодосій посылалъ возъ хлѣба по темницамъ.

Ѳеодосій требовалъ, чтобы всѣ исполняли строго свои обязанности. Онъ по ночамъ обходилъ кельи и слушалъ у дверей: если слышалъ въ кельѣ молитву, то благодарилъ Бога за благочестіе монаха; если же слышалъ разговоръ монаховъ, то стучалъ въ дверь посохомъ, а на утро призывалъ виновныхъ и кротко, со слезами, обличалъ ихъ.

Строгій къ другимъ, Ѳеодосій былъ еще строже къ самому себѣ. Никогда не видали его безъ дѣла; не гнушался онъ никакой работой, работалъ цѣлый день—и примѣръ его сильно дѣйствовалъ на братію.

Кроткій и смиренный, Ѳеодосій былъ твердъ тамъ, гдѣ нужно было изобличить неправду. Не разъ обличалъ онъ самого великаго князя Святослава, отнявшаго Кіевъ у старшаго брата, и князь не только смирялся передъ Ѳеодосіемъ, но даже старался съ нимъ сблизиться, часто пріѣзжалъ къ нему въ монастырь для бесѣды и съ радостью принималъ наставленія. Обращались къ нему и міряне съ просьбой заступиться за нихъ у князей и бояръ, и князья и бояре охотно исполняли его просьбы, такъ какъ чтили его, какъ праведника. Скончался Ѳеодосій въ 1074 году, черезъ годъ послѣ Антонія.

Прославленный подвигами своихъ основателей и ихъ учениковъ, К.-П. монастырь имѣлъ громадное значеніе въ древней Руси. Люди всѣхъ сословій и состояній со всѣхъ концовъ русской земли стекались въ Кіевъ, чтобы получить совѣтъ или благословеніе отъ святыхъ подвижниковъ или постричься въ немъ; монахи другихъ монастырей подражали въ своихъ трудахъ печерскимъ инокамъ. Изъ этого монастыря вышло много проповѣдниковъ христіанства; многіе изъ монаховъ занимали впослѣдствіи мѣста епископовъ; другіе извѣстны какъ духовные писатели и

лѣтописцы. (Лѣтопись — это описаніе замѣчательныхъ событій, важныхъ происшествій, которыхъ лѣтописецъ самъ былъ свидѣтелемъ или о которыхъ слышалъ, — годъ за годомъ.) Первымъ такимъ лѣтописцемъ былъ монахъ К.-П. монастыря—Несторъ, который оставилъ намъ разсказъ о началѣ русской земли, о крещеніи Владиміра и житіе Антонія и Ѳеодосія.

VIII. Владиміръ Мономахъ.

Передъ своею смертью (1054 г.) Ярославъ Мудрый далъ каждому изъ своихъ сыновей въ управленіе особую область. Старшему онъ отдалъ княжество Кіевское и назначилъ его великимъ княземъ надъ остальными младшими, приказалъ ему защищать ихъ и не давать слабыхъ въ обиду сильнымъ; младшіе князья, съ своей стороны, должны были почитать и слушаться старшаго брата, какъ отца. «Если вы будете, — говорилъ онъ, — жить въ мирѣ, то Богъ будетъ за васъ и покоритъ враговъ вашихъ; если же возненавидите другъ друга и начнете жить другъ съ другомъ во враждѣ, то погубите себя и землю вашихъ отцовъ и дѣдовъ, пріобрѣтенную съ такими трудами».

Княжескія одежды XI вѣка.

Но недолго исполняли дѣти Ярослава это его завѣщаніе. Первое время они довольствовались своими областями, но скоро начались между ними ссоры и междоусобныя войны. Главной причиной было то, что Ярославъ не назначилъ никому опредѣленнаго наслѣдства. Всѣ князья русскіе владѣли всей русской землей сообща. Старшій въ родѣ былъ великимъ княземъ, и когда онъ умиралъ, то ему наслѣдовалъ не сынъ его, а слѣдующій за нимъ братъ. Область новаго великаго князя получалъ опять-таки не сынъ его, а слѣдующій по старшинству князь, на мѣсто котораго

въ его область переводили кого-нибудь изъ болѣе младшихъ князей. Такимъ образомъ выходило, что съ каждой перемѣной великаго князя всѣ остальные князья передвигались изъ области въ область все ближе къ Кіеву, и каждый могъ разсчитывать, что и онъ будетъ великимъ княземъ, если дождется своей очереди. Этотъ порядокъ княжескаго владѣнія ученые такъ и назвали очереднымъ.

Но это передвиженіе князей рѣдко обходилось безъ споровъ. Князей было много, и часто трудно было разсчитать, кто кому и какъ приходится, кто кого старше; кромѣ того, нѣкоторые князья рано перестали обращать вниманіе на право старшинства и брали себѣ тѣ города въ управленіе, какіе хотѣли, а иные города также приглашали къ себѣ тѣхъ князей, которые имъ нравились, а не тѣхъ, которые должны были получить эти города по порядку. Много изъ-за этого выходило споровъ и войнъ. Князья ходили другъ на друга съ войскомъ, опустошали города и деревни, уничтожали посѣвы и уводили жителей въ плѣнъ. Часто случалось, что младшіе князья не только не слушались великаго, но даже нападали на его область.

Русскій дружинникъ.

Къ этому прибавилось другое горе. Въ это время въ степяхъ южной Россіи, по сосѣдству съ Кіевскимъ княжествомъ, появился новый кочевой народъ—половцы. Они часто нападали на русскую землю, жгли города и деревни, угоняли скотъ, а жителей уводили въ плѣнъ и продавали въ неволю. Отражать ихъ было довольно трудно, такъ какъ въ то время постояннаго войска на Руси не было; каждый князь имѣлъ при себѣ небольшую дружину, которая, дѣйствительно, знала военное дѣло, но этихъ силъ было далеко не достаточно, чтобы воспрепятствовать половцамъ.

Что еще хуже—русскіе князья сами обращались къ половцамъ за помощью противъ другихъ князей и за эту помощь позволяли имъ грабить русскіе города. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ

бѣдъ, часто поля оставались необработанными, такъ какъ поселяне боялись выѣхать въ поле; появился голодъ; народъ во множествѣ умиралъ отъ болѣзней. Народонаселеніе уменьшилось, и цѣлыя области обезлюдѣли.

Вотъ какъ одинъ современникъ говоритъ о княжескихъ усобицахъ „Тогда земля русская сѣялась и росла усобицами; погибла жизнь внуковъ св. Владиміра Краснаго-Солнышка въ княжескихъ усобицахъ и несогласіяхъ; вѣкъ человѣческій сокращался. Тогда по русской землѣ рѣдко раздавался крикъ земледѣльца, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы; часто говорили свою рѣчь галки, собираясь летѣть на добычу. Возстоналъ Кіевъ тоскою, а Черниговъ напастями; тоска разлилась по русской землѣ. Сказалъ братъ брату: „это мое и это мое же“, и за малое стали князья говорить большое, начали сами себѣ бѣды готовить, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на русскую землю“.

Но не всѣ князья того времени поступали одинаково. Время отъ времени являлись между ними люди, которые понимали, какъ гибельны для Руси эти постоянные раздоры князей, и которые употребляли всѣ старанія, чтобы водворить миръ и согласіе между князьями. Таковъ былъ, напр., Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, внукъ Ярослава (въ концѣ XI и началѣ XII вв.). Онъ не спорилъ съ братьями изъ-за областей, не заводилъ смутъ, а, напротивъ, всегда стремился мирить враждующихъ. Нѣсколько разъ, по его предложенію, князья собирались на съѣзды, чтобы тамъ окончить свои споры миромъ, безъ войны; уговаривалъ онъ ихъ не воевать между собою, а соединенными силами бороться съ половцами. И князья иногда слушались Мономаха, отправлялись вмѣстѣ съ нимъ въ самыя половецкія степи и тамъ наносили половцамъ жестокія пораженія. Изъ такихъ походовъ особенно извѣстенъ походъ 1111 г., когда русскіе князья проникли въ самую глубь половецкихъ степей—до р. Дона, тамъ разбили половцевъ на-голову и воротились назадъ со множествомъ плѣнниковъ и богатой добычей. Долго послѣ этого половцы не безпокоили русскую землю.

Походы на половцевъ доставили Владиміру Мономаху великую славу. Народъ крѣпко его любилъ за то, что онъ старался и князей мирить между собою, и землю русскую отъ половцевъ защищать. Поэтому, когда въ 1113 году умеръ великій князь Кіевскій, кіевляне пригласили къ себѣ Владиміра Мономаха.

Мономаху въ это время было больше 60 лѣтъ, но онъ много сдѣлалъ для русской земли. Половцы при немъ не осмѣливались тревожить Русь. Княжескія усобицы притихли. Правдивый и набожный, Владиміръ Мономахъ сильно отличался въ глазахъ сво-

ихъ современниковъ отъ другихъ князей, всегда готовыхъ на злобу, насиліе и вѣроломство. Младшіе князья уважали Владиміра и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялись его, такъ какъ онъ, несмотря на свой мирный нравъ, былъ и строгъ: когда какой-нибудь князь начиналъ ссориться съ другимъ, Мономахъ старался всячески уговорить его, уладить дѣло миромъ; если же такой безпокойный князь упорствовалъ, то онъ строго его наказывалъ, даже отнималъ у него землю.

Княженіе Мономаха было счастливымъ временемъ на Руси: казалось, исполнилось завѣщаніе Ярослава, чтобы старшій князь былъ отцомъ младшимъ князьямъ. Былъ онъ справедливъ, не давалъ слабыхъ въ обиду сильнымъ, самъ производилъ судъ. Любилъ онъ и чтилъ духовенство, глубоко былъ проникнутъ Евангельскимъ ученіемъ, былъ очень милостивъ къ убогимъ и нищимъ и только къ половцамъ, постояннымъ врагамъ русской земли, онъ былъ суровъ и даже безпощаденъ.

Много потрудился Владиміръ Мономахъ для Руси. «Слава о его доблести,—говоритъ лѣтописецъ,—сіяла, какъ солнце, и прошла по всѣмъ странамъ. Былъ онъ братолюбецъ и нищелюбецъ и добрый страдалецъ за землю русскую». Поэтому неудивительно, что, когда онъ въ 1125 году умеръ, то народъ плакалъ по немъ, какъ дѣти плачутъ по отцу или по матери.

Передъ смертью Владиміръ написалъ „Поученіе“ для своихъ дѣтей, въ которомъ старался научить ихъ, какъ князья должны исполнять свой долгъ передъ Богомъ и передъ родиной. Въ этомъ „Поученіи“ Владиміръ Мономахъ подробно излагаетъ событія своей жизни, свои походы, свою охоту на дикихъ звѣрей, свой образъ жизни, занятія, въ которыхъ видна его неутомимая дѣятельность. Большую часть жизни онъ провелъ внѣ дома; большую часть ночей спалъ на сырой землѣ; дома и въ дорогѣ все дѣлалъ самъ и за всѣмъ самъ присматривалъ; до свѣта поднимался съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ принимался за дѣла. „Всѣхъ походовъ моихъ было 83 большихъ,—пишетъ онъ,—другихъ, малыхъ —и не упомню“. „Вотъ какъ я трудился на охотѣ: коней дикихъ по 20 и по 10 вязалъ я своими руками; 2 тура (дикіе быки) метали меня на рогахъ съ конемъ вмѣстѣ; олень меня бодалъ; два лося— одинъ ногами топталъ, другой рогами бодалъ; вепрь оторвалъ у меня мечъ сбоку; медвѣдь у колѣна сѣдло прокусилъ; лютый звѣрь вскочилъ ко мнѣ на колѣни и повалилъ коня вмѣстѣ со мной,—но Богъ сохранилъ меня цѣлымъ и невредимымъ; съ коня много разъ я падалъ, голову разбивалъ 2 раза, и руки и ноги вредилъ себѣ, жизни своей не жалѣлъ, головы своей не щадилъ“. Убѣждая дѣтей жить въ мирѣ и согласіи, онъ совѣтуетъ имъ воздерживаться отъ пролитія крови: „ни праваго, ни виноватаго не убивайте и не позволяйте убивать, хотя бы и заслуживалъ смерти; не губите никакой души христіанской“. Далѣе онъ поучаетъ дѣтей все дѣлать самимъ, во все вникать и

не полагаться на слугъ и помощниковъ. Онъ завѣщалъ имъ самимъ судить и защищать вдовъ, сиротъ и убогихъ, не давать сильнымъ въ обиду слабыхъ, приказываетъ кормить и поить всѣхъ приходящихъ къ нимъ. Гостепріимство онъ считаетъ первой заповѣдью; „больше всѣхъ чтите гостя, откуда бы онъ ни пришелъ къ вамъ: посолъ ли, знатный ли человѣкъ или простой—всѣхъ принимайте; если не можете почтить подаркомъ, то угостите кушаньемъ и питьемъ: гости эти по всѣмъ странамъ разнесутъ о васъ молву, какъ о человѣкѣ добромъ или зломъ“. Онъ завѣщаетъ дѣтямъ также посѣщать больныхъ, любить своихъ женъ (но не давать имъ надъ собой власти), почитать старшихъ, какъ отца, младшихъ, какъ братьевъ, почитать и любить духовенство. „Больше же всего не имѣйте гордости ни въ сердцѣ своемъ и ни въ умѣ: мы всѣ смертны — сегодня живы, а завтра въ гробу. Все, что далъ намъ Богъ, не наше, а поручено намъ на короткое время. Въ землю сокровищъ не зарывайте: то великій грѣхъ“. Относительно войны Мономахъ совѣтуетъ не полагаться на воеводъ, а самимъ наряжать стражу, не предаваться на походѣ пирамъ или сну; даже ложась спать, не слѣдуетъ снимать съ себя оружія; проходя съ войсками по русскимъ землямъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя дозволять обиды мирныхъ жителей. „Больше всего имѣйте страхъ Божій, не поддавайтесь лѣни... Строго соблюдайте правосудіе и клятву“. Въ заключеніе Владиміръ Мономахъ совѣтуетъ своимъ дѣтямъ учиться и приводитъ въ примѣръ своего отца, который, „сидя дома, пять языковъ выучилъ“.

IX. Андрей Боголюбскій.

При дѣтяхъ и внукахъ Мономаха, несмотря на его завѣщаніе, княжескія усобицы разгорѣлись сильнѣе прежняго. Власть старшаго въ родѣ все больше и больше слабѣла; младшіе князья совершенно не слушали великаго князя Кіевскаго и спорили между собой не только изъ-за своихъ областей, но и изъ-за Кіева. Этотъ городъ безпрестанно переходилъ изъ рукъ въ руки, а половцы дѣлали тѣмъ временемъ на беззащитную Русь частые набѣги и въ концѣ ее разорили. Тяжело жилось тамъ мирному населенію. Постоянныя опасности со стороны своихъ князей и враговъ-половцевъ, а также и другія бѣды—болѣзни, неурожаи,—заставили населеніе южной Руси искать новыхъ, спокойныхъ мѣстъ для жилья. Часть народа уходила на западъ, въ польскія земли, а большая часть пошла на С.-В., въ Суздальскую область, на верхнее теченіе Волги.

Суровъ и непривѣтливъ былъ этотъ край. Въ тѣ времена онъ весь былъ покрытъ дремучими лѣсами, память о которыхъ до сихъ поръ сохранилась въ народныхъ сказаніяхъ. Среди этихъ лѣсовъ попадались безпрестанно рѣчки, озера и болота; съ большимъ трудомъ отыскивалъ поселенецъ сухое мѣсто для построй-

ки себѣ избы, а чтобы засѣять хлѣбъ, онъ долженъ былъ выжечь лѣсъ, выкорчевать пни и только такимъ образомъ получалъ небольшой участокъ пахотной земли. Да и та земля была далеко не такъ плодородна, какъ черноземъ въ Кіевской области, и поселенцу, чтобы прокормиться съ семьей, пришлось, кромѣ земледѣлія, заняться и ремеслами, охотой, лѣснымъ промысломъ и др. Зато однимъ было хорошо: земли свободной много; бери каждый, сколько хочешь. Да и жилось спокойнѣе: и усобицъ княжескихъ меньше, и степному грабителю сюда не добраться.

Здѣсь, въ Суздальской землѣ, переселенцы изъ Руси Кіевской встрѣтились съ прежними обитателями этихъ мѣстъ—съ финскими племенами: мерей, весью, чудью и др. Но встрѣча эта была мирная: вмѣсто вражды объ народности — и финская и русская—слились въ одну и образовали новую народность—великорусскую.

Суздальская область стала усиливаться при князѣ Юріи Долгорукомъ, младшемъ сынѣ Владиміра Мономаха; но больше всего возвысилась она при сынѣ Юрія—Андреѣ Боголюбскомъ.

Юрій Долгорукій много велъ войнъ съ другими князьями изъ-за великаго княжества Кіевскаго: не разъ ему случалось занимать Кіевскій престолъ, потомъ опять уходить изъ Кіева, и опять отнимать его у соперника; въ концѣ-концовъ онъ добился своего и завладѣлъ Кіевомъ. Тамъ онъ и умеръ въ 1154 году. Во всѣхъ этихъ усобицахъ принималъ участіе и Андрей, хотя сердце его не лежало къ этимъ постояннымъ распрямъ; не разъ пытался онъ помирить враждующихъ князей, но напрасно. Когда Юрій сталъ великимъ княземъ, онъ посадилъ около себя Андрея въ г. Вышгородѣ. Онъ, очевидно, хотѣлъ передать ему землю Кіевскую. Но Андрею не нравилось на югѣ: хотя онъ и отличался большой храбростью и показалъ себя хорошимъ воиномъ въ битвахъ, но онъ не любилъ войны, былъ уменъ и властолюбивъ. Въ южной Руси постоянно приходилось ожидать нападенія или половцевъ или русскихъ же князей, приходилось угождать дружинѣ—все это было не по душѣ властолюбивому Андрею. Его сильно тянуло на Суздальскій сѣверъ: тамъ онъ родился, тамъ онъ провелъ свои дѣтскіе годы, тамъ всѣ его знали и любили. И онъ рѣшилъ уйти изъ Кіевской земли, говоря, что тамъ, на сѣверѣ, поспокойнѣе.

О путешествіи князя Андрея въ Суздальскую землю преданіе разсказываетъ слѣдующее: Андрей рѣшилъ уйти тайкомъ, не спросясь согласія отца. Взялъ онъ съ собой изъ одного монастыря близъ Кіева чудотвор-

ную икону Пр. Богородицы, привезенную изъ Царьграда и писанную, по преданію, евангелистомъ Лукою. По дорогѣ къ Суздалю, за 10 верстъ отъ г. Владиміра на Клязьмѣ, кони, на которыхъ везли икону, вдругъ стали, какъ вкопанные. Всѣ усилія заставить ихъ идти дальше были напрасны. Запрягли въ телѣгу другихъ лошадей, но и тѣ не могли сдвинуть ее съ мѣста. Это поразило всѣхъ. Рѣшено было остановиться. Князю раскинули палатку. Когда наступила ночь, князь долго не ложился спать. Сильно взволнованный дневнымъ происшествіемъ, онъ долго и усердно молился передъ иконой, пока, наконецъ задремалъ, утомленный трудной дорогой и долгой молитвой. На утро Андрей объявилъ, что ему во снѣ явилась Богоматерь и не велѣла везти Ея икону въ Суздаль или въ Ростовъ, а поставить во Владимірѣ; а на томъ мѣстѣ, гдѣ произошла остановка, построить церковь во имя Рождества Богородицы и основать монастырь. Такъ и было сдѣлано. На мѣстѣ остановки было основано село и построена каменная церковь; въ этомъ храмѣ временно поставили икону Богоматери. Названо было это село Боголюбовымъ, откуда и прозвище Андрея-Боголюбскій. Здѣсь онъ проводилъ большую часть своего времени, для чего и построилъ себѣ тамъ каменный дворецъ, развалины котораго цѣлы до сихъ поръ.

По смерти Юрія Долгорукаго Андрей сдѣлался великимъ княземъ, но не поѣхалъ въ Кіевъ княжить, а остался въ Суздальской землѣ, гдѣ своей столицей сдѣлалъ городъ Владиміръ. Этотъ городъ, прежде малонаселенный и небогатый, при немъ разросся и населился. Андрей украсилъ новую столицу церквами, изъ которыхъ самой большой и богатой была церковь во имя Успенья Богородицы. Сюда была перенесена чудотворная икона изъ Боголюбова. Она стала извѣстна подъ именемъ Владимірской иконы Божіей Матери. (Въ настоящее время она находится въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ.) Кромѣ этой церкви Андрей построилъ еще много другихъ, какъ во Владимірѣ, такъ и въ другихъ городахъ Суздальской Руси.

По своему благочестію и набожности Андрей Боголюбскій напоминалъ своего дѣда—Владиміра Мономаха. «Андрея,—говоритъ лѣтописецъ,—можно было всегда видѣть въ храмѣ на молитвѣ, со слезами умиленія на глазахъ; всенародно раздавалъ онъ убогимъ милостыню, чтилъ духовенство, монаховъ и за это слышалъ себѣ постоянныя похвалы. Какъ дѣдъ, не любя войны, онъ тѣмъ не менѣе былъ готовъ постоять за русскую землю противъ всякаго врага».

Но одна черта сильно отличала Андрея отъ Владиміра Мономаха.

Андрей Боголюбскій былъ первымъ изъ князей русскихъ, который задумалъ установить на Руси единодержавіе. Онъ понималъ, что постоянныя усобицы губятъ землю, что Русь отъ этого все больше и больше бѣднѣетъ и слабѣетъ. Не дѣлился онъ по-

этому властью въ Суздальской землѣ съ своими младшими братьями, отстранилъ отъ себя и старыхъ отцовскихъ бояръ, которые привыкли слишкомъ вмѣшиваться въ княжескія дѣла, не любилъ совѣтоваться съ дружиной. Такимъ же «самовластцемъ» хотѣлъ онъ быть и во всей русской землѣ: онъ задумалъ подчинить себѣ всѣхъ другихъ князей. Въ 1169 году былъ взятъ войсками Андрея Кіевъ; былъ принужденъ подчиниться ему и большой торговый городъ Новгородъ. Съ этого времени падаетъ значеніе Кіева, и главнымъ городомъ становится Владиміръ.

Послѣ взятія Кіева, никто изъ русскихъ князей не могъ равняться съ Андреемъ своимъ значеніемъ. Каждаго, кто сопротивлялся его приказаніямъ, онъ лишалъ власти. «Не велю тебѣ быть въ русской землѣ, ступай вонъ», говорилъ онъ такому князю, и никто не осмѣливался противиться Андрею. Но его попытка утвердить на Руси единодержавіе не удалось. Изъ-за своей строгости Андрей былъ убитъ своими боярами раньше, чѣмъ успѣлъ окончить начатое имъ дѣло.

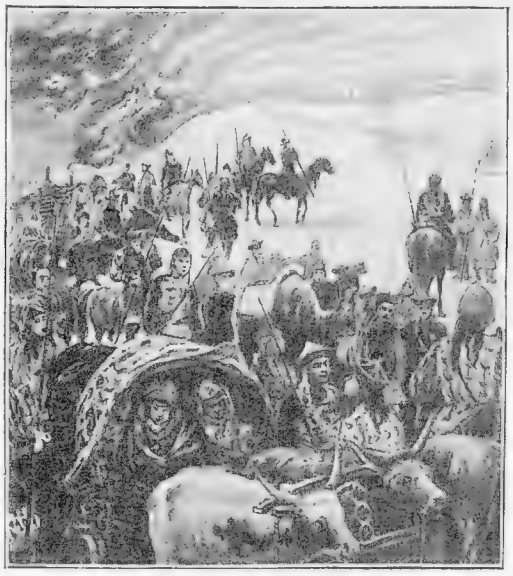
Послѣ его смерти опять начались споры и ссоры между князьями... Мало-по-малу русская земля распалась на много независимыхъ другъ отъ друга областей, изъ которыхъ въ каждой были свои великіе князья и младшіе, которые теперь стали называться удѣльными. Всѣ эти князья вели между собой усобицы, какъ и въ Кіевской Руси. Наиболѣе важными княжествами были: Суздальское, или Владимірское, Черниговское, Рязанское, Муромское, Полоцкое, Смоленское, Волынь, Галиція и Новгородъ.

X. Татарское нашествіе.

Въ то время, когда русскіе князья ссорились между собой и своими раздорами ослабляли русскую землю, на нее обрушилась большая бѣда. Въ южнорусскихъ степяхъ, гдѣ жили половцы, появился новый страшный народъ—татары.

Татары, или монголы, были народъ, вышедшій изъ Азіи, гдѣ они жили по сосѣдству съ Китаемъ. Татары были кочевники, домовъ не строили, земли не пахали, а держали при себѣ большія стада, съ которыми и переходили съ мѣста на мѣсто. Жили они въ круглыхъ шалашахъ, или юртахъ, сплетенныхъ изъ хвороста и покрытыхъ войлокомъ. Посреди юрты разводился огонь, и дымъ уходилъ въ отверстіе, сдѣланное наверху. Ѣли они всякое мясо, хлѣба не знали. Любимымъ питьемъ былъ кумысъ, или кобылье

молоко. Ѣли они все нечистыми руками, обтирая ихъ о сапоги или о траву. Они отлично стрѣляли изъ лука и ѣздили верхомъ. Вѣрили они въ одного Бога, но молились идоламъ. Въ походахъ они отличались необыкновенной выносливостью,— легко переносили и холодъ и голодъ. Дрались они очень храбро, такъ что трудно было, напр., взять татарина въ плѣнъ живымъ. Между собой они были ласковы и честны, другъ другу всегда помогали, но къ другимъ народамъ были люты, лживы и коварны. Поэтому и на войнѣ они больше старались брать хитростью—нападали на непріятеля врасплохъ, заманивали въ засаду и т. п. Укрѣпленныхъ городовъ они не любили осаждать, а уговаривали жителей сдаться, обѣщая имъ полную пощаду; когда же жители, довѣрившись имъ, отворяли ворота, татары тотчасъ избивали ихъ, оставляя для себя только ремесленниковъ.



Татарское нашествіе.

Сначала татары жили въ степяхъ отдѣльными племенами; племена эти управлялись отдѣльными ханами, которые часто вели между собой войны. Въ XIII вѣкѣ среди татарскихъ князей появился одинъ сильный ханъ (Чингизъ), который соединилъ подъ своей властью всѣ разрозненныя татарскія племена. Сначала онъ покорилъ всѣ сосѣдніе народы, а потомъ задумалъ покорить весь свѣтъ. Самъ онъ воевалъ въ Азіи, а одинъ изъ отрядовъ его войска, пробравшись черезъ Кавказскія горы, проникъ въ южнорусскія степи, напалъ на половцевъ и разбилъ ихъ. Половцы просили помощи у русскихъ князей. Южнорусскіе князья собрали большое войско и пошли навстрѣчу татарамъ. Встрѣча произошла на берегу рѣки Калки (нынѣ Калміусъ, впад. въ Азовское море). Такъ какъ русскіе князья дѣйствовали не дружно, то татары ихъ одолѣли, при чемъ много русскихъ было убито, много взято въ плѣнъ и замучено (1224 г.).

Послѣ битвы на Калкѣ татары повернули назадъ, ушли изъ русскихъ степей, и нѣсколько лѣтъ о нихъ ничего не было слышно. Про нихъ стали забывать; князья по-старому принялись за споры и ссоры. Но черезъ 13 лѣтъ татары вновь появились на Руси, на этотъ разъ изъ-за Волги.

Это нашествіе татаръ можно было назвать скорѣе переселеніемъ, такъ какъ татары шли съ женами, дѣтьми, стадами,—вообще со всѣмъ своимъ имуществомъ.

Первой русской областью, на которую напали татары, переправившись черезъ Волгу, была Рязанская земля. Татарскій ханъ Батый велѣлъ сказать рязанскимъ князьямъ: «если хотите мира, то давайте отъ всего десятину—отъ князей, отъ простыхъ людей, отъ коней». Рязанскіе князья отвѣчали: «когда насъ всѣхъ не будетъ, все станетъ ваше». Они просили помощи у Юрія, великаго князя Владимірскаго, но тотъ отказалъ, и рязанцамъ пришлось отбиваться отъ татаръ однѣми своими силами. Послѣ упорнаго сопротивленія, Рязань была взята, князья избиты и вся земля Рязанская разорена.

Послѣ этого татары двинулись дальше на сѣверъ, къ Владиміру, сжигая на пути города и села, убивая людей и грабя имущество (между прочимъ, въ это время была разорена Москва, бывшая тогда небольшимъ городкомъ). Подступивши къ г. Владиміру, татары обложили его со всѣхъ сторонъ. Самого князя въ городѣ не было: онъ уѣхалъ за Волгу собирать войско. Скоро стѣны города были разбиты бревнами, и татары ворвались въ городъ. Семейство великаго князя, вмѣстѣ съ епископомъ и многими жителями, заперлось въ соборной церкви. Тогда татары наклали кругомъ церкви лѣсу и зажгли его. Всѣ бывшіе въ церкви задохнулись отъ дыму или сгорѣли, или же были избиты татарами, которымъ удалось ворваться въ храмъ.

Опустошивъ сѣверо-восточную Русь, Батый двинулся на Русь южную. Въ 1240 году онъ подступилъ къ Кіеву. Говорятъ, что когда татары подошли къ Кіеву, то долго не могли налюбоваться той картиной, которая представилась ихъ взорамъ. (Кіевъ по красотѣ мѣстоположенія считается и до сихъ поръ однимъ изъ первыхъ городовъ на Руси.) Онъ широко раскинулся по высокому берегу Днѣпра; его окружала со всѣхъ сторонъ бѣлая стѣна, на которой поднимались красивыя башни; внутри стѣнъ виднѣлась масса садовъ, и изъ этой зелени высоко поднимались къ небу золотыя главы и кресты многочисленныхъ церквей и монастырей. Видъ города такъ поразилъ Батыя, что онъ, не желая его

разорять, сначала предложилъ кіевлянамъ сдаться безъ боя. Кіевляне и слышать не хотѣли о сдачѣ. Тогда татары обложили городъ со всѣхъ сторонъ. Ихъ было такое множество, что, по словамъ лѣтописца, отъ скрипа телѣгъ, отъ рева верблюдовъ и ржанія лошадей въ татарскомъ лагерѣ кіевляне не могли въ городѣ разслышать другъ друга. И, несмотря на это, кіевляне не хотѣли сдаваться. День и ночь били татары бревнами городскія стѣны и, наконецъ, разбили ихъ на третій день. Жители укрѣпились около одной церкви, но ничего уже не могли сдѣлать, такъ какъ татаръ было слишкомъ много. Кіевъ былъ взятъ и разрушенъ. Разрушена была тогда и Кіево-Печерская лавра.

Опустошивъ русскую землю, татары не ушли назадъ, какъ послѣ сраженія на Калкѣ. На этотъ разъ они остались и расположились въ степяхъ между Дономъ и Волгой до Чернаго моря и Каспійскаго. Самъ Батый поселился гдѣ-то у устьевъ Волги и построилъ тамъ городъ Сарай, который сдѣлался столицей новаго татарскаго царства, получившаго названіе Золотой Орды. Считая русскую землю покоренной, Батый приказалъ всѣмъ русскимъ князьямъ явиться къ нему въ Орду на поклонъ. Ослушаться этого приказа никто не осмѣлился. Въ Ордѣ князьямъ русскимъ приходилось терпѣть много обидъ и униженій: прежде чѣмъ войти къ хану, ихъ заставляли, напр., проходить между двухъ огней, кланяться идоламъ, становиться передъ ханомъ на колѣни. Черниговскій князь Михаилъ отказался исполнить приказаніе татаръ и за это былъ звѣрски замученъ татарами вмѣстѣ съ вѣрнымъ своимъ бояриномъ Ѳеодоромъ. (Православная Церковь причислила ихъ обоихъ къ лику святыхъ.) *).

Печальное зрѣлище представляла Русь послѣ татарскаго погрома. Епископъ владимірскій Серапіонъ черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ этого говорилъ своей паствѣ: „страшно, дѣти, подпасть гнѣву Божію. Чего не навели мы на себя! Какой казни отъ Бога не воспріяли! Не плѣнена ли земля наша? Не полегли ли отцы и братья наши трупами на землю? Не отведены ли жены наши и дочери въ плѣнъ? Не порабощены ли мы, оставшіеся, горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже къ 40 годамъ приближается наше томленіе и мука, а тяжкія дани съ насъ не прекращаются. И всласть хлѣба мы съѣсть не можемъ. Навелъ же на насъ Господь народъ немилостивый, народъ лютый, не щадящій ни юной красоты, ни старческой немощи, ни молодости дѣтей... Разрушены божественныя церкви, осквернены священные сосуды, все святое потоптано, святители стали пищею меча; тѣла преподобныхъ иноковъ брошены на съѣденіе птицамъ; кровь отцовъ и братьевъ нашихъ, какъ вода, обильно напоила землю; крѣ-

*) Память ихъ празднуется 20 сентября и 14 февраля.

пость княжескихъ воеводъ исчезла, храбрые наши въ страхѣ бѣжали; села наши поросли травой, величіе наше смирилось; земля наша сдѣлалась достояніемъ иноплеменниковъ; трудъ нашъ поганые наслѣдовали".

Однимъ изъ многихъ послѣдствій татарскаго погрома было то, что Ю.-З. русскія области, разоренныя татарами, не могли сопротивляться образовавшемуся въ то время по сосѣдству съ ними Литовскому княжеству, были имъ завоеваны и потомъ вмѣстѣ съ нимъ отошли подъ власть Польши. Кромѣ того, Литва, усилившись, препятствовала русскимъ сношеніямъ съ образованной Зап. Европой, а татары, занявшіе южныя степи, прекратили наши прежнія частыя сношенія съ Византіей. Это прекращеніе сношеній съ европейскими народами было причиной сильной отсталости русскаго народа въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, а постоянныя сношенія только съ татарами дурно отразились на нравахъ народа, которые съ этого времени замѣтно грубѣютъ.

Зависимость русской земли отъ татаръ выражалась, главнымъ образомъ, въ дани. Она отдавалась на откупъ восточнымъ купцамъ, или «бесерменамъ», которые собирали ее съ большою жестокостью, подъ покровительствомъ ханскихъ чиновниковъ, или баскаковъ, и многочисленныхъ татарскихъ отрядовъ. Кромѣ дани, князья обязаны были, по первому требованію, соединять свои дружины съ войсками хана и идти на его враговъ. Татары не нарушили въ русской землѣ существовавшаго порядка управленія: она попрежнему управлялась князьями русскими; но старшинство князей не имѣло уже значенія: ханъ раздавалъ княжества по своему усмотрѣнію. Отъ него зависѣло и утвержденіе (а слѣдовательно и назначеніе) великаго князя Владимірскаго. Князья путешествовали за ярлыками, т.-е. за ханскими грамотами на княженіе, въ Золотую Орду, гдѣ должны были раздавать многочисленные подарки ханскимъ любимцамъ и его женамъ. Впрочемъ, во внутреннія дѣла русской земли татары не вмѣшивались и оставили въ неприкосновенности православную вѣру (даже освободили духовенство отъ дани).

XI. Александръ Невскій.

Въ то время, когда южная Русь стонала подъ ударами татарскихъ полчищъ, на сѣверо-западныя области ея стали нападать другіе враги—шведы, литовцы и нѣмцы. Они хотѣли воспользоваться бѣдой, обрушившейся на русскую землю, и завладѣть нѣкоторыми ея областями. Къ счастью, на Руси въ это время былъ князь, который сумѣлъ защитить ее отъ этихъ новыхъ враговъ. Это былъ князь Александръ Ярославичъ.

Когда татары пришли на Русь, онъ былъ княземъ въ Новго-

родѣ (1237 г.). Въ этомъ городѣ провелъ Александръ свое дѣтство, именно въ тѣ годы, когда Новгороду пришлось перенести много разныхъ бѣдствій. Видѣлъ онъ и страданія новгородцевъ отъ голода, болѣзней и мора; видѣлъ и бѣды Новгорода отъ нападенія сосѣдей; слышалъ онъ и о великомъ бѣдствіи всей русской земли—о погромахъ татарскихъ. Эти лишенія и испытанія, которыя приходилось ему переносить еще въ дѣтствѣ, сдѣлали характеръ его твердымъ. Безпрестанные походы его отца, въ которыхъ и онъ принималъ участіе, необходимость постоянно отражать нападенія сосѣдей—сдѣлали его княземъ воинственнымъ, но самъ онъ войны безъ причины никогда не начиналъ.

Всего 17 лѣтъ было Александру, когда онъ сдѣлался княземъ новгородскимъ. Не прошло и 3-хъ лѣтъ, какъ ему, дѣйствительно, пришлось защищать свой городъ и русскую землю отъ враговъ. Сѣверо-западные сосѣди наши—шведы—захотѣли воспользоваться тяжелыми для Руси временами татарскаго погрома, чтобы захватить нѣкоторыя русскія области. Въ 1240 году шведскій король собралъ большое войско и послалъ его моремъ на корабляхъ, подъ начальствомъ своего зятя, овладѣть землями новгородскими и подвластными имъ областями финскими и обратить тамошнихъ жителей въ католичество. Биргеръ—такъ звали зятя —высадилъ свое войско близъ устья у р. Невы и послалъ сказать Александру: «сопротивляйся, если можешь; я уже на твоей землѣ». Александръ не ждалъ такого внезапнаго нападенія враговъ и не былъ готовъ къ борьбѣ съ ними. Войска у него не было; была только при немъ небольшая дружина. Но Александръ не испугался. Онъ не хотѣлъ понапрасну терять время, пока соберется войско изъ разныхъ городовъ, и рѣшилъ напасть на непріятеля съ своей небольшой дружиной. Прежде чѣмъ выступить въ походъ, онъ отправился въ новгородскій соборъ и тамъ, вмѣстѣ съ дружиной своей, молился, чтобы Богъ помогъ ему одолѣть шведовъ. Выйдя изъ собора, Александръ, чтобы ободрить своихъ воиновъ, сказалъ имъ: «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ; вспомнимъ слова псалмопѣвца Давида: сіи въ оружіи и сіи на конѣхъ, мы же имя Господа Бога призовемъ; тіи спяти быша и падоша, мы же возстахомъ и исправихомся».

Бодро отправились русскіе противъ врага. На Невѣ, по преданію, встрѣтилъ Александра нѣкто Пелгусій, наблюдавшій, вмѣстѣ съ другими стражами, за непріятельскими кораблями. Пелгусій разсказалъ Александру, что онъ стоялъ ночью на стражѣ у устья Невы. Подъ утро онъ услышалъ на взморьѣ сильный

шумъ и замѣтилъ движущуюся лодку. Думая, что это шведы, онъ подошелъ ближе и увидалъ, что, дѣйствительно, плыветъ лодка; гребцы были закрыты какъ бы мглою, а на лодкѣ стояли два свѣтозарныхъ витязя въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ на иконахъ изображались святые Борисъ и Глѣбъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «братъ Глѣбъ, вели грести, поможемъ сроднику нашему Александру Ярославичу». Послѣ этихъ словъ все скрылось изъ его глазъ.

Услышавъ этотъ разсказъ, Александръ обрадовался: онъ по-

Невская битва (1240 г.).
Александръ Невскій наноситъ рану въ лицо Биргеру.

нялъ, что самъ Богъ посылаетъ ему доброе знаменіе, что его молитва услышана. Смѣло двинулся онъ на шведовъ. Шведы не ожидали нападенія и были поэтому разбиты на-голову. Было это 15 іюля 1240 г.

Побѣда эта имѣла важное значеніе для Руси: она показала шведамъ силу и могущество русскихъ и надолго отучила ихъ отъ вторженій въ предѣлы Новгородской земли. Самъ Александръ за эту побѣду получилъ прозвище «Невскаго».

Побѣда на Невѣ доставила Александру великую славу и на Руси и среди иноземцевъ; важное значеніе она имѣла и потому,

что въ случаѣ побѣды шведовъ большая опасность грозила и вѣрѣ православной.

Скоро послѣ побѣды при Невѣ Александру пришлось уѣхать изъ Новгорода. Причиной этого было особенное политическое устройство этого города. Самыя важныя дѣла рѣшались въ Новгородѣ не княземъ, а общимъ собраніемъ, сходомъ горожанъ, который назывался «вѣчемъ». Князь нуженъ былъ, главнымъ образомъ, для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, вѣче князю не подчинялось, а напротивъ, если князь былъ несогласенъ съ вѣчемъ, то новгородцы просили обыкновенно князя уѣхать изъ Новгорода, «указывали ему путь», «кланялись ему», — какъ тогда говорили.

Новгородцы очень любили Александра, какъ военачальника, но не нравилось имъ, что онъ хотѣлъ править городомъ по своей волѣ, мало обращалъ вниманія на порядки, заведенные въ городѣ. Между ними пошли нелады, и Александръ съ семьей уѣхалъ въ Суздальскую землю.

А къ новгородцамъ новая бѣда пришла.

Еще въ XII вѣкѣ, когда Русь страдала отъ княжескихъ усобицъ и отдѣльныя ея области враждовали другъ съ другомъ, на Балтійскомъ побережьѣ, въ области Зап. Двины, утвердились нѣмцы. Спачала они завели здѣсь торговлю, а потомъ стали обращать тамошнихъ жителей—эстовъ и латышей—въ католическую вѣру. Съ каждымъ годомъ количество нѣмцевъ увеличивалось, такъ что въ началѣ XIII в. одинъ нѣмецкій епископъ основалъ, недалеко отъ впаденія Двины въ море, городъ Ригу, который сталъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первымъ укрѣпленнымъ пунктомъ нѣмцевъ въ странѣ. Но такъ какъ католичество распространялось тамъ слабо, то, съ благословенія римскаго папы, нѣмцы рѣшили обращать здѣшнихъ язычниковъ въ католичество силой и для этого устроили особое общество рыцарей — «Орденъ меченосцевъ», которые должны были проповѣдывать христіанство «съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой». Меченосцы завоевали весь этотъ край, настроили замковъ и обратили жителей въ католическую вѣру. Спохватились русскіе князья, но было поздно: борьба съ могущественнымъ Орденомъ была имъ не по силамъ. Покоривъ эстовъ и латышей, нѣмцы завоевали также и нѣкоторые старинные русскіе города, напр., Юрьевъ, построенный еще Ярославомъ Мудрымъ, а потомъ задумали захватить и Псковъ съ Новгородомъ. Имъ удалось взять Псковъ, но потомъ пришлось уйти назадъ. Новгородцы въ бѣдѣ обратились къ прежнему сво-

ему защитнику, Александру Невскому. Видя русскую землю въ опасности, Александръ забылъ прежнія обиды, вернулся въ Новгородъ и скоро очистилъ новгородскую землю отъ нѣмцевъ. Особенно сильное пораженіе нанесъ онъ имъ около Пскова, на льду Псковскаго озера (1242 г.). Битва эта извѣстна подъ именемъ «Ледоваго побоища».

Такъ же успѣшно боролся Александръ Невскій и съ третьимъ врагомъ русской земли—съ Литвой. Слава о подвигахъ Александра распространилась не только по всей Руси, но достигла и отдаленнаго Запада. Римскій папа, убѣдившись, что силой не навязать русскимъ католичества, прислалъ Александру двухъ епископовъ съ льстивымъ письмомъ, въ которомъ убѣждалъ его принять католическую вѣру и за это обѣщалъ ему большія почести и помощь противъ татаръ. Но Александръ отвѣтилъ на домогательства папы рѣшительнымъ отказомъ: «Мы сами,—сказалъ онъ,—знаемъ ученіе Христа, а вашего ученія принимать не хотимъ».

Дошла вѣсть объ Александрѣ и до Батыя.

Услыхавъ о подвигахъ Александра Невскаго, Батый потребовалъ его къ себѣ для изъявленія покорности слѣдующими словами: «Богъ покорилъ мнѣ многіе народы. Ты ли одинъ не хочешь покориться державѣ моей. Но если хочешь сохранить за собой землю твою, приди ко мнѣ: увидишь честь и славу царства моего». Тяжело было Александру покоряться ханскому приказу: вѣдь онъ побѣдилъ шведовъ, нѣмцевъ и литовцевъ, а теперь приходилось смиряться передъ татарами. Но Александръ хорошо понималъ, что при тогдашнемъ состояніи русской земли нечего было и думать о томъ, чтобы силой оружія освободиться отъ татаръ: многія русскія области были опустошены такъ, что и половины прежняго населенія въ нихъ не оставалось, да, кромѣ того, между отдѣльными областями шла попрежнему рознь. Единственнымъ средствомъ получить расположеніе татаръ, единственнымъ средствомъ спасенія была полная покорность татарамъ. Это Александръ хорошо понималъ, равно какъ и то, что въ случаѣ его отказа Батый пошлетъ татарскія полчища въ Новгородскую землю. Поэтому онъ рѣшилъ лучше покориться.

Когда онъ пріѣхалъ въ Орду, Батый, какъ только узналъ о его пріѣздѣ, тотчасъ же велѣлъ привести его къ себѣ. Татары потребовали отъ Александра, чтобы онъ прошелъ между двухъ огней и поклонился идоламъ, но благочестивый князь наотрѣзъ отказался исполнить это требованіе. «Я христіанинъ,—сказалъ онъ,—и мнѣ не подобаетъ поклоняться твари: я поклоняюсь Отцу,

Сыну и Святому Духу — Богу единому, въ Троицѣ славимому, создавшему небо и землю и все, что въ нихъ находится».

Такая неустрашимость и твердость Александра въ православной вѣрѣ привела татаръ въ гнѣвъ, и они немедленно донесли объ этомъ хану. Но Батый не велѣлъ принуждать его и приказалъ съ подобающей частью привести къ себѣ. Александръ, войдя, поклонился хану и сказалъ: «тебѣ царь, поклоняюсь, потому что Богъ почтилъ тебя царствомъ; твари же не поклоняюсь потому, что вся она сотворена ради человѣка; Богу единому, Которому я служу и Котораго почитаю,—Тому поклоняюсь». Батый принялъ его милостиво, почтилъ дарами и сказалъ своимъ приближеннымъ: «правду сказали мнѣ, что нѣтъ подобнаго ему князя».

Отъ Батыя Александръ долженъ былъ ѣхать къ великому хану въ самую глубь Азіи. Путешествіе это продолжалось болѣе 2 лѣтъ. Путь былъ трудный: надо было проходить по пустыннымъ неизвѣстнымъ странамъ; приходилось переносить на пути всякія лишенія и невзгоды, а у хана пришлось перенести не мало обидъ и униженій. Но Александръ все вытерпѣлъ и благополучно вернулся на родину, гдѣ преемникъ Батыя сдѣлалъ его великимъ княземъ.

Вступивъ на великокняжескій престолъ, Александръ дѣятельно принялся уничтожать слѣды опустошеній, произведенныхъ татарами: возобновлялъ храмы, укрѣплялъ города и собиралъ разбѣжавшихся жителей. Самъ онъ поселился во Владимірѣ, а по другимъ большимъ городамъ посадилъ своихъ сыновей и братьевъ.

Но не долго пришлось ему заниматься устроеніемъ земли. Въ Ордѣ умеръ старый ханъ, мѣсто его занялъ другой новый: надо было ѣхать къ нему на поклонъ. Этотъ ханъ захотѣлъ пересчитать весь русскій народъ, чтобы обложить его поголовной данью. Когда объ этомъ узнали новгородцы, то наотрѣзъ отказались платить дань (вѣдь Новгородъ одинъ изъ всѣхъ городовъ русскихъ не былъ покоренъ татарами и новгородцы никогда не предполагали, что и имъ придется платить дань). Много труда употребилъ Александръ, чтобы уговорить новгородцевъ подчиниться волѣ хана и заплатить дань. Миновала эта бѣда — надвинулась другая. Первое время татары собирали дань сами, а потомъ стали отдавать ее на откупъ иноземнымъ купцамъ. Эти откупщики, собирая дань, сильно обижали населеніе: обирали народъ безъ милосердія, отнимали скотъ, имущество, продавали въ рабство неисправныхъ плательщиковъ. И вотъ, въ 1262 году, въ Суздалѣ,

Ростовѣ, Ярославлѣ, Владимірѣ и другихъ городахъ средняго Поволжья поднялись волненія, и сборщики дани были перебиты.

Узнавъ объ этомъ, ханъ пришелъ въ ярость. Въ Ордѣ уже собирались полчища: ханъ готовился безпощадно наказать мятежниковъ. Александръ поспѣшилъ въ Орду. Видно, не легко было ему умилостивить хана: зиму и лѣто прожилъ онъ въ Ордѣ, но зато удалось не только спасти родную землю отъ грозившаго ей новаго погрома, но и выпросить другую важную льготу: по просьбѣ Александра, ханъ освободилъ русскихъ отъ обязанностей выставлять вспомогательное войско татарамъ.

Всѣ эти постоянныя заботы и душевныя тревоги надорвали крѣпкое здоровье Александра: онъ заболѣлъ въ Ордѣ. Немного оправившись, онъ поѣхалъ домой. На дорогѣ онъ снова расхворался, и 14 ноября 1263 года скончался, не доѣхавши до Владиміра. Вѣсть о его смерти достигла Владиміра, и первый получилъ ее митрополитъ Кириллъ во время обѣдни. Онъ тутъ же въ церкви обратился къ народу и сказалъ: «Дѣти мои милыя, закатилось солнце земли русской». Голосъ его прервался отъ рыданій; собравшись съ силами, онъ прибавилъ: «не стало Александра». И весь народъ, собравшійся въ церкви, и бояре, и князья въ одинъ голосъ воскликнули: «Погибаемъ». Имъ казалось, что со смертью Александра на Руси начнутся прежнія бѣдствія.

Лѣтописецъ, говоря о смерти Александра, прибавляетъ: «много онъ потрудился за землю русскую, за Новгородъ и за Псковъ, за все великое княженіе, отдавая животъ свой, и за вѣру православную». Этой готовностью принести всѣ свои силы на пользу всей земли Александръ заслужилъ постоянную память русскаго народа, который смотрѣлъ на него, какъ на ангела-хранителя, а православная Церковь причислила его къ лику святыхъ. Мощи его сначала находились во Владимірѣ, а при Петрѣ I, въ 1724 г., были торжественно перенесены во вновь построенную въ С.-Петербургѣ Александро-Невскую лавру, гдѣ находятся и въ настоящее время.

XII. Образованіе великаго княжества Литовскаго.

Въ то время, когда надъ русской землей тяготѣло татарское иго, къ западу отъ Руси образовалось Литовское государство.

Литовцы были бѣдный, но смѣлый и воинственный народъ, обитавшій въ лѣсистой и болотистой мѣстности по обѣимъ сторонамъ р. Нѣмана. Сначала литовцы дѣлились на множество от-

дѣльныхъ племенъ, которыя враждовали между собою и потому не только не были опасны русской землѣ, но даже иногда платили сами дань русскимъ князьямъ. Но въ XIII вѣкѣ на берегахъ Балтійскаго моря образовалось два сильныхъ полудуховныхъ-полурыцарскихъ княжества—Ордена Тевтонскій и Ливонскій. Такъ какъ они угрожали Литвѣ, то отдѣльныя литовскія племена стали собираться въ одно цѣлое, и образовалось Литовское княжество, во главѣ котораго былъ одинъ князь. Пользуясь тѣмъ, что на русскую землю напалъ Батый, одинъ изъ первыхъ литовскихъ князей сталъ также нападать на западно-русскія области и покорилъ большую часть Полоцкой земли и нынѣшней Бѣлоруссіи. Но дальнѣйшіе успѣхи Литвы были пріостановлены Александромъ Невскимъ.

Особенно возвысилась Литва при князѣ Гедиминѣ (перв. полов. XIV в.). Жители юго-западныхъ русскихъ областей добровольно признавали надъ собой власть Гедимина, такъ какъ подчиненіе Литвѣ избавляло ихъ отъ тяжелаго татарскаго ига. При Гедиминѣ были присоединены къ Литвѣ земли Витебская и Кіевская. При сынѣ его были присоединены области: Черниговская, Сѣверская, Подольская, а позднѣе (при Витовтѣ)—Смоленская.

Литовскіе князья управляли завоеванными областями очень разумно, оставляли безъ измѣненія старые порядки, не трогали мѣстныхъ обычаевъ и не стѣсняли православія. Мало того, они сами женились на русскихъ княжнахъ, принимали православіе и даже стали усваивать русскіе обычаи и русскій языкъ. Гедиминъ умеръ еще язычникомъ, но его сынъ Ольгердъ былъ православнымъ и дѣтей своихъ воспитывалъ въ православной вѣрѣ. Но при сынѣ Ольгерда—Ягеллѣ (Ягайлѣ) произошло весьма важное событіе въ исторіи Литвы, имѣвшее значеніе и въ русской исторіи: Литва была крещена въ католичество. Произошло это такимъ образомъ.

По сосѣдству съ Литвой было Польское государство. Въ 1382 году польскій король (Людовикъ) умеръ, и престолъ достался его дочери Ядвигѣ. Польскіе вельможи (паны) и высшее польское духовенство давно уже думали о томъ, какъ бы имъ навсегда избавиться отъ такого сильнаго и опаснаго сосѣда, какъ литовскій князь, отъ котораго Польшѣ иногда приходилось плохо. Кромѣ того, имъ хотѣлось присоединить къ Польшѣ богатыя русскія области, принадлежавшія Литвѣ. Они рѣшили предложить литовскому князю руку своей королевы Ядвиги и съ ней вмѣстѣ польскій престолъ, но съ тѣмъ условіемъ, что Ягелло

обязанъ всѣхъ своихъ литовцевъ крестить въ католическую вѣру и присоединить къ Польшѣ южно-русскія области. Ягеллѣ это предложеніе понравилось. Въ 1386 г. онъ прибылъ въ Польшу, принялъ крещеніе по католическому обряду и повѣнчался съ Ядвигой. (Какъ король Польши, онъ принялъ имя Владислава II.)

Послѣ этого весь литовскій народъ былъ крещенъ также. Ягелло хотѣлъ крестить въ католичество также и православныхъ русскихъ и тѣхъ литовцевъ, которые уже были окрещены въ православіе, но они рѣшительно объявили, что второй разъ креститься не будутъ. Такъ какъ ихъ было очень много и силой ихъ обратить въ католичество было трудно, то отъ нихъ перестали требовать перемѣны вѣры, но зато лишали разныхъ правъ, отнимали у нихъ церкви, отдавали ихъ въ управленіе католическимъ епископамъ, по русскимъ городамъ насажали польскихъ воеводъ и всячески стѣсняли православныхъ. Вслѣдствіе этого между литовцами и поляками начались ссоры, которыя дошли до открытой борьбы. Этой враждой воспользовался двоюродный братъ Ягеллы Витовтъ и отдѣлился со всей собственно Литвой отъ Польши. Онъ былъ умный и храбрый князь, и пока онъ былъ живъ, поляки не могли ничего сдѣлать съ Литвой. (Но послѣ его смерти Литовское княжество постепенно соединилось съ Польшей въ одно большое государство, въ составъ котораго вошла и вся юго-западная Русь.)

XIII. Начало Москвы. Иванъ Калита.

Послѣ смерти Александра Невскаго между князьями русскими опять пошли споры и ссоры за великокняжескій престолъ. Такъ какъ утвержденіе въ этомъ званіи теперь зависѣло отъ хана, то русскіе князья не столько боролись между собой, сколько старались подкопаться другъ подъ друга и очернить одинъ другого передъ ханомъ. Средствъ для этого они не разбирали. Нерѣдко случалось, что князья, чтобы расположить къ себѣ хановъ, женились на ихъ родственницахъ; случалось также, что князья призывали себѣ на помощь татарскія полчища, если другіе князья не хотѣли ихъ признавать, такъ какъ они получили великое княженіе не по праву, а по милости хана. Въ этой борьбѣ князей мало-по-малу начинаетъ выдвигаться на первый планъ городъ Москва, бывшій до того маленькимъ городкомъ.

Городъ Москва упоминается въ лѣтописи въ первый разъ въ 1147 году. Основана была она, по преданію, Юріемъ Долгорукимъ

на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится московскій кремль. Этотъ холмъ былъ покрытъ лѣсомъ, на что указываетъ названіе одной изъ кремлевскихъ церквей—«Спасъ на бору». Долгое время послѣ Юрія Москва была маленькимъ городкомъ и, въ качествѣ такового, доставалась постоянно во владѣніе младшему изъ сыновей великаго князя. Во время татарскаго нашествія Москва была сожжена и долго не могла оправиться отъ погрома. Послѣ смерти Александра Невскаго она досталась младшему сыну этого князя — Даніилу. Москва была въ это время «малъ древянъ городъ»; къ нему же принадлежало нѣсколько сосѣднихъ селъ и деревень около Москвы, такъ что размѣры княжества Московскаго были весьма незначительны. Но благодаря ловкости Даніила и его сына Юрія, а равно благопріятнымъ обстоятельствамъ, Москва начинаетъ съ этого время понемногу расти.

Особенно много для возвышенія Москвы сдѣлалъ второй сынъ Даніила—Иванъ Калита. (Калита—значитъ мѣшокъ съ деньгами: по одному объясненію, Иванъ былъ такъ названъ за то, что всегда носилъ при себѣ мѣшочекъ съ деньгами, изъ котораго подавалъ нищимъ—«сколько вынется»; по другому, онъ былъ такъ названъ за свое умѣнье копить деньги для надобностей своего княжества.) Иванъ всѣми средствами старался получить милость ханскую: чаще другихъ ѣздилъ въ Орду, постоянно возилъ богатые подарки и самому хану и его приближеннымъ и добился въ концѣ-концовъ того, что ханъ сдѣлалъ его великимъ княземъ. Но онъ не поѣхалъ во Владиміръ, какъ слѣдовало бы, а остался въ Москвѣ, и главной заботой его было усиленіе именно Московскаго княжества.

Такъ какъ онъ чаще другихъ ѣздилъ въ Орду, то пріобрѣлъ большое расположеніе хана и его довѣріе. Ханъ поручилъ ему собирать для Орды дань со всей русской земли и отвозить ее въ Орду: такимъ образомъ Иванъ Калита сдѣлался какъ бы намѣстникомъ, приказчикомъ хана на Руси, а другіе князья оказались у него въ подчиненіи. Но Иванъ извлекъ изъ этого и другую выгоду: онъ собиралъ больше, чѣмъ слѣдовало отвозить хану, и излишекъ оставлялъ въ свою пользу, увеличивая такимъ образомъ свою казну. Населеніе, несомнѣнно, знало объ этомъ, но платило, что требовалъ Иванъ, такъ какъ при немъ татары въ Московскую область не являлись; а посѣщенія татаръ были всегда ужасны для русскаго народа: не говоря уже о сборѣ дани, даже ханскіе послы, проѣзжая по русской землѣ, творили на пути на-

силія, безчинства и всячески оскорбляли русскихъ. Благодаря же тому, что Иванъ самъ уплачивалъ дань хану, хотя, быть можетъ, и не безъ выгоды для себя, его области татары не трогали. «Перестали,—говоритъ лѣтописецъ,—при немъ поганые воевать русскую землю; отдохнули христіане отъ великой истомы и многой тягости и отъ насилія татарскаго, и съ тѣхъ поръ наступила тишина по всей землѣ».

Благодаря этому спокойствію, Московская область все больше и больше населялась; изъ всѣхъ сосѣднихъ княжествъ шелъ туда народъ, привлекаемый безопасностью. За простымъ народомъ переходили на службу къ московскому князю и бояре. Это было очень выгодно для московскаго князя, такъ какъ бояре приходили

Старинныя русскія монеты.

съ «своими людьми». Крестьяне, приходившіе изъ другихъ областей, получали отъ московскаго князя землю, на нѣкоторое время освобождались отъ податей, а потомъ, когда князь находилъ, что они уже устроились на новыхъ мѣстахъ, онъ облагалъ ихъ податями и такимъ образомъ опять-таки увеличивалъ свою казну. Охотно давалъ онъ свободную землю и приходившимъ къ нему боярамъ. За это они обязывались отправлять военную повинность: въ случаѣ надобности они должны были являться на войну и приводить съ собой извѣстное (соотвѣтственно количеству земли своей) число вооруженныхъ на ихъ счетъ людей. Такимъ образомъ увеличивались и военныя силы московскаго князя.

Не мало помогло возвышенію Московскаго княжества и его географическое положеніе. Оно находилось въ срединѣ русскихъ княжествъ и отъ чужихъ земель было прикрыто другими княже-

ствами, такъ что ни съ одной стороны иноземный врагъ не могъ напасть прямо на Московскую область. Поэтому она и пользовалась внутреннимъ спокойствіемъ и безопасностью, которыя, какъ сказано было выше, привлекали въ эту область массу поселенцевъ. Кромѣ того, не имѣющія почти никакого значенія въ настоящее время рѣки—Москва, ея притокъ Яуза и Клязьма—были въ то время судоходными рѣками; по нимъ шла большая торговля; а это было выгодно для московскаго князя, такъ какъ онъ бралъ съ проходившихъ черезъ его область судовъ пошлины—проходныя и торговыя. Иванъ Калита не мало заботился, чтобы въ его княжествѣ процвѣтали промыслы и торговля: онъ строго и безпощадно преслѣдовалъ разбойниковъ, и, дѣйствительно, промышленность и торговля быстро стали развиваться въ Московской области, а отъ этого княжескіе доходы только увеличивались. На эти деньги Иванъ Калита покупалъ у сосѣднихъ, болѣе бѣдныхъ, князей земли—деревни, села, а иногда и цѣлые города. Такимъ образомъ около Москвы мало-по-малу собирались и объединялись разрозненныя русскія области. За это Иванъ Калита получилъ названіе «перваго собирателя земли русской».

Особенно важнымъ событіемъ было переселеніе въ Москву на жительство митрополита. Раньше митрополиты жили въ Кіевѣ. Со времени татарскаго погрома южная Русь запустѣла, Кіевъ былъ разоренъ и митрополиты только считались и назывались кіевскими, а жили постоянно во Владимірѣ и оттуда отъ времени до времени ѣздили въ южную Русь. Дорога шла черезъ Москву. Одинъ изъ митрополитовъ—св. Петръ,—неоднократно проѣзжая черезъ Москву, близко познакомился съ Иваномъ Калитой, полюбилъ его и часто гостилъ у него въ Москвѣ. Онъ убѣждалъ Ивана выстроить каменную церковь во имя Пр. Богородицы; онъ говорилъ: «О боголюбезнѣйшій и великій князь! Если ты моего совѣта послушаешь и соборную церковь каменную поставишь во имя Пречистой Богоматери, то тебя Господь благословитъ, прославитъ больше всѣхъ другихъ князей, и городъ этотъ распространитъ Господь больше всѣхъ другихъ городовъ, и Имя святое Его прославится въ немъ; потомство твое не оскудѣетъ, и будетъ родъ твой обладать мѣстомъ этимъ вовѣки, и руки его взыдутъ на плещи враговъ его (т.-е. одолѣютъ враговъ). И будутъ жить въ немъ святители; также и кости мои въ немъ положены будутъ». Иванъ Калита исполнилъ желаніе митрополита и 4 авг. 1325 г. заложилъ храмъ во имя Успенія Богородицы (нынѣ Успенскій соборъ). Слова св. Петра оказались пророческими: переходя изъ

поколѣнія въ поколѣніе, они въ тяжелыя времена ободряли и успокаивали московскихъ государей. Митр. Петръ собственноручно устроилъ себѣ гробъ въ алтарѣ Успенскаго собора, гдѣ и былъ погребенъ въ слѣдующемъ 1326 г. (Кромѣ Успенскаго собора, Иванъ Калита построилъ каменную церковь во имя Михаила Архангела—нынѣшній Архангельскій соборъ, гдѣ похоронены всѣ русскіе князья и цари съ Ивана Калиты до Петра Великаго. Оба эти собора принадлежатъ къ главнымъ святынямъ московскаго кремля.) Преемникъ Петра, Ѳеогностъ, уже навсегда поселился въ Москвѣ, и такимъ образомъ Москва сдѣлалась столицей русской церкви. Живя въ Москвѣ, митрополиты, конечно, всегда стояли за московскаго князя, въ спорахъ его съ другими князьями принимали его сторону, и эта поддержка была весьма важна для московскихъ князей. Русскій народъ во всѣхъ концахъ Руси съ довѣріемъ сталъ относиться къ московскому князю, предполагая, что все, что онъ дѣлаетъ, совершается съ благословенія митрополита. Это отлично понимали и современники. Лѣтопись говоритъ: «многимъ другимъ князьямъ было очень непріятно, что митрополитъ поселился на постоянное жительство въ городѣ Москвѣ».

Пользуясь помощью митрополита, Иванъ Калита всячески увеличивалъ свои владѣнія и старался подчинить себѣ другихъ князей.

XIV. Св. Алексій митрополитъ и пр. Сергій Радонежскій.

Изъ преемниковъ св. Петра особенно замѣчателенъ св. Алексій, много помогавшій сыновьямъ Ивана Калиты и внуку его Дмитрію Ивановичу. Родомъ изъ черниговскихъ бояръ, онъ былъ уважаемъ не только въ Москвѣ, но и въ Ордѣ. Расположеніе въ Ордѣ онъ пріобрѣлъ послѣ такого событія. Жена хана Чанибека, Тайдула, 3 года была больна глазами. Разъ ханъ прислалъ московскому князю (Ивану II) письмо, въ которомъ говорилъ: «слышалъ я, что у васъ въ Москвѣ есть такой служитель Божій, которому Богъ ни въ чемъ не отказываетъ по его молитвамъ. Отпусти его ко мнѣ, чтобы онъ возвратилъ зрѣніе женѣ моей». Св. Алексій смутился, услышавъ такой зовъ. «Дѣло это превыше силъ монхъ», сказалъ онъ; но не идти въ Орду было опасно. Передъ отправленіемъ митрополитъ Алексій въ горячей молитвѣ склонился въ Успенскомъ соборѣ передъ гробомъ св. Петра. И вдругъ,—разсказываетъ лѣтописецъ,—свѣча у гроба чудотворца Петра загорѣлась сама собой. Митрополитъ Алексій, взявши эту

свѣчу, часть ея роздалъ бывшему въ храмѣ народу; а часть взялъ съ собой въ Орду, куда отправился въ тотъ же день. А въ Ордѣ Тайдула ожидала его съ нетерпѣніемъ, и разъ, когда св. Алексій уже двинулся въ путь, она увидѣла во снѣ, что къ ней приближается какой-то мужъ, одѣтый въ такія же одежды, въ какія одѣвались русскіе священники. Она такъ явственно видѣла все во снѣ, что велѣла приготовить такія же одежды. По пріѣздѣ въ Орду, св. Алексій, войдя къ больной, зажегъ привезенную съ собой свѣчу отъ гроба св. Петра, горячо молился Богу и окропилъ больную святой водой. Богъ услышалъ его молитву, и Тай-

Свв. Петръ, Алексій, Филиппъ и Іона, митрополиты московскіе.

дула стала видѣть. Въ благодарность она велѣла щедро одарить митрополита и подарила ему мѣсто, принадлежавшее ей въ Москвѣ. На этомъ мѣстѣ св. Алексій выстроилъ Чудовъ монастырь. Кромѣ того, митрополитъ Алексій выхлопоталъ у сына Тайдулы, правившаго послѣ отца, ярлыкъ, т.-е. грамоту, которой русское духовенство освобождалось (со всѣми своими землями) отъ всякихъ платежей татарамъ.

При митр. Алексіи въ сѣверной Руси возникло много монастырей. И прежде, до татарскаго погрома, монастырская жизнь считалась образцомъ праведной жизни; и прежде бывало, что, не находя утѣшенія «въ міру» вслѣдствіе княжескихъ усобицъ и нападенія внѣшнихъ враговъ, множество людей уходило въ «пустыню», чтобы тамъ молиться о спасеніи души своей и «о мирѣ

всего міра». Во время татарскаго владычества, когда смерть грозила всякому почти на каждомъ шагу, во всякую минуту, многіе уходили въ монастыри даже въ молодыхъ годахъ, отдавая все свое имущество монастырямъ. Особенно много монастырей возникло къ сѣверу отъ Москвы, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Ярославской, Костромской и за Волгой. Наиболѣе извѣстенъ изъ этихъ монастырей Троице-Сергіевскій.

Основателемъ его былъ св. Сергій (въ міру Варѳоломей). Родители его были ростовскіе бояре, переселившіеся потомъ въ мѣстечко Радонежъ. Уже съ дѣтства Сергій выказывалъ склонность къ строгой подвижнической жизни: въ постные дни ничего не ѣлъ, а въ другіе питался хлѣбомъ и водой; большую часть ночи проводилъ безъ сна, на молитвѣ. Мать не разъ уговаривала его не утруждать себя такъ постомъ и молитвой, говоря, что онъ еще очень молодъ и можетъ повредить черезъ это своему здоровью, но на благочестиваго ребенка эти увѣщанія не дѣйствовали. Съ трудомъ ему давалась сначала грамота. Цѣлые дни проводилъ онъ за книгой, но безуспѣшно. Видя печаль своихъ родителей, Сергій плакалъ и молилъ о помощи Бога. Однажды отецъ послалъ его отыскивать лошадей, ушедшихъ съ пастбища. Во время этихъ поисковъ, проходя лѣсомъ, Сергій увидѣлъ монаха, ему неизвѣстнаго, который стоялъ подъ деревомъ и весьма усердно молился. Сергій остановился и подумалъ: «какъ усердно молится этотъ монахъ; попрошу его помолиться обо мнѣ: навѣрно Богъ всегда слышитъ его молитву». Монахъ, замѣтивъ мальчика, спросилъ его, зачѣмъ онъ тутъ оказался. Сергій разсказалъ ему сначала про порученіе отца, а потомъ прибавилъ: «святой отецъ, помолись за меня, и попроси Бога, чтобы Онъ наставилъ меня: какъ я до сихъ поръ ни старался, но я никакъ не могу научиться читать слово Божіе, и это меня очень печалитъ» Старецъ-монахъ, выслушавъ ласково слова его, сталъ опять молиться, а послѣ молитвы сказалъ Сергію: «не грусти, сынъ мой, не печалься: Господь исполнитъ твое желаніе и поможетъ тебѣ». Послѣ этого монахъ, вмѣстѣ съ Сергіемъ, пошелъ въ домъ его отца; придя туда, онъ велѣлъ взять ему книгу и читать. Сильно изумились родители Сергія, когда услышали, что онъ читаетъ быстро и толково. Тогда монахъ сказалъ родителямъ Сергія: «знайте, что этотъ ребенокъ будетъ великъ передъ Богомъ и многихъ грѣшниковъ обратитъ къ Господу». И вдругъ, послѣ этихъ словъ, монахъ сталъ невидимъ.

Достигши юношескаго возраста, Сергій сталъ просить у роди-

телей благословенія постричься въ монахи. «Потерпи немного,— просили его родители.—Братья твои заботятся о своихъ семьяхъ, а у тебя одна забота—какъ бы угодить Богу. Твоя благая часть не отнимется отъ тебя. Но послужи намъ еще немного, а когда проводишь насъ до могилы и землей покроешь, тогда твори, что желаешь».

Черезъ нѣсколько лѣтъ, чувствуя приближеніе смерти, они оба постриглись. Послѣ ихъ смерти Сергій, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Стефаномъ, рѣшилъ посвятить себя Богу. Они срубили себѣ келейки и маленькую церковь въ глухомъ лѣсу, въ 12 верстахъ отъ г. Радонежа. (Церковь была освящена присланнымъ отъ митр. Ѳеогноста священникомъ во имя св. Троицы; въ настоящее время на мѣстѣ ея стоитъ Троицкій соборъ.) Но житье вдвоемъ среди глухого лѣса и тяжелыя лишенія, которыя выпадали на долю братьевъ-отшельниковъ, заставили Стефана уйти въ одинъ изъ московскихъ монастырей, и Сергій, такимъ образомъ, остался одинъ. Въ это время, 23 лѣтъ отъ роду, онъ принялъ монашество.

Среди глухого, непроглядnаго лѣса, въ полномъ одиночествѣ, онъ прожилъ около 2 лѣтъ. Не разъ въ ночное время, когда бушевалъ вѣтеръ, стоналъ лѣсъ, когда стаи голодныхъ волковъ выли около его кельи, жутко ему становилось и ужасъ охватывалъ его. Но непрестанная молитва и твердая надежда на Бога давали ему такую твердость духа, что онъ пересталъ бояться даже дикихъ звѣрей: спокойно встрѣчался съ ними, и они его не трогали. Въ его житіи разсказывается, что однажды онъ увидѣлъ передъ своей кельей медвѣдя. Замѣтивъ, что медвѣдь голоденъ, Сергій вынесъ ему кусокъ хлѣба. Съ этого дня медвѣдь сталъ часто приходить къ Сергію, и онъ дѣлилъ съ звѣремъ свою скудную трапезу; случалось, что онъ отдавалъ медвѣдю послѣдній кусокъ хлѣба, а самъ голодалъ.

Когда разнеслась молва, что близъ Радонежа, въ лѣсу, спасается отшельникъ, начали приходить къ нему одинъ за другимъ монахи. Скоро ихъ набралось 12 человѣкъ. Въ своей деревянной церкви они служили утреню, часы и вечерню, а для обѣдни призывали по временамъ священника изъ сосѣдняго села. Черезъ нѣсколько времени братіи удалось съ большимъ трудомъ уговорить Сергія быть игуменомъ. При этомъ онъ былъ рукоположенъ въ священники.

Вначалѣ эта Троице-Сергіевская обитель была очень бѣдна. Богослуженіе, за недостаткомъ свѣчей, часто совершалось при

свѣтѣ лучины; богослужебныя книги были написаны на берестѣ; церковные сосуды были деревянные; облаченіе—изъ простой крашенины. Самъ игуменъ одѣвался такъ бѣдно, что его часто принимали за нищаго. Св. Сергій подавалъ братіи примѣръ строгой жизни и трудолюбія; самъ пекъ хлѣбы, шилъ обувь, носилъ воду и рубилъ дрова; никогда не видали его безъ дѣла. Питался онъ только хлѣбомъ и водою, но крѣпкое его здоровье помогало ему переносить всѣ тяжелые труды и лишенія.

Молва о святой жизни Сергія и его обители разносилась все шире и шире; число братіи стало увеличиваться; много богомольцевъ всякаго званія и состоянія приходило въ монастырь. Обитель стала богатѣть. О Сергіи стали говорить, что онъ обладаетъ даромъ предвидѣнія, что его молитва имѣетъ особую силу. Но самъ Сергій нисколько не измѣнился: попрежнему велъ онъ суровый образъ жизни, попрежнему просто и задушевно обходился со всѣми, кто къ нему приходилъ; съ одинаковой добротой обращался съ послѣдними нищими, которые кормились на счетъ монастыря, и съ князьями и съ боярами, дѣлавшими въ обитель тысячные вклады.

Сильно любилъ Сергія митрополитъ Алексій, часто навѣщалъ его, совѣтовался съ нимъ и очень хотѣлъ сдѣлать его своимъ преемникомъ — поставить его митрополитомъ русскимъ. Но св. Сергій, по смиренію своему отказался. Смиреніе было главнымъ свойствомъ св. Сергія: ему страшны были блескъ и почетъ мірскіе. Братія дивилась строгости жизни своего игумена, его необыкновенной выносливости, его способности въ глубокой старости трудиться неустанно: «ищите прежде всего царствія Божія,—говорилъ св. Сергій своей братіи,—а все остальное дастся вамъ».

Св. Сергій скончался 78 лѣтъ, въ 1391 году. (Празд. 25 сент.) Основанный имъ монастырь имѣлъ громадное значеніе для сѣверной Руси. Ученики св. Сергія расходились въ разныя стороны и вездѣ строили монастыри, въ которыхъ прилагали къ дѣлу заповѣди своего учителя.

Всѣ эти монастыри сослужили великую службу русской землѣ. Въ годы тяжкой неволи и рабскаго униженія, въ то время, когда русскій народъ страдалъ отъ голода, нищеты и повальныхъ болѣзней, иноческіе труды и подвиги являлись образцомъ праведной жизни: глядя на нихъ, люди проникались любовью къ Богу, ревностью къ вѣрѣ Христовой и усердіемъ къ добрымъ дѣламъ. Свѣтлѣе становилось въ душѣ у бѣднаго, подавленнаго горемъ человѣка, когда онъ слышалъ отъ какого-нибудь подвижника, что земная жизнь со всѣми ея кратковременными горестями и страданіями ничто въ сравненіи съ царствомъ небеснымъ, гдѣ жизнь

вѣчная, красота неизреченная и радость безъ конца. Вѣра въ будущую лучшую жизнь согрѣвала имъ душу. У старца, слабаго тѣломъ, но бодраго духомъ, добровольно терпѣвшаго всякія лишенія и нужды, учился онъ не падать духомъ въ несчастіи и терпѣливо переносить свою горькую долю. Монастыри же сосредоточивали въ себѣ образованность тогдашняго времени; здѣсь сохранялись книги, бывшія тогда большой рѣдкостью; здѣсь же ихъ переписывали; монахи занимались переводами съ греческаго или писали новыя сочиненія, вели лѣтописи. Книги, изготовлявшіяся въ монастыряхъ, расходились по всей русской землѣ. Изъ монастырей выходили также знаменитые въ свое время церковные проповѣдники. Но для простого народа важнѣе книги и проповѣди былъ живой примѣръ подвижниковъ и ихъ простое задушевное слово. Молва о ихъ подвигахъ широко расходилась по русской землѣ и, проникая въ самые отдаленные углы ея, поддерживала у темныхъ, непросвѣщенныхъ людей вѣру въ Бога и въ лучшую будущую жизнь.

XV. Дмитрій Донской и Куликовская битва.

Въ то время, какъ Московское княжество, со временъ Калиты, постоянно усиливалось, Золотая Орда начала ослабѣвать вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и кровавыхъ распрей за ханскій престолъ. Иногда разомъ являлось два хана; споръ кончался тѣмъ, что одинъ изъ нихъ убивалъ другого, но черезъ нѣсколько времени его самого убивалъ новый искатель ханскаго престола; во второй половинѣ XIV в. было такое десятилѣтіе, когда перемѣнилось 15 хановъ. Потомъ Орда раздѣлилась на нѣсколько частей.

Пользуясь этимъ, московскіе князья стали посылать въ Орду дани меньше, чѣмъ слѣдовало, а иной разъ и совсѣмъ не посылали. Затѣмъ, во многихъ мѣстахъ стали избивать татарскіе отряды, заходившіе иногда пограбить русскую землю. Внукъ Ивана Калиты Дмитрій Ивановичъ думалъ, что пришла, наконецъ, пора свергнуть ненавистное татарское иго, и совсѣмъ пересталъ платить дань татарамъ.

Между тѣмъ вся Орда соединилась подъ властью одного хана—Мамая, который немедленно потребовалъ отъ Дмитрія прежней дани и покорности. Дмитрій отвѣчалъ, что готовъ платить дань, но меньшую. Мамай тогда послалъ противъ него войско, но Дмитрій не поколебался выступить противъ татаръ и нанесъ имъ сильное пораженіе на р. Вожѣ, въ рязанской землѣ. Это была первая побѣда русскихъ надъ татарами. Въ страшную ярость пришелъ Мамай и сказалъ, что напомнитъ русскимъ времена Батыевы: «возьму землю русскую, разрушу церкви, вѣру ихъ на

свою передѣлаю, прикажу имъ поклоняться Магомету,—въ гнѣвѣ кричалъ онъ.—Гдѣ были христіанскія церкви, тамъ велю поставить мечети, посажу своихъ баскаковъ по всѣмъ городамъ русскимъ, а князей русскихъ перебью». И сталъ онъ собирать огромное войско: были въ немъ и черкесы, и армяне, и разные азіатскіе народы. Особенно было опасно то, что онъ вступилъ въ союзъ съ литовскимъ княземъ Ягелломъ и уговорилъ его соединиться съ татарами. Князь рязанскій Олегъ, боясь татаръ, тоже обѣщался примкнуть къ нимъ противъ Дмитрія (но впослѣдствіи

Св. Сергій благословляетъ Дмитрія Донского на борьбу съ Мамаемъ.
Съ карт. Кившенко.

онъ уклонился отъ борьбы и не соединился ни съ той, ни съ другой стороной).

Когда пришли въ Москву вѣсти о громадныхъ приготовленіяхъ Мамая, Дмитрій вызвалъ къ себѣ изъ Серпухова своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича. Тотъ подалъ совѣтъ, что «лучше подъ мечомъ за Христову вѣру и за государя умереть, чѣмъ въ рабствѣ вѣкъ вѣковать». Рѣшено было готовиться къ борьбѣ съ татарами. Въ этомъ рѣшеніи поддерживалъ Дмитрія и преп. Сергій, къ которому онъ часто обращался за совѣтомъ.

Призывъ великаго князя Дмитрія на борьбу за освобожденіе

отечества отъ татаръ возбудилъ сильное воодушевленіе въ князьяхъ русскихъ. Отовсюду, даже изъ отдаленныхъ заволжскихъ княжествъ, собирались вооруженные люди подъ начальство великаго князя. Въ самой Москвѣ военныя приготовленія закончились около Успеньева дня 1380 г.

Передъ самымъ выступленіемъ въ походъ Дмитрій Ивановичъ, въ сопровожденіи близкихъ бояръ, отправился въ Троицкую лавру, чтобы просить благословенія у св. Сергія. Св. Сергій, напутствуя Дмитрія, сказалъ ему: «Господь будетъ тебѣ заступникомъ и помощникомъ. Онъ побѣдитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя». Онъ далъ Дмитрію двухъ иноковъ—Пересвѣта и Ослябя,—которые до поступленія въ монастырь были извѣстны, какъ «добрые воины».

По возвращеніи изъ лавры, 20 августа Дмитрій выступилъ съ войскомъ изъ Москвы. Передъ отправленіемъ онъ обошелъ всѣ кремлевскіе соборы и вездѣ молился о благословеніи на страшный путь, на грозное дѣло борьбы съ татарами. Трогательно было прощаніе Дмитрія съ женой и дѣтьми, но Дмитрій, какъ говоритъ лѣтописецъ, «не прослезился народа ради». Выйдя на Красную площадь, онъ обратился къ собравшимся тамъ ополченіямъ съ такими словами: «приспѣло время, братцы мои милые, за землю русскую и за святыя Божіи церкви себя не щадить».—«Прольемъ кровь за святую вѣру, сложимъ головы за тебя, княже...»—откликнулось войско.

Подъ Коломной былъ назначенъ общій сборный пунктъ: тамъ собралось еще невиданное на Руси 150-тысячное войско. Отсюда великій князь двинулся на югъ, къ Дону. Здѣсь, 6 сентября, остановились и стали совѣщаться, переходить Донъ или ждать врага. Мнѣнія раздѣлились. Одни говорили, что переходить рѣку опасно, такъ какъ, въ случаѣ неудачи, рѣка помѣшаетъ отступленію. Самъ Дмитрій былъ того мнѣнія, что надо идти впередъ, чтобы не дать татарамъ соединиться съ литовцами, которые тоже спѣшили къ Дону. Бывшіе въ русскомъ войскѣ литовскіе князья Ольгердовичи говорили, что перейти рѣку необходимо, чтобы всѣ знали, что отступленія нѣтъ и что, слѣдовательно, должно или побѣдить или всѣмъ лечь костьми. Въ это время прискакалъ гонецъ отъ преп. Сергія съ письмомъ, въ которомъ Сергій писалъ Дмитрію: «чтобы ты, господине, такъ пошелъ, а поможетъ ти Богъ и Пресвятая Богородица». Дмитрій далъ приказъ переходить Донъ, и войско вступило на обширное Куликово поле, при впаденіи въ Донъ р. Непрядвы. На противоположномъ концѣ поля уже видны

были громадныя полчища непріятеля. На одномъ изъ холмовъ былъ раскинутъ шатеръ самого Мамая.

Весь день Дмитрій провелъ среди войска, размѣщая его отдѣльныя части, указывая, гдѣ кому стоять. Довольно сильный отрядъ, подъ начальствомъ кн. Владиміра Андреевича и боярина Боброка, былъ поставленъ въ засаду за лѣсомъ. Все русское войско было охвачено одной мыслью—добыть свободу отъ позорнаго татарскаго ига или лечь костьми. «Много было князей,—говоритъ лѣтопись,—но духъ былъ единый». Ратники готовились къ завтрашнему бою, какъ къ св. причастію, и одѣвали чистыя рубашки.

Въ ночь передъ битвой,—говоритъ сказаніе,—Дмитрій выѣхалъ изъ лагеря съ Боброкомъ и расположился между обоими станами—русскимъ и татарскимъ. Боброкъ сказалъ, что онъ знаетъ примѣты, по которымъ можно предсказать исходъ будущей битвы. Онъ предложилъ Дмитрію вслушаться въ то, что неслось изъ вражьяго стана и изъ русскаго лагеря. „Слышу съ вражеской стороны,—сказалъ Дмитрій,—словно торжище (базаръ) начинается, шумъ и трубный звукъ, а дальше воютъ волки, кричатъ вороны и клекотъ орлиный несется; а на Непрядвѣ гуси и лебеди плещутся крыльями, какъ передъ грозой. На нашей сторонѣ тишина великая и отъ множества огней, какъ будто, заря занимается“. „Это доброе знаменіе для тебя, господине княже,—сказалъ Боброкъ;—но есть у меня еще другая примѣта“. Онъ припалъ къ землѣ ухомъ, долго слушалъ и потомъ, поднявшись на ноги, не хотѣлъ ничего говорить, что ему слышалось. Только послѣ настойчивыхъ просьбъ Дмитрія онъ сказалъ: „слышалъ я, какъ земля горько плакала: на одной сторонѣ, казалось, будто плачетъ мать о дѣтяхъ и причитаетъ по-татарски, а на другой—нашей—сторонѣ будто плачетъ дѣвица тонкимъ голосомъ. Во многихъ битвахъ я былъ и много примѣтъ испыталъ и знаю ихъ. Уповай на милость Божію и помощь сродниковъ твоихъ Бориса и Глѣба—и ты одолѣешь; но твоего христіанскаго воинства падетъ подъ остріемъ меча многое множество“. Послѣ этого они вернулись въ русскій станъ. Эта ночь была, вообще, по преданію, полна видѣній. Одинъ изъ воиновъ видѣлъ на небѣ, какъ два свѣтлыхъ юноши, схожіе со свв. Борисомъ и Глѣбомъ, рубили несмѣтныя полчища враговъ съ кликомъ: „кто вамъ велѣлъ губить наше отечество“. Во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ храмѣ Рождества Богородицы, гдѣ почивали мощи благовѣрнаго князя Александра Невскаго, одинъ инокъ видѣлъ, какъ у его гроба сами собой загорѣлись свѣчи, какъ подошли два свѣтоносныхъ старца (свв. Петръ и Алексій) и сказали: „возстани, Александре, ускори на помощь сроднику своему великому князю Дмитрію Ивановичу, одолѣваемому врагами“. И Александръ Невскій всталъ на зовъ старцевъ, какъ живой, изъ гробницы.

Утро слѣдующаго дня—8 сентября—было очень туманное. Русскимъ это было весьма кстати, такъ какъ за этимъ туманомъ татары не замѣтили, что часть войска спряталась въ засаду. Когда туманъ разсѣялся, Дмитрій, помолившись передъ чернымъ

знаменемъ своимъ, на которомъ было изображеніе Нерукотвореннаго Спаса, сталъ объѣзжать войска, ободряя ихъ на предстоящій подвигъ. «Отцы и братья,—говорилъ онъ,—Бога ради подвизайтесь, святыхъ ради церквей и вѣры христіанской. Сія смерть не въ смерть, но въ жизнь вѣчную». «Боже, даруй побѣду государю нашему»,—восклицали воины въ отвѣтъ на рѣчь Дмитрія. Около полудня туманъ исчезъ, и солнце яркими лучами залило поле. Силы непріятельскія уже подходили. Дмитрій снялъ съ себя княжескій плащъ и другіе знаки своего достоинства и надѣлъ на своего любимца, боярина Бренка, котораго поставилъ у своего знамени; самъ же хотѣлъ сражаться въ первыхъ рядахъ, какъ простой воинъ. Многіе удерживали его и говорили, что онъ долженъ распоряжаться другими издали, а не подвергать себя опасности; но Дмитрій отвѣтилъ на это: «гдѣ вы, тамъ и я; скрываясь назади, могу ли я сказать вамъ: о, братья, умремъ за отечество; слово мое да будетъ дѣломъ: я—начальникъ и стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ».

Битва началась съ того, что съ татарской стороны выѣхалъ огромнаго роста богатырь и сталъ вызывать охотника изъ русскихъ на единоборство. Видя его исполинскій ростъ, никто долго не отваживался выйти противъ него, какъ вдругъ изъ русскихъ рядовъ выѣхалъ Пересвѣтъ. Обратившись къ своимъ, онъ сказалъ имъ: «отцы и братья, простите меня грѣшнаго»; потомъ, со словами—«преподобне отче Сергіе, помоги мнѣ своею молитвою»—съ опущеннымъ копьемъ понесся на татарскаго богатыря. Оба всадника сшиблись въ страшномъ ударѣ, и оба пали мертвые.

Вслѣдъ за этимъ началась общая битва. Полки русскіе бросились на татаръ, и на всѣ 10 верстъ заволновалось Куликово поле. Густая пыль поднялась надъ полемъ и заволокла страшное побоище, происходившее на немъ. И русскихъ и татаръ падало множество; тѣла убитыхъ и раненыхъ образовали цѣлыя горы, на которыя приходилось взбираться всадникамъ. Бились мечами, копьями, а иногда схватывались руками и кусали другъ друга зубами. Отъ тѣсноты многіе задыхались. Наконецъ, татары, которыхъ было гораздо больше, чѣмъ русскихъ, стали одолѣвать. Почти вся пѣшая рать наша была скошена, какъ трава; много князей и бояръ было убито; самъ Дмитрій былъ раненъ. Мало оставалось уцѣлѣвшихъ русскихъ полковъ. Мамай, смотрѣвшій издали на битву, радовался удачѣ; уже слышны были радостные крики враговъ.

Видя и слыша все это, находившіеся въ засадѣ русскіе полки

рвались въ бой, но Боброкъ все удерживалъ ихъ; онъ ждалъ, когда татары устанутъ окончательно, и тогда думалъ напасть на нихъ со свѣжими силами. Вдругъ (приблизительно черезъ 3 часа послѣ начала битвы) поднялся вѣтеръ въ лицо татарамъ. Тогда Боброкъ крикнулъ: «братья и други, дерзайте: настало время благое. Съ нами Богъ».

Мамай никакъ не ожидалъ, чтобы у русскихъ была запасная дружина, и не могъ понять, откуда она взялась. Татары были измучены и разстроены, а войско Боброка было со свѣжими силами; какъ орлы, налетѣли русскіе на татаръ. «Русь перехитрила насъ,—кричали татары,—худшихъ мы побили, а лучшіе сохранились». Страхъ охватилъ ихъ, и они бросились бѣжать. Мамай, видя пораженіе своихъ, воскликнулъ: «великъ Богъ земли русской»—и послѣдовалъ за своими воинами. Русскіе гнали татаръ нѣсколько верстъ и избили ихъ громадное количество; множество возовъ со всякимъ добромъ досталось въ добычу побѣдителямъ.

Татары были, такимъ образомъ, побѣждены, но дорого досталась эта побѣда русскимъ: изъ 150 тысячъ осталось въ живыхъ только 40 тысячъ. Князь Владиміръ Андреевичъ велѣлъ трубить сборъ. Стали сходиться ратники со всѣхъ сторонъ, но между ними не было великаго князя. Никто не зналъ, что съ нимъ случилось. Стали искать его среди убитыхъ и раненыхъ и послѣ долгихъ поисковъ нашли лежащимъ подъ срубленнымъ деревомъ, безъ чувствъ. Его доспѣхи были всѣ изрублены и покрыты кровью, но самъ онъ былъ раненъ не опасно. Слыша вокругъ себя знакомые голоса, Дмитрій очнулся, поблагодарилъ Бога за побѣду и, сѣвъ на лошадь, отправился объѣзжать поле, которое на пространствѣ 10 верстъ было до того покрыто трупами, что лошади съ трудомъ могли двигаться. Дмитрій благодарилъ всѣхъ воиновъ, помолился за убитыхъ, велѣлъ ихъ похоронить и установилъ обычай вѣчно чтить память ихъ (въ т. наз. Дмитровскую субботу). Послѣ этого онъ возвратился въ Москву, гдѣ его торжественно встрѣтило духовенство и всѣ жители. Восторгъ народа былъ неописанный. Дмитрія всѣ прославляли, сравнивали съ Александромъ Невскимъ и прозвали «Донскимъ», а князя Владиміра Андреевича—«Храбрымъ».

Но съ пораженіемъ Мамая еще не окончились бѣды русской земли. Въ Ордѣ произошли перемѣны: Мамай былъ убитъ Тохтамышемъ. Тохтамышъ напалъ врасплохъ на Москву, когда Дмитрія тамъ не было, хитростью ворвался въ самый городъ и заставилъ Дмитрія опять платить дань татарамъ.

Такимъ образомъ Куликовская битва не освободила Русь отъ татаръ, но она очень ихъ ослабила; затѣмъ, что еще важнѣе, она доказала русскимъ, что если они будутъ дѣйствовать заодно, то они могутъ побѣдить татаръ.

XVI. Иванъ III.

Укрѣпленіе власти московскихъ князей и собираніе земли вокругъ Москвы, начатое еще при Калитѣ, продолжалось и при Донскомъ и послѣ него. Но больше всѣхъ сдѣлалъ для объединенія русской земли правнукъ Дмитрія Донского — Иванъ III Васильевичъ.

Это былъ настоящій потомокъ Ивана Калиты. Иванъ III былъ князь очень умный и разсчетливый; каждое свое дѣло, каждый свой шагъ онъ старательно обдумывалъ, и принимался за дѣло только тогда, когда видѣлъ, что можно дѣйствовать навѣрняка; во всякомъ дѣлѣ, казалось, держался пословицы: „Семь разъ отмѣрь, а одинъ отрѣжь“; терпѣливый и разсчетливый, онъ умѣлъ выжидать благопріятнаго случая, и когда этотъ случай представлялся, онъ искусно имъ пользовался и всегда доводилъ до конца начатое дѣло.

Въ дѣтствѣ онъ былъ свидѣтелемъ войны между его отцомъ и дядями; во время этой войны его отецъ попалъ въ плѣнъ и былъ ослѣпленъ своимъ противникомъ, потомъ побѣдилъ его и вернулъ себѣ отнятую у него Москву. Неудивительно, что смолоду Иванъ III возненавидѣлъ удѣльные порядки, при которыхъ могли происходить такія звѣрства, какъ ослѣпленіе попавшаго въ плѣнъ врага. Уничтоженіе удѣловъ стало завѣтной его мечтой, когда онъ сдѣлался великимъ княземъ.

I. Покореніе Новгорода. Когда Иванъ III вступилъ на великокняжескій престолъ, большая часть сѣверной Руси была отъ Москвы независима, а признавала надъ собой власть города Новгорода.

Благодаря своему географическому положенію, Новгородъ очень рано пріобрѣлъ большое значеніе. Онъ находился на «великомъ водномъ пути изъ варягъ въ греки» и былъ однимъ изъ тѣхъ городовъ, которые неоднократно упоминаются въ началѣ русской исторіи. Его близость къ Балтійскому морю была причиной того, что Новгородъ сталъ вести весьма оживленныя торговыя сношенія съ заграничными городами и такимъ образомъ пріобрѣлъ себѣ большія денежныя средства. Можно сказать, что торговля была главнымъ занятіемъ новгородцевъ, такъ какъ почва новгородской области была крайне неплодородна, и населеніе не имѣло никакой возможности прокормиться своимъ хлѣбомъ. Торговлѣ помогала необыкновенная предпріимчивость жи-

телей этого города: съ своими товарами они проникали въ самые отдаленные уголки русской земли, заводили тамъ торговлю, а потомъ присоединяли эту область, если она еще никому не принадлежала, къ «Господину Великому Новгороду».

Этотъ городъ отличался отъ всѣхъ остальныхъ русскихъ городовъ своимъ политическимъ устройствомъ *). Въ глубокой древности почти во всѣхъ большихъ городахъ русскихъ были вѣча, т.-е. горожане для рѣшенія всѣхъ важныхъ вопросовъ сходились вмѣстѣ «на думу» и всѣ дѣла рѣшали сообща. Но всѣ эти вѣча съ теченіемъ времени исчезли. Въ Новгородѣ, напротивъ, вѣче не только не пропало, но сохранилось въ полной силѣ до XV столѣтія. Нигдѣ оно не имѣло такой большой власти, какъ въ Новгородѣ. Оно рѣшало, воевать или мириться съ непріятелемъ; оно разбирало важнѣйшія преступленія; оно же выбирало должностныхъ лицъ на важнѣйшія должности. Были въ Новгородѣ и князья, но особенно большого значенія не имѣли. Вѣче само ихъ приглашало и смѣняло; князь нуженъ былъ Новгороду для защиты отъ внѣшнихъ враговъ и отъ другихъ князей. Самъ онъ безъ вѣча ничего важнаго дѣлать не могъ, не могъ, напр., самъ налагать податей, не могъ одинъ судить. Какъ только князь не нравился вѣчу, то оно «показывало ему путь изъ Новгорода», не обращая вниманія на то, что этотъ князь, быть можетъ, оказалъ Новгороду большія услуги. Чаще всего князья сами уходили, такъ какъ не могли ужиться съ вѣчемъ. Рѣдко поэтому князья оставались въ Новгородѣ больше 2-3 лѣтъ.

Главнымъ лицомъ въ Новгородѣ послѣ князя былъ посадникъ. Онъ избирался вѣчемъ и зависѣлъ только отъ вѣча, такъ что князь не могъ смѣнить его по своему желанію. Весьма важную роль игралъ въ Новгородѣ владыка архіепископъ, котораго также избирало вѣче. Значеніе его было тѣмъ больше, что князья смѣнялись въ Новгородѣ часто; кромѣ того, у него былъ свой особый полкъ войска.

Вѣче собиралось, по звону вѣчевого колокола, на такъ называемомъ Ярославовомъ дворѣ. Сходились на вѣчѣ всѣ жители Новгорода—и «лучшіе» люди, и «черные», т.-е. знатные и богатые, и простой народъ. Всѣ имѣли одинаковыя права, но на самомъ дѣлѣ всѣмъ управляли «лучшіе люди», знатные бояре; изъ нихъ же обыкновенно избирались посадники и другія власти новгородскія.

---

*) Какъ мы уже знаемъ изъ разсказа объ Александрѣ Невскомъ.

Вѣче въ Новгородѣ не всегда оканчивалось мирно и не всегда собиралось и проходило правильно. Случалось, что народъ, почему-либо недовольный распоряженіемъ посадника, собирался на сходку, не соблюдая правилъ: сходились всѣ, кто хотѣлъ, напр., не имѣвшіе права на вѣчѣ сыновья домохозяевъ или такъ называемые «вольные люди», т.-е. не записанные ни въ одну общину г. Новгорода. Самое вѣче происходило безпорядочно: одни хотѣли рѣшить дѣло такъ, другіе иначе; случалось, что противники вступали между собою въ драку, которая потомъ переходила въ настоящій бой съ оружіемъ, нападали на дома своихъ «несогласниковъ» и грабили ихъ. Нерѣдко бывали случаи, что разомъ собирались два вѣча—одно около храма св. Софіи, а другое на Ярославовомъ дворѣ. Враждебныя стороны сходились на Волховскомъ мосту, который соединялъ обѣ части города—Софійскую и Торговую, гдѣ былъ Ярославовъ дворъ,—и завязывали свалку. Въ такихъ случаяхъ новгородскій владыка въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, являлся среди дерущихся и умиротворялъ ихъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше бывало порядка на вѣчѣ. Въ Новгородѣ было не мало людей, которые свою личную выгоду ставили выше пользы общественной; такіе люди нанимали себѣ изъ бѣдныхъ гражданъ «крикуновъ», которые и кричали на вѣчѣ то, что имъ было нужно; бывало и такъ, что богатые люди нанимали за деньги шайки «лихихъ людей», нападали на своихъ соперниковъ и творили всякія насилія, грабежи и убійства. Всякій заботился только о себѣ. Мало кто думалъ о томъ, что во всѣмъ нужны строгій порядокъ и законность, что неправда и насилія рано или поздно приведутъ къ большой бѣдѣ. «Не стало въ Новгородѣ,—говоритъ лѣтописецъ,—ни правды, ни суда. Въ городѣ, по селамъ и волостямъ—грабежи, неумѣренные поборы съ народа, вопль и рыданія, проклятія на старѣйшихъ и на весь Новгородъ, и стали новгородцы предметомъ поруганія для сосѣдей».

Пока русская земля была раздроблена на множество областей, князья которыхъ были между собою во враждѣ, Новгородъ могъ сохранять безъ труда свою независимость; но когда Русь стала собираться около Москвы, дѣло измѣнилось. Чѣмъ больше усиливалось Московское княжество, тѣмъ сильнѣе хотѣлось его князьямъ подчинить себѣ Новгородъ: новгородскіе вѣчевые порядки не по душѣ были московскимъ князьямъ, такъ какъ тамъ воля князя ставилась ни во что. Московскіе князья рано стали тѣснить Новгородъ. Нѣкоторые изъ нихъ опустошали новгород-

скія владѣнія и заставляли Новгородъ платить дань, такъ какъ новгородцы часто нарушали права московскаго князя въ Двинской области, или новгородскіе «ушкуйники» (вольница новгородская) грабили земли, подвластныя московскому князю. Къ тому же въ самомъ Новгородѣ происходили постоянныя неурядицы: простой народъ хотѣлъ подчиниться Москвѣ, надѣясь найти у князя защиту противъ сильныхъ людей, а бояре боялись Москвы, такъ какъ тамъ князь боярамъ никакой воли не давалъ. Имъ больше нравились порядки въ Польшѣ, гдѣ власть короля была сильно ограничена боярами; поэтому, видя, что Новгороду не устоять противъ Москвы, что приходитъ конецъ его вольности, бояре рѣшили передаться на сторону польско-литовскаго короля. Они заключили съ нимъ договоръ, по которому признавали надъ собой его власть, а онъ за это оставилъ имъ ихъ старинныя вольности и обязался защищать ихъ отъ Москвы.

Иванъ III зорко смотрѣлъ за всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось въ Новгородѣ, и искусно поддерживалъ въ немъ несогласія между гражданами: многіе недовольны были подданствомъ польскому королю — католику. Неоднократно Иванъ отправлялъ въ Новгородъ пословъ съ напоминаніемъ объ обязанностяхъ. «Люди новгородскіе,—говорили эти послы,—исправьтесь; не забывайте, что Новгородъ—вотчина великаго князя. Не творите лиха, живите по старинѣ». Но враги Москвы не унимались, оскорбляли пословъ московскихъ, кричали на вѣчѣ: «Новгородъ не вотчина великаго князя: Новгородъ самъ себѣ Господинъ».

Наконецъ, узнавъ о заключеніи Новгородомъ союза съ Литвой, Иванъ выступилъ въ походъ. Передъ отправленіемъ и во время пути онъ раздавалъ щедрую милостыню, приказывалъ служить молебны—вообще придалъ своему походу священный характеръ: онъ говорилъ, что идетъ наказать новгородцевъ за измѣну православію. Новгородцы уже чуяли бѣду. Суевѣрный народъ отмѣтилъ нѣсколько недобрыхъ предзнаменованій. Говорили, что въ одномъ монастырѣ на иконѣ Пресв. Богородицы изъ глазъ потекли слезы; въ другомъ колокола стали сами перезванивать; буря сломила крестъ на св. Софіи. Ходила молва, что преп. Зосима, подвижникъ Соловецкій, на пиру у главной противницы Москвы—Марѳы Борецкой—имѣлъ видѣніе: 6 бояръ, особенныхъ враговъ московскаго князя, показались ему сидящими безъ головъ; говорили и о другихъ подобныхъ знаменіяхъ.

Новгородцы наскоро собрали большое войско; но оно состояло изъ купцовъ и ремесленниковъ, мало опытныхъ въ военномъ

дѣлѣ, и въ первой же битвѣ онѣ были на-голову разбиты сравнительно малочисленнымъ, но хорошо устроеннымъ московскимъ войскомъ. Послѣ сраженія окрестности Новгорода были сильно опустошены, а отъ польско-литовскаго короля помощи не было. Между тѣмъ, вслѣдствіе прекращенія подвоза, вздорожалъ хлѣбъ. Граждане новгородскіе упали духомъ и рѣшили просить Ивана о мирѣ. Иванъ согласился на миръ, но потребовалъ, чтобы новгородцы ему уплатили большую сумму денегъ (15500 рублей—80 пудовъ серебра) и отказались отъ союза съ Польшей. На этотъ разъ онъ не уничтожилъ ихъ вѣчевого устройства, такъ

Уничтоженіе вѣча. *Съ карт. Лебедева.*

что все, какъ будто, осталось по-старому. Но не прошло и семи лѣтъ, какъ Иванъ покончилъ съ новгородской вольностью. Съ большимъ войскомъ подступилъ онъ къ Новгороду и заявилъ: «хотимъ въ Новгородѣ такого же государства, какъ у насъ въ Москвѣ; вѣчевому колоколу не быть, посаднику не быть и государство все намъ держать». Долго новгородцы не соглашались на такія условія, просили сдѣлать имъ разныя уступки, но Иванъ твердо стоялъ на своемъ. Въ концѣ-концовъ новгородцы должны были уступить и цѣловать ему крестъ, какъ «самовластному» государю (въ январѣ 1478 г.). Вѣчевой колоколъ былъ увезенъ въ Москву и повѣшенъ на одной изъ Кремлевскихъ колоколенъ. Марѳа Посадница также была отправлена въ Москву; кромѣ того,

чтобы на будущее время обезопасить себя отъ всякихъ возмущеній со стороны Новгорода, Иванъ переселилъ нѣсколько сотъ вліятельныхъ новгородскихъ семействъ въ московскіе города, а на ихъ мѣсто поселилъ жителей изъ Москвы и другихъ сосѣднихъ съ ней городовъ.

Такъ кончилось независимое существованіе Новгородской общины. Скоро и торговля новгородская прекратилась, такъ какъ великій князь не давалъ льготъ иностраннымъ купцамъ, и они совсѣмъ перестали ѣздить въ Новгородъ. Одновременно съ Новгородомъ подчинились Москвѣ и всѣ земли, признававшія надъ собой власть «Господина Великаго Новгорода».

2. Сверженіе татарскаго ига. При Иванѣ III русская земля избавилась, наконецъ, отъ татарскаго ига, тяготѣвшаго надъ ней 240 лѣтъ.

Мы уже знаемъ, что въ то время, какъ Москва усиливалась, Золотая Орда очень ослабѣла отъ постоянныхъ междоусобныхъ войнъ. Не разъ она распадалась на нѣсколько частей; потомъ на время опять соединялась и, наконецъ, въ половинѣ XV вѣка окончательно раздѣлилась на 3 царства—Казанское, Крымское и собственно Золотую Орду. Въ это время зависимость Москвы отъ татаръ была больше по имени, чѣмъ на дѣлѣ: великій князь платилъ дань, когда хотѣлъ и сколько хотѣлъ, но ханъ считалъ его все-таки своимъ данникомъ и требовалъ покорности. Иванъ III рѣшилъ уничтожить и эту призрачную зависимость отъ Орды. Онъ воспользовался тѣмъ, что крымскій ханъ былъ во враждѣ съ ханомъ Золотой Орды, и заключилъ съ нимъ союзъ. Есть извѣстіе, что разъ послы изъ Орды появились въ Москву съ ханскими грамотами и басмой (изображеніемъ хана) *); по обычаю, великій князь долженъ былъ преклониться передъ басмой и, стоя на колѣняхъ, слушать чтеніе ханской грамоты. Иванъ III отказался исполнить требованіе пословъ; напротивъ, изодралъ ханскую грамоту, басму растоптлъ ногами, а пословъ велѣлъ всѣхъ убить, кромѣ одного. Его онъ отправилъ къ хану Ахмату и сказалъ: «иди, объявя хану, что если онъ не оставитъ меня въ покоѣ, то съ нимъ будетъ то же, что случилось съ басмою».

Ахматъ не стерпѣлъ такой обиды и съ большимъ войскомъ, сговорившись предварительно съ литовскимъ княземъ Казиміромъ, пошелъ на Русь. Иванъ самъ вышелъ къ нему навстрѣчу

*) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, басма — отпечатокъ ступни хана на воскѣ, налитомъ въ деревянный ящикъ; этотъ отпечатокъ князь долженъ былъ цѣловать. *Прим. авт.*

и дошелъ до рѣки Угры, на другомъ берегу которой остановился Ахматъ. Въ это время союзникъ Ивана крымскій ханъ напалъ на Литву, а московскіе отряды вмѣстѣ съ крымцами напали на столицу Ахмата—Сарай—и разграбили ее. Между тѣмъ на Угрѣ оба войска—и русское и татарское—стояли другъ противъ друга, не рѣшаясь переходить рѣку. Иванъ не рѣшался, по своей осторожности, первымъ начинать битву и выжидалъ, несмотря на ропотъ народа и укоризненныя письма митрополита московскаго и другихъ духовныхъ лицъ; татары тоже боялись переходить рѣку, тѣмъ болѣе, что изъ Литвы помощи они не получили. Такъ простояли оба войска другъ противъ друга нѣсколько недѣль. Между тѣмъ начались морозы, и рѣка Угра стала покрываться льдомъ. Иванъ далъ приказъ своимъ войскамъ отступать отъ рѣки къ г. Боровску. Татары, будучи плохо одѣты, сильно страдали отъ морозовъ и стали поспѣшно отступать, предполагая, что въ уходѣ русскихъ отъ Угры скрывается какая-нибудь хитрость. На обратномъ пути Ахматъ былъ убитъ однимъ татарскимъ княземъ. Иванъ торжественно вернулся въ Москву. Всѣ радовались, что такъ легко, безъ потерь, избавились отъ татарскаго нашествія, и восхваляли Ивана за его осторожность. Но Иванъ не приписывалъ этого дѣла себѣ: онъ сказалъ, что «Русь оборонилъ Богъ и Пречистая Богородица», и по возвращеніи съ похода немедленно отслужилъ благодарственный молебенъ. Такъ кончилось тяжелое монгольское иго.

3. Новые порядки при великокняжескомъ дворѣ. Въ половинѣ XV вѣка произошло весьма важное событіе: Царьградъ былъ завоеванъ турками, и Греческое государство прекратило свое существованіе.

Турки—это народъ, вышедшій изъ внутреннихъ странъ Азіи. Сначала они жили на Малоазіатскомъ полуостровѣ, а потомъ, въ XIV вѣкѣ, переправились въ Европу и покорили славянъ балканскихъ—сербовъ и болгаръ—въ то самое время, когда московскіе князья, начиная съ Дмитрія Донского, стали понемногу освобождаться отъ татаръ. Греческое государство, окруженное со всѣхъ сторонъ турецкими владѣніями, держалось послѣ покоренія сербовъ и болгаръ еще 50 лѣтъ, но наконецъ пало. Братъ послѣдняго греческаго императора Константина XI, убитаго при взятіи Царьграда турками, нашелъ себѣ пріютъ у римскаго папы. Когда дочь его—Софья—подросла, папа предложилъ Ивану III жениться на ней, разсчитывая, что, благодаря этому, ему удастся завести переговоры съ Иваномъ о соединеніи церквей католиче-

ской и православной и о подчиненіи послѣдней папѣ. Иванъ принялъ предложеніе папы и женился на Софьѣ (1472 г.). Соединенія церквей или подчиненія русской церкви папѣ, однако, не произошло.

Но этотъ бракъ московскаго государя и греческой царевны имѣлъ важныя послѣдствія. Византійскій императоръ считался главнымъ защитникомъ всего православнаго міра; теперь, когда Византія была завоевана турками и Царьградъ взятъ ими, такимъ защитникомъ сталъ московскій князь: женившись на племянницѣ греческаго императора, онъ въ дѣлѣ храненія вѣры сталъ считать себя прямымъ наслѣдникомъ византійскихъ царей: онъ принялъ гербъ Византіи—двуглаваго орла, и на печатяхъ, которыя привѣшивались (а не прикладывались, какъ въ настоящее

Печать Іоанна III.

время) къ грамотамъ, съ одной стороны стали изображать двуглаваго орла, а съ другой—прежній московскій гербъ—Георгія Побѣдоносца. (Впослѣдствіи оба эти герба соединились въ одинъ, какъ это можно видѣть на нашихъ монетахъ.)

Съ этого времени стали проникать въ Москву все сильнѣе и сильнѣе византійскіе порядки.

Греческіе императоры держали себя очень высоко въ глазахъ всѣхъ, ихъ окружающихъ. Видѣть ихъ можно было очень рѣдко, только по особо торжественнымъ случаямъ, когда они являлись народу одѣтые въ одежду, блиставшую золотомъ и каменьями, и окруженные громадной свитой; дворецъ ихъ былъ необычайно богато украшенъ. Можно сказать, что передъ императоромъ всѣ преклонялись, какъ передъ земнымъ божествомъ.

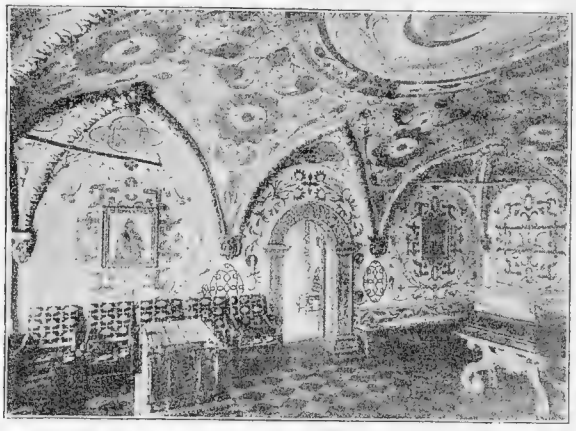
Въ Москвѣ было иначе. Великіе князья, уже будучи довольно могущественными государями, жили просто, немного лучше и

богаче, чѣмъ ихъ бояре; обращались они съ боярами и бояре съ ними запросто.

Съ пріѣздомъ въ Москву Софьи Ѳоминичны Палеологъ (пол-

Крестовая палата.

ное имя вышеуказанной царевны) все перемѣнилось. Небогатая обстановка царскихъ дворцовъ и простое обращеніе бояръ съ княземъ не понравились Софьѣ, помнившей пышность и великолѣпіе греческихъ императоровъ.



Престольная палата.

Ивану III многое изъ того, что она ему разсказывала, должно было понравиться, тѣмъ больше, что съ его женитьбой на Софьѣ Ѳоминичнѣ совпадало объединеніе почти всей Великой Россіи

около Москвы и освобожденіе отъ монгольскаго ига. Иванъ III начинаетъ смотрѣть на себя не какъ на князя московскаго, а какъ на государя всей земли русской. Онъ хотѣлъ быть поэтому полнымъ, настоящимъ самодержцемъ, и вотъ мало-по-малу заводятся въ Москвѣ новые обычаи.

Предшественники Ивана III, великіе князья московскіе, просто «садились» на великокняжескій престолъ отцовъ и дѣдовъ. Иванъ III нашелъ нужнымъ торжественно вѣнчать на престолъ своего преемника священнымъ церковнымъ обрядомъ: этимъ онъ хотѣлъ показать, что свою власть московскіе государи имѣютъ отъ Бога, а не отъ людей. Въ сношеніяхъ съ иностранными государями Иванъ III начинаетъ употреблять титулъ царя; вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣсто того, чтобы называть себя «московскимъ княземъ Иваномъ», онъ именуетъ себя «Божіею милостію государемъ всея Руси Іоанномъ Васильевичемъ».

Успенскій соборъ.

Такую же пышность и торжественность внесъ Иванъ III въ свои отношенія къ окружающимъ: онъ завелъ обстановку и церемоніалъ, нѣсколько напоминавшіе Софьѣ византійскіе порядки: видѣть «великаго государя», какъ называлъ себя Иванъ III, стало затруднительно. Князья и бояре ожидали его выхода иногда по цѣлымъ часамъ; въ знакъ особой милости «царя» (какъ тоже называлъ себя Иванъ III) заведенъ былъ обычай цѣлованія царской руки. Особенно не понравились Софьѣ прежнія простыя отношенія бояръ къ князю: теперь бояре, бывшіе прежде «думцами» великаго князя, т.-е. его совѣтниками, съ которыми онъ совѣщался о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, обращаются въ покорныхъ слугъ государя: въ своихъ просьбахъ и разнаго рода письменныхъ обращеніяхъ къ государю бояре иначе не называютъ себя, какъ уменьшительными именами—«Васька», «Ванька»,—при чемъ обязательно прибавлялось «холопъ твой» (иногда «рабъ твой»). Разумѣется, боярамъ такая перемѣна въ обращеніи съ ними князя сильно не нравилась, но высказывать этого громко они не осмѣ-

ливались, такъ какъ Иванъ III очень сурово и жестоко за это наказывалъ.

4. Сношенія съ Западной Европой. Во время татарскаго ига, какъ уже было сказано выше, совершенно прекратились сношенія Руси съ Зап. Европой, вслѣдствіе чего русскіе отстали отъ европейцевъ въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ. Ивану III принадлежитъ великая заслуга, что онъ первый изъ московскихъ государей понялъ необходимость сближенія съ Западомъ.

Чтобы заимствовать отъ европейцевъ полезныя знанія, онъ завелъ сношенія съ Римомъ, Венеціей, Германіей, Даніей и другими странами, и послы отъ этихъ государствъ начинаютъ пріѣзжать въ Россію. Неизвѣстная до тѣхъ поръ «Московія» становится государствомъ, извѣстнымъ на Западѣ. Изъ-за границы, главнымъ образомъ изъ Италіи, Иванъ выписалъ мастеровъ и художниковъ разнаго рода. Этими мастерами были построены кремлевскіе соборы—Успенскій (на мѣстѣ выстроеннаго при Калитѣ), Архангельскій и Благовѣщенскій, Грановитая Палата, служившая для торжественныхъ церемоній, стѣны съ красивыми башнями вокругъ кремля и много другихъ каменныхъ зданій въ Москвѣ. Кромѣ того, иностранные мастера лили пушки, выдѣлывали оружіе, открыли въ Печорскомъ краю серебряную руду, чеканили монету и т. д.

Умеръ Иванъ III въ 1505 году. Ему наслѣдовалъ сынъ его Василій III, при которомъ были присоединены къ Москвѣ послѣдніе удѣлы (Псковъ); вмѣстѣ же съ «собраніемъ русской земли» около Москвы окончательно утвердилось и самодержавіе московскихъ царей.

XVII. Иванъ Грозный.

1. Покореніе Казани. Послѣ сверженія татарскаго ига при Иванѣ III Россіи не удалось совсѣмъ избавиться отъ татаръ. Послѣ паденія Золотой Орды возвысилось Казанское царство (на среднемъ теченіи Волги), которое скоро сдѣлалось опаснымъ врагомъ для Московскаго государства. Казанцы, по словамъ современника, «допекали Русь хуже Батыева нашествія»: они безпрестанно нападали на русскія земли, разоряли ихъ, жгли, грабили и убивали людей; жестокости творили страшныя; у плѣнниковъ отрѣзали носы и уши, обрубали руки и ноги; плѣнниковъ продавали въ рабство цѣлыми толпами, какъ скотъ.

Московскіе государи неоднократно ходили противъ казанцевъ, но неуспѣшно. Наконецъ Иванъ IV, внукъ Ивана III, рѣшилъ покончить съ Казанью.

Въ началѣ іюля 1552 г. онъ собралъ громадное войско, въ 150 тысячъ человѣкъ, и выступилъ въ походъ. Всюду по пути онъ посѣщалъ церкви и монастыри и принималъ благословеніе отъ духовенства; во Владимірѣ онъ долго и усердно молился передъ гробницей св. Александра Невскаго. Казанцы готовились къ войнѣ и писали Ивану: «ждемъ васъ на пиръ: не въ первый разъ бѣжать вамъ со срамомъ отъ нашего города». Свой городъ они хорошо укрѣпили: Казань окружала высокая крѣпкая стѣна съ башнями; стѣна эта состояла изъ 2 рядовъ огромныхъ и крѣпкихъ дубовыхъ столбовъ, между которыми была насыпана и плотно убита земля со щебнемъ; около стѣны былъ широкій и глубокій ровъ. Все предвѣщало упорное сопротивленіе.

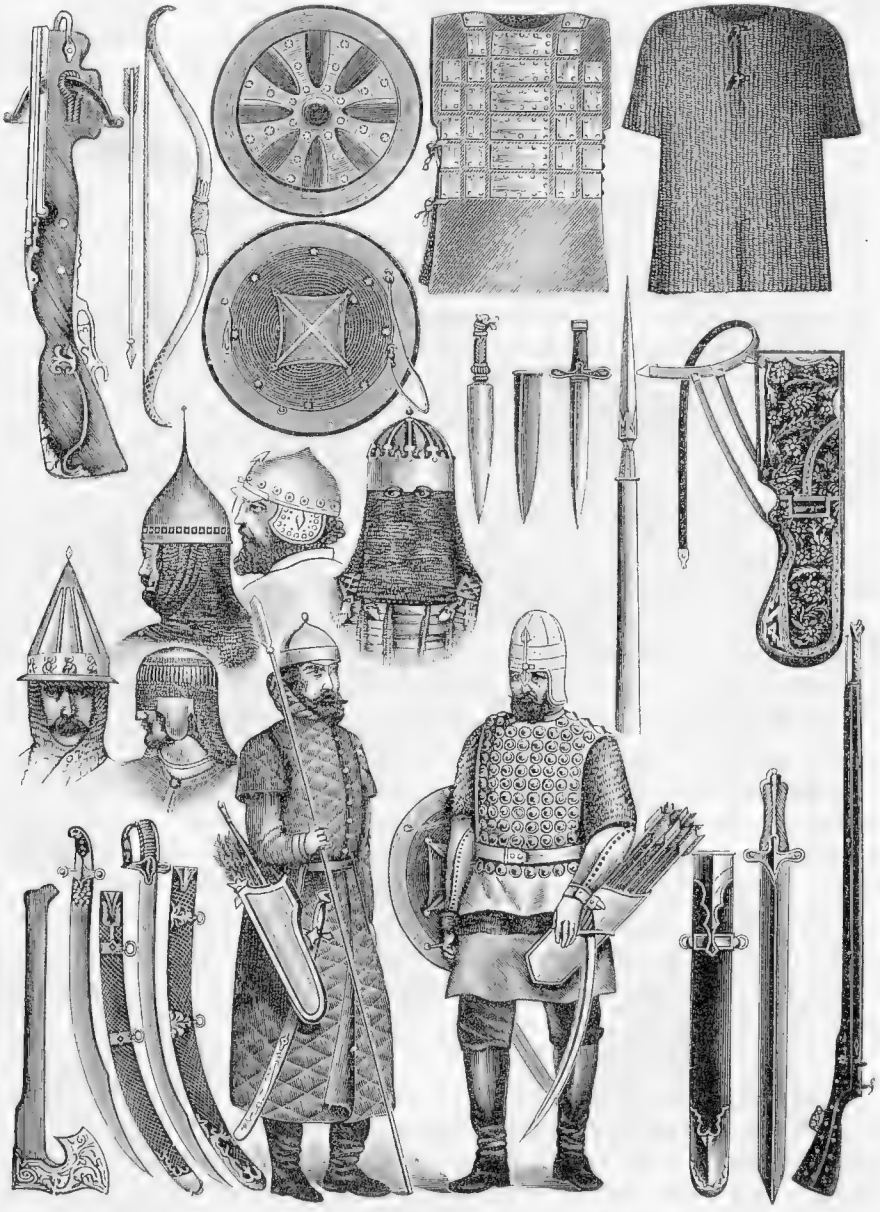
Царь *) Иванъ, не желая подвергать свое войско опасностямъ штурма, рѣшилъ вести осаду Казани. Онъ самъ лично, съ воеводами и цинженеромъ-нѣмцемъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней не слѣзалъ съ коня, указывая, гдѣ кому встать, гдѣ поставить пушки и откуда вести подъ стѣну подкопы. Затѣмъ, послѣ молебна, онъ призвалъ къ себѣ воеводъ, бояръ и простыхъ воиновъ главнаго полка, ободрилъ ихъ и напомнилъ, что они идутъ бороться за «единородную братію, за православныхъ христіанъ, которые уже много лѣтъ томятся въ плѣну у казанцевъ и претерпѣваютъ тяжкія мученія», напоминалъ слова Христовы, что нѣтъ выше подвига, какъ «душу свою положить за ближнихъ своихъ».

Казанцы всѣми силами старались не допустить русскихъ близко къ городу и укрѣпиться: дѣлали для этого частыя и неожиданныя вылазки; но, несмотря на всевозможныя помѣхи, русскимъ удалось окружить Казань со всѣхъ сторонъ и построить укрѣпленія; были поставлены пушки, и русскіе начали громить городъ. Они били стѣны изъ пушекъ и таранами *), выстроили подвижныя башни, придвинули ихъ къ стѣнамъ и сверху обстрѣливали не только стѣну, но и ближайшія улицы города. Но ничто не помогало. Казанцы не сдавались даже тогда, когда русскіе отрѣзали ихъ отъ рѣки Казанки. Очевидно было, что они достаютъ воду еще откуда-то. Отъ перебѣжчиковъ узнали, что къ рѣкѣ

*) Иванъ вѣнчался на царство въ 1547 году. (Объ этомъ—ниже.)

*) Таранъ — стѣнобитное орудіе, состоявшее изъ подвѣшеннаго на цѣпяхъ или канатахъ длиннаго толстаго бревна, на передній конецъ котораго насаживалось что-нибудь металлическое, тяжелое, въ видѣ бараньей головы или острія.

есть тайный ходъ подъ землей. Тогда Иванъ поручилъ инженеру-иностранцу, бывшему у него на службѣ, устроить подкопъ подъ



Русское вооруженіе XIV—XVII вѣковъ.

этотъ подземный ходъ и взорвать его. Но и это не поправило дѣла. Казанцы въ самомъ городѣ выкопали колодецъ; вода въ

немъ оказалась мутная и съ запахомъ, люди отъ нея болѣли и умирали, но Казань все-таки не сдавалась.

Простоявши 5 недѣль подъ городомъ, русскіе все еще не видѣли конца осадѣ; близилась осень, и уже начинались дожди: всѣ мѣста, гдѣ стояло русское войско, стали похожи на болота; одинъ разъ налетѣла такая буря, что много русскихъ судовъ на Волгѣ было потоплено, были сорваны палатки въ русскомъ станѣ и даже царскій шатеръ. Въ русскомъ войскѣ стали говорить, что это—нечистая сила. Одинъ участникъ осады Казани, князь Курбскій, говоритъ, что при восходѣ солнца на городскія стѣны всходили какіе-то старцы и бабы и въ виду русскаго войска творили разныя чары, „вопили сатанинскія слова, махали своими одеждами на русское войско и неблагочинно вертѣлись“—и тогда вдругъ поднимался страшный вѣтеръ, собирались тучи (хотя раньше небо было совершенно чисто отъ облаковъ), лилъ сильный дождь и земля обращалась въ болото. Царю посовѣтовали привезти изъ Москвы крестъ съ частицей отъ Древа Креста Господня. Когда былъ привезенъ этотъ Крестъ и стали совершать молебны и крестные ходы, то сила „поганскихъ чаръ“, по словамъ Курбскаго прекратилась.

Между тѣмъ время приближалось къ октябрю. Съ начала осады прошло 7 недѣль. Царь рѣшился взорвать стѣну порохомъ и взять городъ приступомъ, съ боя. Къ 1-му октября инженеръ объявилъ, что два подкопа подъ главныя казанскія башни готовы. Войску было приказано готовиться къ рѣшительному бою; воины исповѣдались и причастились; тѣ, которые были ближе къ стѣнамъ, старались, подъ градомъ пуль и стрѣлъ, завалить ровъ, чтобы облегчить доступъ въ городъ. Царь попытался еще разъ уладить дѣло миромъ, безъ кровопролитія: онъ послалъ сказать казанцамъ, что онъ ихъ пощадитъ и никакого зла не причинитъ, если они сдадутся безъ боя. «Не сдадимся,—въ одинъ голосъ отвѣчали осажденные;—если русскіе даже стѣной овладѣютъ и всѣ башни возьмутъ, такъ тогда мы другую стѣну выстроимъ и отсидимся или всѣ погибнемъ». Рѣшено было взорвать подкопы и всѣми силами ударить на городъ въ 3 часа на слѣдующее утро.

Слѣдующій день—2 октября—былъ воскресный, и царь велѣлъ пораньше служить въ своей походной церкви утреню и обѣдню. Во время обѣдни, за которой царь присутствовалъ съ небольшой свитой, такъ какъ всѣ уже стояли на назначенныхъ имъ мѣстахъ, лишь только діаконъ произнесъ слова Евангелія: «и будетъ едино стадо и единъ пастырь,—раздался словно громъ, такъ что земля дрогнула: оказалось, что взорвало одинъ подкопъ. Зрѣлище было ужасное: дымъ и пыль, поднятые взрывомъ, затемнили воздухъ;

глыбы земли, обломки стѣнъ и башенъ, люди, бревна, камни летѣли кверху. Служба прервалась было, но Иванъ приказалъ доканчивать обѣдню. Когда діаконъ произнесъ слова молитвы за царя: «о еже Господу Богу нашему наипаче поспѣшити и покорити подъ нозѣ Его всякаго врага и супостата»,—раздался второй взрывъ, еще сильнѣе, еще страшнѣе перваго. Съ крикомъ «съ нами Богъ» русскіе со всѣхъ сторонъ бросились на городъ. Татары схватились съ ними, призывая на помощь Магомета, и жестокая сѣча началась въ проломахъ, на стѣнахъ и въ городскихъ воротахъ. На улицахъ шла рукопашная свалка; въ тѣс-

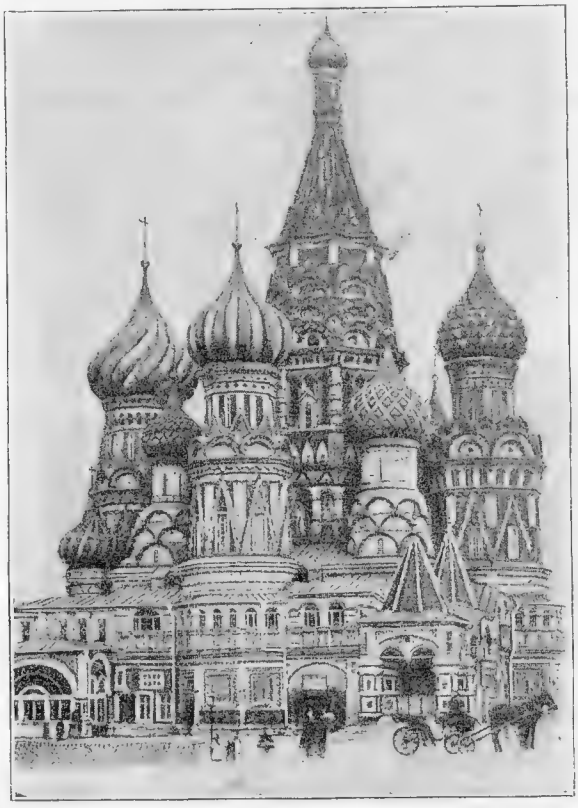
Покореніе Казани. *Съ карт. Вешина.*

нотѣ трудно было управляться копьями и саблями; враги схватывались руками и рѣзались ножами, попирая ногами убитыхъ и раненыхъ; иные влѣзали на крыши домовъ и оттуда поражали враговъ. Особенно сильное сопротивленіе было оказано около ханскаго дворца, но, наконецъ, и послѣднее сопротивленіе было сломлено.

Иванъ велѣлъ отслужить благодарственный молебенъ, собственноручно водрузилъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло царское знамя во время взятія Казани, и приказалъ построить тутъ храмъ во имя Нерукотвореннаго Спаса. Когда онъ въѣхалъ въ городъ, то для его проѣзда пришлось очистить одну улицу отъ труповъ, которые лежали цѣлыми горами; въ городѣ его встрѣтило нѣ-

сколько тысячъ русскихъ, томившихся въ неволѣ у казанцевъ; всѣ они были въ большой радости и благодарили Ивана за спасеніе.

На другой день, когда Казань была очищена отъ труповъ, войско русское торжественно вступило въ городъ; впереди шло духовенство съ крестами и хоругвями. Послѣ крестнаго хода вокругъ города, было выбрано мѣсто для соборнаго храма, который рѣшено было построить во имя Благовѣщенія: «да послужитъ сіе первое наше завоеваніе благою вѣстью послѣдующихъ»...



Церковь Василія Блаженнаго.

Съ великимъ торжествомъ вернулся Иванъ въ Москву. Здѣсь была ему устроена встрѣча. Въ память покоренія Казани былъ заложенъ въ Москвѣ на Красной площади, близъ Кремля, храмъ Покрова Богородицы, обыкновенно называемый въ настоящее время церковью Василія Блаженнаго.

Слѣдствія завоеванія Казани были чрезвычайно важны: Волга—самый важный путь торговли съ Востокомъ—теперь оказался въ русскихъ рукахъ; не стало главнаго врага, мѣшавшаго не только торговлѣ, но и вообще поселенію въ этихъ мѣстахъ, и русское населеніе съ этихъ поръ начинаетъ заселять богатыя приволжскія земли. И скоро вся Волга сдѣлалась русской рѣкой, такъ какъ въ 1556 году было покорено другое татарское царство — Астраханское, образовавшееся у устьевъ Волги на мѣстѣ Золотой Орды.

2. Завоеваніе Сибири. При Иванѣ IV было положено начало завоеванію обширнаго края къ востоку отъ Уральскихъ горъ,

извѣстному въ настоящее время подъ именемъ Сибири. Это завоеваніе было совершено небольшой кучкой такъ называемыхъ казаковъ.

Княжескія усобицы, татарскія насилія, разныя неурядицы и несправедливости заставляли съ давнихъ поръ много народу уходить изъ русской земли. Обыкновенно весь этотъ людъ шелъ за границу, главнымъ образомъ, за южную: одни изъ нихъ селились на самой границѣ, другіе шли дальше въ степь. Правда, покоя имъ тутъ не было отъ татаръ, но зато жилось вольно безъ всякаго начальства и безъ податей. Всѣ эти выходцы были, большею частью, люди безсемейные, удалые и отважные; назывались они казаками. Тѣ изъ нихъ, которые жили въ пограничныхъ городахъ, назывались казаками городовыми, а тѣ, которые шли въ степь за границу, назывались вольными, степными, «гулящими». Сначала такихъ вольныхъ казаковъ было мало, но когда татарскія орды стали слабѣть, степное казачество стало расти все больше и больше и дальше уходило въ степь. Туда, въ казаки, уходили всѣ, кому почему-либо нельзя было или тяжело жить на родинѣ—бѣглые холопы (крестьяне), преступники, убѣжавшіе отъ наказанія, и т. п. Эти смѣлые, воинственные люди составляли мало-по-малу независимыя общества и сами выбирали себѣ атамановъ, т.-е. начальниковъ, почти не признавая надъ собой власти московскаго государя.

Въ XV вѣкѣ казаки раздѣлились на днѣпровскихъ (малороссійскихъ) и донскихъ. Казаки то воевали съ сосѣдями татарами, то входили съ ними въ дружбу и вмѣстѣ съ ними нападали на русскія или литовскія пограничныя области и грабили ихъ. Донскіе казаки разбойничали больше всего на Волгѣ, такъ какъ тамъ шли большіе торговые караваны съ товарами изъ Персіи или Бухары. Царь Иванъ не разъ посылалъ противъ нихъ своихъ воеводъ; воеводы ловили и казнили казаковъ, но разбои и грабежи все-таки не прекращались.

Въ одной изъ такихъ казацкихъ разбойничьихъ шаекъ былъ атаманомъ Ермакъ Тимоѳеевичъ. Настоящее имя его было Василій; сначала онъ былъ въ одной бурлацкой артели кашеваромъ, и отъ артельнаго котла, который назывался ермакомъ, онъ и получилъ имя. Бурлацкая работа скоро надоѣла Ермаку, и онъ ушелъ на Донъ къ казакамъ. Тамъ за свою удаль и за большую силу Ермакъ скоро былъ выбранъ старшиной одной станицы (поселенія) казацкой. Но и тутъ онъ не усидѣлъ долго. Подобралъ онъ себѣ кучку товарищей и пошелъ съ ними на Волгу разбой-

ничать. Никому не давалъ онъ спуску—ни иноземнымъ купцамъ, ни русскимъ: имя Ермака стало скоро извѣстно даже въ далекой Москвѣ. Дерзость Ермака дошла до того, что онъ разъ ограбилъ царскіе караваны и убилъ персидскаго посланника. Тогда царь Иванъ отправилъ на Волгу большое войско. Много разбойниковъ было поймано и перевѣшано, но Ермакъ съ своей шайкой увернулся и пошелъ вверхъ по Волгѣ, къ Камѣ, въ Пермскій край.

Въ этомъ краю уже жили русскіе люди. Московское государство было очень обширно, но населено оно было слабо, особенно на сѣверо-востокѣ. Поэтому московскіе государи не только охотно раздавали пустыя земли во владѣніе тѣмъ людямъ, которые брались заселять ихъ и завести тамъ разные промыслы, но еще давали имъ разныя льготы. Однимъ изъ такихъ промышленниковъ былъ Григорій Строгановъ, который получилъ отъ Ивана IV во владѣніе пустыя земли по Камѣ, на 146 верстъ. Григорій Строгановъ и его братья призвали сюда переселенцевъ, завели земледѣліе, торговлю и промыслы, устроили соляныя варницы. Для защиты края отъ сосѣднихъ нерусскихъ племенъ они получили право строить крѣпости, имѣть свои пушки и содержать на свой счетъ военные отряды. Особенно безпокоилъ Строгановыхъ Кучумъ, царь Сибирскій. Его царство находилось за Уральскими горами. Онъ часто высылалъ отряды своихъ татаръ въ строгановскую землю и этимъ сильно мѣшалъ Строгановымъ. Тогда имъ пришла мысль завоевать сибирскую землю, тѣмъ болѣе, что имъ было извѣстно богатство Сибири всякими естественными богатствами. Послали Строгановы къ Ивану просить, чтобы онъ позволилъ имъ завоевать сибирскую землю. Иванъ позволилъ и прислалъ Строгановымъ грамоту, которой онъ освобождалъ ихъ будущія сибирскія владѣнія отъ всякихъ повинностей и податей на 20 лѣтъ.

Ермакъ съ своими товарищами прибылъ на Каму какъ разъ въ то время, когда Строгановы звали отовсюду народъ для похода на Сибирь. Они пригласили къ себѣ на службу Ермака; онъ съ радостью согласился и со всей своей шайкой (въ 500 человѣкъ слишкомъ) поступилъ къ нимъ.

Черезъ два года Строгановы снабдили Ермака припасами, оружіемъ, даже небольшими пушками, и отправили его противъ Кучума; въ помощь ему они снарядили отрядъ въ 300 человѣкъ изъ русскихъ, татаръ, плѣнныхъ нѣмцевъ, литовцевъ и др. Съ этимъ небольшимъ отрядомъ (всего въ 850 чел.) Ермакъ 1 сен-

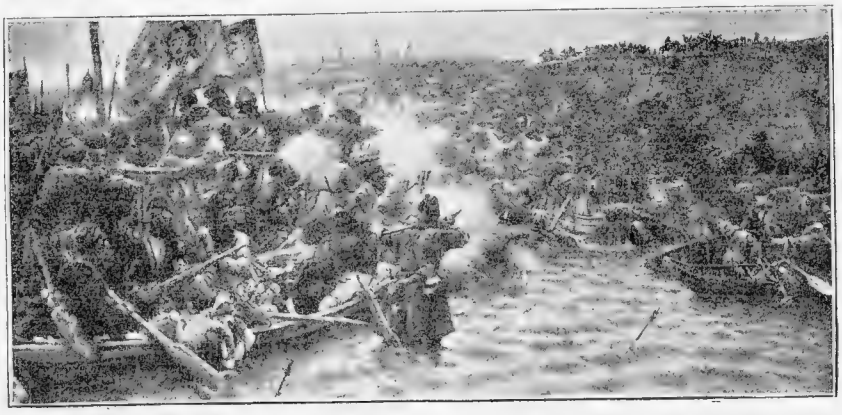
тября 1581 г. пустился на завоеваніе обширнаго царства Сибирскаго.

Сначала казаки плыли на лодкахъ (стругахъ) вверхъ по р. Чусовой, затѣмъ повернули въ другую рѣчку (Серебрянку). Дальше пришлось перетащить свои лодки волокомъ черезъ проходы въ Уральскихъ горахъ на восточный склонъ этихъ горъ, гдѣ уже начиналось Сибирское царство.

До р. Туры казаки не встрѣчали непріятелей и даже людей рѣдко по берегамъ видѣли: страна была дикая, почти безлюдная. Но по р. Турѣ пошло люднѣе. Здѣсь казаки впервые встрѣтили пашни и городокъ. Тамошніе князьки вздумали остановить Ермака и стали стрѣлять изъ луковъ. Казаки причалили къ берегу и начали стрѣлять изъ ружей. Отъ неслыханныхъ до тѣхъ поръ ружейныхъ выстрѣловъ все войско татарское попадало. Пошли казаки между лежавшихъ татаръ и стали отыскивать ихъ начальника. Чуть начнутъ татары головы поднимать, кто-нибудь опять выстрѣлитъ, и снова тѣ уткнутся въ землю носомъ: такъ всѣ они перепугались. Оказалось, что все войско было подъ предводительствомъ одного мурзы Кучумова. Ермакъ ласково съ нимъ обошелся и отпустилъ его. Прибывши къ Кучуму, этотъ мурза своими разсказами про русскихъ нагналъ на всѣхъ страхъ. Онъ говорилъ, что они необыкновенно сильны; что когда стрѣляютъ изъ луковъ, то отъ нихъ дымъ летитъ и огонь пышетъ и будто громъ гремитъ; стрѣлъ отъ этихъ луковъ не видать, но они ранятъ и убиваютъ до-смерти—никакой панцырь и никакая кольчуга не могутъ защитить, такъ какъ выстрѣлы русскихъ все насквозь пробиваютъ.

Получивши такія вѣсти, Кучумъ страшно перепугался и сталъ собирать большое войско. Пока они собирались, племянникъ Кучума Махметъ-Кулъ съ передовыми отрядами пошелъ навстрѣчу казакамъ и встрѣтилъ ихъ на р. Тоболѣ. Тутъ Ермаку пришлось выдержать жестокую сѣчу съ татарами; но казаки одолѣли, благодаря хитрости. Понадѣлали они чучелъ изъ соломы, надѣли на нихъ кафтаны и шапки казацкія и поставили эти чучела на лодкахъ, оставивши на каждой лодкѣ по нѣскольку человѣкъ для управленія. Подошли лодки къ становищу татарскому. Высыпали татары на берегъ, и — ну, пускать стрѣлы въ чучела; стрѣляютъ и удивляются—какъ русскіе люди крѣпки: стрѣлъ въ нихъ, какъ въ снопы натыкано, а они всѣ невредимы стоятъ Казаки же тѣмъ временемъ зашли татарамъ съ тыла, и взяли ихъ лагерь. Послѣ этого сраженія они сѣли опять въ лодки

и поплыли сначала по Тоболу, а потомъ по Иртышу. На этой рѣкѣ увидали они покинутое укрѣпленіе, высадились тутъ и стали готовиться на ночлегъ. Но оказалось, что они попали въ засаду: съ одной стороны, у сосѣдней горы, стоялъ съ большимъ войскомъ самъ Кучумъ, а съ другой, въ засѣкѣ (въ укрѣпленіи), засѣлъ Махметъ-Кулъ. Казаки скоро поняли, что они окружены. Собрались они по обычаю въ кругъ и стали думать— что дѣлать. Всѣ они сильно утомились, да и раненыхъ было много; большинство было готово уйти назадъ. Но Ермакъ говорилъ: «братцы, куда намъ бѣжать. Осень уже, въ рѣкахъ ледъ смерзается... Не примемъ худой славы, будемъ надѣяться на Бога.



Покореніе Сибири. *Съ карт. Сурикова.*

А назадъ со стыдомъ возвращаться намъ нельзя». Согласились всѣ съ этимъ: порѣшили—оставаться и биться до-смерти. На разсвѣтѣ 23 октября казаки двинулись на засѣку. Пушки и ружья сослужили имъ и здѣсь большую службу: несмотря на то, что татаръ было въ 20 разъ больше, чѣмъ казаковъ, сила ихъ была сломлена. Махметъ-Кулъ былъ раненъ, а Кучумъ, видя, что его войско побито, убѣжалъ сначала въ свою столицу Сибирь, а потомъ и дальше.

Ермакъ безъ боя занялъ этотъ городъ, а дальше идти не рѣшался, такъ какъ наступала зима, а у него запасы кончались, да и людей сильно поубавилось. Казакамъ грозили голодъ и смерть. Но черезъ нѣсколько дней остяки, вогуличи, татары и др. стали съ своими князьками приходить къ Ермаку — бить ему челомъ, и приносили ему дары и разные припасы, а онъ приво-

дилъ ихъ къ присягѣ Ивану IV. Со всѣми онъ обходился ласково и отпускалъ домой безъ всякой обиды.

Зиму казаки провели спокойно; только Махметъ-Кулъ нѣсколько разъ пробовалъ безпокоить ихъ, но былъ побѣжденъ и самъ попалъ въ плѣнъ. Лѣто 1582 г. казаки провели въ походахъ, покоряя города по Оби и Иртышу. Между тѣмъ Ермакъ далъ знать Строгановымъ, что онъ «салтана Кучума одолѣлъ, стольный городъ его взялъ и царевича Махметъ-Кула полонилъ». Строгановы поспѣшили обрадовать этой вѣстью царя. Скоро явилось особое посольство отъ Ермака—Иванъ Кольцо съ товарищами—«бить челомъ Государю царствомъ Сибирскимъ», и поднесло ему въ даръ мѣха соболи, бобровые и лисьи.

Царь принялъ посольство Ермака милостиво: простилъ казакамъ ихъ прежнія провинности и даже щедро наградилъ, а Ермаку послалъ богатую шубу съ своего плеча, ковшъ серебряный и два доспѣха дорогихъ; въ помощь казакамъ былъ отправленъ большой отрядъ войска.

Между тѣмъ Кучумъ успѣлъ оправиться и войти въ силу. Русскимъ въ Сибири пришлось плохо: они часто терпѣли недостатокъ въ самомъ необходимомъ; отъ этого начались у нихъ болѣзни, потомъ голодъ, такъ что перемерло много народу—между прочимъ и воевода царскій; случалось, кромѣ того, что татарскіе князьки, притворившись сначала вѣрными данниками и союзниками русскихъ, потомъ губили отряды казаковъ, имъ довѣрявшихся; такъ, одинъ князекъ—Карача—заманилъ къ себѣ атамана Кольцо съ 40 казаками и всѣхъ ихъ до одного перерѣзалъ.

Скоро затѣмъ погибъ и Ермакъ. Узналъ онъ, что Кучумъ собирается перехватить караванъ бухарскихъ купцовъ, шедшій съ товарами въ Сибирь. Захвативъ съ собой 50 человѣкъ, Ермакъ поспѣшилъ навстрѣчу этому каравану, чтобы охранить его на пути по Иртышу отъ нападенія татаръ. Плыли казаки вверхъ по Иртышу цѣлый день, исходили не мало и берегомъ, но ни бухарскихъ купцовъ, ни татарскихъ отрядовъ не видали. Солнце стало садиться, приходилось возвращаться домой, но отъ гребли противъ теченія и отъ ходьбы казаки такъ устали, что надо было дать имъ отдыхъ. Найдя посреди рѣки островъ, Ермакъ причалилъ къ нему лодки и велѣлъ тутъ расположиться на ночлегъ. Казаки, выйдя на островъ, поставили шатры и завалились спать всѣ до одного—даже сторожей не поставили. Ночь была темная; дождь лилъ, какъ изъ ведра; вѣтеръ свисталъ и вылъ, по рѣкѣ съ шумомъ ходили волны. Послѣ трудового дня казаки за-

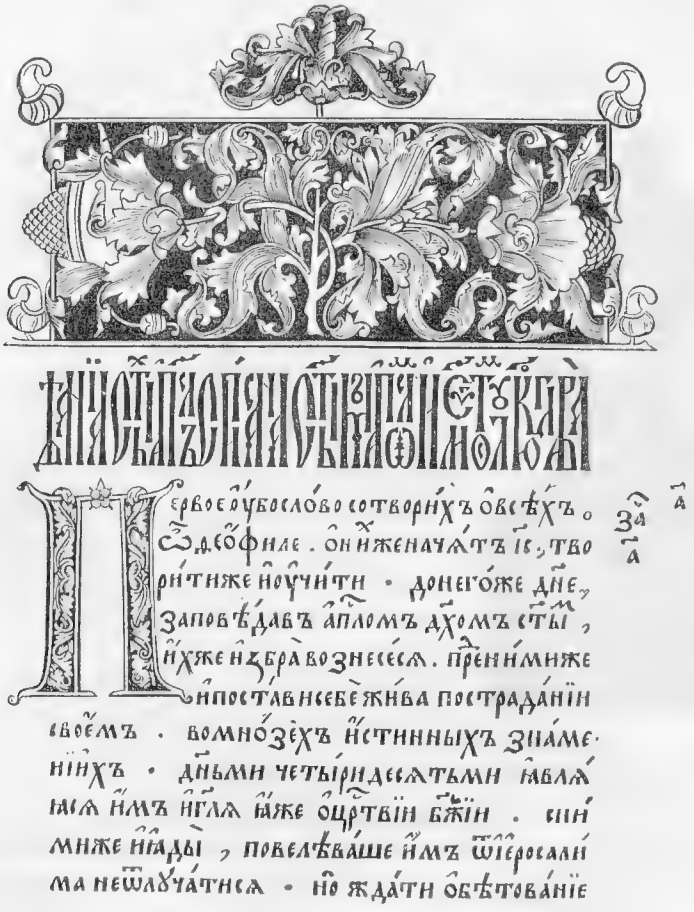
снули, какъ убитые, и про татаръ забыли. А татары были близко — на другомъ берегу: Кучумъ цѣлый день не терялъ Ермака изъ виду. Когда настала глубокая ночь, онъ послалъ одного татарина искать къ острову бродъ и высмотрѣть казаковъ. Татаринъ отправился, нащупалъ бродъ, высмотрѣлъ казаковъ и вернулся къ Кучуму; а въ доказательство того, что онъ дѣйствительно былъ на островѣ, онъ принесъ съ собой нѣсколько ружей и припасовъ, похищенныхъ у казаковъ. Услыхавъ, что казаки всѣ спятъ и даже сторожей не поставили, Кучумъ очень обрадовался и велѣлъ татарамъ потихоньку переправляться. Казаки спали крѣпко и за воемъ вѣтра ничего не слыхали. Перебравшись на островъ, татары бросились на сонныхъ казаковъ и всѣхъ перебили: спаслось только два человѣка. Однимъ изъ нихъ былъ самъ Ермакъ. Услышавъ стоны и суматоху, онъ вскочилъ, отбился отъ нѣсколькихъ татаръ, бросившихся на него, и сталъ скликать товарищей. Но никто не отозвался на его зовъ. Увидѣлъ онъ, что дѣло поправить нельзя, порубилъ нѣсколькихъ татаръ и бросился въ воду къ лодкамъ, но лодки отнесло на средину рѣки. Ермакъ поплылъ къ нимъ, но отъ тяжести своихъ желѣзныхъ доспѣховъ утонулъ (5 августа 1584 г.) *). Черезъ нѣсколько дней трупъ Ермака теченіемъ прибило къ берегу, гдѣ и нашли его татары: по богатымъ доспѣхамъ съ золотымъ орломъ на груди всѣ узнали покорителя Сибирскаго царства.

Такъ погибъ Ермакъ. Но дѣло, имъ начатое, не погибло. Казаки послѣ его смерти ушли было изъ Сибири, но потомъ вернулись съ новой подмогой и опять покорили то, что завоевалъ Ермакъ. А потомъ стали русскіе забираться все дальше и дальше; въ концѣ-концовъ вся огромная страна, которая теперь зовется Сибирью, сдѣлалась русской землей.

3. **Внутреннія дѣла.** Иванъ IV первый изъ русскихъ царей принялъ титулъ царя. До 17 лѣтъ онъ не принималъ участія въ управленіи, и это время было печальнымъ временемъ для русскаго народа. Бояре, управлявшіе государствомъ за малолѣтствомъ Ивана, не столько заботились объ управленіи или воспитаніи Ивана, сколько вели между собой борьбу изъ-за власти. Когда Ивану исполнилось 17 лѣтъ, онъ объявилъ, что будетъ править самъ, и въ 1547 году торжественно вѣнчался на царство (короновался); къ прежнему титулу великаго князя былъ теперь

*) Другой казакъ спасся, добрался до Сибири и принесъ товарищамъ страшную вѣсть о гибели Ермака. *Прим. авт.*

прибавленъ новый, имѣющій болѣе высокое значеніе, титулъ «царя». Русскіе люди того времени придавали важное значеніе этой перемѣнѣ титула: по ихъ понятіямъ, русскій царь являлся прямымъ преемникомъ императоровъ греческихъ, отъ которыхъ онъ происходилъ по бабкѣ своей Софьѣ Палеологъ, т.-е. иначе го-



Первая печатная русская книга.

воря, власть его была такъ же неограниченна, какъ въ Византіи.

Такъ какъ Иванъ видѣлъ, что во время его малолѣтства бояре производили большія насилія и дѣлали народу много несправедливостей, то, взявши въ свои руки управленіе, онъ, прежде всего, въ 1550 году собралъ земскій соборъ, т.-е. велѣлъ собраться въ Москву выборнымъ отъ всѣхъ сословій, со всей русской земли. Этому собору былъ предложенъ на утвержденіе но-

вый сводъ законовъ, новый Судебникъ, такъ какъ прежній, изданный при Иванѣ III, оказывался во многихъ случаяхъ неподходящимъ. Въ Судебникѣ Ивана IV назначались строгія наказанія правителямъ городовъ или областей и судьямъ, если они будутъ судить несправедливо и брать взятки. Такъ какъ со стороны городскихъ и сельскихъ жителей къ царю поступали частыя жалобы на притѣсненія корыстолюбивыхъ воеводъ (намѣстниковъ), то Иванъ позволилъ имъ самимъ выбирать изъ своей среды довѣренныхъ лицъ, которыя должны были производить раскладку и сборъ податей, поимку разбойниковъ, а также должны были присутствовать на судѣ царскаго намѣстника, чтобы слѣдить за правильностью судопроизводства; въ нѣкоторыхъ областяхъ должность намѣстника была отмѣнена совсѣмъ: правителя должны были выбирать себѣ сами жители.

Памятникъ первопечатнику Ивану Федорову въ Москвѣ.

Въ слѣдующемъ 1551 г. Иванъ собралъ духовный соборъ, который и выработалъ рядъ мѣръ къ улучшенію духовнаго сословія и истребленію злоупотребленій и безпорядковъ въ церкви. Соборъ этотъ называется «Стоглавымъ», такъ какъ статьи, обсуждавшіяся на соборѣ, раздѣлены на 100 главъ.

При Иванѣ IV въ первый разъ стали въ Москвѣ печатать книги. До тѣхъ поръ у насъ книги были рукописныя и покупались за дорогую цѣну, потому что переписывать ихъ было очень трудно: работа шла очень медленно, такъ какъ требовались цѣлые мѣсяцы и даже годы, чтобы переписать большую книгу. Первая типографія была построена въ Москвѣ въ 1563 году.

Подобно дѣду своему Ивану III, Иванъ старался завязать сношенія съ западно-европейскими государствами и привлекать въ Россію разнаго рода мастеровъ и ремесленниковъ. Но враждебные Россіи поляки и литовцы, боясь, что Россія послѣ знакомства съ военными и другими изобрѣтеніями Запада очень усилится, не только препятствовали этимъ сношеніямъ, но даже не пропускали въ Москву художниковъ и мастеровъ, которыхъ Иванъ вызывалъ изъ-за границы. Въ виду этого Иванъ рѣшилъ завоевать берега

Балтійскаго моря, нѣкогда принадлежавшіе русскимъ, но въ XIII вѣкѣ отошедшіе подъ власть ливонскихъ рыцарей. Война эта продолжалась очень долго, но была для Россіи неудачна: Иванъ не только не пріобрѣлъ Рижскаго залива, но потерялъ и бывшее прежде русскимъ побережье Финскаго залива. Такимъ образомъ,

Иванъ Грозный. *Съ статуи Антокольскаго.*

для сношенія съ Западомъ у него осталось только отдаленное Бѣлое море.

Одной изъ причинъ этого неуспѣха можно считать перемѣну въ характерѣ Ивана. Въ 1560 г. умерла царица Анастасія Романовна, имѣвшая весьма благотворное вліяніе на Ивана. Иванъ затосковалъ по женѣ и думалъ эту тоску заглушить въ себѣ разными развлеченіями. Прежде серьезный и неутомимый въ государственныхъ дѣлахъ, теперь онъ отстранилъ отъ себя своихъ добрыхъ совѣтниковъ, и самыми близкими къ нему лицами сдѣлались льстецы и угодники—Басмановъ, Малюта Скуратовъ и др. Эти новые

люди, желая расположить царя къ себѣ, развивали въ немъ подозрительность къ другимъ. Замѣчая ихъ постоянную угодливость, Иванъ довѣрился имъ, какъ самымъ надежнымъ исполнителямъ его царской воли, и сталъ слушать ихъ во всемъ. Начались пре-

Послѣднія минуты митрополита Филиппа. *Съ карт. Новоскольцева,*

слѣдованія и казни. Подъ вліяніемъ своихъ новыхъ совѣтниковъ, Иванъ сталъ подозрѣвать въ измѣнѣ всѣхъ бояръ и вслѣдствіе этого даже уѣхалъ изъ Москвы и окружилъ себя особой стражей, извѣстной подъ названіемъ «опричнины». Годы опричнины считаются самыми мрачными годами всего царствованія Ивана IV: по всему государству, много лѣтъ сряду, опричники

проливали кровь, насильничали, грабили, врываясь въ частные дома, и оставались безъ наказанія, такъ какъ считалось, что они «выводили измѣну» изъ русскаго царства. Московскій митрополитъ Филиппъ (изъ рода бояръ Колычевыхъ) не могъ равнодушно смотрѣть на преслѣдованія и казни, не разъ обличалъ опричниковъ и самого Ивана IV за его беззаконныя дѣйствія и за это былъ сначала лишенъ сана митрополита, а потомъ сосланъ въ Тверь (въ Отрочь монастырь), гдѣ въ 1570 г. былъ задушенъ однимъ изъ самыхъ жестокихъ опричниковъ—Малютой Скуратовымъ.

Именно за вторую половину царствованія Иванъ и получилъ прозвище Грознаго.

XVIII. Царь Ѳеодоръ Ивановичъ.

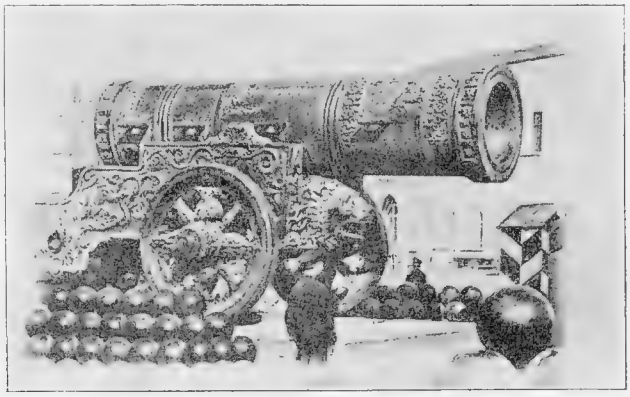
По смерти Ивана Грознаго (1584), царскій престолъ достался сыну его Ѳеодору. Ѳеодоръ Ивановичъ, болѣзненный и слабый, совершенно не былъ подготовленъ къ царствованію; по своимъ склонностямъ онъ былъ больше монахъ, чѣмъ царь: его гораздо больше занимали разговоры со странниками и духовными лицами, чѣмъ рѣчи бояръ; богослуженіе было для него милѣе засѣданій въ Боярской Думѣ, а церковный благовѣстъ пріятнѣе всякой музыки. Самъ онъ управлять государствомъ не могъ, и правленіе перешло въ руки бояръ.

Сначала наибольшимъ значеніемъ пользовался дядя Ѳеодора по матери—Никита Романовичъ Захарьинъ. Но онъ скоро умеръ, и тогда ближе всѣхъ къ царю сталъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ. (Годуновъ происходилъ отъ татарскаго мурзы Чета, который въ XIV в. перешелъ на службу къ московскому князю и принялъ христіанскую вѣру.) Своимъ умомъ и изворотливостью онъ умѣлъ возвыситься еще при Грозномъ, такъ какъ былъ женатъ на дочери извѣстнаго опричника Малюты Скуратова; но особенно усилилось его вліяніе, когда Ѳеодоръ женился на его сестрѣ Иринѣ. Борисъ обладалъ большимъ умомъ и легко справлялся съ трудными государственными дѣлами. Ѳеодоръ, видя это, предоставилъ ему управленіе государствомъ. Правленіе Борисъ велъ весьма умно. Онъ заселялъ Сибирь и укрѣплялъ ее за собой, строилъ тамъ и въ другихъ мѣстахъ города, на югѣ отражалъ крымскихъ татаръ, пытавшихся напасть на самую Москву, возвратилъ города у Финскаго залива, потерянные при Иванѣ IV. Кромѣ того, онъ заботился о правосудіи, о порядкѣ управленія

и о развитіи торговли. Онъ старался поддерживать и расширять сношенія съ европейскими народами, особенно покровительствовалъ торговлѣ съ англичанами и для иностранныхъ купцовъ выстроилъ на Бѣломъ морѣ Архангельскую пристань.

Изъ внутреннихъ событій царствованія Ѳеодора Ивановича замѣчательны: учрежденіе патріаршества, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и убіеніе царевича Дмитрія.

1. Учрежденіе патріаршества. Съ половины XV вѣка русская церковь стала независимой отъ Царьградскаго патріарха. Со времени Василія II (отца Ивана III) митрополитъ московскій избирался соборомъ русскихъ епископовъ, утверждался московскимъ



Царь-пушка, отлитая при Ѳеодорѣ Ивановичѣ русскими мастерами.

княземъ и не ѣздилъ на посвященіе къ патріарху. Но все-таки онъ считался ниже патріарха Царьградскаго и былъ какъ бы въ подчиненіи у него, хотя и стоялъ во главѣ самостоятельной русской церкви. Въ 1453 г. Царьградъ былъ завоеванъ турками: такимъ образомъ патріархъ оказался въ зависимости отъ турецкаго султана; между тѣмъ Москва все усиливалась. Ѳеодоръ Ивановичъ, принимая во вниманіе это обстоятельство, рѣшилъ учредить въ Россіи патріаршество, т.-е. сдѣлать первосвятителя русской церкви равнымъ другимъ восточнымъ патріархамъ. По этому вопросу былъ созванъ на совѣщаніе изъ духовныхъ и бояръ соборъ, который согласился съ предложеніемъ царя, и 26 января 1589 г. митрополитъ Іовъ, съ согласія и благословенія восточныхъ патріарховъ, былъ посвященъ въ патріархи. (Одновременно 4 архіепископа—Казанскій, Новгородскій, Ростовскій и Крутицкій (въ Москвѣ)—возведены были въ санъ митрополитовъ, а нѣсколько епископовъ получили званіе архіепископовъ.)

2. Прикрѣпленіе крестьянъ. Все свободное *) населеніе древней Руси распадалось на два разряда: людей служилыхъ и людей тяглыхъ. Купцы и крестьяне, платившіе подати («тянувшіе тягло»), назывались тяглыми людьми. Бояре и всѣ тѣ, которые вмѣсто денежныхъ повинностей служили сами (преимущественно въ войскѣ), назывались служилыми. Высшій классъ населенія

Стрѣлецъ. *Съ карт. проф. М. П. Клодта.*

состоялъ изъ служилыхъ людей различныхъ разрядовъ (или чиновъ), а низшій—составляли крестьяне, занимавшіеся почти исключительно хлѣбопашествомъ.

Крестьяне эти рѣдко имѣли собственную землю: въ большинствѣ случаевъ они селились на земляхъ, принадлежавшихъ или казнѣ, или монастырямъ, или боярамъ; за пользованіе землей они обязывались платить разнаго рода оброки и отправлять раз-

*) Такъ какъ существовало еще несвободное, т. н. холопы.

ныя повинности. Но въ то же время они сохраняли личную свободу, т.-е. могли покидать одинъ участокъ и переселяться на другой, если тамъ находили для себя больше выгоды. Но эти переходы происходили безъ порядка: крестьяне уходили, напр., передъ обработкой поля или передъ посѣвомъ, а иногда и во время жатвы, оставляя такимъ образомъ владѣльцевъ безъ работниковъ. Богатые землевладѣльцы и, особенно, монастыри переманивали на свои пустопорожнія земли крестьянъ и давали имъ много льготъ. Отъ этого страдали мелкіе помѣщики, такъ какъ ихъ земли иногда по нѣсколько лѣтъ оставались пустыми. Между тѣмъ они обязаны были нести военную службу, т.-е., по требованію государя, являться «конны, людны и оружны» (съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ слугъ на коняхъ). Такъ какъ эти мелкіе помѣщики часто оставались безъ крестьянъ, то они стали жаловаться, что не могутъ исправно отправлять главную свою обязанность — военную службу. Такимъ образомъ выходило, что отъ крестьянскихъ переходовъ страдало военное дѣло. Кромѣ того, въ то время подати взыскивались не по числу душъ въ извѣстной волости, а по количеству обработанной земли; между тѣмъ иногда случалось, что податей взыскивать было не съ кого, такъ какъ эта волость почти обезлюдѣла.

Въ виду всего этого, еще задолго до Ѳеодора Ивановича, московское правительство начало мало-по-малу стѣснять крестьянскіе переходы: для перехода было назначено извѣстное время—около Юрьева осенняго дня (26 ноября), т.-е. по окончаніи полевыхъ работъ. Наконецъ, царь Ѳеодоръ Ивановичъ совсѣмъ запретилъ крестьянскіе переходы: они должны были оставаться навсегда на земляхъ тѣхъ помѣщиковъ, гдѣ ихъ захватилъ указъ.

Первоначально крестьяне лишились только права перехода отъ одного помѣщика къ другому, сдѣлались «крѣпкими землѣ», т.-е. были прикрѣплены къ землѣ, но лично были свободны и не составляли собственности помѣщика, какъ его рабы или холопы. Но помѣщики не замедлили распространить свою власть и на личность крестьянина, которому трудно было бороться (напр., на судѣ) съ помѣщикомъ. Всего черезъ 100 лѣтъ послѣ царя Ѳеодора помѣщики продаютъ крестьянъ «враздробь, какъ скотъ», безъ земли; въ XVIII вѣкѣ положеніе крестьянъ становится еще тяжелѣе. Такъ произошло на Руси «крѣпостное право».

3. Убіеніе царевича Дмитрія. Такъ какъ у Ѳеодора Ивановича не было дѣтей, то престолъ долженъ былъ перейти послѣ его смерти къ брату его Дмитрію, послѣднему сыну Ивана Грознаго.

Дмитрій воспитывался вдали отъ столицы, вдали отъ брата, въ мрачномъ Угличскомъ дворцѣ, похожемъ на монастырь. (Почему и за что онъ съ матерью былъ удаленъ изъ Москвы—неизвѣстно.) Ему было уже около 9 лѣтъ. Мать его Марія Нагая и дяди его, считая виновникомъ ихъ ссылки въ Угличъ Бориса Годунова, внушали Дмитрію ненависть къ Борису и къ Ѳеодору, толковали объ ожидавшемъ его престолѣ; говорятъ, призывали даже гадателей, чтобы узнать, долго ли еще проживетъ Ѳеодоръ. Ходили въ Москвѣ слухи, что Дмитрій часто хвастался передъ дворцовыми слугами, что онъ жестоко отомститъ своимъ гонителямъ; разсказывали, что однажды онъ надѣлалъ изъ снѣгу фигуръ, назвалъ ихъ именами разныхъ московскихъ бояръ и потомъ началъ сѣчь ихъ саблею—одному отрубилъ руку, другому голову, третьяго прокололъ насквозь, говоря при этомъ, будто бы: «такъ будетъ имъ въ мое царствіе».

Насколько достовѣрны были эти разсказы, судить довольно трудно. Но они тревожили московскихъ бояръ. Рѣшено было освободиться отъ опаснаго царевича,—и вотъ, въ маѣ 1591 года, въ Москву пришло извѣстіе, что Дмитрія не стало.

Лѣтопись разсказываетъ, что дѣло было такъ. Однажды, въ майское утро, мамка вывела царевича во дворъ. Тутъ подошелъ къ нимъ сынъ мамки, Осипъ Волоховъ, и спросилъ его: «это у тебя, государь, новое ожерелье?» «Нѣтъ, старое»,—отвѣчалъ ребенокъ и поднялъ голову, чтобы Волоховъ могъ лучше разсмотрѣть, что у него на шеѣ. Въ эту минуту убійца ударилъ его ножомъ, но ударъ по горлу былъ невѣренъ. Злодѣй бросился бѣжать. Царевичъ упалъ. Кормилица, бывшая тутъ же, прикрыла его собой и стала кричать. Тогда подбѣжали двое другихъ убійцъ—Битяговскій и Качаловъ—оттащили ее отъ Дмитрія и дорѣзали его. Въ это время на крикъ кормилицы выбѣжала мать Дмитрія. Она бросилась къ сыну, но было уже поздно. На дворѣ никого не было; но соборный понамарь, бывшій въ это время на колокольнѣ (по сосѣдству), видѣлъ, что произошло на дворѣ царскаго дворца, и ударилъ въ набатъ. Сбѣжался народъ. Царица сказала, что ея сынъ зарѣзанъ людьми, подосланными отъ Бориса Годунова. Тогда угличане схватили Битяговскаго, Волхова и Качалова, а также и другихъ, невинныхъ, и убили ихъ. Всего было убито 12 человѣкъ.

Когда вѣсть объ этомъ страшномъ событіи достигла Москвы, царь Ѳеодоръ горько плакалъ и самъ хотѣлъ ѣхать въ Угличъ для разслѣдованія дѣла. Но Борисъ отговорилъ его. По его ука-

занію, были выбраны 3 лица: князь Василій Ивановичъ Шуйскій, Крутицкій митрополитъ Геласій и дьякъ Клешнинъ. Эта комиссія произвела розыскъ неправильно. По ея разслѣдованію оказывалось, что Дмитрій «самъ накололся на ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни» и что угличане, по наущенію Нагихъ, убили людей, ни въ чемъ неповинныхъ. Такое донесеніе навлекло на Угличъ страшную кару. Многіе изъ угличанъ были осуждены на смерть, еще больше подверглось тѣлеснымъ наказаніямъ, а большая часть жителей была выселена въ Сибирь. Туда же былъ отправленъ и колоколъ, въ который били въ набатъ. Мать царевича Дмитрія была пострижена въ монахини подъ именемъ Марѳы и заключена въ бѣдномъ монастырѣ за Бѣлымъ озеромъ; ея братья были разосланы по тюрьмамъ въ дальніе города.

Трудно сказать, кто является истиннымъ виновникомъ убіенія цар. Дмитрія. Нѣкоторые ученые въ настоящее время высказываютъ предположеніе, что убіеніе цар. Дмитрія является дѣломъ группы высшихъ московскихъ бояръ, весьма недовольныхъ тѣмъ, что московскіе государи, начиная съ Ивана III, старались обходиться безъ совѣщанія съ ними иногда даже въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Такъ какъ царь Ѳеодоръ не имѣлъ дѣтей и Дмитрій былъ его единственнымъ наслѣдникомъ, то (какъ предполагаютъ эти историки) знатные бояре рѣшили устранить Дмитрія, чтобы послѣ Ѳеодора установить боярское правленіе. Но въ то время никто не повѣрилъ донесенію слѣдственной комиссіи, и народная молва приписала смерть цар. Дмитрія Борису Годунову. (Впослѣдствіи Церковь причислила цар. Дмитрія къ лику святыхъ; мощи его покоятся въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ, въ Кремлѣ. Память его празднуется 15-го мая.)

XIX. Смутное время на Руси.

Царь Ѳеодоръ умеръ въ 1598 г. Съ нимъ прекратился родъ св. Владиміра, и это имѣло очень большое значеніе для Россіи. Можно сказать, что послѣ страшнаго татарскаго погрома, въ первой половинѣ XIII в., русская земля не переживала никогда такого печальнаго времени, какъ въ 15 лѣтъ, слѣдовавшія за смертью Ѳеодора Ивановича. Этотъ періодъ русской исторіи извѣстенъ подъ именемъ Смутнаго времени.

1. Борисъ Годуновъ. Когда умеръ Ѳеодоръ Ивановичъ, народъ всѣ надежды возложилъ на патріарха, отъ него ожидалъ указанія, кого выбрать на царство. Патріархъ Іовъ, выдвинувшійся благо-

даря Борису Годунову, указывалъ на него, какъ на единственнаго достойнаго человѣка. Борисъ въ это время вмѣстѣ съ сестрой, вдовой Ѳеодора, проживалъ въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ; его сестра даже постриглась въ монахини. По предложенію патріарха, бояре, знатнѣйшіе люди и простой народъ отправились просить Бориса на царство. Борисъ долго отказывался, но потомъ, когда собрались выборные со всей русской земли и тоже стали упрашивать Бориса—онъ уступилъ.

Первые годы царствованія Бориса прошли тихо и спокойно. Борисъ крѣпко стоялъ за бѣдный народъ и не давалъ его обижать; особенно преслѣдовалъ онъ неправду въ судахъ. Онъ былъ миролюбивъ, не затѣвалъ войны, облегчалъ народу подати, раздавалъ щедрую милостыню бѣднымъ и сиротамъ. Въ первые годы своего царствованія Борисъ обратилъ вниманіе на связи съ Европой: онъ хотѣлъ войти въ близкія сношенія съ европейскими державами и для этого искалъ среди заграничныхъ принцевъ жениха своей дочери Ксеніи. Съ другими государствами—съ Германіей, Англіей, Даніей и Швейцаріей — онъ сносился, чтобы завязать съ ними торговлю и найти сбытъ русскимъ товарамъ. Онъ очень хорошо понималъ пользу образованія и для распространенія знаній среди русскихъ приглашалъ иностранцевъ; при немъ было 6 врачей и цѣлый отрядъ войска, набранный изъ иностранцевъ, искусныхъ въ военномъ дѣлѣ. Борисъ хотѣлъ завести въ Москвѣ школу, въ которой преподавались бы иностранные языки, но дѣло это не пошло, по той причинѣ, что нѣкоторые изъ совѣтниковъ Бориса считали изученіе чужихъ языковъ грѣхомъ. Такъ какъ школъ въ Россіи не было, то Борисъ отправилъ нѣсколькихъ молодыхъ людей учиться за границу.

Воины-нѣмцы.

Но только первые годы царствованія Бориса прошли мирно. Борису скоро стало казаться, что бояре старыхъ московскихъ родовъ, недовольные тѣмъ, что престолъ достался ему, сравнительно малознатному боярину, что-то противъ него замышляютъ.

Слѣдствіемъ такой подозрительности явились преслѣдованія и ссылки. Такъ, пострадали въ это время бояре Романовы (за то, что они были особенно любимы народомъ). Кромѣ нихъ были сосланы или пострижены и многіе другіе. Къ этому прибавились еще физическія бѣдствія. Русскую землю два года подъ рядъ (1601—1602) посѣтилъ страшный голодъ. Хлѣба почти нигдѣ нельзя было достать. Люди ѣли траву, сѣно; у мертвыхъ находили во рту навозъ; говорятъ, что отцы и матери убивали своихъ дѣтей, что въ Москвѣ на рынкѣ можно было купить пирогъ съ

Колокольня Ивана Великаго.

начинкой изъ человѣческаго мяса. Борисъ всѣми силами старался помочь голодающему народу: онъ щедро раздавалъ въ Москвѣ хлѣбъ изъ царскихъ амбаровъ и деньги изъ царской казны. Народъ, узнавъ объ этомъ, со всѣхъ концовъ русской земли сталъ стекаться въ Москву; но Борисъ, убѣдившись скоро, что его помощь не достигаетъ цѣли, велѣлъ прекратить раздачу. Начался моръ. Говорятъ, что въ одной Москвѣ и ея окрестностяхъ погибло больше 200 тысячъ человѣкъ. За голодомъ и моромъ слѣдовали разбои. Голодные, бездомные люди, не зная, гдѣ найти себѣ убѣжище, выходили на дороги и составляли шайки разбойниковъ, отъ которыхъ не было проѣзда по дорогамъ, ни покоя въ селахъ и городахъ; многочисленныя шайки разбойничали подъ

самой Москвой, и дерзость ихъ доходила до того, что они рѣшались вступать въ битву съ царскими войсками.

Всѣ эти бѣдствія русскій народъ объяснялъ по-своему. Онъ роптalъ и говорилъ, что всѣ несчастія посылаются Богомъ за грѣхи Бориса, за то, что онъ достигъ царскаго престола путемъ преступленія. И самъ Борисъ хорошо понималъ, какъ къ нему относится народъ, и поэтому онъ еще больше омрачился въ душѣ своей и еще больше прежняго сталъ подозрителенъ и недовѣрчивъ *).

2. Появленіе Самозванца. Въ это время вдругъ разнесся въ народѣ поразительный слухъ, что царевичъ Дмитрій живъ и скоро потребуетъ отъ Бориса отцовское наслѣдіе, что въ Угличѣ вмѣсто Дмитрія былъ убитъ другой ребенокъ, а онъ спасся отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ, и пока находится во владѣніяхъ польскаго короля.

Кто такой былъ этотъ первый Самозванецъ—Лжедмитрій, какъ его называли,—сказать трудно. По русскимъ свидѣтельствамъ того времени, Лжедмитрій былъ сынъ стрѣлецкаго сотника Отрепьева изъ города Галича—Григорій и мальчикомъ жилъ на службѣ у разныхъ бояръ; потомъ научился грамотѣ, странствовалъ по монастырямъ и постригся въ монахи. Попалъ онъ, между прочимъ, въ Чудовъ монастырь. Тутъ онъ, какъ грамотный и способный монахъ, былъ взятъ къ патріарху „для письменнаго дѣла“, бывалъ съ нимъ въ Думѣ царской и отлично зналъ тогдашнее положеніе дѣлъ. Онъ часто говорилъ монахамъ, что будетъ въ Москвѣ царемъ. Когда такія рѣчи дошли до высшихъ властей, Григорія сослали въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь на вѣчное покаяніе. Съ дороги Григорій бѣжалъ въ Польшу. Тамъ онъ научился польскому и латинскому языкамъ, потомъ ушелъ къ запорожскимъ казакамъ, гдѣ пріобрѣлъ искусство владѣть конемъ и мечомъ, и, наконецъ, поступилъ на службу къ польскому пану, Адаму Вишневецкому. Здѣсь онъ однажды притворился больнымъ, призвалъ духовника и просилъ, чтобы его, въ случаѣ смерти, похоронили, какъ царскаго сына. Это было передано Вишневецкому, которому Отрепьевъ показалъ драгоцѣнный крестъ съ мощами, висѣвшій у него на груди, и какую-то грамоту, въ которой было сказано, что онъ царевичъ Дмитрій, спасшійся въ Угличѣ отъ рукъ убійцъ. Повѣрилъ ли этому Вишневецкій или нѣтъ—сказать трудно, но онъ и другіе паны стали поддерживать открывшагося такимъ образомъ московскаго царевича. На дочери одного изъ этихъ пановъ—Мнишка—Лжедмитрій хотѣлъ жениться, но свадьба была отложена до тѣхъ поръ, пока онъ сдѣлается царемъ. Лжедмитрій тайно принялъ католическую вѣру и обѣщалъ ввести ее въ Россіи; за это папа римскій и король стали ему помогать, главнымъ образомъ деньгами и людьми: король разрѣшилъ Лжедмитрію набирать войско изъ „охочихъ“, т.-е. желающихъ, поляковъ.

*) Чтобы дать заработокъ голодавшему народу, Борисъ предпринялъ много большихъ построекъ. Между прочимъ, въ Москвѣ въ это время была выстроена колокольня Ивана Великаго. *Прим. авт.*

Когда слухи о появленіи въ Польшѣ Самозванца дошли до Москвы, Борисъ употребилъ всѣ средства, чтобы обнаружить обманъ. Въ Польшу и во всѣ концы русской земли были разосланы грамоты, въ которыхъ доказывалось, что Лжедмитрій есть никто иной, какъ бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ. Патріархъ увѣщевалъ всѣхъ не вѣрить разсказамъ о спасеніи царевича и затѣмъ даже всенародно проклялъ Самозванца и всѣхъ его сообщниковъ. Но чѣмъ больше старались разувѣрить народъ въ справедливости слуховъ о появленіи въ Польшѣ Дмитрія, тѣмъ упорнѣе народъ вѣрилъ тому, что Самозванецъ—истинный царевичъ. Въ народѣ говорили: «пусть проклинаютъ Гришку; царевичу до Гришки никакого дѣла нѣтъ».

Красная площадь.

Когда Самозванецъ перешелъ границу и вступилъ въ русскіе предѣлы (въ октябрѣ 1604 г.), къ нему примкнули казаки, а также подъ его знамена стали стекаться разные искатели приключеній и всѣ недовольные Борисомъ. Многіе города сѣверской Украйны добровольно сдавались Самозванцу, какъ настоящему Дмитрію. Нѣкоторое время сопротивлялся ему воевода г. Новгорода-Сѣверскаго—Басмановъ, но и тотъ, видя вокругъ себя «шатость», т.-е. колебаніе и неохоту сражаться, перешелъ на сторону Самозванца. По свидѣтельству лѣтописи, у русскихъ «не было рукъ для сѣчи», т.-е. русскими ратными людьми стало овладѣвать сомнѣніе, не поднимаютъ ли они рукъ противъ своего законнаго государя. Въ этой «шатости» московскаго войска заключалась сила Лжедмитрія; въ народѣ стала утрачиваться вѣра

въ законность царствованія Бориса; число его приверженцевъ таяло съ каждымъ днемъ, а число сторонниковъ Самозванца росло. Въ это критическое время, среди такихъ глубокихъ внутреннихъ волненій, Борисъ внезапно скончался (13 апрѣля 1605 г.). Скоропостижная смерть его поразила всѣхъ: въ ней увидѣли судъ Божій за убійство царевича Дмитрія.

3. Царствованіе Лжедмитрія. Смерть Бориса Годунова открыла Самозванцу путь въ Москву. Жители тѣхъ городовъ, черезъ которые ему пришлось проходить, встрѣчали его съ хлѣбомъ и солью, какъ прирожденнаго государя. 20 іюня 1605 года, въ чудный лѣтній день, онъ, наконецъ, торжественно вступилъ въ Москву. Народъ, вѣрившій, что прибылъ настоящій Дмитрій, громадными толпами наполнялъ улицы и площади, покрылъ собой крыши домовъ и колокольни, и радостно привѣтствовалъ его на всемъ пути.

Но вступленіе Самозванца въ Москву было необычайно: польскіе латники въ своихъ крылатыхъ шлемахъ и польскіе паны въ національныхъ костюмахъ ѣхали впереди, вокругъ Самозванца было много нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ, а русскіе бояре и русскіе полки шли позади. Чувствовалось что-то неладное. Современное сказаніе говоритъ, что когда Самозванецъ выѣзжалъ изъ Замоскворѣчья на Красную площадь, вдругъ поднялся такой страшный вихрь, что всадники и лошади чуть не попадали; въ одной церкви на пути колокола сами собой зазвонили; пыль взвилась столбомъ и на нѣсколько минутъ всѣхъ ослѣпила. Москвичи ужаснулись и, творя крестныя знаменія, говорили другъ другу: „Господи, спаси насъ; быть бѣдѣ и несчастью“. Кромѣ того, многими изъ народа было отмѣчено, что во время молебствія на Красной площади, въ то время, какъ русскіе въ благоговѣйномъ молчаніи внимали церковному пѣнію— поляки играли на трубахъ; бубны и литавры заглушали пѣніе, и Лжедмитрій не остановилъ ихъ. Еще сильнѣе оскорблено было православное чувство русскихъ, когда, вслѣдъ за Лжедмитріемъ, пошли въ Успенскій и Архангельскій соборы „поганые католики и люторы“, не крестясь, не прикладываясь къ образамъ, на все глядя съ гордымъ и насмѣшливымъ видомъ. Правда, многіе были тронуты какъ будто искреннимъ чувствомъ, съ которымъ Лжедмитрій плакалъ надъ гробомъ Ивана IV; однако, чуть ли не въ тотъ же самый день, кн. Вас. Ив. Шуйскій говорилъ народу, что это—не настоящій Дмитрій, а самозванецъ.

Сначала Лжедмитрій расположилъ къ себѣ народъ ласковымъ обращеніемъ и милосердіемъ: въ каждую среду и субботу онъ лично принималъ просьбы на Красномъ крыльцѣ; ежедневно онъ присутствовалъ въ Боярской Думѣ, гдѣ бояре не мало дивились его уму и умѣнью быстро разрѣшать самыя трудныя дѣла. Въ облегченіе бѣднякамъ, которые разорялись отъ долговременныхъ

тяжбъ, онъ издалъ указъ, которымъ приказывалось рѣшать дѣла по очереди и безъ «посуловъ», т.-е. безъ взятокъ. Онъ давалъ разныя льготы духовенству и служилымъ людямъ, заботился также и о крестьянахъ.

Въ то же самое время Лжедмитрій не считалъ нужнымъ соблюдать русскіе обычаи въ обыденной жизни: ввелъ за столомъ музыку и пѣніе; послѣ обѣда рукъ не умывалъ и спать не ложился, а отправлялся куда-нибудь на прогулку, съ цѣлью осмотра какой-нибудь иностранной лавки или аптеки. Поведеніемъ своимъ онъ тоже не былъ похожъ на прежнихъ царей, которые во всемъ любили торжественность и важность; ѣздилъ запросто на охоту на горячихъ лошадяхъ, принималъ самое живое участіе въ военныхъ упражненіяхъ, такъ что его иногда сшибали съ ногъ и давили.—Все это, вмѣстѣ съ его пристрастіемъ къ иноземному, а равно и равнодушіе къ православной церкви, заставило многихъ сомнѣваться въ его происхожденіи.

Этимъ неудовольствіемъ народа воспользовался кн. Вас. Ив. Шуйскій и составилъ съ другими боярами противъ него заговоръ. Особенно повредила Самозванцу его женитьба на Маринѣ Мнишекъ. Поляки, составлявшіе свиту Марины, вели себя самымъ наглымъ образомъ, рубили встрѣчныхъ москвичей саблями и позволяли себѣ всякія другія насилія. Самая свадьба, вопреки всѣмъ церковнымъ правиламъ, совершилась 8 мая (1606 года). Народная пѣсня говоритъ про это событіе: «а и свадьба была подъ Николинъ день, а Николинъ день былъ въ пятницу». Это обстоятельство окончательно подорвало въ народѣ всякое довѣріе къ Самозванцу, и скоро послѣ свадьбы онъ былъ убитъ (17 мая 1606 года).

4. Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. Послѣ смерти Лжедмитрія былъ выбранъ на престолъ Василій Ивановичъ Шуйскій. По знатности рода и по уму онъ выдѣлялся изъ среды московскихъ бояръ, но его 4-лѣтнее царствованіе не было спокойно. Выбранъ онъ былъ не всей русской землей, даже не всей Москвой, а кучкой своихъ сторонниковъ. Поэтому народъ не вѣрилъ въ правильность избранія Василія; не вѣрилъ также и тому, что писалъ Василій въ своихъ указахъ. Кромѣ того, народу сильно не нравилось то, что власть новаго царя была ограничена боярами: Василій Шуйскій, сдѣлавшись царемъ, далъ обѣщаніе—безъ высшихъ бояръ никакихъ важныхъ дѣлъ не предпринимать. За это народъ назвалъ Василія «полуцаремъ». Бояре, выбравшіе Василія, были также недовольны: они разсчитывали, что Василій

Шуйскій, въ благодарность за избраніе, будетъ щедро раздавать имъ помѣстья и награждать деньгами, но скупой и разсчетливый царь неохотно исполнялъ просьбы бояръ, а когда бояре начинали роптать на это, онъ назначалъ ихъ въ отдаленныя отъ Москвы области на почетныя должности; но бояре понимали, что это только почетная ссылка изъ Москвы, и недовольство царемъ Василіемъ не уменьшалось, а, наоборотъ, увеличивалось.

Прошло немного больше года съ начала царствованія Василія Шуйскаго, какъ пронеслась вѣсть, что Лжедмитрій не былъ убитъ въ Москвѣ, а спасся чудеснымъ образомъ и идетъ на Москву, чтобы отнять у Василія Шуйскаго престолъ. Этому самозванцу, Лжедмитрію II, или—какъ его называютъ—«Тушинскому вору», было очень нетрудно набрать себѣ войско, такъ какъ, съ одной стороны, среди жителей южныхъ и юго-западныхъ окраинъ Руси много было охотниковъ до разгульной жизни (особенно среди казаковъ и бѣглыхъ крестьянъ), а съ другой стороны, къ нему приставали всѣ тѣ, кто былъ недоволенъ Василіемъ Шуйскимъ. Русскіе города сдавались Тушинскому вору одинъ за другимъ, и онъ почти безпрепятственно дошелъ до Москвы, недалеко отъ которой и расположился въ селѣ Тушинѣ (откуда и его прозвище). Отсюда отряды поляковъ, бывшихъ въ войскѣ «вора», и русскихъ измѣнниковъ расходились по русской землѣ во всѣ стороны и безпощадно грабили жителей.

Печально было положеніе русской земли въ это время. Тяжело было и положеніе царя Василія, видѣвшаго вокругъ себя нелюбовь и даже измѣну. Онъ понялъ скоро, что однѣми своими силами ему не справиться съ Тушинскимъ воромъ, и поэтому просилъ помощи у Швеціи. Шведскій король, опасаясь, что смутами въ русской землѣ можетъ воспользоваться для своей выгоды Польша, съ охотой отозвался на просьбу царя Василія и отправилъ ему въ помощь войско въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Главное руководство этимъ отрядомъ было поручено племяннику царя Василія—Михаилу Скопину-Шуйскому, который, несмотря на свою молодость (ему въ это время было 23 года), былъ уже извѣстенъ своими военными способностями.

Съ помощью шведовъ Скопинъ нанесъ полякамъ и тушинцамъ нѣсколько пораженій одно за другимъ. Это имѣло очень большія послѣдствія, такъ какъ многіе города сѣверной Руси, перешедшіе на сторону втораго Самозванца, теперь опять выражали покорность царю Василію, приходя съ повинной.

Скопину-Шуйскому приходилось дѣлать трудное дѣло: нужно было шагъ за шагомъ отнимать у поляковъ и русскихъ измѣнниковъ разоренную и опустѣлую землю; нужно было оберегать уцѣлѣвшихъ жителей отъ насилій и поборовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно было въ разоренной странѣ изыскивать средства для того, чтобы содержать войско въ походѣ и платить шведамъ по условію. Много нужно было ума, чтобы уладить все это, чтобы вывернуться изъ бѣды, всѣхъ удовлетворить; много надо было твердости и терпѣнія, чтобы вынести всѣ невзгоды и непріятности и не упасть духомъ. И кн. Скопинъ-Шуйскій доказалъ, что выборъ царя не напрасно палъ на него для совершенія такого важнаго дѣла, какъ очищеніе русской земли отъ непріятеля. Онъ выказалъ необычайную дѣятельность; въ него начали вѣрить и у него появились деньги и войско.

Медленно, но неуклонно шелъ онъ шагъ за шагомъ къ Москвѣ, вездѣ одерживая побѣды надъ «тушинцами», осмѣлившимися становиться ему на пути. Слава о его побѣдахъ разносилась повсюду. Народъ уже начиналъ смотрѣть на него, какъ на избранника Божія, посланнаго для спасенія отечества. Росло довѣріе къ нему, росли и силы его. Все, что было лучшаго въ русскомъ народѣ, мало-по-малу сосредоточивалось около Скопина-Шуйскаго. Въ это время поляки, бывшіе въ отрядѣ Тушинскаго вора, повинуясь приказу своего короля, который самъ началъ войну съ Василіемъ Шуйскимъ, ушли изъ Тушина къ себѣ на родину. Лжедмитрій II, опасаясь за свою жизнь, такъ какъ силы его стали очень невелики, убѣжалъ въ Калугу *), не дожидаясь рѣшительнаго сраженія съ Скопинымъ-Шуйскимъ.

Когда вспомогательный отрядъ русскихъ и шведовъ, предводимый Скопинымъ-Шуйскимъ, подходилъ къ Москвѣ, то простой народъ вышелъ далеко за городъ, чтобы встрѣтить своего «избавителя»; многіе кланялись ему въ землю и вслухъ называли освободителемъ земли русской. Самъ царь Василій со слезами на глазахъ обнималъ и цѣловалъ его передъ всѣмъ народомъ. Начались пиры; москвичи приглашали къ себѣ шведовъ въ гости, наперерывъ одинъ передъ другимъ, стараясь показать свою благодарность за избавленіе отъ тушинцевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свое хлѣбосольство.

Но такое настроеніе продолжалось недолго. Царю Василію Шуйскому показалась подозрительною та любовь, которую народъ

*) Гдѣ скоро былъ убитъ. *Прим. авт.*

открыто выражалъ по отношенію къ его племяннику. Онъ сталъ опасаться его и не довѣрять ему. Это недовѣріе увеличивалось съ тѣхъ поръ, какъ ему донесли, что у нѣкоторыхъ москвичей появилась мысль—будто надо царя Василія свести съ престола, а царемъ посадить Михаила Скопина-Шуйскаго. Есть извѣстіе, что царь даже объяснялся по этому поводу съ своимъ племянникомъ и хотя получилъ отъ того категорическое заявленіе, что онъ никогда и не помышлялъ о царскомъ престолѣ, но подозрѣнія его не разсѣялись и онъ возненавидѣлъ Скопина-Шуйскаго. Такія отношенія между царемъ Василіемъ и его племянникомъ были всѣмъ извѣстны, и нѣтъ ничего удивительнаго, что когда 23-го апрѣля 1610 года кн. Михаилъ Скопинъ-Шуйскій неожиданно для всѣхъ скончался, то народная молва прямо обвинила въ этомъ самого царя Василія; въ народѣ пошли слухи, что царь Василій, черезъ одного изъ своихъ братьевъ, отравилъ племянника, чтобы тому не достался престолъ.

Смерть Михаила Скопина была роковымъ ударомъ для Василія Шуйскаго. Русскіе войска, оставшись безъ предводителя, стали терпѣть пораженія, и послѣ одной изъ побѣдъ, одержанныхъ поляками надъ русскими, которыми предводительствовалъ малоспособный братъ царя, народъ, во всѣхъ неудачахъ обвинявшій самого Василія, свергъ его съ престола (въ іюлѣ 1610 г.). Такимъ образомъ русская земля опять осталась безъ царя.

5. Патріархъ Ермогенъ. Печальное это было время. Внѣшніе враги—поляки и шведы—воспользовались внутренними неурядицами Руси и захватили многія русскія области: шведы овладѣли Новгородомъ, а поляки, съ согласія высшихъ московскихъ бояръ, захватили въ свои руки самую Москву и хотѣли посадить тамъ царемъ сына польскаго короля-католика. Бѣдствія русской земли дошли до крайности; она, казалось, погибала. Но въ это время нашлось нѣсколько великихъ людей, которые выступили на спасеніе родины и подняли весь народъ на великое дѣло освобожденія родной земли отъ поляковъ.

Однимъ изъ такихъ людей былъ патріархъ Ермогенъ. Когда поляки завладѣли Москвой, то можно было опасаться, что если царемъ будетъ король польскій, то православная вѣра подвергнется весьма большой опасности. Поэтому Ермогенъ сталъ приглашать русскихъ людей подумать, «какъ бы отъ польскаго короля и отъ поляковъ совсѣмъ освободиться», онъ открыто проповѣдывалъ, что всѣмъ «добрымъ русскимъ людямъ» слѣдуетъ идти на избавленіе Москвы отъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, а за-

тѣмъ сталъ разсылать грамоты по городамъ, призывая народъ вооружиться на защиту православія.

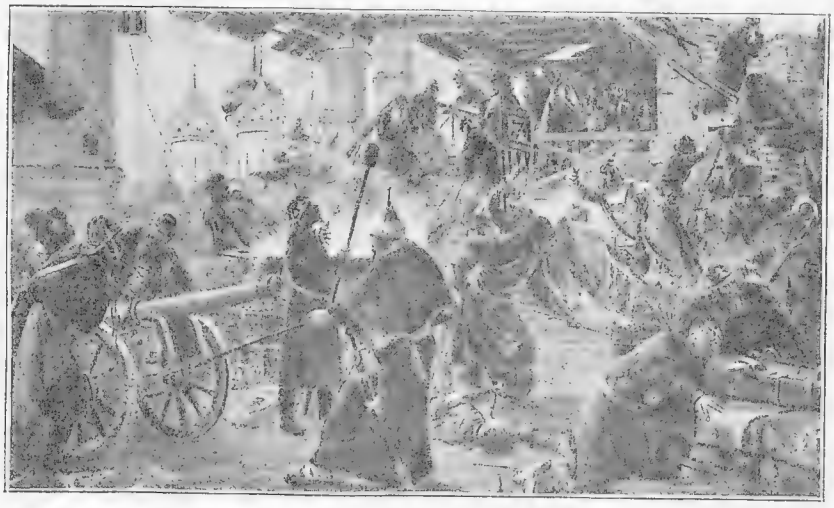
Когда поляки и бывшіе съ ними заодно русскіе измѣнники узнали, что на призывъ Ермогена отозвалось до 30 городовъ въ южныхъ областяхъ, то они потребовали у Ермогена, чтобы онъ запретилъ этому ополченію идти къ Москвѣ, а велѣлъ бы разойтись. Но Ермогенъ отвѣтилъ имъ: «если вы всѣ уйдете изъ Москвы, тотчасъ же напишу, чтобы они возвращались домой». Ни лестью, ни угрозой невозможно было заставить Ермогена перемѣнить рѣшеніе. Одинъ русскій измѣнникъ (Михайло Салтыковъ) замахнулся даже на Ермогена ножомъ, но Ермогенъ сказалъ на это: «не боюсь твоего ножа: у меня противъ него оружіе святой крестъ; ты же будь проклятъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ».

Поляки были такъ озлоблены твердостью патріарха, что заключили его подъ стражу и не велѣли никого къ нему пускать. Черезъ нѣсколько времени, когда разнеслись слухи, что въ г. Нижнемъ-Новгородѣ собралось второе ополченіе, готовое идти на освобожденіе Москвы (такъ какъ первое окончилось неудачно), то поляки опять потребовали отъ Ермогена, чтобы онъ написалъ увѣщаніе нижегородцамъ—оставаться спокойными и не подниматься противъ Москвы. «Да будетъ надъ ними милость Божія и наше благословеніе,—съ прежней твердостью отвѣчалъ Ермогенъ,—а на измѣнниковъ да изліется отъ Бога гнѣвъ, и да будутъ они прокляты отнынѣ и до вѣка». За эти слова Ермогена заперли еще тѣснѣе, и 17 февраля 1612 г. этотъ несокрушимый «поборатель за вѣру православную» умеръ. Говорятъ, что его уморили голодомъ. Погребенъ онъ былъ въ Чудовомъ монастырѣ.

6. Заслуги Троицкой лавры. Много уже лѣтъ прошло со дня смерти пр. Сергія; перемѣнилось съ тѣхъ поръ много игуменовъ въ монастырѣ, имъ основанномъ, мѣнялась братія, но порядки, заведенные св. Сергіемъ, оставались тѣ же: въ сердцахъ монаховъ постоянно жили строгое благочиніе, гостепріимство и горячая любовь къ родинѣ. Троицкіе монахи не замыкались за стѣнами своего монастыря, но принимали участіе во всѣхъ радостяхъ и горестяхъ русскаго народа: въ тяжелые годы бѣдствій казна монастырская отдавалась въ распоряженіе отечества, а иноки возносили къ Богу молитвы о ниспосланіи небесной помощи.

Особенно великія услуги оказала Руси Сергіево-Троицкая лавра въ Смутное время. Еще во времена Василія Шуйскаго, когда въ умахъ русскаго народа обнаружилась «шатость», кому

служить—царю Василію или второму Самозванцу, Троицкая лавра показала примѣръ высокой доблести и непоколебимаго мужества. Поляки и литовцы, составлявшіе войско второго Самозванца, захотѣли овладѣть лаврой, такъ какъ она, во-1-хъ, представляла изъ себя сильную крѣпость, занять которую значило постоянно угрожать Москвѣ, а во-2-хъ, поляки думали ограбить монастырь, овладѣть его сокровищами и большими запасами. Войско ихъ состояло изъ 30 тыс. человѣкъ. Противъ этого лавра могла выставить около 2 тысячъ человѣкъ, собравшихся изъ окрестныхъ селъ, да еще 300 монаховъ одѣли сверхъ рясъ воинскіе доспѣхи.



Оборона Троице-Сергіевой лавры. *Съ карт. Милорадовича.*

Лавра еще при Иванѣ IV была окружена каменной стѣной, вышиной въ 4, толщиной въ 3 сажени, съ высокими башнями и глубокимъ рвомъ. Но главная защита лавры была не въ стѣнахъ, а въ твердомъ духѣ монаховъ. Они защищали гробъ св. Сергія и надъ этимъ гробомъ они всѣ поклялись сидѣть въ осадѣ безъ измѣны. Они говорили: «Надежда наша и упованіе—Святая Живоначальная Троица; стѣна, заступленіе и покровъ нашъ—Пренепорочная Владычица наша и Приснодѣва Марія; помощники наши и молитвенники о насъ къ Богу—преподобные отцы наши Сергій и Никонъ: не страшимся».

И дѣйствительно, всѣ старанія враговъ овладѣть монастыремъ оказались напрасны. Не разъ поляки пробовали взять монастырь при помощи хитрости или обмана, не разъ предлагали монахамъ

сдаться, обѣщая всякія льготы и большія награды. Но защитниковъ не страшили угрозы и не привлекали обѣщанія осаждающихъ. Среди защитниковъ, вслѣдствіе тѣсноты и недостатка припасовъ, появились болѣзни, но монастырь и не думалъ о сдачѣ.

Одинъ современникъ говоритъ, что положеніе обители къ концу 16-тимѣсячной осады было таково, что человѣческими силами нельзя было уже отвратить вѣрной гибели ея. Но твердая надежда на Господа и на св. Сергія не исчезала въ лаврѣ. Отъ угодника Божія ждали спасенія. И чудесная помощь явилась. Сказаніе объ осадѣ лавры говоритъ, что въ одну темную ночь многіе видѣли св. Сергія и его ученика Никона, ходившихъ по стѣнамъ вокругъ монастыря; одинъ изъ нихъ осѣнялъ стѣны крестомъ, а другой кропилъ ихъ святой водой, и оба громкими голосами пѣли: „Спаси, Господи, люди Твоя“; потомъ, обратясь къ польскому стану, они сказали съ укоромъ: „зачѣмъ вы собрались сюда, чтобы разорить домъ Пр. Богородицы, осквернить Божіи церкви и погубить иноковъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, здѣсь пребывающихъ: Господь не допуститъ до этого“. И другія многія видѣнія убѣдили защитниковъ, что св. Сергій не оставитъ ихъ своей помощью. Поэтому, несмотря ни на какія невзгоды и лишенія, „троицкіе сидѣльцы“ не сдавались, хотя къ концу осады ихъ осталось 200—300 человѣкъ.

Наконецъ поляки, видя безуспѣшность своихъ стараній, вынуждены были снять осаду и уйти ни съ чѣмъ.

Особенно тяжелое время наступило для Руси въ 1612 году. «И было тогда,—говоритъ современникъ,—такое лютое время Божія гнѣва, что люди и не чаяли впереди спасенія себѣ. Чуть не вся земля русская запустѣла. И прозвали старики наши это лютое время л и х о л ѣ т ь е м ъ... Великій гнѣвъ былъ на людяхъ—глады, моры, зябели на весь плодъ земной. Звѣри пожирали живыхъ людей, и люди людей ѣли. Плѣненіе было великое людямъ. Жигимонтъ (Сигизмундъ), польскій король, все Московское государство велѣлъ предать огню и мечу, ниспровергнулъ все благолѣпіе русской земли».

Въ это время въ Троицкій монастырь отовсюду стекались русскіе люди, истомленные голодомъ и болѣзнями, израненные и измученные врагами. Монахи принимали всѣхъ этихъ несчастныхъ, собиравшихся сотнями и тысячами, и помогали имъ, чѣмъ могли; вся лавра превратилась въ столовую для голодающихъ и въ больницу для недужныхъ.

Но этимъ дѣятельность монаховъ лавры не ограничилась. Когда умолкъ подъ сводами подземелья Чудова монастыря голосъ патріарха Ермогена, Троицкая лавра взяла на себя задачу—призвать русскій народъ на послѣднюю вооруженную борьбу съ поляками и русскими измѣнниками. Архимандритъ Діонисій сталъ

разсылать по всей русской землѣ грамоты, въ которыхъ, именемъ Пресвятыя Троицы и прп. Сергія, призывалъ всѣхъ православныхъ людей на подвигъ спасенія отечества, молилъ всѣхъ соединиться и сообща стать противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Православные христіане,—писалъ Діонисій,—вспомните христіанскую православную вѣру, вспомните, что мы всѣ родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатью, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать въ Св. Троицу... Сами видите конечную погибель всѣмъ христіанамъ, видите, въ какое разореніе пришло Московское государство. Гдѣ святыя Божіи церкви и Божіи образы? Гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе, инокини, добродѣтелями украшенныя? Не все ли до конца разорено и поругано злымъ руганіемъ? Не пощажены ни старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ видимой общею смертной погибелью, чтобы не постигла васъ самихъ также лютая смерть. Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканья спѣшатъ къ Москвѣ. Хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, Бога ради, отложите все это на время, чтобы всѣмъ вамъ сообща потрудиться для избавленія православной христіанской вѣры. Смилуйтесь, сдѣлайте это поскорѣе".

Одна изъ такихъ грамотъ попала въ Нижній-Новгородъ. Ее рѣшено было прочесть въ соборѣ. Зазвонили въ большой колоколъ, а день былъ не праздничный. Народъ понялъ, что неспроста звонятъ большимъ звономъ, и скоро весь соборъ наполнился народомъ. Послѣ обѣдни протопопъ Савва прочиталъ троицкую грамоту, сказалъ о гибели отечества отъ враговъ и призывалъ всѣхъ постоять «за чистую и непорочную вѣру Христову и за святую соборную церковь Богородицы и за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ». Народъ плакалъ въ умиленіи, готовый послѣдовать призыву Троицкой лавры, и рѣшился отдать все до послѣдней капли крови.

Послѣ обѣдни, бывшій въ соборѣ вмѣстѣ съ другими купецъ Козьма Захарьевичъ Мининъ, всѣми уважаемый за большой умъ и за честный нравъ, обратился къ народу съ такой рѣчью: «Граждане нижегородскіе,—сказалъ онъ,—коли хотимъ помочь Московскому государству, не пожалѣемъ достоянія нашего... дворы свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ *) и станемъ челомъ бить—искать, кто бы вступился за истинную православную вѣру и сталъ бы у насъ начальникомъ... Дѣло великое совершимъ, если Богъ поможетъ... Я знаю: только мы поднимемся на это дѣло, другіе города къ намъ пристанутъ, и мы избавимся отъ враговъ».

*) Т.-е. „возьмемъ у кого-нибудь денегъ взаймы". По русскимъ законамъ того времени можно было взять деньги въ долгъ—подъ залогъ не только какого-либо движимаго имущества, но и живого человѣка. *Прим. авт.*

Горячая рѣчь Минина пришлась по сердцу всѣмъ. Рѣшено было, по его предложенію, собирать на содержаніе ратныхъ людей въ казну со всѣхъ «по третьей деньгѣ» (т.-е. третью часть имущества). Но желаніе послужить великому дѣлу было такъ велико,

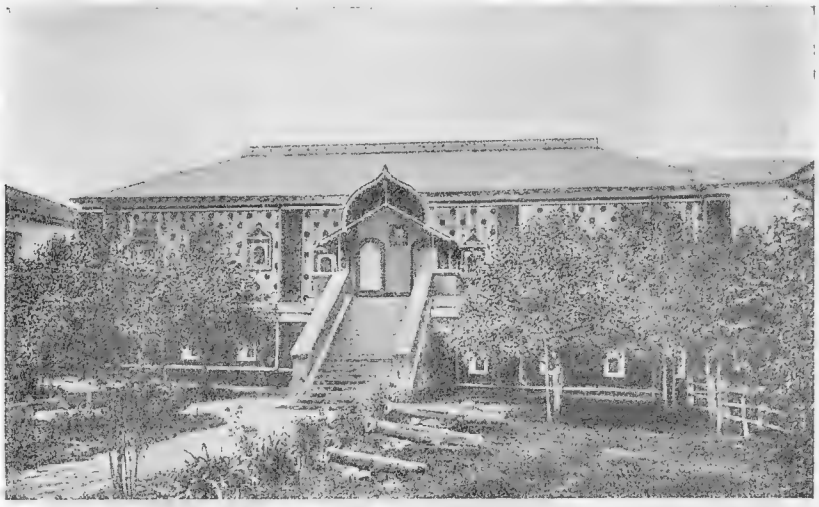
Воззваніе Минина. *Съ картины, находящейся въ Нижегородскомъ музеѣ.*

что тутъ же многіе стали жертвовать гораздо больше. Сносили со всѣхъ сторонъ и деньги и драгоцѣнныя вещи; женщины снимали съ себя кольца и серьги и отдавали Минину; нищіе отдавали послѣднія копейки.

Быть начальникомъ народнаго ополченія было рѣшено про-

сить кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Это былъ человѣкъ честный, не запятнавшій себя никакимъ дурнымъ дѣломъ: въ Смутное время онъ къ самозванцамъ не приставалъ и у польскаго короля милостей не выпрашивалъ; ратное дѣло онъ зналъ хорошо. Пожарскій согласился и только просилъ, чтобы ему въ помощь (для завѣдыванія денежной казной) дали Минина.

7. Освобожденіе Москвы отъ поляковъ. Вѣсть о томъ, что нижегородцы поднялись на освобожденіе Москвы, быстро разнеслась во всѣ стороны, и изъ разныхъ городовъ и уѣздовъ стали собираться въ Нижній-Новгородъ отдѣльныя лица и цѣлыя ополченія. Пожарскій разсылалъ грамоты, въ которыхъ приглашалъ русскихъ



Палаты Романовыхъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

людей соединиться въ одно. Грамоты эти читались на мірскихъ сходахъ, и повсюду постановлялись приговоры и собирались деньги. Городъ сносился съ городомъ. Поднялась вся русская земля.

Подъ начальствомъ Пожарскаго и Минина огромное ополченіе двинулось къ Москвѣ. Жители городовъ, лежавшихъ на пути, выходили навстрѣчу ополченію крестнымъ ходомъ, съ крестами и иконами, приносили деньги и давали людей. Наконецъ подошли къ Москвѣ. Въ это время, съ другой стороны, на помощь полякамъ спѣшилъ большой отрядъ войска съ провіантомъ и боевыми припасами. Но Пожарскій не допустилъ ихъ провезти эти припасы въ Москву. Нѣсколько разъ поляки бросались въ битву, но въ концѣ-концовъ принуждены были отступить, бросивши свой обозъ въ добычу русскимъ.

Между тѣмъ въ осажденной Москвѣ начался голодъ, такъ какъ тамъ не приготовили никакихъ запасовъ, надѣясь на помощь изъ Польши. «Въ исторіи нѣтъ примѣра,—говоритъ одинъ современникъ,—писать трудно, что дѣлалось. Осажденные переѣли лошадей, собакъ, кошекъ, мышей, грызли разваренную кожу съ обуви. Наконецъ и этого нехватило. Тогда ѣли землю, выкапывали изъ земли трупы»... Смертность отъ такой пищи страшно увеличилась. Съ мѣсяцъ держались поляки въ Кремлѣ, ожидая, не придетъ ли опять помощь, но, наконецъ, держаться больше не было возможности, и они сдались (въ октябрѣ 1612 г.).

Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство.

По очищеніи Москвы отъ поляковъ, всѣ вожди народнаго ополченія, бояре и высшее духовенство рѣшили прежде всего приступить «всею землею» къ избранію царя. Были созваны въ Москву «лучшіе» люди ото всѣхъ городовъ и отъ всѣхъ сословій.

На этомъ соборѣ, послѣ долгихъ разсужденій и толковъ, на Московскій престолъ былъ избранъ царь изъ рода бояръ Романовыхъ, тяжело пострадавшаго въ Смутное время. Достойно замѣчанія, что хотя бояре и духовенство выбирали царя (вѣрнѣе намѣчали кандидата) отдѣльно отъ народа, собравшагося для той же цѣли на Красной площади, но въ обоихъ мѣстахъ выборъ остановился на юномъ сынѣ митрополита Филарета (Ѳеодора Никитича Романова) — Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Такъ 21 февраля 1613 г. совершилось избраніе новаго царя изъ дома Романовыхъ. (Вѣнчаніе на царство происходило въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, 11 іюля.)

Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

Поляки вышли изъ Москвы, но не покинули совсѣмъ русской земли. Раздѣлившись на небольшія шайки, они бродили по странѣ и занимались трабежомъ и разбоемъ. Одна шайка, бродившая близъ Волги, узнавъ объ избраніи Михаила въ цари, рѣшила убить его. Михаилъ Ѳеодоровичъ въ это время жилъ со своею матерью въ родовой вотчинѣ, близъ Костромы. Пробираясь къ его усадьбѣ, поляки зашли въ деревню Домнино, гдѣ предложили крестьянину Ивану Сусанину провести ихъ къ усадьбѣ Михаила Ѳеодоровича, обѣщая заплатить ему за это большія деньги. Сусанинъ догадался, зачѣмъ ищутъ поляки Михаила Ѳеодоровича, и, вмѣсто его усадьбы, завелъ ихъ въ густой непроходимый лѣсъ; между тѣмъ своего сына онъ послалъ потихоньку предупредить Михаила, и тотъ немедленно уѣхалъ въ Ипатьевскій монастырь, близъ Костромы, гдѣ за каменными стѣнами онъ былъ

уже въ безопасности. Онъ водилъ ихъ по лѣсу цѣлый день; тѣмъ временемъ поднялась метель и замела всѣ ихъ слѣды. Наконецъ поляки поняли, что Сусанинъ ихъ обманываетъ. Они бросились на него и убили, но выйти изъ лѣсу уже не могли и всѣ погибли отъ холода и голода. (Въ царствованіе имп. Николая I Сусанину поставленъ памятникъ въ Костромѣ. Поставлены памятники также и другимъ дѣятелямъ Смутнаго времени—Минину и Пожарскому, въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Москвѣ.)

XX. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и патріархъ Филаретъ.

Печально было положеніе русской земли при вступленіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича. Москва находилась въ развалинахъ; многіе города и села сожжены; нѣкоторыя области до того

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

обезлюдѣли, что иностранные послы, проѣзжая черезъ нѣсколько лѣтъ по Россіи, на сотни верстъ пути находили десятки жителей и встрѣчали деревни, села и даже города съ домами, наполненными трупами; въ нихъ отъ труннаго запаха нельзя было пріютиться на ночь и приходилось ночевать въ полѣ. Народъ обни-

щалъ и не могъ платить податей, вслѣдствіе чего государственная казна была пуста. Нѣкоторыя области находились еще въ рукахъ враговъ. Въ Астрахани былъ провозглашенъ царемъ сынъ Марины Мнишекъ; Смоленскъ былъ въ рукахъ поляковъ; Новгородъ и новгородская область заняты были шведами. Внутри го-

Улица въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ.

сударства повсюду рыскали шайки разбойниковъ и казаковъ, которые грабили все, что попадалось подъ руку: они держали въ страхѣ жителей не только деревень, но и городовъ; промыслы и торговля совсѣмъ упали. Крестьяне во многихъ мѣстахъ не могли даже собрать хлѣба съ полей и умирали съ голоду. Крайняя нищета давила народъ и заставляла однихъ обращаться въ нищихъ, побираться по міру, а другихъ приставать къ разбойничьимъ шайкамъ. Служилые люди и бояре тоже обѣднѣли, и, что особенно важно, сильно измѣнились духомъ. Въ Смутное время, при вѣчной «шатости», насиліяхъ, люди привыкали заботиться о своихъ собственныхъ интересахъ сильнѣе, чѣмъ о пользѣ государства, думали только о своихъ выгодахъ, а потому пропало довѣріе къ людямъ — «измалодушествовались русскіе люди», — какъ выразилась однажды мать Михаила Ѳеодоровича. Молодому царю трудно было найти хорошихъ и честныхъ помощниковъ себѣ: должностныя лица безсовѣстно пользовались своею властью, тѣснили подчиненныхъ и вымогали у населенія деньги.

Но хотя Михаилъ Ѳеодоровичъ и былъ очень молодъ и неопы-

тенъ, и хотя его окружали корыстолюбивые, «кривые» бояре,—какъ царь, онъ былъ очень силенъ—силенъ народной любовью. Народъ видѣлъ въ немъ оплотъ противъ страшнаго безначалія и смуты, а царь, съ своей стороны, видѣлъ въ народѣ, который выбралъ его на престолъ, твердую для себя опору. Связь между царемъ и народомъ была крѣпка: въ этомъ заключалась и сила, и спасеніе русской земли. Михаилъ Ѳеодоровичъ это хорошо понималъ и для рѣшенія особенно важныхъ дѣлъ часто собиралъ земскіе соборы, т.-е. призывалъ на совѣтъ въ Думу выборныхъ всей земли.

Михаилу Ѳеодоровичу предстояли двѣ задачи: освободить русскую землю отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, и заняться внутреннимъ устройствомъ. Въ послѣднемъ дѣлѣ ему особенно много помогалъ отецъ его, патріархъ Филаретъ, въ 1619 году вернувшійся изъ польскаго плѣна, куда онъ попалъ въ тяжелое время лихолѣтья.

Весьма опытный и искусный въ государственныхъ дѣлахъ, Филаретъ сталъ соправителемъ своего сына (до смерти своей въ 1633 году) и пользовался титуломъ «Великаго Государя». Всѣ грамоты писались отъ имени обоихъ государей: «Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи и Великій Государь Святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Россіи — указали». Филаретъ укрѣпилъ значеніе самодержавной власти царя: вся мѣстная областная власть, находившаяся со временъ Грознаго въ рукахъ выборныхъ отъ обществъ, теперь сосредоточивается въ рукахъ царскихъ воеводъ. Для опредѣленія податей и повинностей была произведена перепись населенія. Въ Чудовомъ монастырѣ Филаретъ завелъ греко-латинскую школу и заботился объ исправленіи богослужебныхъ книгъ. Возобновлены были сношенія съ заграницей: нанято на службу нѣсколько иностранныхъ полковъ, приглашены иностранные мастера для устройства желѣзодѣлательныхъ, стекольныхъ, кожевенныхъ и кирпичныхъ заводовъ. Вмѣсто сгорѣвшей въ Смутное время въ Москвѣ типографіи была выстроена новая. Вообще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича русская земля стала быстро оправляться отъ послѣдствій Смутнаго времени.

XXI. Царь Алексѣй Михайловичъ.

Послѣ смерти Михаила Ѳеодоровича на престолъ вступилъ (въ 1645 г.) сынъ его Алексѣй Михайловичъ. Ему было въ это время только 16 лѣтъ. Пользуясь молодостью, неопытностью государя,

нѣкоторые бояре стали притѣснять народъ неправеднымъ судомъ и лихоимствомъ. Недовольный этимъ, народъ подавалъ неоднократно жалобы боярамъ для передачи царю, но жалобы эти до царя не доходили. И только когда произошелъ въ Москвѣ и другихъ городахъ открытый мятежъ, окончившійся убіеніемъ нѣсколькихъ особенно нелюбимыхъ бояръ, Алексѣй Михайловичъ узналъ о тѣхъ злоупотребленіяхъ, какія совершались его именемъ, и сталъ управлять государствомъ самъ.

Народныя волненія и жалобы на лихоимство и неправосудіе воеводъ побудили Алексѣя Михайловича подумать объ изданіи новаго, болѣе полнаго свода законовъ, чѣмъ изданный при Иванѣ Грозномъ. По этому поводу была созвана Боярская Дума съ участіемъ патріарха и высшаго духовенства, а также были созваны въ Москву на земскій соборъ выборные люди, съ которыми должны были совѣщаться составители новаго свода законовъ. Этотъ сводъ получилъ названіе «Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича» (1649 г.).

По своимъ личнымъ качествамъ царь Алексѣй Михайловичъ былъ царь въ высшей степени добрый и ласковый. По словамъ иностранцевъ, самая наружность его привлекала всѣхъ къ себѣ: Алексѣй Михайловичъ былъ человѣкъ довольно высокаго роста, здоровый, полный (по-старинному—дородный), съ симпатичнымъ лицомъ. Въ его голубыхъ глазахъ свѣтилось необыкновенное добродушіе, которое ободряло всѣхъ, кому приходилось обращаться къ царю съ какой-нибудь просьбой. Одинъ иностранецъ (нѣмецъ Рейтенфельдъ), указывая на умъ, образованность, благочестіе и доброту царя, говоритъ, что „это такой государь, какого желаютъ всѣ христіанскіе народы, но не многіе имѣютъ“. Другой иностранецъ (англичанинъ Коллинзъ) ставитъ Алексѣя Михайловича на ряду съ „мудрѣйшими и добрѣйшими государями всего свѣта“. Русскіе называли его обыкновенно „тишайшимъ“ и „ласковымъ“ государемъ.

Основной чертой его характера была глубокая религіозность. Это былъ благочестивѣйшій и православнѣйшій государь. Онъ вставалъ раннимъ утромъ, въ 4 часа, и молился въ своей моленной; затѣмъ къ нему приходилъ духовникъ съ иконой того святого, память котораго въ этотъ день праздновалась, съ крестомъ и святой водой (которую привозили изъ ближнихъ и дальнихъ монастырей) и кропилъ ею царя. Принявъ поклонъ отъ ближнихъ бояръ, онъ каждый день ходилъ съ царицей къ утренѣ, откуда возвращался въ свои палаты и бесѣдовалъ съ боярами о дѣлахъ, а потомъ шелъ къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни опять занимался государственными дѣлами вплоть до обѣда, который подавался всегда въ 12 часовъ. Въ праздничные дни онъ всегда съ особенной торжественностью совершалъ выходы изъ дворца въ соборы и монастыри и часто участвовалъ въ крестныхъ ходахъ. Очень часто Алексѣй Михайловичъ ѣздилъ на богомолье въ подмосковные монастыри—Новоспасскій, въ Сергіеву лавру, въ Саввинъ-Сторожевскій (въ Звенигородѣ). Посты соблюдалъ Алексѣй Михай-

ловичъ очень строго. Великимъ постомъ, въ дни говѣнья, въ понедѣльникъ, среду и пятницу онъ не ѣлъ ничего, а въ другіе дни ѣлъ одинъ разъ въ день по куску хлѣба, огурцу и грибу. Памятникомъ его благочестія, кромѣ немалаго числа выстроенныхъ имъ новыхъ церквей, была постройка у Воскресенскихъ воротъ Иверской часовни, гдѣ поставлена была принесенная съ Аѳона чудотворная икона Божіей Матери, столь чтимая въ Москвѣ и въ настоящее время. При немъ были перенесены изъ Соловецкаго монастыря мощи святителя митр. Филиппа.

Нельзя пройти молчаніемъ глубокой сердечности царя Алексѣя Михайловича. Она выражалась въ широкой благотворительности ко всѣмъ нуждающимся и въ нѣжной дружбѣ къ людямъ, удостоившимся его близости. „На то насъ Богъ поставилъ, — писалъ царь однажды кн. Одоевскому,—чтобы безпомощнымъ помогать“. При дворцѣ его жили разные старики-богомольцы на царскомъ содержаніи; по праздникамъ для бѣдныхъ и нищихъ царь устраивалъ обѣденные столы. Въ Пасху и другіе большіе праздники Алексѣй Михайловичъ самъ отправлялся въ тюрьмы и здѣсь однихъ освобождалъ изъ заключенія, другимъ раздавалъ деньги, пищу и одежду. Онъ старался оказывать свою милость даже тѣмъ, которые навлекали на себя его гнѣвъ, и всячески облегчалъ ихъ положеніе.

Московскіе царь и царица въ парадномъ нарядѣ.

Алексѣй Михайловичъ былъ довольно начитанъ и по-тогдашнему хорошо образованъ. Онъ понималъ пользу науки и приближалъ къ себѣ людей образованныхъ: при немъ вызывались изъ Кіевской академіи въ Москву ученые люди, знавшіе латинскій языкъ и высшія науки; при немъ привозились изъ Греціи древнія греческія и латинскія книги, и Алексѣй Михайловичъ поощрялъ тѣхъ, кто обучалъ русскихъ людей этимъ языкамъ; даже для своихъ старшихъ дѣтей, желая дать имъ образованіе «по-новому», взялъ учителемъ извѣстнаго ученаго Симеона Полоцкаго.

Алексѣй Михайловичъ имѣлъ высокое понятіе о своей царской власти и не допускалъ ея умаленія: это видно изъ того, что по Уложенію 1649 г. всякія преступленія противъ государя (словомъ или дѣломъ) наказывались очень строго. Но, сознавая все значеніе своей самодержавной власти, Алексѣй Михайловичъ пользовался ею только на благо государства и народа.

Не мало заботился онъ о развитіи у насъ торговли и промышленности. Такъ, на Уралѣ и въ Сѣверномъ краѣ (близъ Онежскаго озера) при немъ начали разрабатывать мѣдь; близъ Тулы и Серпухова появились желѣзные заводы, на которыхъ выдѣлывалось желѣзо листовое, полосовое, гвозди, якоря, пушки

Шествіе на ослятѣ въ Вербное воскресенье.

и пр.; въ селѣ Измайловѣ былъ устроенъ стеклянный заводъ, и т. д.; Для развитія торговли съ Азіей рѣшено было завести флотъ на Каспійскомъ морѣ. Былъ даже построенъ первый русскій корабль и спущенъ на Волгу. (Но его сжегъ Стенька Разинъ, знаменитый волжскій разбойникъ временъ Алексѣя Михайловича.)

Въ свободное отъ государственныхъ дѣлъ время, царь Алексѣй Михайловичъ любилъ тѣшиться охотой. Самой любимой его забавой была соколиная охота, для которой самъ царь написалъ особый уставъ. Любилъ Алексѣй Михайловичъ охотиться также на волковъ и медвѣдей, при чемъ на послѣднихъ нерѣдко ходилъ одинъ на одинъ съ рогатиной. Умеръ Алексѣй Михайловичъ въ 1676 году.

XXII. Патріархъ Никонъ.

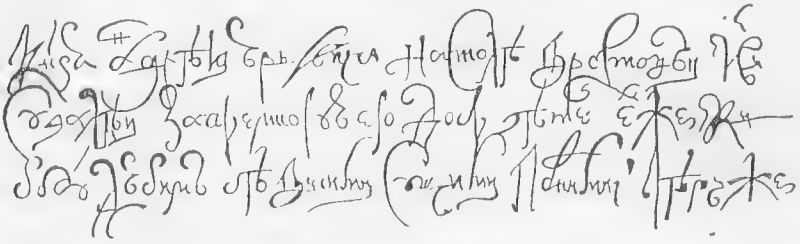
При Алексѣѣ Михайловичѣ отъ единой русской церкви отдѣлилась часть духовенства и мірянъ: произошелъ, какъ обыкновенно говорятъ, расколъ. Причиной этого было исправленіе богослужебныхъ книгъ и церковныхъ порядковъ патріархомъ Никономъ.

Никонъ, въ міру Никита, былъ сынъ крестьянина Нижегородской области. Дѣтство его протекло весьма печально, такъ какъ онъ рано лишился матери, а мачеха его сильно притѣсняла. Несмотря на это, онъ выучился читать и писать, развилъ свой умъ чтеніемъ священныхъ книгъ, и въ 20 лѣтъ, по просьбѣ прихожанъ, былъ уже священникомъ въ г. Макарьевѣ. Его величественная наружность, прекрасное служеніе и умъ привлекли къ нему любовь московскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Макарьевъ на ярмарку, и они уговорили его перейти въ Москву. И въ Москвѣ Никона скоро полюбили. Одно огорчало его: всѣ дѣти у него умирали. «Нѣтъ на нашемъ бракѣ благословенія Божія», говорилъ онъ женѣ. Онъ убѣдилъ ее поступить въ монастырь и самъ постригся въ монахи въ одномъ изъ монастырей на Бѣломъ морѣ. Скоро за свою строгую жизнь онъ былъ выбранъ игуменомъ. По дѣламъ монастыря ему приходилось бывать въ Москвѣ. Въ Москвѣ былъ обычай, чтобы пріѣзжавшіе туда игумены чужихъ монастырей являлись на поклонъ къ царю. Являлся къ Алексѣю Михайловичу и Никонъ. Онъ произвелъ на царя сильное впечатлѣніе, понравился ему и былъ назначенъ сначала архимандритомъ Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ, потомъ митрополитомъ въ Новгородѣ (1648 г.), а черезъ нѣсколько лѣтъ ему было предложено принять патріаршество. Долго Никонъ отказывался отъ этого высокаго сана. Наконецъ, послѣ долгихъ упрашиваній, Никонъ, обратясь къ собравшимся (дѣло было въ Успенскомъ соборѣ), спросилъ: «будутъ ли почитать его, какъ архипастыря и отца, слушать его во всемъ и дадутъ ли ему устроить церковь?» Всѣ обѣщали клятвенно, что будутъ и дадутъ. Тогда Никонъ принялъ патріаршество.

Въ первыя 5 лѣтъ Никонъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ царя, принималъ участіе въ рѣшеніи всѣхъ государственныхъ дѣлъ и, во время отсутствія Алексѣя Михайловича изъ Москвы, по случаю войны съ Польшей, даже управлялъ государствомъ. Въ это время Никонъ сумѣлъ уберечь царское семейство отъ свирѣпствовавшей тогда моровой язвы. За все это Але-

кѣй Михайловичъ, по возвращеніи, позволилъ ему именоваться «Великимъ Государемъ», подобно патріарху Филарету.

Еще будучи митрополитомъ новгородскимъ, Никонъ началъ исправлять непорядки въ церковномъ дѣлѣ. Церковныя службы многимъ священникамъ казались слишкомъ длинными и утомительными, а пропустить что-нибудь или сократить считалось большимъ грѣхомъ; въ нѣкоторыхъ церквахъ для сокращенія времени службы додумались до «многогласія», т.-е. стали совершать богослуженіе сразу въ нѣсколько голосовъ: въ одно и то же время понамарь читалъ, дьячокъ пѣлъ, дьяконъ говорилъ ектенью, священникъ творилъ возгласы—и все это разомъ, безъ всякой очереди. Выходила такая путаница, что ничего нельзя было разобрать. Никонъ запретилъ это «многогласіе» и ввелъ, кромѣ того,



Русская скоропись XVII вѣка.

благолѣпное пѣніе «по голосамъ», какъ пѣли въ Кіевѣ, вмѣсто «одногласнаго». Слышалъ это пѣніе и Алексѣй Михайловичъ, и оно ему такъ понравилось, что, несмотря на возраженія патріарха Іосифа, оно было введено въ Москвѣ. Но самымъ важнымъ по своимъ послѣдствіямъ дѣломъ Никона, какъ патріарха, было исправленіе богослужебныхъ книгъ.

Въ древней Руси всѣ книги переписывались монахами отъ руки. Когда, вслѣдствіе монгольскаго ига, просвѣщеніе на Руси упало, въ церковно-богослужебныя книги малограмотными, невѣжественными переписчиками было внесено много ошибокъ, иногда искажавшихъ смыслъ извѣстнаго мѣста въ книгѣ. Уже давно высшее русское духовенство замѣчало эти ошибки, но Василію III, напримѣръ, ихъ не удалось исправить, такъ какъ онъ поручилъ исправленіе книгъ греку Максиму, а греки не внушали къ себѣ особаго довѣрія: въ это время Византія уже находилась подъ властью турокъ, и на Руси говорили, что греки сами уже стали нетверды въ истинной вѣрѣ. Поэтому, когда Максимъ сталъ исправлять славянскія книги по греческимъ рукописямъ, въ рус-

скомъ обществѣ поднялся такой ропотъ, что исправленіе книгъ пришлось остановить.

При Иванѣ IV церковно-богослужебныя книги были впервые на Руси напечатаны, но бывшія въ нихъ ошибки остались неисправленными и перешли въ печатныя книги; вмѣстѣ съ ошибками были занесены въ новыя книги и укоренившіяся къ этому времени нѣкоторыя отклоненія отъ правилъ православной апостольской церкви: двоеперстіе при сложеніи крестнаго знаменія, сугубая (т.-е. двукратная) аллилуйя (вмѣсто троекратной), 7 просфоръ на обѣднѣ вмѣсто 5, и т. п. При патріархѣ Филаретѣ прославившійся въ Смутное время Діонисій, архимандритъ Троицкой лавры, взялся было за исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ, но это дѣло окончилось для него очень печально. Онъ хотѣлъ изъ нѣкоторыхъ молитвъ выкинуть слова, или не имѣющія никакого смысла въ данной молитвѣ, или такія, которыхъ онъ не находилъ въ древнихъ рукописяхъ; за это онъ былъ обвиненъ «въ порчѣ книгъ церковныхъ» и подвергся наказанію, а дѣло исправленія книгъ опять остановилось.

Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, принялся за исправленіе книгъ со свойственной ему энергіей и настойчивостью. По его приказу въ Москву отовсюду—изъ Греціи, съ Аѳона и изъ другихъ мѣстъ — привозились древнія греческія и славянскія рукописи, по которымъ и приказано было печатать книги. Самое печатаніе было поручено ученымъ людямъ, пріѣхавшимъ изъ Кіева, знавшимъ греческій языкъ.

Всѣ исправленія были сдѣланы весьма тщательно и одобрены на соборѣ въ Москвѣ, на которомъ присутствовалъ даже одинъ изъ восточныхъ патріарховъ. Но когда новопечатныя книги, съ сдѣланными въ нихъ исправленіями, стали разсылать по церквамъ, люди невѣжественные изъ духовенства и мірянъ отказались принять ихъ и совершать по нимъ богослуженіе, говоря, что онѣ испорчены кіевскими учеными. «Какъ же это такъ,—говорили они,—вѣдь по этимъ (старымъ) книгамъ столько лѣтъ божественную службу правили, по нимъ Святыя Тайны совершали, а теперь эти книги—не книги». Они не хотѣли или не могли понять того, что вѣра православная не пропадетъ и не исказится отъ исправленія нѣсколькихъ ошибокъ въ книгахъ. Во многихъ мѣстахъ священникамъ, принявшимъ новыя книги («Никоновской печати»), не позволяли служить, а брали себѣ въ священники только тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя держались старыхъ (старопечатныхъ «Іосифовской печати») книгъ.

Такъ произошелъ въ русской церкви расколъ. Никонъ неповиновавшихся ему священниковъ наказывалъ очень строго—сажалъ въ тюрьмы, ссылалъ на заточеніе въ монастырь, но эта строгость не помогала: число «раскольниковъ» все увеличивалось. Многіе удалялись въ сѣверные лѣса или малонаселенныя степи между Волгой и Ураломъ, лишь бы только для нихъ была возможность молиться по старымъ книгамъ. Отъ этого они и прозваны были «старовѣрами».

XXIII. Присоединеніе Малороссіи.

1. Юго-западная Русь подъ властью Польши. Послѣ Ягеллы и Витовта юго-западная Русь и Литва при каждомъ удобномъ случаѣ стремились отдѣлиться отъ Польши и выбирали себѣ отдѣльнаго князя; съ своей стороны поляки старались подчинить себѣ Литву совсѣмъ. Почти 200 лѣтъ Литва отстаивала свою свободу, но наконецъ должна была уступить и признать надъ собой окончательно власть Польши. Произошло это въ 1569 г., при королѣ Сигизмундѣ II Августѣ, котораго поляки убѣдили соединить Литву и Польшу въ одно государство. (Сигизмундъ былъ въ одно и то же время польскимъ королемъ и великимъ княземъ Литовскимъ.) Литовцы на колѣняхъ умоляли Сигизмунда «не губить ихъ свободы и не отдавать въ польскую неволю». Но Сигизмундъ былъ на сторонѣ поляковъ и подчинилъ великое княжество Литовское Польшѣ, исполнивъ такимъ образомъ завѣтное желаніе поляковъ. Съ этихъ поръ у Польши и Литвы сталъ одинъ государь. Вмѣстѣ съ Литвой подпала подъ власть Польши и вся православная юго-западная Русь.

Послѣ соединенія съ Польшей, Литва и юго-западная Русь подверглись польскому вліянію: въ дворянство южно-русское стали проникать польскіе нравы и обычаи; но старой отцовской вѣры оно держалось сначала крѣпко. Тогда польское правительство, чтобы побудить православныхъ къ переходу въ католичество, стало измѣнившихъ православію награждать всякими льготами и преимуществами и въ то же время сильно притѣснять православныхъ. Это, дѣйствительно, побудило нѣкоторыхъ южнорусскихъ дворянъ, желавшихъ получить права, равныя съ католиками, польскими дворянами, принять католическую вѣру и мало-по-малу ополячиться. Но простой народъ твердо держался родного языка и православія. Онъ не хотѣлъ признать и Уніи—подчиненія православной церкви римскому папѣ (съ сохраненіемъ

обрядовъ и богослуженія на славянскомъ языкѣ). Съ этого времени (1596 г.) положеніе православныхъ въ Польшѣ стало весьма печально: православныхъ священниковъ насильно лишали приходовъ, надъ православнымъ богослуженіемъ всячески издѣвались и населеніе православное стѣсняли и обижали, какъ только возможно.

Особенно тяжело было положеніе простого народа—крестьянъ. Помѣщики-католики относились къ нимъ хуже, чѣмъ къ животнымъ, называли ихъ унизительнымъ именемъ «хлоповъ», ихъ вѣру—поганой, и т. д. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ, они всегда обременяли своихъ крестьянъ громадными налогами. Но послѣ Уніи положеніе крестьянъ особенно ухудшилось. Свои помѣстья польскіе паны сдавали обыкновенно въ аренду евреямъ, которые, разумѣется, брали съ крестьянъ, что только было возможно. Когда послѣ Уніи началось притѣсненіе православной вѣры, евреи убѣдили помѣщиковъ-католиковъ отдать имъ въ аренду и находившіяся на земляхъ этихъ помѣщиковъ православныя церкви. За каждое богослуженіе, за каждую церковную требу крестьяне должны были платить еврею, у котораго были ключи отъ церкви; при этомъ евреи-арендаторы позволяли себѣ разныя выходки и оскорбленія священниковъ и самаго богослуженія. Такая жизнь для русскаго крестьянина была невыносимо тяжела, и онъ часто возставалъ съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своей вѣры и народности. Его помощниками въ этомъ дѣлѣ являлись малороссійскіе (украинскіе) и запорожскіе казаки (О происхожденіи казачества говорилось въ главѣ «Покореніе Сибири».)

2. Казачество. Польское правительство, желая обезопасить границы своего государства со стороны степи отъ татаръ, привлекло еще давно украинскихъ казаковъ къ себѣ на службу, предоставивъ имъ большія вольности. Казаки не платили податей, жили на своихъ земляхъ и обрабатывали ихъ, но обязаны были, по первому же требованію, являться на военную службу; всѣ они получали жалованье отъ польскаго правительства. Они сами выбирали себѣ начальника — г е т м а н а, но утверждалъ его въ должности польскій король. Впрочемъ, этими правами пользовались далеко не всѣ казаки. Король польскій Стефанъ Баторій (современникъ Ивана Грознаго), боясь, что казачество слишкомъ усилится, ограничилъ число казаковъ шестью тысячами. Эти казаки считались на службѣ и получали жалованіе, а остальные были перечислены въ крестьянъ. (Конечно, этимъ значительное большинство обиженныхъ казаковъ было крайне недовольно, но до поры, до времени молчало.)

Совершенную противоположность казакамъ украинскимъ, иначе городовымъ, представляли казаки запорожскіе. Главнымъ ихъ мѣстопребываніемъ былъ одинъ изъ острововъ на Днѣпрѣ, за порогами, откуда и названіе «Запорожье» (Хортица). Сначала въ Запорожье шли только ватаги охотниковъ-промышленниковъ, такъ какъ кругомъ были благодатныя мѣста, изобиловавшія и звѣремъ, и дичью, и рыбой. Въ началѣ XVI вѣка здѣсь

Запорожцы. *Съ карт. Рѣпина.* *)

былъ устроенъ сторожевой станъ, чтобы сдерживать татаръ отъ неожиданныхъ нападеній. Вотъ изъ этихъ-то поселенцевъ и сложилось мало-по-малу знаменитое впослѣдствіи Запорожье. Занявши необитаемые острова и берега, вдали отъ властей, запорожцы считали себя здѣсь полными хозяевами и сначала занимались охотой и рыбной ловлей. Потомъ, когда число ихъ увеличилось, они стали ѣздить на дальніе промыслы: на своихъ легкихъ лодкахъ-чайкахъ отправлялись «пошарить» берега Крыма и Турціи.

Запорожская Сѣчь имѣла видъ укрѣпленнаго стана: довольно

*) Картина Рѣпина изображаетъ запорожцевъ въ тотъ моментъ, когда они на радѣ сочиняютъ отвѣтъ на письмо турецкаго султана (1767 г.). Письмо султана было такого содержанія:

Султанъ Махмудъ Четвертый запорожскимъ казакамъ.—Я, султанъ, сынъ Магомета, братъ солнца и луны, внукъ и намѣстникъ Божій, владѣлецъ царствъ—македонскаго, вавилонскаго, іерусалимскаго, Великаго и Малаго Египта,—царь надъ па-

большое мѣсто было окружено валомъ и тыномъ; кое-гдѣ были поставлены пушки. Внутри ограды находились—церковь и «курени», т.-е. жилища казаковъ. Важнѣйшія дѣла рѣшались на общей сходкѣ—радѣ. Здѣсь выбирались всѣ начальники. Главнымъ начальникомъ былъ атаманъ, носившій названіе кошевого, какъ и вся Сѣчь называлась кошемъ. Кошъ раздѣлялся на курени; надъ каждымъ куренемъ былъ выборный куренной атаманъ, подчиненный кошевому. Этотъ послѣдній имѣлъ неограниченную власть надъ Сѣчью, но, по окончаніи года (срокъ его избранія), отдавалъ отчетъ въ управленіи и въ случаѣ злоупотребленія подвергался смертной казни. Въ куренхъ запорожцы жили человѣкъ по 100—150 въ каждомъ.

Никакихъ письменныхъ законовъ или правилъ у запорожцевъ не существовало. Судья (выборный) рѣшалъ дѣла по своему усмотрѣнію — по обычаямъ запорожскимъ, а въ затруднительныхъ случаяхъ совѣщался съ кошевымъ, со старыми казаками и со «старшиной», т.-е. съ другими должностными лицами. Главными преступленіями считались воровство, неплатежъ долговъ и убійство. Несмотря на то, что грабежъ былъ для запорожца дѣломъ привычнымъ,—грабить позволялось только врага, на войнѣ; если же кто попадался въ кражѣ у своего товарища, или покупалъ завѣдомо краденое, или скрывалъ у себя, то подвергался суровому наказанію: его привязывали къ столбу на площади, около

рями, властелинъ надъ властелинами, необыкновенный рыцарь, никѣмъ непобѣдимый, неотступный хранитель Гроба Іисуса Христа, попечитель самого Бога, надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ — повелѣваю вамъ, запорожскіе казаки, сдаться мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія и меня вашими нападеніями не безпокоить.—Султанъ турецкій Махмудъ Четвертый.

Отвѣтъ запорожскихъ казаковъ султану Махмуду.

Запорожскіе казаки турецкому султану. Ты—шайтанъ турецкій, проклятый чорта братъ и товарищъ, и самого Люципера секретарь. Якій ты въ чорта лыцарь? Чортъ выкидае, а твое війске пожирае. Не будешь ты годенъ сынивъ христіанскихъ пидъ собой мати. Твоего війска мы не боимось, землею и водою будемъ биться съ тобою. Вавилонскій ты кухарь, македонскій колесникъ, ерусалимскій броварникъ, александрійскій козолупъ, Великаго и Малаго Египта свинарь, армянська свиня, татарскій сагайдакъ (козелъ), каменецкій катъ (палачъ), подолянскій злодіюка, самого гаспида внукъ и всего свиту и пидсвиту блазень, а нашего Бога дурень, свиняча морда, ризницька собака, нехрещенный лобъ, хай бы тебя взявъ чортъ! Оттакъ тоби казаки выдказали, плюгавче. Невгоденъ еси матери вирныхъ христіанъ.

Числа не знаемъ, бо календаря не маемъ; мѣсяцъ у неби, годъ у книзи, а день такій у насъ, яко и у васъ—поцилуй за те ось-куды насъ.

Кошевой атаманъ Иванъ Сирко зо всимъ Кошемъ запорожськимъ.

него клали кій (палку) и каждый проходившій мимо долженъ былъ ударить его этой палкой по обнаженной спинѣ; случалось, что такимъ образомъ забивали на-смерть. (Попавшагося въ воровствѣ вторично—вѣшали.) За неплатежъ долговъ приковывали къ пушкѣ—до тѣхъ поръ, пока не уплачивался долгъ самимъ должникомъ или его родственниками. Особенно страшно было наказаніе за убійство: вырывали могилу, бросали въ нее убійцу, на него спускали гробъ съ тѣломъ убитаго и засыпали землей. Суровость запорожцевъ не знала границъ. Столь же безпредѣльны были казацкая удаль на войнѣ или дикій разгулъ, которому отдавались запорожцы въ мирное время.

Въ Запорожье поступали всѣ—и холостые и женатые, но вводить женщинъ въ Сѣчь запрещалось подъ страхомъ смертной казни. Вступая въ братство, какъ сами казаки называли Сѣчь, запорожецъ обѣщался воевать за христіанскую вѣру и биться противъ ся враговъ. Онъ долженъ былъ ходить въ церковь, хранить посты и обряды по уставу православной церкви.

Когда начались притѣсненія православной вѣры со стороны поляковъ, громадное число южно-русскихъ крестьянъ бѣжало въ Запорожье, и съ этого времени (съ конца XVI вѣка) начинаются возстанія казаковъ противъ Польши. Эти возстанія сопровождались страшными жестокостями, такъ какъ казаки и приставшіе къ нимъ крестьяне вымещали на панахъ и евреяхъ всѣ перенесенныя отъ нихъ гоненія. (Поляки, съ своей стороны, творили не меньше жестокостей.) Но всѣ эти возстанія были усмирены польскимъ правительствомъ. Наконецъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, вспыхнуло самое большое возстаніе, подъ предводительствомъ Хмельницкаго, которое окончилось присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ.

3.. **Богданъ Хмельницкій.** Хмельницкій (Зиновій-Богданъ) былъ природный казакъ. Онъ учился сначала въ Кіевѣ, потомъ въ польской школѣ и считался между своими земляками очень ученымъ человѣкомъ, такъ какъ зналъ нѣсколько языковъ. Службу свою онъ началъ при одномъ изъ польскихъ пановъ, но скоро ушелъ къ казакамъ. Въ походахъ противъ турокъ и крымскихъ татаръ онъ настолько выдался, что сдѣлался въ войскѣ малороссійскомъ вторымъ послѣ гетмана лицомъ—войсковымъ писаремъ.

У Хмельницкаго былъ хуторъ (Субботово), гдѣ онъ жилъ со своимъ семействомъ. Одинъ изъ сосѣдей-поляковъ, которому сильно приглянулся хуторъ Хмельницкаго, напалъ разъ, въ его отсутствіе, на Субботово (въ Польшѣ это было въ обычаѣ), сжегъ

усадьбу, увезъ жену, сына-мальчика засѣкъ до-смерти. Хмельницкій долго и терпѣливо пытался найти управу у польскихъ властей, но всѣ онѣ—и низшія, и даже высшія—принимали сторону поляка, а не русскаго. Хмельницкій обратился наконецъ къ самому королю, но оказалось, что и король ничѣмъ не можетъ помочь обиженному. Тогда Хмельницкому ничего не оставалось больше, какъ взяться самому за саблю, чтобы отплатить за нанесенное ему оскорбленіе. Онъ зналъ, что подобные случаи будутъ повторяться и впредь, а потому рѣшилъ поднять возстаніе русскаго народа, съ цѣлью добиться освобожденія отъ тяжелой польской неволи.

Прежде всего онъ сталъ возбуждать народъ и казаковъ въ Малороссіи къ возстанію противъ Польши за поруганіе православной вѣры, нашелъ полное сочувствіе своему предпріятію и даже получилъ на него благословеніе кіевскаго митрополита. Затѣмъ онъ отправился въ Запорожье и объявилъ о своемъ намѣреніи воевать съ поляками; запорожцы съ радостью отозвались на его призывъ и выбрали его гетманомъ. Потомъ Хмельницкій отправился въ Крымъ и убѣдилъ хана крымскаго помочь казакамъ. По всей Малороссіи началось сильное народное волненіе.

Война съ поляками была вначалѣ очень удачна для Хмельницкаго. Разъ за разомъ, онъ нанесъ полякамъ нѣсколько сильныхъ пораженій, такъ что поляки должны были заключить съ нимъ договоръ (въ Зборовѣ). По этому договору они обязывались не тѣснить въ Малороссіи православной вѣры, не вводить тамъ Уніи, не посылать туда поляковъ-чиновниковъ, позволили казакамъ самимъ выбирать гетмана и обязались уравнять въ правахъ съ католическими епископами кіевскаго митрополита.

Но вскорѣ опять началась война, такъ какъ, съ одной стороны, поляки не исполнили нѣкоторыхъ своихъ обѣщаній, а съ другой—по этому договору получили свободу далеко не всѣ возставшіе крестьяне, а только незначительная часть ихъ: остальные должны были вернуться къ своимъ помѣщикамъ. Эта новая война была для Хмельницкаго неудачна. Въ рѣшительномъ сраженіи (подъ Берестечкомъ) онъ былъ покинутъ татарами и разбитъ: большая часть его войска была разсѣяна или попала въ плѣнъ; всѣ пушки достались полякамъ. Послѣ этого сраженія польскій король уничтожилъ первый договоръ; количество свободныхъ казаковъ было уменьшено наполовину—съ 40.000 на 20.000; крестьянамъ было приказано, подъ страхомъ жестокаго наказанія,

служить своимъ помѣщикамъ по-старому; евреи получили всѣ прежнія свои права.

Узнавъ о такомъ договорѣ, народъ въ Малороссіи заволновался. Видя, что прежніе помѣщики возвращаются въ свои имѣнія, крестьяне и казаки ихъ грабили, а усадьбы жгли, или сами, бросивъ свои дома и захвативъ, что поцѣннѣе, перебирались въ южныя области Московскаго государства. Царь Алексѣй Михайловичъ охотно принималъ ихъ и отводилъ имъ землю по притокамъ Днѣпра и Дона и въ другихъ мѣстахъ. Такъ возникли цѣлыя слободы,—а въ настоящее время города,—Сумы, Ахтырка, Лебедянь, Харьковъ и др.

Хмельницкій, видя, что народъ переселяется въ Московское

Памятникъ Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ.

государство и что на татаръ надежда плоха, и понимая въ то же время, что однѣми своими силами отъ Польши не освободиться, началъ настоятельно просить Алексѣя Михайловича, чтобы тотъ принялъ Малороссію «подъ свою высокую руку». Алексѣй Михайловичъ для рѣшенія вопроса о подданствѣ Малороссіи созвалъ соборъ, и на этомъ соборѣ было рѣшено «русскій народъ украинскій и литовскій подъ высокую государеву руку принять и войну Польшѣ, если нужно, объявить».

Это произошло осенью 1653 г., а въ январѣ 1654 г. въ г. Переяславлѣ была назначена большая рада, чтобы принести присягу царю московскому.

Народу собралось великое множество. Когда все затихло, вышелъ Хмельницкій и, поклонясь во всѣ стороны, сказалъ: „Панове полковники, эсуалы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане! Всѣмъ вамъ извѣстно, какъ насъ Богъ освободилъ изъ рукъ враговъ, преслѣдующихъ Церковь Божію и хотящихъ искоренить насъ такъ, чтобы и имя русское не упоминалось на землѣ нашей. Всѣмъ намъ уже это стало несносно, и видно нельзя намъ жить больше безъ царя. Изберите себѣ государя изъ четырехъ — кого захотите: султана турецкаго, хана крымскаго, короля польскаго и царя православнаго Великой Руси. Царь турецкій—басурманъ. Всѣмъ вамъ извѣстно, какую бѣду терпятъ наши братья православные христіане—греки, и въ какомъ утѣсненіи они отъ безбожниковъ. Крымскій ханъ—тоже басурманъ; и хотя мы по нуждѣ и вели съ нимъ дружбу, однако приняли черезъ то нестерпимыя бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе крови христіанской. Объ утѣсненіяхъ польскихъ пановъ нечего и говорить: сами знаете, что они лучше почитали жида и собаку, чѣмъ нашего брата—христіанина. А православный восточный царь одного съ нами греческаго благочестія, единаго закона и исповѣданія, едино мы тѣло церковное съ православіемъ Великой Россіи, имѣющее главою Іисуса Христа. Этотъ великій царь христіанскій склонилъ къ намъ теперь свое милостивое сердце и прислалъ своихъ ближнихъ людей съ царской милостью. Если мы его съ усердіемъ возлюбимъ, то, кромѣ его царской высокой руки, благотишайшаго пристанища не обрящемъ. Кто же съ нами не согласенъ—тому вольная дорога: иди куда хочешь“.

Вся толпа на переяславской площади и всѣ тѣ, которые тѣснились вокругъ, на заборахъ и на крышахъ, въ одинъ голосъ воскликнули: „Волимъ подъ царя восточнаго, православнаго“. Спросивши еще разъ, всѣ ли такъ желаютъ, Хмельницкій сказалъ громкимъ голосомъ: „Буди тако. Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою рукою“. А народъ восклицалъ: „Боже утверди! Боже, укрѣпи, чтобы мы навѣки были едино“. Послѣ этого были прочитаны казакамъ статьи, по которымъ Малороссія подчинялась царю.

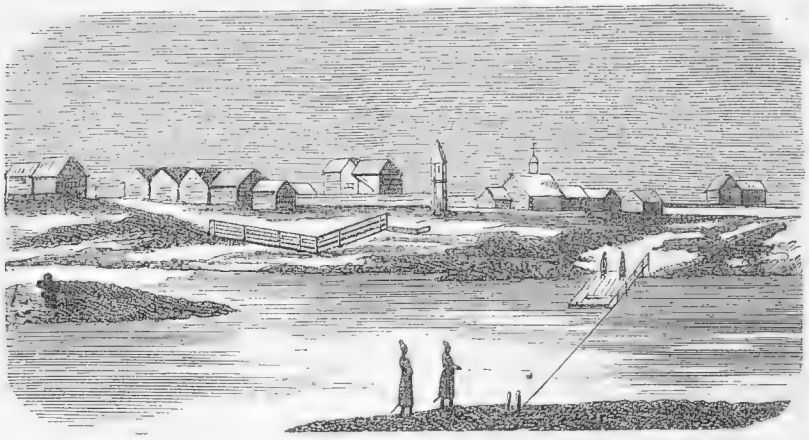
Но поляки не хотѣли уступить Малороссію русскому царю, и между Польшей и Россіей долго изъ-за нея велась война. (Окончательно Малороссія присоединилась къ Московскому государству при преемникахъ Алексѣя Михайловича.)

XXIV. Состояніе русской земли къ концу XVII-го вѣка.

Страна, деревни, села, города. Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича, Московское государство занимало громадное пространство, въ нѣсколько сотъ тысячъ квадратныхъ верстъ. Русскія владѣнія тянулись отъ Бѣлаго моря до Каспійскаго и р. Терека, отъ р. Днѣпра, черезъ Уральскія горы, почти до самаго Великаго океана. Но сравнительно съ Зап. Европой громадная Русская земля казалась пустыней. Русскій народъ разбросанъ былъ по необъятному пространству своей родины мелкими поселками, рѣдко

собираясь въ города. Можно было проѣхать десятки верстъ, не встрѣтивъ ни одного, даже маленькаго поселка; города попадались черезъ сотни верстъ. На сотни же верстъ тянулись непроходимые лѣса, а если и попадались кое-гдѣ деревни, то онѣ были обыкновенно въ 3—4 двора, рѣдко больше: только по большимъ рѣкамъ, около монастырей или по большимъ торговымъ дорогамъ попадались селенія въ нѣсколько десятковъ избъ.

Путешествовать по русской землѣ можно было только зимой, когда морозъ сковывалъ почву, а снѣгъ заносилъ всѣ неровности ея и сглаживалъ и укрѣплялъ дороги. Лучшими путями сообщенія считались рѣки, по которымъ ѣздили лѣтомъ на лодкахъ



Русское село въ XVII стол. *По рисунку Мейерберга.*

и баркахъ, а зимой по льду на саняхъ. И значительная часть населенныхъ мѣстъ находилась именно по рѣкамъ. Поселки въ Россіи были очень неказисты на видъ: нѣсколько маленькихъ избъ, топившихся по-черному, безъ трубы, на полянѣ среди лѣса или на берегу рѣки—вотъ и деревня; село отличалось тѣмъ, что въ немъ была церковь, обыкновенно деревянная. Города отличались отъ селъ только тѣмъ, что были по большей части обнесены тыномъ или частоколомъ изъ толстыхъ бревенъ, часто дубовыхъ. Иногда ограда эта дѣлалась въ два ряда, между которыми насыпалась земля. Послѣ Бориса Годунова стали строить въ городахъ каменныя стѣны, и при Алексѣѣ Михайловичѣ насчитывалось уже до 20 каменныхъ или кирпичныхъ городовъ, не считая монастырей, изъ которыхъ весьма многіе были также обнесены каменными стѣнами. Эти стѣны наверху обыкновенно украшались зубцами,

за которыми защитники города скрывались отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Кругомъ города, т.-е. внѣ укрѣпленнаго оградой пространства, располагались посады, иногда ничѣмъ не защищенные, а иногда имѣвшіе земляные валы. Въ городѣ, т.-е. внутри ограды, были важнѣйшія зданія—соборъ, приказная изба, гдѣ судилъ и рядилъ воевода; тамъ же были казенные амбары для военныхъ снарядовъ: пороха, оружія и др., казенные же амбары для хлѣба, и особыя помѣщенія, гдѣ могли бы найти убѣжище окрестные жители въ случаѣ нападенія непріятеля. Въ посадѣ находилась торговая площадь, около которой расположены были: земская изба (гдѣ сидѣли земскіе старосты съ посадскими людьми), гостиный дворъ, таможня и др.).

Сапожная лавка въ Москвѣ.
По рисунку Олеарія.

Постройки въ городахъ и посадахъ были весьма просты: это были почти тѣ же избы, что въ деревняхъ, только побольше, да почище. Зажиточные люди соединяли нѣсколько срубовъ въ одно цѣлое, украшали рѣзными деревянными украшеніями, раскрашивали крыши, косяки и т. д. Каменныя постройки были рѣдкостью и встрѣчались только въ большихъ городахъ. Главнымъ украшеніемъ городовъ и посадовъ были церкви, также по большей части деревянныя, но крытыя желѣзомъ; купола церквей часто обивались бѣлой жестью.

Особенно поражала иностранца-путешественника множествомъ церквей Москва, когда къ ней подъѣзжали со стороны, напр., Воробьевыхъ горъ. Частные дома даже въ Москвѣ были по большей части также некрасивы на видъ, даже у зажиточныхъ людей. Но церкви всѣ рѣзко отличались отъ обывательскихъ домовъ своимъ изяществомъ и вышиной. Довольно было одного взгляда на тысячи пестрѣющихъ и блистающихъ церковныхъ главъ, высоко подымавшихся надъ домами и надъ купами зелени московскихъ садовъ, чтобы понять, что набожность была одной изъ главныхъ особенностей русскаго народа.

Даже въ столицѣ государства—Москвѣ—едва ли можно было насчитать каменныхъ строеній больше одной восьмой или десятой части. И это было по большей части амбары и кладовыя: наши предки были увѣрены, что въ каменныхъ домахъ жить «нездорово». Мостовыя въ городахъ были часто деревянныя, такъ что если гдѣ-нибудь начинался пожаръ, то, при деревянныхъ домахъ и мостовыхъ, выгорали цѣлые города. Въ Москвѣ пожары случались очень часто: не проходило почти ни одной недѣли, чтобы не было пожара хоть гдѣ-нибудь. Къ этому въ Москвѣ привыкли, и только такіе пожары были памятны, когда сгорало по нѣскольку тысячъ домовъ. Особенно гибельны были для Москвы два пожара: въ 1571 г., при нашествіи Крымскаго хана, и въ 1611 г., когда поляки выжгли весь городъ. Для предупрежденія пожаровъ старались строить дома одинъ отъ другого подальше, устраивали большіе дворы, окружали дома садами и огородами. Вечеромъ, особенно лѣтомъ, часто на улицахъ можно было слышать приказъ: «огни гасить, спать ложиться, печи заливать, бани не топить». Лѣтомъ въ домахъ не позволяли варить кушанья, а для этого строились на огородахъ, далеко отъ жилыхъ помѣщеній, особыя лѣтнія печи. Но все это мало предохраняло отъ пожаровъ: они свирѣпствовали безпрестанно и только обиліе и дешевизна строительнаго матеріала (дерева) были причиной того, что старинные русскіе города скоро обстраивались послѣ пожара и были готовы горѣть снова.

Частный старинный русскій домъ состоялъ обыкновенно изъ двухъ частей: теплой и з б ы для зимы и холодной к л ѣ т и для лѣта. Обѣ эти части соединялись подъ одной крышей и между ними оставалось мѣсто, называвшееся с ѣ н я м и. Въ избѣ подъ потолкомъ устраивались небольшія окна (въ 6—8 вершковъ), которыя задвигались (з а в о л а к и в а л и с ь) особой доской (т. н. волоковыя окна). Изба по большей части топилась по-черному. Богатые купцы и бояре устраивались шире и съ той разницей, что въ избѣ ставилась б ѣ л а я печь (съ трубой); кромѣ того, изба ставилась не на землѣ, а на п о д к л ѣ т и, вслѣдствіе чего изба получала названіе г о р н и ц ы; окна въ ней были большія въ косякахъ (к о с я щ а т ы я); такъ какъ стекло было большой рѣдкостью, то въ окна вставляли слюду, которую иногда раскрашивали въ разные цвѣта. Отъ избы горница отличалась тѣмъ, что вмѣсто простой русской печи въ ней была красивая изразцовая (муравленая) печь, круглая или четыреугольная. Часто случалось, что рядомъ ставили нѣсколько горницъ, которыя соединялись въ одно цѣлое,

и такимъ образомъ получались довольно помѣстительныя жилья, или хоромы. Часто надъ горницей дѣлали надстройку, носившую названіе свѣтелки или терема. Устраивались онѣ подъ самой крышей зданія, были со всѣхъ сторонъ открыты, съ большими окнами. Иногда около свѣтелокъ устраивались гульбища, т.-е. балконы.

Дома ставились обыкновенно въ глубинѣ двора. Дворы были по большей части обширные и обносились прочнымъ заборомъ, чтобы животное или «лихой человѣкъ» не могли проникнуть туда. Во дворъ вели 2—3 воротъ: главныя изъ нихъ устраивались у богатыхъ людей обыкновенно очень красиво, подъ небольшой кровлей, иногда съ башенками; надъ воротами помѣщался образъ въ кіотѣ. Поодаль отъ дома, кругомъ двора, расположены были хозяйственныя постройки: людскія, сараи, погреба, кладовыя. Необходимой принадлежностью двора зажиточнаго хозяина была «мыльня» (баня).

Дворецъ царя былъ выстроенъ по тому же плану. Жилыя хоромы московскихъ государей были обыкновенно очень невелики—3—4 комнаты: одна, самая дальняя, служила опочивальней; около нея была моленная или крестовая, затѣмъ собственно комната (кабинетъ) и передняя (пріемная), первая при входѣ изъ сѣней, которыя во дворцѣ всегда были теплыя. Для государыни, для царскихъ дѣтей строились отдѣльныя хоромы, которыя соединялись съ дворцомъ крытыми переходами, такъ что издали дворецъ представлялъ собою кучу разнородныхъ строеній, различной формы и величины, соединенныхъ вмѣстѣ. Для торжественныхъ собраній и государевыхъ столовъ (т.-е. званыхъ обѣдовъ и пировъ) устраивались отдѣльные отъ жилыхъ покои, которые носили по большей части названіе столовой избы.

Какъ частные дома, такъ и деревянные дворцы государей и церкви богато украшались деревянной рѣзьбой, каковое искусство въ древней Руси стояло очень высоко. Крыша, окна, столбики на крыльцѣ, косяки на окнахъ и т. п. часто имѣли какую-нибудь особую форму—цилиндра, боченка и т. д.—и раскрашивались въ яркія краски разныхъ цвѣтовъ, вслѣдствіе чего деревянная постройка древней Руси производила на глазъ весьма пріятное впечатлѣніе.

Внутреннее убранство, конечно, соотвѣтствовало степени зажиточности хозяина. Наши предки любили украшать свои дома: полы обивались коврами (у менѣе богатыхъ—войлоками и даже рогожами), стѣны—сукнами яркихъ цвѣтовъ. Покои царицъ обивались

иногда даже атласомъ. Со времени царя Алексѣя Михайловича стали для обивки стѣнъ вмѣсто сукна употреблять кожу съ вытисненными на ней рисунками, а въ концѣ XVII в. у нѣкоторыхъ бояръ появляются въ домахъ заграничные тканые обои (шпалеры); въ каменныхъ зданіяхъ стѣны расписывались красками: изображались картины религіознаго содержанія. Потолки украшались деревянной рѣзьбой. Мебель была очень простая—прикрѣпленныя къ стѣнѣ скамейки, переносныя лавки и табуреты. Скамьи же служили и для спанья, такъ какъ особыхъ кроватей не было. Кресла и стулья (со спинками) встрѣчались только во дворцахъ и у очень богатыхъ бояръ, да и то въ небольшомъ количествѣ. Столы дѣлались дубовые, иногда разрисовывались картинами изъ Св. Писанія, а ножки и бока украшались рѣзьбой. Лавки, скамьи и табуреты обыкновенно покрывались той же матеріей, какой были обиты стѣны. Столы во время обѣда покрывались скатертями, подъ которыми обыкновенно были подскатертники, атласные или бархатные съ золотошвейными украшеніями. Передній уголъ дома (или горницы) былъ всегда убранъ лучше, чѣмъ остальная часть покоя. Тамъ стояли на полкахъ образа въ богатыхъ серебряныхъ и даже золотыхъ окладахъ (ризахъ) въ кіотахъ. Передъ ними теплились лампады или свѣчи.

Зеркала и картины долго считались запретными, и только въ XVII в. русскіе люди мало-по-малу по примѣру самого царя стали вѣшать на стѣны своихъ домовъ картины (и то исключительно духовнаго содержанія). Тутъ же въ переднемъ углу у зажиточныхъ людей находился поставецъ для серебряной посуды, которая служила больше для украшенія столовой избы или горницы, а употреблялась въ дѣло только при различныхъ семейныхъ торжествахъ. Эта посуда (часто съ разными надписями) переходила по наслѣдству и составляла иногда важную часть имущества. Въ XVI и XVII вв. начинаетъ входить у богатыхъ людей въ употребленіе заграничная стеклянная (цвѣтного стекла) посуда, тогда какъ раньше для ежедневнаго обихода всѣ классы общества довольствовались простой посудой—глиняной или деревянной. Нынѣшнія тарелки (торели) очень долго были не извѣстны русскимъ, а ѣли обыкновенно за столомъ изъ мисы или кастрюли; тарелки (мѣдныя луженыя или оловянныя) въ теченіе цѣлаго обѣда не перемѣнялись и служили лишь для того, чтобы класть на нихъ обглоданныя кости. Ложки были у богатыхъ серебряныя, а у простого народа деревянныя. Ножей и вилокъ не употребляли, а твердыя кушанья подавались на столъ уже разрѣзанными, а съ блюда всѣ

Столовая посуда въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

брали руками. Салфетокъ совсѣмъ не знали, а вытирали губы и руки полотенцемъ (рушникомъ) или концами скатерти. Для напитковъ употреблялась также посуда серебряная, оловянная и глиняная. Необходимой вещью въ хозяйствѣ считался серебряный кубокъ, хотя бы небольшой, изъ котораго пили «за здоровье» гостей.

Одежда старинная русская по покрою была почти одинакова у простыхъ людей и у богатыхъ и знатныхъ и различалась только по качеству матеріала. Простолюдинъ одѣвался такъ же, какъ въ настоящее время въ глухихъ деревняхъ—въ рубаху и панталоны изъ грубаго домодѣльнаго холста. Поверхъ рубахи въ холодную

Русскіе крестьяне въ XVI—XVII стол. *По рисунку Олеарія.*

пору одѣвали а з я м ъ или с е р м я г у, родъ кафтана съ узкими рукавами, до колѣнъ. Сверхъ этого одѣвалась другая одежда пошире, съ большимъ отложнымъ воротникомъ (ф е р я з ь), а зимой вмѣсто нея шуба, по большей части на овчинномъ мѣху. Голову простолюдинъ покрывалъ мѣховой шапкой или колпакомъ (войлочнымъ или поярковымъ). На ногахъ были лапти или сапоги съ высокими голенищами.

Богатый человѣкъ поверхъ рубашки, воротникъ и края которой вышивались шелками или унизывались жемчугомъ, надѣвалъ шелковый или тонкій суконный к а ф т а н ъ со стоячимъ воротникомъ (к о з ы р е м ъ) и подпоясывалъ его. Для пріема гостя у себя дома или для выхода въ своемъ же домѣ сверхъ кафтана одѣвалась ф е р я з ь, почти до ступней, безъ таліи съ длинными рука-

вами; застегивалась ферязь спереди петлицами и пуговицами; дѣлалась она изъ шелковыхъ матерій, бархата, парчи и сукна. При выходѣ изъ дому на ферязь надѣвали лѣтомъ опашень или однорядку, съ отложнымъ воротникомъ и длинными откидными рукавами, въ которыхъ были прорѣзы для рукъ, а свободные концы рукавовъ закидывались назадъ и тамъ завязывались за спиной. Зимой вмѣсто опашня одѣвалась шуба, которая дѣлалась на дорогомъ мѣху и служила предметомъ гордости ея хозяина, такъ что иногда русскіе бояре сидѣли въ шубахъ и въ комнатѣ при гостяхъ. Голову знатные люди покрывали небольшой шапочкой, шитой бисеромъ или жемчугомъ (тафья), а сверхъ нея надѣвали шапку изъ дорогого мѣха, при чемъ высота шапки соотвѣтствовала степени знатности ея хозяина. Въ шапкахъ сидѣли и на парадныхъ обѣдахъ и въ Боярской Думѣ. На ногахъ у бояръ были сафьянные сапоги (яркихъ цвѣтовъ), шитые золотомъ и серебромъ.

Женщины богатаго класса сверхъ длинной рубахи краснаго или бѣлаго цвѣта, съ пристегнутыми къ рукавамъ запястьями, вышитыми золотомъ или жемчугомъ, надѣвали лѣтникъ, длинную (но не до пятъ) одежду, съ очень длинными рукавами. Лѣтніе лѣтники вышивались, а зимніе по большей части подбивались мѣхомъ; дѣлались они изъ дорогихъ шелковыхъ матерій. Сверху женщины одѣвали опашень, съ частыми пуговицами сверху до низу. Дѣлался онъ обыкновенно изъ сукна яркихъ цвѣтовъ, съ рукавами до земли, но въ рукавахъ были прорѣзы, въ которые просовывались руки, а рукава висѣли или завязывались за спиной; такимъ образомъ видны были рукава лѣтника, вышитые золотомъ, а изъ-подъ нихъ высовывались рукава рубашки, также вышитые или унизанные жемчугомъ или цвѣтными камнями. Верхней одеждой были еще душегрѣйки и шубы.

Волосы дѣвушки заплетали въ одну косу и не закручивали ее, а спускали за спину; на головѣ же носили широкую вышитую повязку или кокошникъ. Замужнія женщины заплетали волосы въ двѣ косы, которыя при томъ должны были прятать въ т. н. повойникъ (или волосникъ), сверхъ котораго надѣвали платокъ; открыть волосы (опростоволоситься) для замужней женщины считалось большимъ позоромъ. Отправляясь въ церковь или въ гости, женщина надѣвала кику (родъ шапки), которая спереди украшалась золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, а сзади дѣлалась изъ шелковой матеріи или дорогого мѣха. Какъ и въ настоящее время, женщины любили украшать себя ожерельями, кольцами, серьгами и т. п. Установился обычай бѣлиться и

румяниться, хотя бы въ этомъ женщина по своей наружности и не нуждалась отъ природы. (Но даже церковь не могла уничтожить этого обычая.)

Какъ мужскія, такъ и женскія дорогія одежды одѣвались рѣдко, только по большимъ праздникамъ и по особому какому-нибудь случаю: обыкновенно же онѣ лежали въ сундукахъ и переходили по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ, и нерѣдко нѣсколько поколѣній одѣвались въ одну и ту же одежду. А это было тѣмъ удобнѣе, что покрой одежды оставался безъ всякихъ измѣненій въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій.

Къ самому концу XVII вѣка замѣчается уже нѣкоторое ино-

Русскія крестьянки въ XVI—XVII стол. *По рисунку Олеарія.*

странное вліяніе на мужскую (въ особенности) одежду: она становится проще, короче, вообще удобнѣе. Но «польскіе», «венгерскіе» и «нѣмецкіе» кафтаны встрѣчались исключительно среди представителей знатныхъ и богатыхъ фамилій, да и то не пользовались одобреніемъ со стороны духовенства и большей части общества.

Голову русскій человѣкъ коротко стригъ, а борода считалась украшеніемъ мужчины, и русскіе бояре старательно ухаживали за своими бородами, считая, что борода—признакъ ума: у кого борода длиннѣе, тотъ боярин умнѣе.

Въ **семейномъ быту** нашихъ предковъ были въ полной силѣ родовыя понятія и отношенія. Во главѣ семьи стоялъ отецъ и все

Старинныя русскія одежды.

Ферязь. Кафтанъ.

Боярыня въ лѣтникѣ. Кика и душегрѣя.

Старинныя русскія одежды.

Шуба. Охобень.

Боярин конца XVII и начала XVIII вѣка. Боярыня конца XVII и начала XVIII вѣка.

въ домѣ ему повиновалось: слуги, жена, дѣти; даже взрослые и сами женатые сыновья не имѣли самостоятельности. Въ большомъ ходу были тѣлесныя наказанія, побои, розги, и т. д. Отъ нихъ не избавлена была даже хозяйка дома, хотя одно старинное наставленіе и говоритъ, что жену мужъ долженъ учить «запершись, чтобы никто не видалъ, и учить надо не кулакомъ, а плеточкой вѣжливенько постегать». Распоряжаясь хозяйствомъ, жена обязана была во всемъ спрашивать совѣта мужа и дѣлать такъ, какъ онъ велитъ. Все воспитаніе дѣтей основывалось на страхѣ и наказаніяхъ, а когда дѣти подростали, родители устраивали ихъ судьбу—женили, выдавали замужъ, не спрашивая ихъ согласія. Вслѣдствіе этого происходило много несчастныхъ браковъ, тѣмъ больше, что женихъ не видалъ своей невѣсты до самаго вѣнца, а во время сватанія, когда онъ за себя посылалъ смотрѣть невѣсту свою родственницу или мать (мужчины не имѣли права видѣть чужихъ женщинъ), то происходили обманы: вмѣсто одной дочери показывали другую, а иногда вмѣсто боярышни показывали даже красивую служанку. Вслѣдствіе этого въ семьѣ шли постоянные нелады и дѣло часто оканчивалось тѣмъ, что мужъ заставлялъ жену уходить въ монастырь или постоянными нещадными побоями изводилъ ее, и она преждевременно умирала.

Въ знатныхъ и царскихъ семьяхъ женщина не могла показываться постороннему мужчинѣ и занимала въ домѣ особое помѣщеніе, ключъ отъ котораго хозяинъ держалъ обыкновенно у себя. Видѣть боярыню могъ только ея отецъ, да иногда братъ. Для прогулки и развлеченій жены и дочерей хозяина отводился садъ у дома, огороженный очень высокимъ сплошнымъ тыномъ. Если же случалось женѣ и дочерямъ боярина отправляться, напр., на богомолье, то онѣ выѣзжали въ закрытыхъ колымагахъ, такъ что видѣть ихъ можно было только въ тѣ моменты, когда онѣ выходили или садились въ экипажъ. Въ церкви женщины занимали отдѣльное мѣсто отъ мужчинъ—на хорахъ. Если ѣхали на богомолье царица или царевны и когда имъ нужно было проходить, напримѣръ, изъ колымаги въ церковь, то по обѣ стороны становились люди, которые держали высоко поднятые куски сукна, чтобы никто не могъ видѣть высокихъ путешественницъ.

Въ простомъ народѣ затворничества женщины не было, но положеніе ея было крайне безправное и тяжелое, какъ и до сихъ поръ въ деревняхъ.

Образъ жизни. Отличаясь благочестіемъ, русскіе люди жизнь свою построили на монастырскій ладъ. Вставали они рано, часа

въ 4, и день начинали молитвой (иногда въ особой моленной или крестовой палатѣ, куда собирались всѣ члены семьи и прислуга). Въ праздники ходили къ утренѣ въ церковь. Послѣ молитвы, напившись горячаго (напр., взвара изъ налившокъ съ клюквой или малиной), хозяйка занималась по хозяйству, а хозяинъ шелъ къ царю (если былъ бояринъ) или къ своему дѣлу. Въ десятомъ часу шли къ обѣднѣ. Въ 12 час. происходилъ обѣдъ, при чемъ въ царскихъ и боярскихъ семьяхъ мужчины обѣдали отдѣльно отъ женщинъ. Послѣ обѣда ложились спать. Сходивъ часа въ 4 къ вечернѣ, занимались дѣлами, а вечеромъ ходили въ гости или раз-

Боярскій свадебный пиръ XVII вѣка. *Съ карт. К. Е. Маковскаго.*

влекались дома. Часовъ въ 8 ужинали, и, помолившись вмѣстѣ въ моленной, укладывались спать. Такой порядокъ (какъ увидимъ ниже) былъ и въ царскомъ дворцѣ. Всякихъ развлеченій русскій человѣкъ долженъ былъ избѣгать, такъ какъ развлеченія считались грѣхомъ. Неудивительно поэтому, что, чтобы нѣсколько разсѣяться, древне-русскіе люди любили праздновать крестины, свадьбы, именины и другія семейныя событія. Всѣ они сопровождались пирами, которые у богатыхъ продолжались по нѣскольку часовъ. Собиралось на нихъ много народу, такъ что можно было нѣсколько освѣжить свои впечатлѣнія отъ скуки семейнаго однообразія. По большей части всѣ такіе пиры сопровождались обильными попойками. И часто случалось, что по требованію гостей-мужчинъ долж-

на была съ женской половины дома появляться хозяйка, которая собственноручно обносила виномъ гостей, которые должны были за это цѣловать ее въ губы («поцѣлуйный обрядъ»). Иногда на такіе пиры приглашались гусляры и скоморохи. Въ домахъ бояръ жили шуты, шутихи, дураки, карлики, а также пѣсенники и разсказчики.

Простой народъ тѣшился кулачными боями, катаньемъ съ горъ, качелями, азартными играми въ карты или зернь (въ родѣ костей). Въ лѣтніе праздники водили хороводы, въ святки наряжались. И въ простомъ народѣ замѣчается наклонность пировать при каждомъ удобномъ случаѣ, но въ этомъ классѣ пиры сопровождались уже не попойками, а настоящимъ, часто разгульнымъ, пьянствомъ, которое влекло за собою драки и увѣчья.

Царскій обиходъ. Когда Иванъ III женился на византійской царевнѣ Софьѣ Палеологъ, въ Москву проникло много обычаевъ, существовавшихъ при дворѣ Византійскихъ императоровъ. И когда вся Русская земля собралась подъ властью уже не князя, а царей Московскихъ, эти послѣдніе смотрѣли на свою власть, какъ на самодержавную, а это отражалось и на ихъ отношеніи къ боярамъ и народу и на ихъ жизни.

Будній день у царя проходилъ приблизительно такъ же, какъ у любого боярина. День начинался рано, въ 4 часа, съ молитвы въ крестовой палатѣ, гдѣ царь молился передъ иконой того святого, память котораго была въ извѣстный день. Поздоровавшись съ царицей, которая приходила также въ крестовую палату, царь съ нею шелъ къ утренѣ, послѣ чего говорилъ о дѣлахъ съ боярами. Къ этому времени всѣ жившіе въ Москвѣ бояре безъ приглашенія собирались во дворецъ и привѣтствовали царя земными поклонами. Послѣ обѣдни въ дворцовой церкви царь занимался съ боярами дѣлами, при чемъ бояре не смѣли садиться, а если назначалось «сидѣніе съ бояры», т.-е. засѣданіе Боярской Думы, то бояре садились поодаль отъ царя по лавкамъ, по степени знатности (обычай мѣстничества). Въ 12 часовъ всѣ дѣла оканчивались, царь шелъ обѣдать и послѣ обѣда часа 3, до вечерни, спалъ. Къ вечернѣ царь выходилъ въ сопровожденіи бояръ, опять собиравшихся къ этому времени во дворецъ. Вечеръ царь проводилъ или въ своей семьѣ или съ близкими людьми. Въ это время онъ читалъ духовно-назидательныя книги (а съ Алексѣя Михайловича рукописныя газеты—куранты), слушалъ разсказы странниковъ о чужихъ земляхъ и о старинѣ. Иногда во дворецъ приглашались слѣпцы, которые пѣли духовные стихи о Лазарѣ и

др. Со временъ Алексѣя Михайловича входитъ въ употребленіе театръ: разыгрывались пьесы, содержаніе которыхъ бралось изъ библейскихъ разсказовъ. Послѣ ранняго ужина всѣ отправлялись на покой.

Въ большіе праздники происходили торжественные выходы царя. Государь тогда являлся народу въ великолѣпной одеждѣ и при самой торжественной обстановкѣ. Его сопровождала большая свита бояръ, при чемъ за царемъ несли полотенце (носовой платокъ), стулъ съ подушкой, подножье и солношникъ (зонникъ.) Особенно замѣчательны были выходы царя въ Рождественскій сочельникъ, на Крещеніе и въ Вербное воскресенье. 24 декабря рано утромъ царь тайно обходилъ тюрьмы и богадѣльни и самъ раздавалъ милостыню или освобождалъ изъ заключенія. Въ Крещеніе въ «большомъ царскомъ нарядѣ» онъ ходилъ въ крестномъ ходу на Москву-рѣку и самъ черпалъ воду серебрянымъ ведромъ. Въ Вербное воскресенье устраивалось «Шествіе на ослятѣ», и самъ царь, опять-таки въ парадномъ одѣяніи, имѣя въ рукѣ пальмовую вѣтвь (или вербу), держалъ конецъ повода отъ лошади, изображавшей «осла», на которой сидѣлъ въ полномъ облаченіи, съ Крестомъ и Евангеліемъ патріархъ. Торжественные выходы были также на Новый годъ (1 сентября), на Масленую и на Пасху.

Промышленность и торговля. Московское государство было богато всякими естественными произведеніями, свойственными умѣренному климату, но зажиточностью обитателей похвалиться не могло, потому что они не прилагали къ своимъ занятіямъ ни старанія, ни знаній. Успѣшному занятію, напр., земледѣліемъ мѣшали рѣдкость населенія и крѣпостное право: крестьяне обрабатывали землю кое-какъ, лишь бы имѣть самое необходимое. Кромѣ земледѣлія занимались скотоводствомъ. Обиліе рѣкъ и озеръ, а также лѣсовъ, давало возможность заниматься звѣроловствомъ, рыболовствомъ и пчеловодствомъ. Въ сѣверныхъ областяхъ варили соль. Въ XVI и XVII вв. развилось рудокопное дѣло—добываніе желѣза, мѣди, серебра и золота; но разработка рудниковъ производилась преимущественно пріѣхавшими изъ-за границы иностранцами: ими были устроены заводы около Тулы, на Шекснѣ, Вагѣ и около Олонца. Было нѣсколько суконныхъ и полотняныхъ заводовъ, работавшихъ на царскій дворъ.

Московское государство вело значительную торговлю съ Азіей и Зап. Европой, при чемъ въ послѣднюю вывозилось главнымъ образомъ всякое сырье: зерно, кожи, воскъ, мѣха и др., а оттуда

привозили фабричныя издѣлія, оружіе, сукна, сахаръ, бумагу и золото и серебро въ слиткахъ. Съ Востока шли въ Россію шелковыя и бумажныя ткани, ковры, парча, пряности, краски и др. Вывозъ въ Азію былъ довольно слабый. Въ XVII в. главными торговыми городами были: на востокѣ Астрахань, а для торговли съ Западомъ Архангельскъ. Развитію какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли сильно мѣшали отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, а также большіе налоги и пошлины, которые приходилось платить русскимъ купцамъ въ казну.

Замкнутость русскихъ. Сами русскіе за границу не ѣздили, такъ какъ боялись за чистоту своей вѣры и обычаевъ; иностранцы съ своей стороны мѣшали поѣздкамъ русскихъ за границу, такъ какъ имъ было выгоднѣе покупать русскіе товары на мѣстѣ и они получали такимъ образомъ большіе барыши. Поэтому, если русскій человѣкъ вздумалъ бы поѣхать въ чужіе края съ товарами, то купцы иностранные сговаривались между собой и никто не давалъ ему тамъ настоящей цѣны, такъ что ему приходилось везти товаръ обратно въ Россію и продавать его тѣмъ же нѣмцамъ «по ихъ цѣнѣ». Но тѣмъ иностранцамъ, которые жили для торговли или какого-нибудь промысла въ Россіи, не позволяли селиться около русскихъ, а отводили имъ въ городахъ особыя усадьбы или цѣлыя слободы. Такъ, напр., когда началось въ XVI вѣкѣ сближеніе съ Западомъ, и въ Москвѣ стали появляться, съ Бориса Годунова, иностранцы, то ихъ селили не въ Москвѣ, а около нея, въ особой слободѣ, которая и стала называться Нѣмецкой; къ концу XVII в. она представляла собой уже значительный поселокъ, въ которомъ жило нѣсколько сотъ «нѣмцевъ», какъ называли въ Россіи всякаго иностранца.

Не сходясь съ иностранцами, русскіе во всѣхъ отношеніяхъ отстали отъ просвѣщеннаго Запада. Не говоря уже о простомъ народѣ, даже среди бояръ можно было встрѣтить неграмотныхъ. Да и грамотными считались тѣ, кто умѣлъ читать, писать, зналъ церковныя пѣснопѣнія—и ничего больше. Если же любознательный человѣкъ пополнялъ свое образованіе чтеніемъ бывшихъ тогда на Руси книгъ религіознаго или историческаго содержанія, то онъ считался уже «книжникомъ», т.-е. образованнымъ. Царя Ивана Грознаго за отличное знаніе Священнаго Писанія и разныхъ сочиненій какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго характера (какія тогда можно было найти) называли «словесной мудрости риторомъ». Обученіе грамотѣ находилось въ рукахъ монаховъ, дьячковъ или подьячихъ посольскаго приказа. (Послѣдніе обыкновенно обучали дѣ-

тей бояръ знатныхъ и царевичей.) Ученіе сплошь и рядомъ сопровождалось наказаніями, и въ русской древней литературѣ существовало «Похвальное слово розгѣ».

Вслѣдствіе недостаточнаго образованія русскіе люди Московскаго государства отличались многими дурными чертами характера. Общественная жизнь была развита слабо, и каждый думалъ только о себѣ и о своихъ родственникахъ, а не объ общей пользѣ. Суевѣрія, вѣра въ колдовство были развиты во всѣхъ слояхъ общества. Люди всѣхъ званій и состояній были подвержены пороку пьянства. Въ судѣ были въ большомъ ходу пытки и жестокія наказанія, а судьи безъ зазрѣнія совѣсти брали взятки. По отношенію къ иностранцамъ русскіе люди были очень подозрительны и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно горды и высокомѣрны. Между собой они были лживы и хитры, грубо обращались съ низшими и раболѣпствовали передъ болѣе знатными. Но въ то же время иностранные писатели отмѣчаютъ и такія качества русскаго народа, какъ безграничная преданность царю, православной вѣрѣ, религіозность, природный умъ, гостепріимство, терпѣніе и добродушіе. Всѣ же недостатки, по ихъ мнѣнію, происходили отъ того, что русскій человѣкъ былъ мало развитъ умственно и нравственно. У одного изъ иностранцевъ мы встрѣчаемъ такія слова: «необразованность сковываетъ этотъ (русскій) народъ; какъ же онъ будетъ могущественъ и страшенъ сосѣдямъ, когда пріобрѣтетъ образованіе!»

Сближеніе съ Западомъ. Русскіе люди уже давно отлично понимали, что иностранцы превосходятъ ихъ въ образованіи и что у нихъ нужно заимствовать знанія. Еще Иванъ III и Иванъ IV вызывали въ Россію изъ Зап. Европы разныхъ мастеровъ. Но особенно усиливается пріѣздъ изъ-за границы послѣ Смутнаго времени. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ оттуда выписывали солдатъ и офицеровъ для улучшенія военнаго дѣла въ Россіи. Слѣдомъ за ними изъ Зап. Европы появляются въ Московскомъ государствѣ фабриканты и мастера, которые получали разныя льготы при одномъ только условіи—научить извѣстному ремеслу нѣсколькихъ русскихъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ этотъ вызовъ иностранцевъ усиливается, да и вообще при этомъ государѣ замѣтно больше всякаго рода заимствованій съ Запада. Именно при немъ получаетъ большое значеніе Нѣмецкая слобода около Москвы, такъ какъ многіе русскіе перестали смотрѣть по-старинному на сношенія съ нѣмцами, а ходили въ слободу и учились у нѣмцевъ ихъ знаніямъ и обычаямъ. Самъ царь не смотрѣлъ на заграничное, какъ на вредное или грѣховное: при немъ появляются газеты, правда,

рукописныя, только для двора (куранты); при немъ же устраивается первый въ Россіи театръ, гдѣ ставились пьесы съ содержаніемъ изъ Ветхаго завѣта. Свои комнаты Алексѣй Михайловичъ любилъ украшать иностранными вещами: зеркалами, часами, картинами, чего прежніе государи Московскіе не дѣлали. У многихъ бояръ заводятся библіотеки на иностранныхъ языкахъ и обстановка въ домахъ на манеръ иностранной. Изъ такихъ бояръ больше всего извѣстны Вас. Вас. Голицынъ и любимый бояринъ Алексѣя Михайловича Артамонъ Серг. Матвѣевъ. Подъ вліяніемъ своей жены, шотландки (изъ Нѣмецкой слободы), Матвѣевъ у себя въ домѣ завелъ и порядки заграничные. Самъ онъ много читалъ, былъ высоко образованъ и постоянно высказывался за сближеніе съ Западомъ. Въ домѣ его не было затворничества женщины. Его жена вмѣстѣ съ нимъ принимала гостей. Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ приходить къ Матвѣеву запросто, побесѣдовать съ нимъ, и ему порядки въ домѣ Матвѣева очень нравились. Тамъ онъ встрѣтился съ дочерью небогатаго помѣщика Натальей Кирилловной Нарышкиной, которая воспитывалась у Матвѣева. Она ему очень понравилась, и когда первая жена Алексѣя Михайловича умерла, спустя нѣкоторое время онъ женился на Нарышкиной, которую хорошо зналъ, такъ какъ много разъ съ ней встрѣчался. (Тогда какъ первую жену онъ выбралъ во время «большого смотра» царскихъ невѣстъ, какъ это было въ обычаѣ въ Московскомъ государствѣ.)

XXV. Петръ Великій.

1. Воспитаніе Петра. Алексѣй Михайловичъ былъ женатъ два раза: въ первый разъ на Маріи Ильиничнѣ Милославской, отъ которой онъ имѣлъ двухъ сыновей (Ѳеодора и Ивана) и нѣсколькихъ дочерей (изъ которыхъ особенно выдавалась Софья); во второй разъ—на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной. Петръ (будущій Великій) родился отъ второй жены—30 мая 1672 года.

Онъ росъ быстро, былъ необыкновенно здоровъ и крѣпокъ; есть извѣстіе, что онъ началъ ходить 6-ти мѣсяцевъ.

Когда Петру шелъ 4-ый годъ, отецъ его, Алексѣй Михайловичъ, умеръ, и на престолъ вступилъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ. При немъ мать Петра, царица Наталья Кирилловна, должна была уѣхать изъ Москвы въ село Преображенское, такъ какъ главное мѣсто около царя заняли его родственники по родной матери. Въ Преображенскомъ Петръ росъ безъ того строгаго присмотра, ко-

торый существовалъ обыкновенно надъ царскими дѣтьми. О воспитаніи царскихъ дѣтей одинъ современникъ (Котошихинъ) разсказываетъ слѣдующее: «когда родится царевичъ, на воспитаніе его избираютъ жену добрую, чистую и здоровую (въ кормилицы), и живетъ она у царицы съ годъ, а по прошествіи года отпускается съ награжденіемъ. Для присмотра же приставляютъ мамку, боярыню честную, вдову старую, да няньку съ прислужницами. А когда будетъ царевичъ лѣтъ пяти, для береженья и наученья опредѣляютъ къ нему боярина, тихаго и разумнаго. А когда приспѣваетъ время учить его грамотѣ, опредѣляютъ къ нему въ учителя изъ посольскихъ подьячихъ людей тихихъ и не бражников (т.-е. не пьяницъ); учатъ же только русскому языку, а ученія латинскому, греческому, нѣмецкому или другимъ языкамъ въ Россіи не бываетъ. У каждаго царевича свои хоромы и свои люди особые, и до 15 лѣтъ, кромѣ бояръ и ближнихъ людей, никто ихъ видѣть не можетъ. Когда же исполнится 15 лѣтъ, кажутъ его всему народу».

Дворецъ царя Алексѣя Михайловича въ с. Коломенскомъ. (Мѣсто рожденія Петра I.).

Такъ воспитывался отецъ Петра и такъ росли его старшіе братья. Но самъ Петръ росъ иначе. Онъ все время проводилъ въ веселыхъ и шумныхъ играхъ, преимущественно на открытомъ воздухѣ, отчего здоровье и сила его еще больше укрѣплялись.

Когда Петру шелъ 6-ой годъ, его начали учить грамотѣ. Объ этомъ сохранился такой разсказъ. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ,

придя разъ къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, сказалъ ей, что пора-де крестника (т.-е. Петра) грамотѣ учить. Царица согласилась и просила найти «учителя добраго, божественное писаніе свѣдующаго». Такой учитель былъ найденъ: это былъ Никита, Моисеевъ сынъ, Зотовъ. Передъ началомъ ученья приглашенъ былъ патріархъ, отслужили молебенъ и окропили ученика и учителя святой водой. Зотовъ, принявъ Петра, сначала поклонился ему до земли, а потомъ началъ учить. Ученье началось съ чтенія. Читали сначала азбуку или букварь, потомъ Часословъ, Псалтирь, Апостолъ и Евангеліе. Все пройденное заучивалось по-старинному наизусть—«на зубокъ», и Петръ впослѣдствіи, уже будучи царемъ, могъ читать, что требовалось, въ обѣднѣ или во всенощной—безъ книги.

Но этимъ не ограничилось преподаваніе Зотова. Петръ учился бойко и охотно. Зотовъ замѣтилъ, что Петръ очень любитъ слушать разные разсказы и разсматривать картинки въ книжкахъ. Онъ сказалъ объ этомъ царицѣ, и та велѣла выдать ему рукописи съ рисунками изъ дворцовой библіотеки, а также заказала «живописнымъ мастерамъ» нѣсколько новыхъ картинъ. Такъ составилась у Петра коллекція тетрадей, въ которыхъ золотомъ и красками были нарисованы зданія и «исторія въ лицахъ съ прописью», т.-е. повѣсти и сказки, снабженныя рисунками съ поясни-тельнымъ подъ ними текстомъ. Всѣ эти тетради Зотовъ разложилъ въ комнатѣ царевича. Когда онъ замѣчалъ, что Петръ начинаетъ зѣвать и скучать за книгой, онъ отрывалъ его отъ чтенія и показывалъ ему картинки, поясняя ихъ разсказами. При этихъ поясненіяхъ онъ касался и русской старины, разсказывалъ Петру про дѣла его отца и дѣда, говорилъ о Дмитріи Донскомъ, Александрѣ Невскомъ и Владимірѣ Святомъ. Петръ былъ очень понятливъ и скоро все запоминалъ. Но Зотовъ самъ зналъ мало, и потому не разъ случалось, что любознательный ученикъ задавалъ учителю такіе вопросы, на которые Зотовъ сразу не могъ отвѣтить.

Но и это ученіе неожиданно оборвалось, когда Петру минуло 10 лѣтъ. Въ 1682 г. умеръ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, не оставивши дѣтей. Послѣ него народъ и бояре выбрали царемъ Петра. Но партія Милославскихъ, во главѣ которой стояла царевна Софья, возмутила стрѣльцовъ и добилась—послѣ нѣсколькихъ дней мятежа и убійствъ сторонниковъ партіи Нарышкиныхъ — того, что царями были провозглашены Петръ и его старшій братъ (отъ другой матери) Иванъ, а за ихъ малолѣтствомъ стала править Софья.

Царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ послѣ этого жить въ Москвѣ стало совсѣмъ тяжело, и она удалилась опять въ любимое село ея мужа—Преображенское.

Здѣсь Петръ жилъ на просторѣ, предоставленный самому себѣ. Еще ребенкомъ онъ любилъ разныя военныя игрушки. Разсказываютъ, что когда Петру было всего 4 года, одинъ купецъ московскій поднесъ ему въ подарокъ маленькую саблю. Подарку этому Петръ такъ обрадовался, что на другіе и смотрѣть не сталъ: прицѣпилъ ее къ поясу и цѣлый день игралъ съ неій, а когда его повели спать, то онъ взялъ саблю съ собой въ кровать и заснулъ, обнявши ее руками. Подросши, Петръ не оставилъ военныхъ игрушекъ и игръ, а, наоборотъ, еще больше полюбилъ ихъ. Онъ часто игралъ со своими сверстниками — дѣтьми дворцовыхъ слугъ — въ солдаты, и этихъ солдатъ у него набралось столько, что изъ нихъ составилось цѣлое войско, называвшееся «потѣшнымъ». Но эти «потѣшные» были обучены не по-старому. По сосѣдству съ селомъ Преображенскимъ находилась т. наз. Нѣмецкая слобода: тамъ жили иностранцы различныхъ націй—французы, нѣмцы, англичане—купцы, мастера и офицеры. Въ эту Нѣмецкую слободу часто пріѣзжалъ Петръ, который сильно скучалъ въ Преображенскомъ,—посмотрѣть, какъ живутъ иностранцы, и побесѣдовать съ ними о ихъ родинѣ. Эти разговоры были для Петра новой школой, которой не знали его отецъ и старшіе братья; вліяніе на Петра Нѣмецкой слободы было громадно. Можно сказать, что уже съ дѣтскихъ поръ Петръ сталъ думать о томъ, какъ сдѣлать Россію похожей на тѣ страны, о которыхъ разсказывали ему его новые знакомцы—Лефортъ, Гордонъ и др. Именно ихъ разсказы навели Петра на мысль устроить войско на манеръ заграничныхъ. Онъ по цѣлымъ днямъ возился со своими «потѣшными»: то вооружалъ ихъ, то училъ маршировать и стрѣлять или строить земляныя укрѣпленія, то устраивалъ примѣрныя сраженія. Такія постоянныя упражненія привели къ тому, что «потѣшные» сдѣлались, наконецъ, весьма опытными въ военномъ дѣлѣ и далеко превосходили тогдашнее войско—стрѣльцовъ. Впослѣдствіи изъ нихъ составились два полка—Преображенскій и Семеновскій, названные такъ по двумъ подмосковнымъ селамъ, гдѣ они были расположены.

Среди иностранцевъ Нѣмецкой слободы Петръ находилъ себѣ и новыхъ учителей, послѣ того, какъ Зотовъ прекратилъ свои занятія съ нимъ. Вотъ, напр., какъ онъ нашелъ учителя математики. Одинъ русскій вельможа (кн. Долгорукій), отправляясь за

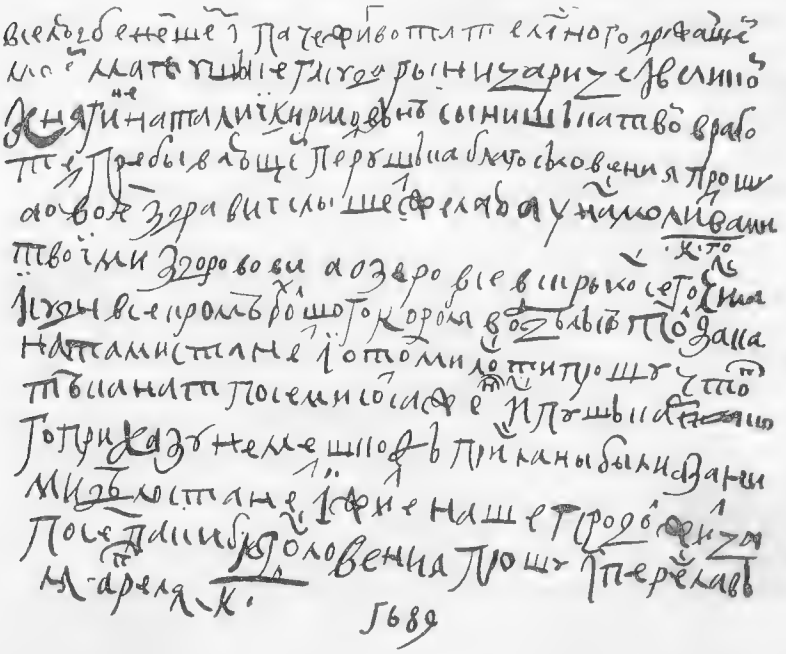
границу, явился къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ проститься. Въ разговорѣ съ царевичемъ, падкимъ на заморскія вещи, вельможа сказалъ, что «былъ у него инструментъ, которымъ можно узнавать разстояніе, не сходя съ мѣста, да жаль—украли». Петръ просилъ его купить ему такой инструментъ, и въ 1688 г. вельможа привезъ ему астролябію. Но когда инструментъ былъ развязанъ и распакованъ, то никто (и самъ Долгорукій) не могъ собрать его и объяснить Петру употребленія его. Петръ былъ въ отчаяніи. Не зная, кого попросить, онъ обратился ко всевѣдущему нѣмцу—придворному «дохтуру». Докторъ сказалъ, что и самъ не знаетъ, но обѣщался отыскать нужнаго человѣка, и черезъ нѣсколько дней указалъ на голландца Тиммермана изъ Нѣмецкой слободы. Тиммерманъ не только объяснилъ Петру, какъ нужно обращаться съ астролябіей, но сталъ учить его геометріи и другимъ математическимъ наукамъ. Петръ очень полюбилъ Тиммермана и почти не разставался съ нимъ, вывѣдывая у него все, что тотъ зналъ. Этотъ же Тиммерманъ помогъ, вмѣстѣ съ другими иностранцами, завести «потѣшный» флотъ изъ судовъ, построенныхъ по европейскимъ образцамъ.

Ботикъ Петра Великаго.

О началѣ флота самъ Петръ разсказываетъ такъ.

Однажды, въ 1688 году, гуляя съ Тиммерманомъ въ селѣ Измайловѣ, подъ Москвой, Петръ забрался въ амбары, гдѣ хранились старыя и ненужныя вещи, и нашелъ тамъ лодку, непохожую на тѣ, которыя онъ видѣлъ раньше. Тиммерманъ объяснилъ ему, что это лодка англійская, называется—ботъ, что на такомъ ботѣ можно плавать на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра. Петръ, удивленный, спросилъ—нѣтъ ли человѣка, который починилъ бы ботъ и показалъ, какъ онъ ходитъ по водѣ. Тиммерманъ нашелъ одного земляка своего, по имени Брандта, который былъ выписанъ изъ Голландіи для постройки

судовъ на Волгѣ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ. Брандтъ починилъ ботикъ, и скоро Петръ катался на немъ по Измайловскому пруду, а въ слѣдующемъ 1689 году, при помощи того же Бранд-



Письмо Петра Великаго къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ съ Переяславскаго озера.

Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, Государынѣ царицѣ и Великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ. Сыниш-ка твой въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу и о твоемъ здравіи слышать желаю. А у насъ, молитвами твоими, здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа и суды всѣ, кромѣ большого корабля, въ отдѣлкѣ. Только за канатами станетъ. И о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семи сотъ саженъ изъ Пушкарскаго приказа, не мѣшкавъ присланы были. А за ними дѣло станетъ и житье наше продолжится. По семъ паки благословенія прошу.

та, былъ выстроенъ уже цѣлый флотъ на Переяславскомъ озерѣ— въ 120 верстахъ отъ Москвы.

Въ томъ же 1689 году Петръ сдѣлался единодержавнымъ государемъ. Царевна Софья, правившая 7 лѣтъ, должна была уступить управленіе государствомъ Петру, а сама удалилась въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ впослѣдствіи была пострижена въ монахини.

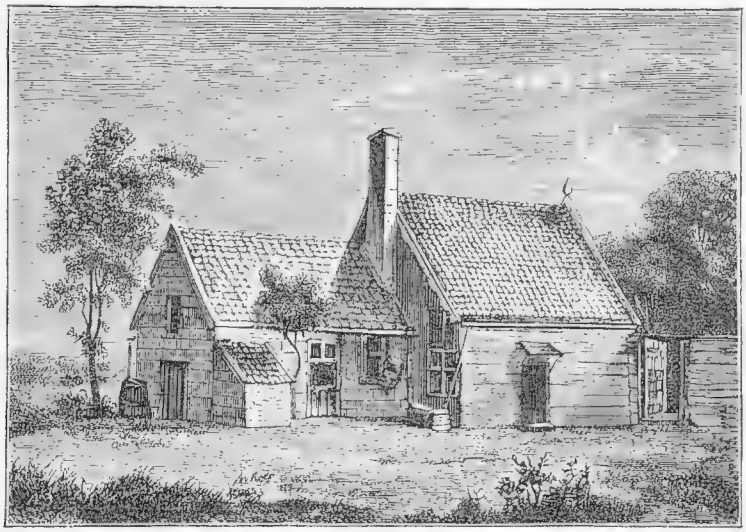
2. Путешествіе за границу. Съ 1689 г. Петръ сдѣлался одинъ правителемъ русскаго государства; но первые годы его царствованія не ознаменовались никакими важными событіями. Петръ продолжалъ заниматься своими «потѣшными» солдатами и своимъ игрушечнымъ флотомъ. Впрочемъ, въ 1696 году, Петръ построилъ уже настоящій флотъ, такъ какъ безъ него ему не удавалось взять турецкую крѣпость Азовъ, запиравшую выходъ изъ Дона въ Азовское (и Черное) море.

Такъ какъ этотъ флотъ былъ выстроенъ русскими по указаніямъ иностранныхъ мастеровъ, то, чтобы на будущее время не зависѣть въ кораблестроеніи отъ иностранцевъ, Петръ отправилъ 50 человѣкъ учиться корабельному дѣлу въ Англіи, Венеціи и Голландіи. Въ 1697 г. снаряжено было «великое посольство къ разнымъ европейскимъ дворамъ для утвержденія съ ними союзовъ, торговыхъ договоровъ и для найма разныхъ мастеровъ».

Но привыкнувъ самъ давать во всемъ примѣръ другимъ и лично участвовать въ каждомъ дѣлѣ, Петръ задумалъ нѣчто небывалое на Руси: ѣхать самолично за границу, чтобы научиться тамъ искусству строить корабли. Были, конечно, и другія причины. Много наслышавшись отъ своихъ друзей, московскихъ иностранцевъ, о томъ, что другіе народы далеко обогнали Россію во всѣхъ отношеніяхъ, Петръ страстно желалъ видѣть все то, о чемъ ему разсказывали въ Нѣмецкой слободѣ, желалъ научиться тому, чѣмъ западно-европейскія страны превосходили Россію, и потомъ, въ свою очередь, научить Россію. Но именно потому, что онъ ѣхалъ учиться, онъ желалъ избѣжать всякихъ пышныхъ и официальныхъ встрѣчъ и рѣшился ѣхать въ качествѣ частнаго человѣка въ свитѣ «великаго посольства».

Посольство двигалось медленно. Пылкій и нетерпѣливый Петръ постоянно бросалъ его, отъѣзжая въ сторону, чтобы прокатиться по морю или осмотрѣть какую-нибудь крѣпость или фабрику. Подъ конецъ онъ покинулъ посольство и съ нѣкоторыми товарищами отправился въ Саардамъ, одинъ изъ городовъ Голландіи, который въ тѣ времена особенно славился кораблестроеніемъ. Чтобы его не такъ скоро узнали, онъ перемѣнилъ свою одежду на голландскую—простую красную куртку, холстинныя панталоны и лакированную шляпу съ большими полями. Въ Саардамѣ Петръ поселился въ каморкѣ у кузнеца Киста, котораго зналъ еще въ Россіи. Кисту строго-настрого было приказано не говорить, что у него въ квартирѣ живетъ московскій царь. На слѣдующій день Петръ и его спутники отправились на пристань и нанялись на

одну верфь (мѣсто, гдѣ строились корабли), какъ простые плотники. Съ ранняго утра и до поздней ночи Петръ былъ на работѣ, изрѣдка уходя въ сосѣдній трактиръ подкрѣпиться обѣдомъ или выпить рюмку водки. Въ свободное отъ работъ время онъ отправлялся осматривать другія верфи или какія-нибудь фабрики, обѣдалъ у своихъ товарищей по работѣ, шутилъ съ ихъ дѣтьми—словомъ, ничѣмъ не отличался отъ настоящихъ рабочихъ. Но ему не удалось долго сохранить въ тайнѣ свое званіе: онъ самъ выдавалъ себя своимъ видомъ и поступками. Онъ жилъ въ каморкѣ, а за судно для катанія по морю заплатилъ 450 гульденовъ.



Домикъ, гдѣ жилъ Петръ I въ Саардамѣ.

Въ Саардамѣ заговорили, что у Киста живетъ не простой плотникъ. Случилось какъ-то, что одинъ голландецъ получилъ изъ Москвы письмо, и такъ какъ письмо было очень интересное, то онъ и принесъ его въ цырюльню прочитать другимъ; а въ письмѣ разсказывалось, что въ Голландію отправилось большое посольство и при немъ самъ царь; были описаны и примѣты царя. Тутъ, какъ нарочно, отворяется дверь и входятъ русскіе плотники; у одного изъ нихъ—точь въ точь тѣ примѣты, что въ письмѣ: и головой трясетъ, и руками размахиваетъ, и бородавка на щекѣ. Такъ узнали Петра, и съ тѣхъ поръ не стало ему покоя отъ любопытныхъ, такъ что не было больше возможности работать. Поэтому, на 9-й

день своего пребыванія, Петръ уѣхалъ въ главный городъ Голландіи—Амстердамъ, куда уже приближалось посольство.

Въ Амстердамѣ Петръ продолжалъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ заниматься изученіемъ корабельнаго дѣла. Спеціально для Петра на одной изъ верфей былъ заложенъ военный корабль (въ Саардамѣ строились только небольшія торговыя суда), такъ что онъ имѣлъ возможность прослѣдить всю постройку съ начала до конца. Въ свободное время онъ ѣздилъ по окрестностямъ Амстердама и по сосѣднимъ городамъ, гдѣ осматривалъ все примѣчательное—воспитательные дома, больницы, фабрики, мастерскія. Его любознательность, какая-то ненасытная жадность все видѣть и знать—приводили въ отчаяніе голландцевъ, которые были къ нему приставлены; никакія отговорки не помогали; только и слышалось: «это я долженъ видѣть»—и приходилось вести его показывать ему что-нибудь, несмотря ни на какія затрудненія. Не забывалъ онъ и дѣлъ государственныхъ: вечеромъ, по окончаніи работъ, совѣтовался онъ съ членами посольства, которое вело переговоры съ голландскимъ правительствомъ о торговыхъ и другихъ дѣлахъ, и зазывалъ опытныхъ моряковъ въ русскую службу.

Петръ хотѣлъ изучить кораблестроеніе не только на практикѣ но и въ теоріи, т.-е. по плану и чертежу. Между тѣмъ въ Голландіи суда строились только по практикѣ. Въ виду этого Петръ поѣхалъ въ Англію, гдѣ опять работалъ на корабельной верфи. Въ Англіи онъ такъ же неутомимо осматривалъ всѣ достопримѣчательности—фабрики, заводы и всякія учрежденія; больше же всего онъ радовался тому, что вполнѣ изучилъ «корабельную науку», и говорилъ часто: «не поучись я у англичанъ, остался бы я только плохимъ плотникомъ». Лѣтомъ 1698 г. Петръ вернулся домой.

Путешествіе Петра за границу имѣло весьма важныя послѣдствія. Лично убѣдившись въ томъ, что Зап. Европа по образованію стоитъ гораздо выше Россіи, Петръ рѣшилъ вступить съ ней въ постоянныя сношенія, чтобы перенести въ Россію западноевропейское просвѣщеніе.

3. Великая Сѣверная война. Для постоянныхъ и безпрепятственныхъ сношеній съ заграницей русскимъ нуженъ былъ свободный путь въ западныя государства. Такимъ путемъ было море, и самымъ удобнымъ въ этомъ отношеніи для Россіи являлось Балтійское море, часть котораго (Финскій заливъ) до Смутнаго времени принадлежала Россіи. Петръ рѣшилъ завладѣть берегами Балтійскаго моря—«прорубить окно въ Европу», какъ онъ гово-

рилъ. Берега Балтійскаго моря принадлежали Швеціи, которая въ то время была сильнымъ государствомъ. Въ 1700 г. Петръ началъ съ шведами войну, извѣстную подъ именемъ «Великой Сѣверной войны».

Петръ не рѣшился начать войну со Шведами одинъ и заключилъ союзъ съ королями датскимъ и польскимъ. Они условились напасть на Швецію съ трехъ сторонъ. Королемъ Швеціи былъ въ это время молодой (19 лѣтъ) Карлъ XII. Онъ былъ очень хорошо образованъ, храбръ, смѣлъ и отлично зналъ военное дѣло; войско у него было немногочисленное, но хорошо обученное. Узнавъ о союзѣ трехъ государей противъ Швеціи, Карлъ, не дожидаясь ихъ нападенія, самъ быстро напалъ на датскаго короля, побѣдилъ его и заставилъ отказаться отъ союза съ Петромъ. Потомъ онъ двинулся противъ русскихъ, которые въ это время осаждали шведскій городъ Нарву, и напалъ на нихъ, когда они его совсѣмъ не ожидали. Несмотря на то, что русскихъ было гораздо больше, чѣмъ шведовъ, они были разбиты: большая часть войска состояла изъ неопытныхъ новобранцевъ и въ страхѣ бѣжала при первомъ же нападеніи шведовъ. Остались на мѣстѣ только два полка—Преображенскій и Семеновскій, которые храбро отбивались отъ непріятеля, но, не получая поддержки, поправить дѣло не могли. Всѣ русскія пушки попали въ руки шведовъ. Много русскихъ было убито и взято въ плѣнъ.

Вѣдомости,
ѡ̂ воéнныхъ и̂ и̂ны́хъ дѣ-
ла́хъ достóйныхъ зна́нїа
и̂ па́мѧти, слꙋчи́вшихсѧ
в̾ моско́вско̑м гдⷭ҇ртвѣ, и̂ во
и̂ны́хъ ѻ̂кре́стны̑х страна̑х.
На́чаты въ лѣ́то ѿ хрⷭ҇та̀
ѯаѱг є, ѿ генварѧ̀,
а̂ ѡ̂кончены̀ декабре́мъ
сегѡ́же го́да.

Первая русская газета (1703 г.).

Послѣ сраженія подъ Нарвой Карлъ ушелъ въ Польшу—противъ третьяго союзника, предполагая, что онъ уже покончилъ съ Петромъ; но онъ ошибся. Петръ не упалъ духомъ, но еще съ большимъ стараніемъ принялся за собираніе арміи. Такъ какъ

артиллерія вся была потеряна подъ Нарвой, Петръ приказалъ снять разбитые или лишніе колокола съ церквей въ большихъ городахъ и монастыряхъ и изъ этой мѣди вылилъ новыя пушки. Онъ говорилъ: «господа шведы, быть можетъ, побьютъ насъ и еще не одинъ разъ, но мы у нихъ же научимся побѣждать ихъ». И дѣйствительно, пока Карлъ воевалъ съ польскимъ королемъ, русскіе мало-по-малу научились сражаться и стали одерживать побѣды надъ шведами. Въ октябрѣ 1702 г. Петръ взялъ у шведовъ крѣпость Нотебургъ, которая когда-то была русской и называлась Орѣшекъ; стояла она на томъ мѣстѣ, гдѣ р. Нева вытекаетъ изъ Ладожскаго озера. Взята была эта крѣпость штурмомъ, при чемъ русскіе потерпѣли довольно большой уронъ; но Петръ не обратилъ на это особеннаго вниманія. Онъ писалъ: «зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ». Онъ понималъ, что владѣніе этимъ городомъ открываетъ ему дорогу къ Балтійскому морю, и назвалъ эту крѣпость Шлиссельбургъ, что значитъ «Ключъ-городъ». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (1-го мая 1703 г.) русскіе овладѣли другой крѣпостью—Ніеншанцемъ, у Финскаго залива; по этому случаю былъ отслуженъ молебенъ, во время котораго было принесено благодареніе Всевышнему «наипаче за пріобрѣтеніе желаемой морской пристани».

Вслѣдъ за этимъ явилась новая удача. Въ устьяхъ Невы остановилась шведская эскадра, командиръ которой не зналъ, вѣроятно, о взятіи Ніеншанца русскими. Петръ посадилъ своихъ пѣхотныхъ солдатъ въ лодки, лично повелъ ихъ въ атаку и захватилъ два шведскихъ корабля. Близъ Ніеншанца, при устьѣ Невы, 16 мая 1703 г., была заложена Петропавловская крѣпость, около которой возникла новая столица русскаго государства—Санктъ-Петербургъ, т.-е. городъ св. Петра.

За постройкой наблюдалъ самъ Петръ. Чтобы поскорѣе обстроить новый городъ, туда со всѣхъ концовъ русской земли были собраны плотники, каменщики и всякіе другіе рабочіе. Въ апрѣлѣ 1704 г. была выстроена деревянная церковь; было выстроено нѣсколько домовъ для царя, для Меншикова и для другихъ сподвижниковъ Петра, арсеналъ, склады для провіанта и небольшіе торговые ряды. Царскій дворецъ, выстроенный на берегу Невы, былъ деревянный, маленькій. Онъ цѣлъ до сихъ поръ и извѣстенъ подъ именемъ «Домика Петра Великаго». Въ одной изъ комнатъ домика устроена часовня, гдѣ помѣщенъ образъ Спаса Нерукотвореннаго, бывшій постоянно съ Петромъ въ походахъ.

Первое время жить въ новомъ городѣ было очень тяжело.

Петербургъ находился въ низменной, болотистой мѣстности, весьма нездоровой для жителей; часто происходили наводненія, которыя наносили большіе убытки и казнѣ и частнымъ лицамъ; необходимые припасы, даже предметы первой необходимости—въ родѣ хлѣба—приходилось привозить изъ внутреннихъ областей. И тѣмъ не менѣе Петръ придавалъ большое значеніе основанію новаго города при устьѣ Невы («ногою твердой сталъ при морѣ»,—говорилъ онъ) и не называлъ Петербургъ иначе, какъ «парадизомъ», т.-е. раемъ. Шведы не могли, конечно, сразу примириться съ тѣмъ, что на Финскомъ заливѣ появился русскій городъ (а позднѣе и русскій флотъ), но сдѣлать ничего не могли; они не разъ

Петербургъ при Петрѣ Вел. *Съ гравюры Зубова.*

нападали на новый городъ и съ суши и съ моря, но всякій разъ были отбиваемы съ большими потерями. (Для защиты Петербурга съ моря Петръ на островахъ Финскаго залива устроилъ крѣпость Кронштадтъ.)

Лѣтъ черезъ 15—20 Петербургъ сильно разросся и обстроился, такъ что сталъ лучше многихъ городовъ русскихъ. Петръ объявилъ этотъ городъ своей столицей и переѣхалъ туда на жительство, а чтобы еще болѣе возвысить свой «парадизъ» въ глазахъ народа, онъ торжественно перенесъ изъ Владиміра въ Петербургъ мощи перваго побѣдителя шведовъ—св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. (Онѣ покоятся въ Александро-Невской лаврѣ, на самомъ берегу р. Невы.)

Въ 1709 г., окончательно побѣдивши польскаго короля и даже лишивши его престола, Карлъ рѣшилъ нанести Петру послѣдній ударъ. Для этого онъ отправился въ Малороссію, такъ какъ гетманъ ея—Иванъ Мазепа—измѣнилъ Петру и обѣщалъ шведамъ поднять противъ Россіи все казачество. Но возмутить Малороссію Мазепѣ не удалось, и онъ привелъ къ Карлу только небольшой отрядъ казаковъ—тысячи въ двѣ.

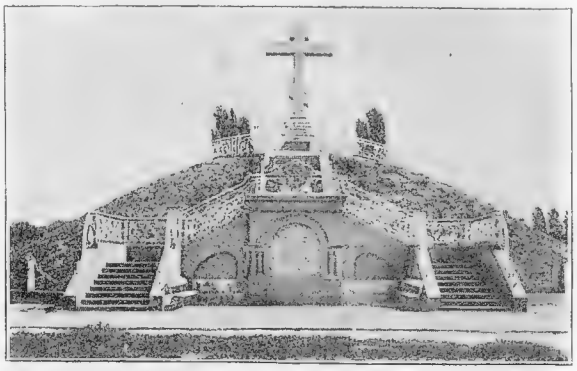
Русское и шведское войска столкнулись подъ г. Полтавой, которымъ шведы хотѣли овладѣть; но Петръ успѣлъ придти во-время на помощь осажденному городу. 27 іюня 1709 г., недалеко отъ города, произошла знаменитая битва, которая должна была рѣшить вопросъ о томъ, кому будутъ принадлежать берега Балтійскаго моря. Передъ началомъ сраженія, когда русскія войска выстроились въ боевой порядокъ, имъ былъ прочитанъ приказъ Петра: «Воины! пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Не думайте, что вы готовитесь сражаться за Петра: вы идете сражаться за государство, Петру Богомъ порученное, за родъ свой, за отечество, за православную вѣру и церковь... Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, защитника вашего; а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь недорога, только бы жила Россія во славѣ и благоденствіи для благосостоянія вашего». Скоро затѣмъ явился передъ полками самъ Петръ, въ простомъ свѣтлозеленомъ мундирѣ, въ низенькой шляпѣ, верхомъ на конѣ. Его повсюду привѣтствовали громкимъ и радостнымъ «ура!» Въ то же время передъ своей арміей появился и Карлъ. Наканунѣ онъ былъ раненъ въ ногу и не могъ ѣздить верхомъ: его несли въ носилкахъ.

Шведы первые бросились на русскихъ—и закипѣлъ общій бой. И Петръ и Карлъ лично руководили своими войсками. Они не щадили себя и подвергались страшной опасности: у Петра была въ нѣсколькихъ мѣстахъ прострѣлена шляпа, пробито сѣдло, а одна пуля попала въ крестъ, висѣвшій на груди. Но не обращая вниманія ни на что, онъ безъ страха являлся всюду, гдѣ была опасность со стороны шведовъ, и его примѣръ ободряющимъ образомъ дѣйствовалъ на русское войско. Шведы нѣсколько разъ бросались на русскихъ, но постоянно были отбиваемы. Нѣсколько часовъ продолжался бой. Одно ядро попало въ носилки Карла и разбило ихъ. Шведы, думая, что король ихъ убитъ, смутились, а русскіе сильнѣе стали напирать. Шведы не выдержали и побѣжали; много ихъ погибло во время преслѣдованія и нѣсколько тысячъ попало въ плѣнъ. (На слѣдующій день, на берегу Днѣпра,

сдались безъ боя остатки шведской арміи; самъ Карлъ съ Мазепой убѣжали въ Турцію.)

На полѣ сраженія былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго Петръ устроилъ пиръ для солдатъ и офицеровъ. На этотъ пиръ были приглашены и плѣнные шведскіе офицеры. Ихъ посадили за царскимъ столомъ. За обѣдомъ, при громѣ пушекъ, Петръ поднялъ кубокъ и предложилъ выпить за здоровье своихъ учителей въ военномъ дѣлѣ. «Кто же эти учителя?» спросилъ плѣнный шведскій фельдмаршалъ. «Вы, господа шведы», отвѣчалъ Петръ. «Хорошо же отплатили ученики своимъ учителямъ», замѣтилъ фельдмаршалъ.

Во всѣ концы Россіи были разосланы извѣщенія о пораженіи шведовъ. И вездѣ праздновали эту побѣду: служили благодар-



Шведская могила близъ г. Полтавы.

ственные молебны *), звонили въ колокола, стрѣляли изъ пушекъ и зажигали иллюминацію. Да и было чему радоваться: русскіе одолѣли врага, считавшагося непобѣдимымъ; первымъ государствомъ на сѣверѣ Европы стала теперь вмѣсто Швеціи—Россія, и съ этого времени въ Зап. Европѣ къ нашей родинѣ стали относиться съ уваженіемъ.

Послѣ Полтавской битвы война со шведами продолжалась еще 12 лѣтъ. Только въ 1721 году былъ заключенъ миръ (въ г. Ништадтѣ), по которому Россія получила нынѣшнія губерніи Лифляндскую, Эстляндскую, Петербургскую и часть Финляндіи съ г. Выборгомъ. Всѣ были очень рады, что столь продолжитель-

*) Благодарственное молебствіе по поводу побѣды подъ Полтавой совершается ежегодно 27 іюня.

пая война, наконецъ, прекратилась. Нѣсколько недѣль подъ рядъ праздновалось заключеніе этого мира. Во время этихъ празднествъ важнѣйшіе сановники государства просили Петра, отъ имени всего народа, принять за труды и благодѣянія, оказанные имъ русской землѣ, титулъ Императора, Отца отечества и

Петръ Великій. *Съ гравюры Губракена.*

Великаго. Съ этихъ поръ русскіе цари стали именоваться императорами, а Россія—имперіей.

4. Новые порядки и обычаи. Въ теченіе своего долгаго царствованія Петръ постоянно заботился о сближеніи Россіи съ Зап. Европой, старался пробудить въ своихъ подданныхъ любовь къ труду, побуждалъ ихъ учиться. Онъ заботился о просвѣщеніи народа, искоренялъ господствовавшіе въ народѣ суевѣрія и предразсудки и научалъ народъ новымъ и полезнымъ для него ремесламъ и промысламъ. Кромѣ того, Петръ трудился надъ искорененіемъ злоупотребленій въ различныхъ частяхъ управленія.

Съ этой цѣлью онъ предпринялъ рядъ преобразованій, къ которымъ приступилъ немедленно по возвращеніи изъ-за границы.

Прежде всего послѣдовало запрещеніе носить бороду и длинную одежду. Старинная русская одежда была крайне неудобна, вслѣдствіе того, что она была очень длинна и широка и имѣла такіе же длинные и широкіе рукава. Эта одежда была оставлена только духовенству. Также только духовенству была оставлена борода; купцы могли откупать свою бороду, внося извѣстную пошлину и получая за это особый знакъ, который они обязаны

Бородовые знаки.

были постоянно имѣть при себѣ; крестьянамъ борода была тоже оставлена, но если они пріѣзжали въ городъ, то должны были платить небольшую пошлину. Затѣмъ Петръ запретилъ родителямъ устраивать браки безъ согласія на то дѣтей, постановилъ, чтобы знакомились, по крайней мѣрѣ, за 6 недѣль до свадьбы, для того, чтобы бракъ могъ разстроиться, если женихъ съ невѣстой не понравятся другъ другу. Потомъ онъ запретилъ держать женщинъ взаперти. Всѣ сколько-нибудь знатные люди должны были выѣзжать въ гости непремѣнно съ женами и дочерьми на такъ наз. ассамблеи, т.-е. на вечернія собранія, гдѣ мужчины проводили время въ игрѣ въ шахматы, въ серьезныхъ разгово-

рахъ, курили, пили, а молодежь въ это время танцовала подъ музыку. Такимъ образомъ, благодаря Петру, русская женщина вступила въ общество. Это много способствовало смягченію нравовъ.

Петръ заботился также объ образованіи дворянства и духовенства. Въ Москвѣ и другихъ городахъ онъ завелъ разныя училища.

Преслѣдованіе старинной русской одежды въ Петровское время.

Чтобы заставить дворянъ и духовныхъ учиться, онъ постановилъ, что неграмотные дворяне не имѣютъ права жениться, а неграмотные изъ духовнаго званія должны идти въ солдаты. Петръ посылалъ часто молодыхъ людей за границу для обученія наукамъ и искусствамъ, и по возвращеніи самъ нерѣдко экзаменовалъ ихъ. Для облегченія ученія введена была болѣе простая гражданская азбука вмѣсто прежней церковно-славянской. Петръ задумалъ устроить въ Петербургѣ такое учрежденіе, которое приготовляло бы учителей изъ русскихъ; но это учрежденіе, названное Академіей Наукъ, было открыто уже послѣ смерти Петра.

Петръ преобразовалъ также и государственное устройство Россіи. До Петра высшимъ правительственнымъ мѣстомъ была Боярская Дума. Она не имѣла опредѣленнаго состава, такъ какъ на совѣтъ къ царю должны были собираться во дворецъ всѣ бояре, проживавшіе въ Москвѣ и имѣвшіе званіе «думныхъ

людей», т.-е. думные бояре, окольничьи и думные дворяне. Рѣшенія Думы пріобрѣтали силу только тогда, если они были утверждены государемъ. Въ приговорахъ Думы поэтому писалось: «Царь указалъ и бояре приговорили». Въ Думѣ обсуждались общія государственныя дѣла, рѣшались вопросы о войнѣ и мирѣ, утверждались рѣшенія, постановленныя по дѣламъ въ т. н. приказахъ, которые были подчинены Думѣ и которые завѣдывали различными отраслями государственнаго хозяйства страны. Посольскій приказъ вѣдалъ, напр., сношенія съ другими государствами, разрядный приказъ—всѣ назначенія на службу, помѣстный завѣдывалъ раздачей земель дворянамъ за службу и для службы, и т. д. Но распредѣленіе дѣлъ между приказами было весьма неправильное, и, напр., приказъ тайныхъ дѣлъ, т.-е. дѣлъ, касавшихся лично государя, завѣдывалъ гранатнымъ дѣломъ, канатными заводами и царской соколиной охотой. Всѣхъ приказовъ было 42.

Ассамблея при Петрѣ Великомъ. *Съ карт. Хлѣбовскаго.*

Теперь вмѣсто Боярской Думы былъ учрежденъ Правительствующій Сенатъ, а вмѣсто приказовъ—коллегіи. Сенатъ отличался отъ Думы тѣмъ, что всѣ его члены назначались государемъ; число ихъ было опредѣленное. Сенатъ могъ замѣнять государя во время его отсутствія изъ столицы (чего Дума не имѣла права дѣлать), т.-е. всѣ распоряженія Сената должны были исполняться такъ же, какъ указы самого государя.

Главное отличіе коллегій отъ приказовъ заключалось въ томъ, что правительственныя дѣла въ коллегіяхъ были распредѣлены правильнѣе, чѣмъ между приказами: каждая коллегія завѣдывала какимъ-нибудь однимъ дѣломъ на всемъ пространствѣ русскаго государства: напр., мануфактуръ-коллегія вѣдала фабрики, бергъ-коллегія — заводы и горное дѣло, коммерцъ-коллегія—торговыя дѣла, военная и адмиралтействъ-коллегіи — сухопутное войско и флотъ, юстицъ-коллегія — судебныя дѣла и т. п. Было отмѣнено патріаршество и замѣнено Святѣйшимъ Синодомъ, который состоялъ изъ высшихъ духовныхъ лицъ. Затѣмъ вся Россія была раздѣлена на 12 губерній. Управленіе губерніями было возложено на губернаторовъ.

КАЛЕНДАРЬ
ИЛИ
МѢСЯЦОСЛОВЪ
На лѣто отъ рождества
Господа нашего Іисуса
Христа, 1722.
УКАЗУЮЩІИ ЗАТМѢНІЯ СОЛНЕЧНАЯ, МѢСЯЧНАЯ РОЖДЕНІЯ, И ПОЛНЫИ МѢСЯЦЪ СЪ ЧЕТВЕРТМИ.
Такожде время солнечнаго восхожденія и захожденія. долгоденствіе и долгонощіе на всякій день.
УЧИНЕННЫИ ПО МЕРІДІАНУ, И ШІРІНѢ ЦАРСТВУЮЩАГО САНКТЪПІТЕРБУРХА.
Ь САНКТЪПІТЕРБУРГСКОИ Тіпографіи, лѣта Господня, 1721. Декемврія въ день.

Первый календарь, напечатанный гражданской азбукой.

Служащія лица стали получать чины, названія которыхъ были заимствованы у иностранцевъ; на государственную службу могли поступать лица всѣхъ сословій, кромѣ крѣпостныхъ; каждый могъ постепенно дослужиться до самыхъ высокихъ чиновъ, если былъ честенъ, трудолюбивъ и способенъ. За службу, кромѣ чиновъ, давались ордена, т.-е. знаки отличія, а также были введены титулы—князя, графа и др.

Войско при Петрѣ стало постояннымъ. Содержалось оно на казенный счетъ, а набиралось посредствомъ рекрутскихъ наборовъ. Офицерами были дворяне, которые обязаны были начинать свою службу рядовыми въ полку. Было обращено большое вниманіе также на флотъ.

При помощи вызванныхъ изъ-за границы иностранцевъ было положено начало улучшенію домашняго скота (была разведена холмогорская порода коровъ), заведены фабрики, заводы, устроены аптеки, открыты минеральныя воды и пр. Особенно Петръ заботился объ основаніи фабрикъ и заводовъ, чтобы освободить русскихъ отъ покупки разныхъ товаровъ за границей: поэтому были основаны заводы желѣзные, пороховые, пушечные, патронные; были устроены фабрики полотняныя, суконныя, шелковыя и др. Когда въ Москвѣ въ первый разъ приготовили сукно на фабрикѣ, Петръ очень радовался и сшилъ себѣ изъ этого сукна кафтанъ къ празднику. Всякому, кто хотѣлъ устроить фабрику, онъ охотно помогалъ: выдавалъ изъ казны деньги на обзаведеніе, приглашалъ мастеровъ изъ-за границы. Петръ часто заходилъ въ ма-

Монеты Петра Великаго.

стерскія, на фабрики и заводы, разговаривалъ съ мастерами запросто, нерѣдко самъ бралъ инструментъ и работалъ наравнѣ съ другими. Онъ никогда не зналъ покоя, ни одна минута у него не пропадала даромъ. Онъ вставалъ ежедневно, лѣтомъ и зимой, въ 3 часа утра, тотчасъ же принимался за работу и трудился весь день. Если у него совсѣмъ не было дѣла, то онъ что-нибудь точилъ или вырѣзывалъ изъ дерева или изъ кости. Трудясь постоянно самъ, Петръ требовалъ того же и отъ другихъ и строго наказывалъ за лѣность и неисполненіе служебныхъ обязанностей. «Трудиться надобно»,—говорилъ онъ разъ молодымъ дворянамъ, возвратившимся изъ заграничнаго ученья;—«я—царь вашъ, но у меня на рукахъ мозоли, а все для того, чтобы показать вамъ примѣръ». Но зато Петръ щедро награждалъ за заслуги, несмотря ни на знатность, ни на богатство. Весьма часто онъ приближалъ

къ себѣ людей изъ очень незнатнаго рода, какъ, напр., Меншикова и др. Ложь и лесть Петръ ненавидѣлъ, а любилъ, когда ему смѣло говорили правду; нерѣдко ему противорѣчили, и онъ отступался отъ своихъ приказаній, если ему доказывали, что они несправедливы.

Петръ не щадилъ своего здоровья, трудясь на пользу Россіи, и эти труды такъ надорвали его крѣпкія силы, что въ 1724 году, когда ему было всего 52 года, онъ сталъ уже сильно и часто прихварывать; но несмотря на это, онъ продолжалъ работать попрежнему. Осенью того же года произошло событіе, которое окончательно подорвало здоровье Петра. Разъ онъ ѣхалъ по Финскому заливу (недалеко отъ Петербурга) и замѣтилъ погибавшій ботъ, наполненный солдатами. Петръ немедленно бросился спасать ихъ, при чемъ самъ стоялъ чуть не по поясъ въ водѣ,—и, конечно, жестоко простудился. Еще не выздоровѣвъ, какъ слѣдуетъ, онъ вышелъ въ Крещенье на водосвятіе, опять простудился, слегъ и больше уже не вставалъ съ постели. 28 января 1725 года онъ умеръ и былъ погребенъ въ Петропавловскомъ соборѣ, который

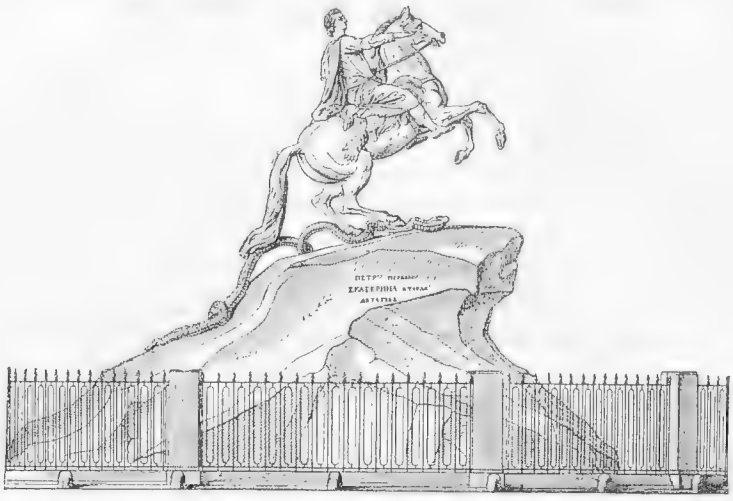
Петръ Великій на Лахтѣ. *Съ карт. Загорскаго.*

съ тѣхъ поръ и сдѣлался усыпальницей русскихъ государей.

Почти 35 лѣтъ неустанной дѣятельности Петра Великаго не прошли для Россіи даромъ. Изъ дикой «Московіи», о которой разсказывали разныя сказки случайно попадавшіе въ нее иностранцы, она превратилась въ могущественную европейскую дер-

жаву. Въ ней было правильное государственное устройство, войско, флотъ, школы, фабрики, заводы—и все это благодаря Петру. За такія великія заслуги передъ Россіей исторія дала Петру I прозвище «Великаго».

Значеніе дѣятельности Петра I понимали и его современники, и позднѣйшія поколѣнія. «Сей монархъ,—говоритъ одинъ изъ



Памятникъ Петру Великому въ Петербургѣ.

младшихъ сподвижниковъ Петра (Ив. Ив. Неплюевъ),—отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими государствами, сдѣлалъ насъ людьми, научилъ жить по-человѣчески,—однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни—все Петра началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось—отъ сего источника черпать будутъ».—У одного русскаго историка (Погодина) читаемъ: «Нынѣшняя Россія, т.-е. Россія европейская, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литературная,—есть произведеніе Петра Великаго. Какое бы явленіе въ нашей жизни ни стали мы разсматривать, о какомъ бы учрежденіи ни стали разсуждать—всѣ наши изслѣдованія доведутъ насъ до Петра Великаго... Онъ видѣлъ все, обо всемъ думалъ и приложилъ руку ко всему. Что теперь ни думается, ни говорится, ни дѣлается—все труднѣе или легче, ближе или дальше, можетъ быть доведено до Петра Великаго».

Въ царствованіе Екатерины II Петру Великому былъ поставленъ памятникъ въ Петербургѣ, на берегу Невы. Памятникъ изобра-

жаетъ всадника, который примчался на вершину крутой скалы и остановился на всемъ скаку. Онъ смѣло смотритъ впередъ. Конь, сразу осаженный, взвился на дыбы. Подъ задними ногами коня извивается раздавленная змѣя: она изображаетъ то зло, то невѣжество, съ которыми всю свою жизнь боролся Петръ Великій.

XXVI. Преемники Петра Великаго.

Дѣло преобразованія Россіи, начатое Петромъ Великимъ, при его преемникахъ не остановилось, хотя, впрочемъ, продолжалось не съ такой энергіей и не въ томъ направленіи, какъ намѣтилъ Петръ I. Причиной этого было отчасти то, что царствованія ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго были часто кратковременны (Екатерина I царствовала 2 года, Петръ II 3 года, Іоаннъ VI—1 годъ) и, главнымъ образомъ, то, что государи, слѣдовавшіе за Петромъ I, имѣли въ виду другія цѣли и не обладали тѣми способностями, которыя обнаружилъ Великій Преобразователь Россіи.

При преемникахъ Петра Великаго Россія сдѣлала небольшія земельныя пріобрѣтенія—на югѣ (отъ Турціи) и на сѣверѣ (отъ Швеціи, въ Финляндіи); но главнаго вниманія заслуживаютъ событія внутренней жизни Россіи.

Всѣ ближайшіе преемники Петра Великаго вступали на престолъ особеннымъ образомъ—при помощи гвардейскихъ войскъ (иногда свергая предшественниковъ). Это обстоятельство имѣло весьма важныя послѣдствія. Гвардейскія войска состояли исключительно изъ дворянъ, которые были въ гвардейскихъ полкахъ даже рядовыми. Получая при вступленіи на престолъ помощь со стороны гвардіи, т.-е. русскаго дворянства, всѣ русскіе государи послѣ Петра I начинаютъ издавать указы, клонившіеся къ выгодѣ этого класса: всѣ льготы и привилегіи достаются при преемникахъ Петра I только одному дворянству.

Петръ В. возложилъ на русскихъ дворянъ двѣ обязанности—служить и учиться. Каждый дворянинъ непремѣнно долженъ былъ служить—преимущественно въ военной службѣ; начиналъ онъ службу рядовымъ въ гвардейскомъ полку и потомъ назначался офицеромъ въ гвардію или въ армію. Чтобы заставить дворянъ учиться, Петръ I приказалъ всѣмъ дворянамъ по достиженіи 16 лѣтъ являться на экзаменъ, чтобы они могли показать свою подготовку, и нерѣдко самъ Петръ присутствовалъ на такихъ экзаменахъ. Неспособныхъ или лѣнивыхъ отдавали въ матросы «безъ

выслуги», т.-е. безъ обозначенія срока службы. А выдержавъ экзаменъ и сдѣлавшись офицеромъ, дворянинъ долженъ былъ все время, всю свою жизнь служить, пока болѣзнь или тяжелыя раны не позволяли ему уйти съ военной службы.

Дворянство русское тяготилось такими новыми для него обязанностями, и преемники Петра I, въ благодарность за помощь, полученную отъ этого сословія при вступленіи на престолъ, постепенно сняли съ него обязанность служить. Такъ, имп. Анна Іоанновна (1730—1740) ограничила срокъ службы дворянской 25-ю годами, послѣ чего дворянинъ могъ уѣхать къ себѣ въ деревню и заниматься хозяйствомъ. При той же государынѣ для приготовленія офицеровъ изъ дворянъ былъ учрежденъ въ Петербургѣ кадетскій корпусъ, такъ какъ дворяне жаловались, что имъ тяжело начинать службу рядовыми въ гвардіи (а впослѣдствіи и въ арміи), наравнѣ съ солдатами, набранными изъ крестьянъ. При имп. Елизаветѣ Петровнѣ (1740—1760) для оказанія помощи дворянамъ былъ учрежденъ заемный банкъ, изъ котораго дворяне могли брать взаймы деньги для поправленія своихъ дѣлъ. При Петрѣ III (1761—1762) дворяне были совершенно освобождены отъ обязательной службы, т.-е. могли служить или не служить—по собственному желанію.

Въ то же самое время весьма сильно измѣняется положеніе крестьянъ, жившихъ на землѣ помѣщиковъ-дворянъ.

Мы уже знаемъ, что въ XVI вѣкѣ установилось на Руси т. наз. крѣпостное право. Первоначально крестьяне потеряли только право уходить отъ одного помѣщика къ другому, «были крѣпки землѣ», но съ XVII вѣка они стали постепенно прикрѣпляться къ личности помѣщика. Уже въ концѣ XVII вѣка замѣчается много злоупотребленій властью со стороны помѣщиковъ; особенно возрастаетъ торговля людьми. Она дѣлается до того обычной, что даже Петръ I не могъ ее уничтожить. Предписывая въ одномъ указѣ (1721 г.) «продажу людямъ пресѣчь», онъ только оговаривается, что «ежели невозможно будетъ того вовсе пресѣчь, то хотя бы по нуждѣ продавали цѣлыми фамиліями (т.-е. семьями), а не врозь, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не дѣлается».

Въ то же время количество крѣпостныхъ крестьянъ значительно увеличивается. Съ одной стороны, чтобы никто не уклонялся отъ платежей государственныхъ податей и повинностей, правительство приписало въ число крѣпостныхъ крестьянъ всѣхъ тѣхъ прежде свободныхъ людей, которые не принадлежали къ какому-нибудь опредѣленному сословію, напр., отпу-

щенные на волю крестьяне, дѣти духовныхъ лицъ и т. п.; съ другой стороны, преемники Петра I щедро раздавали своимъ приближеннымъ и всѣмъ отличившимся на войнѣ или какъ-нибудь иначе, населенныя земли, т.-е. земли съ жившими на этихъ земляхъ крестьянами, и такимъ образомъ крестьяне эти поступали, вмѣстѣ съ землей, въ полную собственность дворянъ-помѣщиковъ.

Власть помѣщиковъ надъ крестьянами увеличилась еще больше оттого, что на помѣщиковъ была возложена обязанность кормить крестьянъ въ голодные годы, снабжать ихъ хорошими сѣменами для посѣва и отвѣчать за исправную уплату крестьянами податей. Все это вмѣстѣ давало помѣщикамъ-дворянамъ большую власть надъ крестьянами: только одни дворяне могли владѣть крестьянами; имъ было разрѣшено продавать крестьянъ, кому угодно, для отдачи въ солдаты, даже ссылать въ Сибирь на поселеніе. Такимъ образомъ, крестьяне стали полной собственностью своихъ помѣщиковъ, которые могли дѣлать съ ними, что хотѣли: они продавали ихъ, какъ вещи, проигрывали въ карты, обмѣнивали ихъ, напр., на породистыхъ собакъ, могли подвергать ихъ по своему усмотрѣнію тѣлесному наказанію и т. д. Весьма немногіе помѣщики относились къ крестьянамъ по-человѣчески: большинство смотрѣло на своихъ крѣпостныхъ, какъ на вещи. И положеніе крестьянъ было тѣмъ тяжелѣе, что закономъ имъ было запрещено жаловаться на своихъ господъ.

Распространеніе западно-европейскаго образованія, начало которому положилъ Петръ I, шло при его преемникахъ не такъ быстро, какъ при немъ самомъ, но разъ начатое дѣло не остановилось. Такъ, при супругѣ Петра I, Екатеринѣ I, основана была задуманная еще Петромъ Академія Наукъ въ Петербургѣ. Сначала своихъ ученыхъ въ Россіи не было и ихъ выписывали изъза границы, главнымъ образомъ изъ Германіи. Нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ нѣмцевъ извѣстны своими трудами, между прочимъ, и по русской исторіи (Байеръ, Миллеръ). Во второй половинѣ XVIII столѣтія, съ царствованія имп. Елизаветы Петровны, въ Россіи усиливается французское вліяніе, и французскій языкъ дѣлается господствующимъ въ высшемъ русскомъ обществѣ. Этому много способствовало то обстоятельство, что русское дворянство, обучавшееся преимущественно у французскихъ гувернеровъ, для дополненія образованія считало необходимымъ путешествіе въ Парижъ; такимъ образомъ, связи съ Франціей были очень сильны. Но вліяніе заграницы сказывалось главнымъ обра-

зомъ во внѣшности: русскіе дворяне перенимали у французовъ языкъ, моды, обстановку и отчасти усваивали французскіе обычаи и понятія. Это имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что такимъ образомъ дворянство еще больше отдалилось отъ простого народа, который продолжалъ жить по старинѣ, такъ какъ народныхъ школъ еще не было и образованіе не коснулось народа. Да образованіе и высшаго общества было преимущественно поверхностное: съ внѣшнимъ блескомъ и роскошью, которыми отличалась жизнь высшаго русскаго общества, не соединялось однако настоящаго образованія, и нравы были еще очень грубы. Эта грубость нравовъ сказывалась въ страсти къ шутамъ, которые наполняли дворецъ имп. Анны Іоанновны и дома вельможъ, и въ такихъ удовольствіяхъ, какъ кулачные бои или постройка «Ледяного дома» (при той же государынѣ).

Только со второй половины XVIII вѣка замѣчается въ русскомъ обществѣ развитіе изящнаго вкуса. Петербургъ украшается при Елизаветѣ Петровнѣ многими красивыми зданіями; въ домахъ русскихъ богачей-дворянъ мы находимъ картины извѣстныхъ европейскихъ художниковъ; появляются и русскіе художники и архитектора. Къ царствованію же имп. Елизаветы Петровны относится учрежденіе перваго публичнаго театра въ Россіи (сначала въ Ярославлѣ, потомъ въ Петербургѣ), на сценѣ котораго русскіе артисты разыгрывали пьесы, написанныя русскими поэтами. При ней же, въ 1755 году, былъ основанъ первый въ Россіи университетъ—въ Москвѣ.

XXVII. М. В. Ломоносовъ.

Московскій университетъ, основанный при Елизаветѣ Петровнѣ, былъ учрежденъ, какъ сказано въ указѣ, для того, чтобы „замѣнить иностранныхъ учителей, большая часть которыхъ не только наукамъ обучать не могутъ, но и сами къ тому никакихъ началъ не имѣютъ—достойными и свѣдущими въ наукахъ національными (т.-е. русскими) людьми“. Дѣло въ томъ, что общество воспитывало обыкновенно своихъ дѣтей дома; воспитателями сначала были нѣмцы, а въ царствованіе Елизаветы Петровны стали выписывать французовъ. Но эти гувернеры часто были очень неудовлетворительны, такъ какъ у себя, во Франціи, никогда воспитаніемъ дѣтей и преподаваніемъ наукъ не занимались, а были торговцами, сапожниками, парикмахерами, лакеями и т. п. Чтобы избавить русское общество отъ подобныхъ учителей, имп. Елизавета Петровна и учредила въ Москвѣ университетъ и при немъ двѣ гимназіи: одну для дворянъ, а другую—для лицъ другихъ сословій, чтобы тамъ „люди всякаго званія (кромѣ, впрочемъ, крѣпостныхъ крестьянъ) могли свободно заниматься науками“.

Мысль объ основаніи такого высшаго учебнаго заведенія принадлежала одному изъ первыхъ русскихъ ученыхъ—Михаилу Васильевичу Ломоносову.

Ломоносовъ былъ сынъ рыбака Архангельской губерніи (Холмогорскаго уѣзда, дер. Денисовки). Онъ росъ крѣпкимъ, здоровымъ ребенкомъ и въ 11 лѣтъ выглядѣлъ уже высокимъ, сильнымъ юношей. Всѣ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться и разговаривать, не могли надивиться его свѣтлому уму и смышленности не по лѣтамъ. Любознательный и вдумчивый отъ природы, онъ ко всему присматривался, все занимало его. А поѣздки съ отцомъ по Сѣверной Двинѣ, по Бѣлому морю, какъ нарочно доставляли очень много работы головѣ мальчика. Часто, когда онъ сидѣлъ на берегу моря, любуясь на все окружающее, въ его дѣтской головѣ поднимался вопросъ за вопросомъ: отчего это тамъ, далеко на небѣ разгорается иной разъ яркій огонь, словно пожаръ, и расходится потомъ блестящими снопами во всѣ стороны. Называютъ это люди «сѣвернымъ сіяніемъ», а отчего оно происходитъ—никто растолковать не можетъ; отчего у нихъ на селѣ зимой ночи такія длинныя бываютъ, что дня почти совсѣмъ и не видать, а въ другихъ мѣстахъ, разсказываютъ бывалые люди, ночи очень короткія; куда по осени всякая птица улетаетъ; откуда и отчего вѣтеръ дуетъ, и пр. и пр. Приставалъ онъ съ этими вопросами ко всѣмъ, но отвѣтъ слышался обыкновенно такой: «про то ученые люди знаютъ, а намъ, темнымъ людямъ, гдѣ же разумѣть всѣ эти премудрости». Такой отвѣтъ, естественно, не успокаивалъ любознательнаго мальчика, а, наоборотъ, наталкивалъ его на мысль о необходимости учиться: «ученые все знаютъ; имъ всѣ тайны премудрости Божіей открыты».

Легко и скоро научился онъ грамотѣ у сосѣдняго дьячка и съ жадностью набросился на книги, думая найти въ нихъ отвѣты на всѣ вопросы, которые его занимали. Но никакихъ книгъ, кромѣ церковныхъ—Псалтири да Часослова—достать онъ не могъ. Случайно узналъ онъ, что у одного сосѣда есть двѣ подаренныя ему кѣмъ-то старинныя книги, напечатанныя не по-славянски. Ломоносовъ до тѣхъ поръ приставалъ къ этому сосѣду, пока тотъ ни отдалъ ему этихъ книгъ. Книги эти были—Грамматика и Ариѳметика, напечатанныя по повелѣнію Петра. Написаны онѣ были особеннымъ языкомъ, совсѣмъ не похожимъ на живую рѣчь, такъ что Ломоносовъ сначала даже не понималъ многаго; но онъ не бросилъ ихъ: по многу разъ перечитывалъ онъ одно и то же, такъ что въ концѣ-концовъ до одного своей смѣткой да

умомъ дошелъ, а другое, чего не понималъ, просто наизусть заучилъ.

Но такое увлеченіе книгами не нравилось мачехѣ Ломоносова (мать его къ этому времени умерла и отецъ женился во второй разъ). Она всячески старалась отбить у пасынка охоту къ книгамъ; разъ даже бросила его книги въ печь, и бѣдному мальчику едва-едва удалось вытащить ихъ изъ огня. Послѣ этого онъ спряталъ книги въ дуплѣ дерева въ сосѣднемъ лѣсу и, уходя

М. В. Ломоносовъ.

туда, отводилъ душу за чтеніемъ. Въ это время ему все чаще и чаще приходило въ голову, что хорошо бы уйти въ Москву, гдѣ и училища, говорятъ, всякія есть, и людей ученыхъ много, а книгъ тамъ видимо-невидимо,—такихъ книгъ, изъ которыхъ узнаешь все, что хочешь. И съ каждымъ днемъ живѣе и заманчивѣе представлялось ему, какъ бы жадно и съ какою радостью сталъ онъ учиться.

Между тѣмъ Ломоносову пошелъ уже 16-ый годъ. Подъ вліяніемъ жены, отецъ задумалъ его женить. Тогда Ломоносовъ сталъ просить, какъ милости, позволенія уйти въ Москву учиться. Услышавъ такія «блажныя» рѣчи, отецъ сильно разсердился, разбранилъ сына и прогналъ его отъ себя съ строгимъ прика-

зомъ—готовиться къ свадьбѣ, а дурь изъ головы выкинуть. Тогда Ломоносовъ рѣшилъ бѣжать изъ родительскаго дома.

Была темная морозная ночь (въ декабрѣ 1730 г.), когда Ломоносовъ, съ своими книгами подъ мышкой и съ краюхой хлѣба за пазухой, вышелъ изъ отцовскаго дома и пустился по большой дорогѣ вдогонку за рыбнымъ обозомъ, отправившимся, какъ онъ зналъ, въ Москву. Скоро онъ догналъ обозъ и уговорилъ возчиковъ взять его съ собой. Съ этимъ обозомъ черезъ 3 недѣли прибылъ онъ въ Москву. Тамъ, при помощи одного изъ обозныхъ крестьянъ, онъ нашелъ себѣ сначала пріютъ у земляка, а потомъ, опять-таки при помощи добрыхъ людей, попалъ въ Заиконоспасское училище, въ низшій классъ.

Начальникъ училища долго не соглашался принять Ломоносова, такъ какъ онъ былъ простой крестьянинъ, а въ школу принимались только дѣти дворцовыхъ слугъ и духовныхъ лицъ. Но юноша выглядѣлъ такимъ разумнымъ и честнымъ, такъ горячо высказывалъ свою страстную охоту къ ученью, что начальникъ сжалился надъ нимъ и принялъ его противъ правилъ, на свой страхъ; а такъ какъ Ломоносову буквально нечего было ѣсть, то приказалъ выдавать ему отъ училища 3 денежки въ день (10—12 коп. на наши деньги).

Тяжело на первыхъ порахъ пришлось 16-лѣтнему Ломоносову въ этомъ училищѣ: малолѣтніе товарищи смѣялись надъ нимъ и всячески издѣвались. Ломоносовъ сначала сердился на нихъ, но потомъ пересталъ обращать на нихъ вниманіе, и насмѣшки мало-по-малу прекратились. Труднѣе ему было справиться съ нуждой, которая его сильно одолѣвала, тѣмъ больше, что даже изъ тѣхъ денегъ, которыя ему отпускались на ѣду, онъ чуть не половину тратилъ на покупку книгъ. Но и это онъ вынесъ. Съ жаромъ принялся онъ за ученье, и черезъ полгода былъ переведенъ во второй классъ. Своими успѣхами въ наукахъ и примѣрнымъ поведеніемъ онъ обратилъ на себя вниманіе своихъ наставниковъ и начальниковъ. На одномъ изъ экзаменовъ, извѣстный въ то время архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, сподвижникъ Петра Великаго, хвалилъ его за охоту къ ученію, долго съ нимъ разговаривалъ и далъ ему благословеніе на будущіе труды: «ты оставилъ отцовскій домъ для науки,—сказалъ онъ,—и наука приняла тебя, какъ избраннаго сына. Богъ да благословитъ тебя на подвигъ труда благого».

Но науки, которыя преподавались въ Заиконоспасскомъ училищѣ, не удовлетворяли Ломоносова. Пробывъ 5 лѣтъ въ Мо-

сквѣ, онъ рѣшился отправиться къ Кіевскую духовную академію. Его отпустили и дали на дорогу денегъ. Но въ Кіевѣ онъ остался недолго, такъ какъ оказалось, что отъ тамошнихъ ученыхъ онъ узналъ немного новаго. Онъ поэтому опять вернулся въ Москву.

Однажды изъ Петербургской Академіи Наукъ пришло въ Заиконоспасское училище требованіе—выслать нѣсколькихъ лучшихъ учениковъ для обученія математикѣ и физикѣ въ гимназіи, устроенной при Академіи. Ломоносовъ, какъ лучшій ученикъ, былъ отправленъ туда и тамъ тоже обратилъ на себя такое вниманіе своими способностями и прилежаніемъ, что черезъ 8 мѣсяцевъ его, вмѣстѣ съ двумя другими юношами, отправили учиться за границу, въ Германію; тамъ Ломоносовъ изучалъ, главнымъ образомъ, математическія науки, а также сильно интересовался горнымъ дѣломъ и осматривалъ разные заводы.

Когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, Ломоносовъ возвратился на родину, его опредѣлили на службу въ Академію Наукъ. Какъ и въ юности, Ломоносовъ усердно принялся за дѣло и скоро пріобрѣлъ большую славу. Онъ читалъ лекціи, производилъ разные опыты по физикѣ и химіи, писалъ стихи, ученыя сочиненія, составлялъ книги (между прочимъ составилъ первую русскую грамматику, краткую исторію Россіи до Петра Великаго, исторію Петра I и мн. др.).

Горячо любя Россію, Ломоносовъ думалъ много о широкомъ распространеніи въ ней образованія и хлопоталъ поэтому объ открытіи низшихъ и среднихъ, для всѣхъ доступныхъ, училищъ. (Въ этомъ отношеніи его замыслы были очень обширны, но, не встрѣчая въ окружающихъ сочувствія, онъ не могъ сдѣлать всего, что хотѣлъ.) Чтобы для этихъ школъ были русскіе учителя, нужно было высшее учебное заведеніе—и вотъ, по мысли Ломоносова, въ 1755 г., какъ уже сказано выше, былъ учрежденъ первый русскій университетъ—въ Москвѣ. Какъ самъ Ломоносовъ понималъ свои обязанности по отношенію къ родинѣ, видно изъ его собственныхъ словъ. Незадолго до смерти онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «я вижу, что долженъ умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть. Жалѣю только о томъ, что я не могъ совершить всего, что я предпринялъ для пользы отечества, для приращенія наукъ; я посвятилъ себя къ тому, чтобы до гроба моего бороться за россійскія науки, какъ борюсь за нихъ уже 20 лѣтъ; я стоялъ за нихъ смолоду—на старости не покину. Я не тужу о смерти—пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ».

И дѣйствительно, когда Ломоносовъ умеръ (въ 1765 г.), то ему были устроены торжественныя похороны на казенный счетъ, при чемъ гробъ сопровождали сенаторы и другія знатныя лица. Похороненъ онъ былъ въ Александро-Невской лаврѣ въ С.-Петербургѣ. Императоръ Павелъ освободилъ родственниковъ Ломоносова (крестьянскаго сословія) отъ податей и рекрутской повинности, а въ царствованіе императора Николая I ему поставленъ памятникъ въ Архангельскѣ.

XXVIII. Императрица Екатерина II (1762—1796).

Однимъ изъ наиболѣе блестящихъ царствованій XVIII вѣка, послѣ Петра Великаго, было царствованіе имп. Екатерины II.

Екатерина II по происхожденію была нѣмецкая принцесса. Ей было всего 15 лѣтъ, когда она прибыла въ Петербургъ изъ Германіи въ качествѣ невѣсты Петра III, наслѣдника имп. Елизаветы Петровны. Отъ природы она была одарена большими способностями и очень скоро научилась говорить и писать по-русски. Кромѣ того, по пріѣздѣ въ Россію, она стала усердно изучать исторію, языкъ и обычаи страны, приняла православіе и ревностно исполняла всѣ обряды православной церкви. Скоро она была обвѣнчана съ Петромъ III; въ 1754 г. у нихъ родился сынъ Павелъ, будущій императоръ. Своимъ стремленіемъ изучить все русское, Екатерина, еще будучи великой княгиней, снискала къ себѣ всеобщую любовь и уваженіе, между тѣмъ какъ супругъ ея, Петръ Ѳеодоровичъ, пренебрегалъ всѣмъ русскимъ и предпочиталъ все иностранное, нѣмецкое. Поэтому, когда послѣ смерти Елизаветы Петровны сдѣлался императоромъ Петръ Ѳеодоровичъ, подъ именемъ Петра III, весьма значительное количество людей, главнымъ образомъ среди петербургской гвардіи, недовольные императоромъ, рѣшили возвести на престолъ Екатерину II. Въ 1762 году Петръ III принужденъ былъ уступить престолъ Екатеринѣ, и съ этого времени она начала работать на пользу Россіи. Эти труды ея продолжались безъ перерыва 34 года и сдѣлали царствованіе Екатерины однимъ изъ славнѣйшихъ царствованій въ русской исторіи.

Подобно Петру I, Екатерина сумѣла окружить себя преданными и способными людьми, которые своими дѣлами прославили и Россію, и императрицу, и себя.

Екатерина продолжала преобразовательную дѣятельность Петра I, которому она, вообще, хотѣла подражать въ своемъ царствованіи; она всегда носила при себѣ табакерку съ портретомъ Петра

Великаго и говорила: «я ношу ее при себѣ для того, чтобы постоянно спрашивать себя, какъ бы онъ поступилъ на моемъ мѣстѣ?» Сама она отличалась замѣчательнымъ трудолюбіемъ.

Вотъ какъ проходилъ ея день. Вставала она рано—въ 6 часовъ утра. Вставши, тотчасъ же принималась за работу, читала, писала, рѣшала важнѣйшія дѣла. Въ 8 часовъ къ ней являлись высшіе государственные сановники: одни дѣлали доклады, другіе получали приказанія, съ третьими императрица совѣтовалась о государственныхъ дѣлахъ. При этомъ она проявляла такъ много опытности и знанія, что вызывала всеобщее удивленіе. Обѣдала она рано и послѣ обѣда нѣкоторое время отдыхала, слушая чье-нибудь чтеніе. Потомъ она опять принималась за дѣла. По вечерамъ во дворцѣ собиралось небольшое общество друзей императрицы, и все время проводили въ непринужденныхъ бесѣдахъ, за чтеніемъ, или смотрѣли театральныя представленія. Все это оканчивалось рано, такъ какъ Екатерина рано ложилась спать, чтобы назавтра встать въ свое время и съ бодрыми силами приступить къ работѣ. Этихъ занятій она не прерывала даже во время своихъ путешествій по Россіи, которыя она предпринимала неоднократно, для лучшаго ознакомленія съ страной; во время остановокъ, иногда даже въ дорогѣ, она читала, писала, вела дѣловые разговоры и отдавала приказанія. Въ такихъ трудахъ проходила вся жизнь императрицы.

Имп. Екатерина II.

Царскій дворъ въ царствованіе Екатерины II поражалъ необыкновенной роскошью и пышностью; по словамъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Россію, такого богатства и блеска, какъ въ С.-Петербургѣ, не было нигдѣ. Но сама государыня отличалась большой неприхотливостью и простотой, какъ въ пищѣ и одеждѣ, такъ и въ обращеніи.

Сохранилось много разсказовъ объ Екатеринѣ II, и всѣ эти разсказы представляютъ ее великодушной, справедливой и милостивой. Она всегда готова была простить обиду, ей же нанесенную; безъ гнѣва выслушивала

она самое непріятное; не стѣснялась признать свою ошибку; если она сознавала, что подписала несправедливый указъ, то немедленно отмѣняла его. Разсказываютъ, что однажды императрица подписала указъ, по которому у одной бѣдной вдовы должны были отобрать послѣднее имѣніе. Скоро послѣ этого Екатеринѣ пришлось присутствовать при богослуженіи въ Казанскомъ соборѣ. Во время службы Екатерина замѣтила, что какая-то бѣдно одѣтая женщина положила передъ образомъ Божіей Матери какую-то бумагу. Она велѣла подать ей эту бумагу. Оказалось, что вдова, несправедливо обиженная царицей земной, подписавшей приговоръ, лишавшій ее имѣнія, обратилась съ жалобой на нее къ царицѣ Небесной. Вернувшись домой, Екатерина потребовала къ себѣ всѣ бумаги по дѣлу этой вдовы, нашла, что ея прежній приговоръ явно несправедливъ, и велѣла разыскать просительницу. Когда ее разыскали и представили Екатеринѣ, то императрица обошлась съ ней ласково и сказала: „я виновата, а вы правы; я—человѣкъ и могу ошибаться“.

За необыкновенную простоту въ обращеніи Екатерину хвалили всѣ: съ знатнѣйшими чиновниками она всегда была такъ же любезна и добра, какъ и съ простыми слугами; всегда и для всѣхъ у нея находилось ласковое слово. Особенно своимъ обращеніемъ съ прислугой она какъ бы хотѣла дать добрый примѣръ, такъ какъ въ то время отношенія господъ къ крестьянамъ отличались грубостью.

Однажды дворцовый истопникъ чѣмъ-то передъ ней провинился и съ тѣхъ поръ боялся даже попасться на глаза ей. „Доживу ли я до того, чтобы меня не боялись“,—сказала она, узнавши объ этомъ, и велѣла передать истопнику, что она на него больше не сердится.

Ласковая внимательность къ людямъ и простое обращеніе привлекали къ ней всѣхъ, кто только зналъ ее, тѣмъ больше, что она умѣла цѣнить заслуги людей. Всѣ полководцы, отличавшіеся на войнѣ, всѣ помощники по внутреннему управленію были ею щедро награждаемы. Понимая, что ея похвалы и награды заставятъ людей еще больше стараться, еще усерднѣе трудиться, она говорила, что любитъ хвалить и награждать такъ, чтобы всѣ объ этомъ знали.

Будучи сама высоко образована, она прилагала постоянныя заботы къ распространенію просвѣщенія. Самое надежное средство сдѣлать людей лучшими,—говорила она,—есть приведеніе въ совершенство воспитанія; если хотятъ, чтобы было меньше преступленій, сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми». Считая просвѣщеніе одной изъ важнѣйшихъ заботъ, Екатерина старалась открывать больше училищъ. (Ея главнымъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ И. И. Бецкій.) Въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ и другихъ городахъ были основаны различныя

учебныя заведенія. Слѣдуетъ отмѣтить, что при Екатеринѣ II были учреждены учебныя заведенія для женщинъ—первыя въ Россіи. До того времени женскихъ школъ у насъ совсѣмъ не было. Эти новыя женскія школы были закрытыя, т.-е. ученицы жили при школѣ все время своего ученія, такъ что нѣсколько лѣтъ не видали своего дома. Это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы посредствомъ правильнаго воспитанія въ школѣ воспитать дѣвочекъ, какъ слѣдуетъ, чтобы впослѣдствіи, сдѣлавшись взрослыми, онѣ сами могли хорошо воспитывать своихъ дѣтей. Такія учебныя заведенія послѣ Екатерины получили названіе институтовъ (въ С.-Петербургѣ Смольный институтъ былъ основанъ въ 1764 году).

Заботясь такимъ образомъ о воспитаніи русскихъ дѣтей вообще, Екатерина тѣмъ больше заботилась о воспитаніи своихъ внуковъ (дѣтей Павла Петровича). Она старалась воспитывать ихъ просто, безъ роскоши, пріучала ихъ съ малолѣтства къ послушанію, любви къ людямъ, къ честности и къ труду. Этимъ внукамъ—Александру и Константину—она хотѣла дать такое воспитаніе, которое закалило бы ихъ тѣло противъ всякихъ невзгодъ: они должны были спать на жесткихъ тюфякахъ, подъ легкими одѣялами; вмѣстѣ съ тѣмъ, она старалась пріучить ихъ къ тому, чтобы они, по ея примѣру, одинаково вѣжливо обходились какъ съ лицами знатными, такъ и съ низшими. Когда внуки подросли, Екатерина сама сочиняла для нихъ книги: составила азбуку и пр. (Изъ ея сочиненій, написанныхъ для внуковъ, болѣе другихъ извѣстны сказки—о царевичѣ Хлорѣ и др.)

Екатерина II не оставила безъ вниманія дѣтей-сиротъ, которыя лишились своихъ родителей, или дѣтей, брошенныхъ родителями (такъ наз. подкидышей). Для такихъ несчастныхъ дѣтей были выстроены въ Москвѣ и С.-Петербургѣ «Воспитательные Дома», въ которыхъ ихъ не только кормили, поили и одѣвали, но и учили грамотѣ и какому-нибудь ремеслу, такъ что изъ Воспитательнаго Дома такія дѣти выходили людьми, уже способными себя прокормить.

Екатерина много заботилась о здоровьѣ вообще всего русскаго народа. Она много думала о томъ, чтобы побольше было аптекъ и врачей, чтобы каждый заболѣвшій могъ поскорѣе получить помощь. Такъ какъ своихъ врачей въ Россіи почти не было, то она выписала много врачей изъ-за границы. Особенно много бѣдъ приносили заразныя болѣзни, противъ которыхъ въ тѣ времена не знали никакихъ средствъ: напр., отъ оспы умирали сотни ты-

сячъ не только дѣтей, но и взрослыхъ. Узнавъ, что за границей (въ Англіи) одинъ врачъ (Дженнеръ) изобрѣлъ прививаніе оспы взрослымъ и дѣтямъ, которое предохраняло ихъ отъ заболѣванія, Екатерина выписала его въ С.-Петербургъ. Чтобы убѣдить своихъ подданныхъ въ безвредности прививанія, она приказала прежде всего привить оспу себѣ и наслѣднику престола Павлу Петровичу. Съ ея царствованія оспопрививаніе было принято въ Россіи и даже сдѣлалось обязательнымъ (напр., при поступленіи въ учебное заведеніе, въ числѣ другихъ бумагъ, ученики и ученицы обязательно должны представить свидѣтельство объ оспопрививаніи).

По примѣру Петра Великаго Екатерина II много заботилась и о внутреннемъ управленіи Россіи.

1. Для большаго порядка въ управленіи, вся Россія была раздѣлена на 50 губерній, вмѣсто 12 „петровскихъ“, такъ какъ прежнее дѣленіе оказалось неудобнымъ по той причинѣ, что губерніи были очень велики. На губернаторовъ была возложена обязанность заботиться о развитіи земледѣлія и промышленности, о путяхъ сообщенія, объ улучшеніи наружнаго вида городовъ и т. д.

2. Такъ какъ въ устроенныхъ Петромъ I канцеляріяхъ—губернскихъ и провинціальныхъ—было очень мало чиновниковъ, и дѣла поэтому рѣшались очень медленно, Екатерина II нашла необходимымъ учредить въ каждой губерніи отдѣльныя учрежденія для управленія, для суда и для завѣдыванія финансами. (Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что учрежденія судебныя и финансовыя были особыя для каждаго сословія—дворянъ, купцовъ съ мѣщанами и крестьянъ.)

3. Дворянство при Екатеринѣ II получило значеніе перваго сословія въ государствѣ, такъ какъ дворяне были весьма щедро надѣлены всевозможными правами и льготами. Дворяне каждой губерніи получили право собираться въ опредѣленные сроки на собранія и выбирать себѣ такъ назыв. предводителей—губернскаго и уѣздныхъ,—которые имѣли право обращаться, по дѣламъ своего сословія, прямо къ императрицѣ, помимо мѣстнаго губернатора.(Для поощренія чиновниковъ и военно-служащихъ были учреждены ордена: Св. Владиміра въ гражданской службѣ и Св. Георгія въ военной.)

4. Городское населеніе было раздѣлено на купцовъ (трехъ гильдій, въ зависимости отъ капитала), мѣщанъ и ремесленниковъ. Завѣдываніе городскими дѣлами было поручено выборному городскому головѣ, который вмѣстѣ съ выборными же 6 гласными слѣдилъ за сборомъ казенныхъ податей и за исполненіемъ разнаго рода казенныхъ повинностей.

5. Положеніе крестьянъ при имп. Екатеринѣ II окончательно ухудшилось, такъ какъ именно при ней крестьянамъ было запрещено жаловаться на жестокое обращеніе съ ними ихъ помѣщиковъ, подъ страхомъ ссылки въ Сибирь на вѣчную каторгу. Количество крѣпостныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II значительно увеличилось, такъ какъ, во-первыхъ, крѣпостное право было распространено на новыя области (напр., на Малороссію), а кромѣ того, императрица Екатерина весьма щедро раздавала дворянамъ въ награду за ихъ службу такъ назыв. государственныхъ (или казенныхъ)

крестьянъ и тѣхъ крестьянъ, которые были отобраны при ней у церквей и монастырей. (До Екатерины II церкви и монастыри владѣли громаднымъ количествомъ крѣпостныхъ крестьянъ. При Екатеринѣ II около милліона душъ крестьянъ было отобрано у монастырей и церквей и ими стала завѣдывать особая коллегія. Монастырямъ, вмѣсто крестьянъ, было назначено отъ казны опредѣленное ежегодное денежное жалованье. Но, къ сожалѣнію, значительная часть и этихъ крестьянъ, получившихъ такимъ образомъ свободу отъ ихъ владѣльцевъ, была роздана дворянамъ за службу, какъ и казенные крестьяне.)

6. Въ началѣ царствованія имп. Екатерина II рѣшила составить новый сводъ законовъ вмѣсто „Соборнаго Уложенія“ царя Алексѣя Михайловича, которое уже не подходило для русскаго общества, прошедшаго школу реформъ Петра Великаго. Для составленія этого свода была учреждена въ Москвѣ особая комиссія (1767 г.), но, къ сожалѣнію, работы этой комиссіи не были окончены и сводъ не былъ изданъ. Этому помѣшала начавшаяся около этого времени война съ Турціей (первая), такъ какъ весьма многіе изъ членовъ этой комиссіи должны были, по своимъ служебнымъ обязанностямъ, отправиться въ ряды арміи.

Войны Екатерины II. Благодаря дѣятельности Петра Великаго, Россія сдѣлалась могущественной державой. Нѣкоторымъ западно-европейскимъ государствамъ это сильно не нравилось: они завидовали быстрому возвышенію нашего отечества и всѣми мѣрами старались ослабить его. Кромѣ того, на югѣ, гдѣ находятся степи, русское государство не было отдѣлено никакими естественными границами отъ безпокойнаго государства крымскихъ татаръ, которые находились въ зависимости отъ турокъ и часто тревожили наши южныя области. Чтобы сдѣлать эти области вполнѣ безопасными для поселеній, нужно было отодвинуть границу до самаго Чернаго моря, т.-е. окончить дѣло, нѣкогда начатое еще правительницей Софьей и Петромъ. Эти причины имѣли своимъ послѣдствіемъ двѣ войны съ Турціей. Въ первой войнѣ на сушѣ особенно прославился Румянцевъ, нанесшій туркамъ два сильныхъ пораженія (при рр. Ларгѣ и Кагулѣ, въ 1770 году) и получившій прозвище Задунайскаго; на морѣ отличился графъ Алексѣй Орловъ, уничтожившій большой турецкій флотъ въ Чесменской гавани (у береговъ Малой Азіи). Въ 1774 году первая война окончилась миромъ, по которому Россія получила часть береговъ Чернаго и Азовскаго морей,—вообще, то пространство, которое въ настоящее время называется Новороссіей. Управленіе вновь присоединенной областью было поручено кн. Потемкину, который былъ однимъ изъ главныхъ помощниковъ императрицы Екатерины II въ управленіи государствомъ въ первой половинѣ ея царствованія.

Черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1783 г.) Потемкину удалось убѣдить крымскаго хана признать надъ собой власть Екатерины II, и такимъ образомъ безъ пролитія крови Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи. Это обстоятельство было очень важно: этимъ было уничтожено хищническое гнѣздо, откуда въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ татары нападали на Россію, жгли города и села и массу народа уводили въ плѣнъ. Подданство Крыма дѣлало безопаснымъ житье въ южныхъ областяхъ, и новороссійскій край съ этого времени, дѣйствительно, начинаетъ процвѣтать. Потемкинъ (получившій за присоединеніе Крыма прозвище Таврическаго) прилагалъ всѣ свои старанія, чтобы поднять благосостояніе ввѣренной ему области. Онъ построилъ цѣлый рядъ новыхъ городовъ—Екатеринославъ, Николаевъ, Херсонъ и др. Была устроена отличная гавань въ Севастополѣ. Въ городахъ устраивались фабрики и заводы; въ Крыму Потемкинъ старался развести шелководство и винодѣліе, для чего выписывалъ сюда изъ Франціи знающихъ это дѣло людей. Чтобы окончательно закрѣпить за Россіей эти новыя земли, Потемкинъ приглашалъ туда русскихъ и иностранныхъ колонистовъ (нѣмцевъ) и оживилъ ими эти окраины. Благодаря всѣмъ этимъ стараніямъ Потемкина, черезъ нѣсколько лѣтъ пустынный край сталъ совсѣмъ неузнаваемъ; гдѣ прежде не видно было человѣческаго жилья, тамъ явились большіе богатые города; въ дикой пустынѣ, гдѣ прежде рыскали только звѣри да разбойничьи шайки татарскихъ наѣздниковъ, стали процвѣтать земледѣліе, скотоводство и разные промыслы.

Въ концѣ царствованія Екатерины II, Россіи пришлось вести опять войну съ Турціей. Послѣ этой войны, въ которой больше всѣхъ прославился Суворовъ (см. ниже), къ Россіи былъ уже окончательно присоединенъ весь сѣверный берегъ Чернаго моря.

Одновременно съ турецкими войнами Екатерина II вела войны съ Польшей. Причина этого была слѣдующая. Польскій король обѣщалъ Екатеринѣ уравнять права своихъ православныхъ подданныхъ съ правами поляковъ-католиковъ. Но власть его была ограничена, какъ мы знаемъ, сеймомъ, а сеймъ отказался исполнить требованіе Екатерины II относительно православныхъ. Екатерина твердо стояла на своемъ и, чтобы подкрѣпить свое требованіе, ввела въ Польшу русскія войска. Поляки заволновались. Произошло нѣсколько открытыхъ возстаній поляковъ. Всѣ они были подавлены и самое государство Польское уничтожено: всѣ польскія земли раздѣлены были между Пруссіей, Австріей и Россіей. Россіи достались всѣ земли на западъ отъ Днѣпра до Зап.

Буга; такимъ образомъ, всѣ русскія области, которыя въ XIV и XV столѣтіяхъ были отняты у Россіи сначала Литвой, а потомъ Польшей, снова вошли въ составъ русскаго государства.

Въ продолженіе своего 34-лѣтняго царствованія Екатерина II возвела Россію на такую степень славы и могущества, такъ возвысила ее въ глазахъ другихъ европейскихъ народовъ, что съ ея царствованія Россія стала имѣть первенствующее значеніе. Такая дѣятельность Екатерины II нашла себѣ должную оцѣнку въ потомствѣ, и Екатеринѣ было дано прозвище «Великая».

XXIX. А. В. Суворовъ.

Самымъ замѣчательнымъ изъ «Екатерининскихъ орловъ»—какъ обыкновенно называютъ сподвижниковъ Екатерины II—былъ, безспорно, Александръ Васильевичъ Суворовъ. Отецъ его, Василій Ивановичъ, былъ крестникомъ Петра В., дослужился до чина полнаго генерала (генералъ-аншефа) и, выйдя въ отставку, жилъ въ одной изъ своихъ деревень Новгородской губ.

Въ дѣтствѣ Суворовъ былъ хилымъ и слабымъ ребенкомъ, такъ что отецъ предназначалъ его въ гражданскую службу. Но чтобы сдѣлать изъ него, дѣйствительно, знающаго и полезнаго человѣка, онъ далъ ему хорошее образованіе, за которымъ самъ слѣдилъ. Подъ надзоромъ отца, Суворовъ пріобрѣлъ обширныя и разнообразныя познанія, чему способствовали его необыкновенныя способности, отличная память и его страсть къ ученью. Онъ безъ особаго труда изучилъ нѣсколько иностранныхъ языковъ: французскій, нѣмецкій, хорошо зналъ языки польскій и итальянскій; способность его къ изученію языковъ была такова, что въ дѣтствѣ, въ своей деревнѣ, населенной корелами, онъ научился чухонскому языку, а впослѣдствіи, въ походахъ въ Турцію и Крымъ, турецкому. Знаніе нѣсколькихъ языковъ давало ему возможность много читать. Но любимымъ его чтеніемъ было чтеніе о подвигахъ великихъ полководцевъ различныхъ временъ и народовъ, а также описаніе битвъ и походовъ; этимъ чтеніемъ онъ увлекался чрезвычайно. Разложитъ, бывало, на полу карту, возьметъ въ руку книгу, ложится на карту, читаетъ описаніе какого-нибудь сраженія или похода, и въ то же время слѣдитъ по картѣ за движеніемъ войскъ, а потомъ беретъ бумагу и начинаетъ самъ чертить планъ сраженія. Въ такія минуты онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ; одинъ разъ въ шутку унесли все, что было у него на столѣ, и онъ замѣтилъ это только тогда, когда пересталъ

заниматься. Быть можетъ, подъ вліяніемъ этого чтенія въ немъ мало-по-малу развилась такая страсть къ военной службѣ, что онъ только и мечталъ о ней. Мечтая со временемъ поступить въ военную службу, Суворовъ съ дѣтства укрѣплялъ свое слабое тѣло верховой ѣздой, старался обходиться на дождѣ и слякоти безъ теплаго платья, купался въ холодной водѣ въ позднюю осень, когда начинались заморозки, и т. д.

Слѣдя за всѣми поступками и занятіями сына, Василій Ивановичъ видѣлъ, что Суворова преимущественно занимаетъ военное дѣло: и гулянія его походили на военныя упражненія, и въ книгахъ онъ интересовался больше всего описаніями сраженій, біографіями знаменитыхъ полководцевъ и т. п. Когда онъ дѣлалъ сыну выговоръ за его шалости, Суворовъ отвѣчалъ обыкновенно, что «солдатъ долженъ привыкать ко всему», и называлъ себя солдатомъ чуть не съ 7 лѣтъ. Все это сильно безпокоило Василія Ивановича, такъ какъ онъ не намѣренъ былъ отдавать сына въ военную службу. Между тѣмъ, Суворовъ былъ непреклоненъ въ своемъ желаніи: онъ неотступно, почти со слезами, умолялъ отца объ опредѣленіи его въ полкъ. Случай помогъ ему. У Василія Ивановича былъ другъ и сослуживецъ, генералъ Ганнибалъ, арапъ, купленный и крещенный Петромъ Великимъ. «Посмотри, братецъ,—жаловался разъ ему Василій Ивановичъ,—посмотри, что мой сынъ дѣлаетъ, почему отъ гостей прячется». Ганнибалъ вошелъ, какъ бы нечаянно, въ комнату Суворова и засталъ его лежащимъ на полу среди военныхъ книгъ и картъ; разговорившись съ нимъ, онъ былъ восхищенъ свѣдѣніями его, обнялъ его и воскликнулъ: «если бы живъ былъ батюшка нашъ, царь Петръ Алексѣевичъ, онъ поцѣловалъ бы тебя въ голову и порадовался на тебя». Возвратясь къ своему старому другу, Ган-

А. В. Суворовъ.

нибалъ сказалъ: «оставь, братъ, Василій Ивановичъ, сына съ его гостями: онъ пойдетъ подальше насъ съ тобой». Послѣ этого Василію Ивановичу больше ничего не оставалось, какъ исполнить завѣтное желаніе своего сына. Въ это время Суворову было 12 лѣтъ.

На 17-мъ году Суворовъ поступилъ на дѣйствительную службу. Обыкновенно, если кто изъ дворянъ записывался на службу въ солдаты, тотъ до полученія перваго офицерскаго чина только числился въ рядовыхъ, а самъ жилъ дома. Суворовъ на самомъ дѣлѣ отбывалъ военную службу, выполняя всѣ ея требованія: ходилъ на ученіе, стоялъ на караулѣ, даже въ морозъ (хотя могъ бы, какъ это дѣлали другіе дворяне, нанимать за себя другого), самъ чистилъ свою аммуницію и оружіе. Онъ говорилъ: «научись повиноваться, прежде нежели будешь повелѣвать другими; будь добрымъ солдатомъ, если хочешь быть хорошимъ фельдмаршаломъ; помни, что у худого пахаря хлѣбъ плохо родится, а за ученаго двухъ неученыхъ даютъ». Онъ, правда, жилъ, на частной квартирѣ, чтобы было удобнѣе заниматься науками, но его постоянно можно было видѣть въ казармахъ: тамъ хотѣлъ онъ изучить солдатъ, ихъ характеръ, узнать всѣ ихъ нужды и бытъ. И онъ изучилъ все это превосходно, изучилъ ихъ языкъ, умѣлъ впослѣдствіи говорить съ ними такъ, какъ никто. Зато, скажетъ, бывало, нѣсколько словъ—и солдаты готовы идти и въ огонь и въ воду.

Служба и занятія занимали все его время: онъ до того дорожилъ временемъ, что рѣдко ходилъ даже къ роднымъ. Когда же спрашивали, почему онъ сидитъ дома, онъ отвѣчалъ: «мнѣ у нихъ научиться нечему, а время дорого». Письма его къ отцу по той же причинѣ отличались необыкновенной краткостью. Вотъ, напр., одно изъ нихъ: «Любезный батюшка! Я здоровъ, служу и учусь. А. Суворовъ» *).

*) Отбывая службу въ качествѣ рядового, Суворовъ и первую награду получилъ за то, что былъ хорошій солдатъ. Разъ онъ въ качествѣ рядового Семеновскаго полка стоялъ на караулѣ въ Петергофѣ и, несмотря на свой небольшой ростъ, такъ ловко отдалъ честь императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, проходившей мимо него по саду, что она остановилась, посмотрѣла на его и спросила, какъ его зовутъ. Узнавъ, что онъ сынъ В. И. Суворова, императрица вынула изъ кармана серебряный рубль и подала ему. „Всемилостивѣйшая Государыня,—почтительно сказалъ ей Суворовъ,—законъ запрещаетъ солдату, стоя на часахъ, брать деньги“.—„Молодецъ,—сказала императрица,—ты, вижу, знаешь службу“; потрепавъ его по щекѣ, она дала ему поцѣловать свою руку, потомъ положила рубль на землю, прибавивъ: „возьми, когда смѣнишься“. Суворовъ берегъ этотъ рубль до глубокой старости и говорилъ, что эта первая награда его особенно сильно обрадовала.

Только черезъ 10 лѣтъ по вступленіи на дѣйствительную службу получилъ Суворовъ первый офицерскій чинъ, послѣ чего перешелъ изъ гвардіи въ армію.

Свои военные таланты Суворовъ впервые обнаружилъ въ такъ наз. Семилѣтней войнѣ, которую вела Россія, въ концѣ царствованія импер. Елизаветы Петровны, съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II. Какъ гласитъ отзывъ начальства, въ этой войнѣ Суворовъ показалъ себя «отличнымъ солдатомъ, быстрымъ при рекогносцировкахъ, отважнымъ въ битвѣ и хладнокровнымъ въ опасности». Благодаря такой аттестаціи, тотчасъ послѣ войны Суворовъ былъ произведенъ въ полковники и получилъ въ командованіе пѣхотный Астраханскій полкъ. Съ своимъ полкомъ, который стоялъ постоянно недалеко отъ С.-Петербурга, въ Новой Ладогѣ, Суворовъ бывалъ въ столицѣ для занятія карауловъ, участвовалъ на маневрахъ подъ С.-Петербургомъ и, такимъ образомъ, сталъ хорошо извѣстенъ имп. Екатеринѣ II, какъ отличный и умный полковой командиръ.

Получивъ полкъ, Суворовъ повелъ особенный образъ жизни. Онъ отказался отъ всякихъ предметовъ роскоши, спалъ на сѣнѣ, вставалъ съ зарей, окачивался холодной водой и бѣгалъ по лагерю въ одной рубашкѣ. Въ 7 или 8 часовъ утра онъ уже обѣдалъ, при чемъ ѣлъ простую, грубую пищу; лѣтомъ онъ являлся на ученье въ одной рубашкѣ и штанахъ, зимой не носилъ шубы, а накидывалъ только лѣтній плащъ, который называлъ «родительскимъ». Все время онъ проводилъ со своими солдатами и офицерами; иногда онъ принималъ на себя должность школьнаго учителя, собиралъ солдатскихъ дѣтей, самъ училъ ихъ, сочинялъ для нихъ учебники, игралъ съ ними, шумѣлъ и спорилъ. Обращеніе его съ солдатами было особенное. Отъ своихъ подчиненныхъ онъ требовалъ немедленнаго отвѣта на всякій вопросъ, какъ бы этотъ вопросъ ни былъ страненъ; слово «не могу знать» возбуждало его гнѣвъ: онъ притворялся разсерженнымъ, кричалъ, топалъ ногами и бранился; напротивъ, онъ любилъ, чтобъ на его вопросъ слѣдовалъ быстрый отвѣтъ. Напр., однажды въ морозную зимнюю ночь, Суворовъ, легко по обыкновенію одѣтый, проходя мимо часового, спросилъ его: «сколько на небѣ звѣздъ?» Солдатъ не растерялся и быстро отвѣчалъ: «сейчасъ сосчитаю, ваше высокоблагородіе!.. Разъ, два, три... сто... двѣсти.., тысяча...» Суворовъ все ждетъ и ждетъ, а морозъ все крѣпче становится. Наконецъ, Суворовъ не выдержалъ. Сильно продрогнувъ, онъ побѣжалъ домой, похваливъ солдата за находчивость.

Сверхъ обыкновеннаго ученья, Суворовъ изобрѣталъ особенныя упражненія, гдѣ солдаты могли бы показать силу, ловкость и отвагу. Разъ напр., идя изъ Ладоги въ С.-Петербургъ мимо какого-то монастыря, онъ неожиданно скомандовалъ: „на штурмъ“. Полкъ съ крикомъ „ура“ бросился на монастырскія стѣны. Монахи страшно испугались, но Суворовъ извинился передъ настоятелемъ, объяснивъ, что онъ учитъ такимъ образомъ своихъ солдатъ. Когда объ этомъ донесли импер. Екатеринѣ II, она улыбнулась и сказала: „не троньте его, я его знаю“. Иногда Суворовъ проводилъ съ солдатами въ полѣ, въ маршахъ, на походахъ цѣлые дни; онъ училъ своихъ солдатъ среди морозовъ и жаровъ, тревожилъ ихъ внезапно ночью. Вотъ какъ училъ онъ защищаться отъ непріятеля и побѣждать его: „трое наскочатъ—одного заколи, другого застрѣли, третьему штыкомъ карачунъ. Много наскочатъ—отскочи шагъ, ударь одного, коли другого, стрѣляй третьяго, притисни четвертаго, остальные—твои. Въ сраженіи картечь на голову—согнись, бѣги впередъ,—картечь летитъ сверхъ головы: тогда пушки—твои, люди—твои. Чѣмъ ближе къ врагу, тѣмъ лучше. Храбрый впереди—и живъ; трусишку и назади убиваютъ, какъ собаку; если и живъ останется—ни чести нѣтъ, ни мѣста“.

Въ 1768 году русскія войска были посланы въ Польшу для усмиренія возникшихъ тамъ волненій. Суворовъ, бывшій уже въ чинѣ бригадира, получилъ повелѣніе слѣдовать туда. Тутъ показалъ онъ изумительный примѣръ своихъ быстрыхъ переходовъ, сдѣлавъ осенью, въ распутицу, болѣе 1000 верстъ въ одинъ мѣсяцъ. Появленіе Суворова въ Польшѣ навело ужасъ на возставшихъ поляковъ; да и было отъ чего пугаться: съ своимъ небольшимъ отрядомъ Суворовъ стремительно бросался то въ одну сторону, то въ другую, и вездѣ разбивалъ поляковъ, гдѣ только они рѣшались ему сопротивляться. Онъ умѣлъ вѣрно разсчитать, гдѣ надо нанести ударъ, умѣлъ быстрымъ движеніемъ появиться передъ ничего не ожидающимъ непріятелемъ, атаковать его смѣло и рѣшительно. Свои военныя правила онъ выражалъ обыкновенно въ трехъ словахъ: «глазомѣръ, быстрота и натискъ».

Вернувшись въ С.-Петербургъ, Суворовъ не захотѣлъ сидѣть тамъ безъ дѣла. Въ это время Россія вела войну съ Турціей, и Суворовъ просилъ Екатерину отправить его на Дунай, къ Румянцеву. Война эта тянулась уже 4 года и была для русскихъ не особенно удачна. Когда Суворовъ прибылъ въ армію, солдаты были очень рады, такъ какъ были увѣрены, что теперь наши дѣла пойдутъ гораздо лучше; наоборотъ, Румянцевъ принялъ его холодно, не оказалъ никакого почета и отправилъ съ небольшимъ отрядомъ (изъ 2 полковъ съ 4 пушками) наблюдать за турецкой крѣпостью Туртукаемъ. Не любя сидѣть въ бездѣйствіи, Суворовъ, несмотря на незначительность своихъ силъ, рѣшилъ взять Турту-

кай приступомъ. Это ему удалось, и онъ отправилъ Румянцеву такой докладъ: «Слава Богу, слава вамъ; Туртукай взятъ, и я тамъ». Это смѣлое и удачное дѣло Суворова возбудило всеобщій восторгъ. Но Румянцевъ былъ страшно разгнѣванъ этимъ «своеволіемъ» Суворова. Онъ лишилъ его командованія и отдалъ его подъ военный судъ, который приговорилъ Суворова къ смертной казни. Приговоръ былъ посланъ на утвержденіе императрицы. Но Екатерина II написала на приговорѣ: «побѣдителей не судятъ», и прислала Суворову орденъ Георгія 2-й степени «за храброе и мужественное дѣло».

Въ 1787 году началась вторая турецкая война. Главнокомандующимъ былъ Потемкинъ, но героемъ этой войны былъ Суворовъ. Однимъ изъ первыхъ славныхъ дѣлъ его была защита крѣпости Кинбурна, лежавшей въ устьѣ Днѣпра, противъ турецкой крѣпости Очакова. Такъ какъ она мѣшала туркамъ, то они употребляли большія усилія, чтобы овладѣть ею. Разъ они высадили съ кораблей, около Кинбурна, 5000 человѣкъ. Суворовъ подпустилъ ихъ близко, ударилъ на нихъ, но сразу не могъ одолѣть ихъ. Битва продолжалась цѣлый день. Самъ Суворовъ былъ раненъ картечью въ бокъ и пулей въ плечо; ядромъ оторвало морду у его лошади. Только къ концу дня Суворову удалось сломить турокъ: онъ загналъ ихъ въ море и большею частью потопилъ; только немногіе спаслись на своихъ лодкахъ. Въ награду за эту побѣду Суворовъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго.

Интересно письмо Суворова къ дочери, бывшей въ Смольномъ институтѣ въ С.-Петербургѣ, къ которомъ онъ описываетъ это сраженіе. „У насъ была драка посильнѣе, чѣмъ вы деретесь за волосы: въ боку—пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ у меня отъ пули дырочка, да подо мной у лошади мордочку отстрѣлили. И какъ же мы танцовали! Насилу часовъ черезъ 8 отпустили съ театра домой. Ай, да охъ! Какъ же мы подчевались! Играли, бросали свинцовымъ горохомъ, да желѣзными кеглями, величиной съ твою голову. Такія у насъ были длинныя булавки да ножницы, кривыя и прямыя: рука не попадайся—тотчасъ отхватятъ, да и голову отрѣжутъ. Кончилось все иллюминаціей и фейерверкомъ, и съ пира турки ушли—ой далеко, Богу по-своему молиться“.

Кромѣ этой побѣды, во время 2-й турецкой войны, Суворовъ совершилъ еще нѣсколько славныхъ подвиговъ. Особенно прославился онъ побѣдою при Рымникѣ и взятіемъ крѣпости Измаила.

Во 2-ю турецкую войну русскіе дѣйствовали противъ турокъ въ союзѣ съ австрійцами. Австрійскій главнокомандующій, принцъ Кобургскій, извѣстилъ (1 сент. 1789 г.) Суворова, что вся армія

турецкаго визиря, числомъ до 100.000 человѣкъ, идетъ на него. «Спасите насъ», — писалъ принцъ. «Иду», — отвѣчалъ Суворовъ однимъ словомъ на лоскуткѣ бумаги. И дѣйствительно, съ невѣроятной быстротой онъ явился на помощь. Принцъ Кобургскій тотчасъ же послалъ просить его къ себѣ. Посланному отвѣтили, что «Суворовъ Богу молится». Черезъ нѣсколько времени принцъ снова шлетъ посла; ему говорятъ: «Суворовъ ужинаетъ». Третьему посланному было сказано: «Суворовъ спитъ». На самомъ дѣлѣ, Суворовъ, взобравшись на высокое дерево, обозрѣвалъ расположеніе непріятельскаго войска. Только на утро онъ отправился къ принцу, который выбѣжалъ къ нему навстрѣчу, благодарилъ его и называлъ своимъ спасителемъ. Суворовъ тутъ же предложилъ принцу, не дожидаясь нападенія турокъ, идти противъ нихъ и самимъ сдѣлать нападеніе. Принцъ Кобургскій испугался такого предложенія, такъ какъ у нихъ вмѣстѣ было только 26.000 войска противъ 100.000 турокъ, но спорить съ Суворовымъ не осмѣлился. Турецкія войска были расположены близъ р. Рымника. Зная расположеніе ихъ, Суворовъ незамѣтно подошелъ къ ихъ стану и быстро и неожиданно ударилъ на нихъ. Неожиданность нападенія такъ подѣйствовала на турокъ, что они недолго выдержали натискъ русскихъ войскъ: отовсюду тѣснимые, они скоро бѣжали безъ оглядки, бросая по дорогѣ оружіе, одежду и все, что у нихъ было; тысячи турецкихъ труповъ покрывали поле битвы. Эта побѣда произвела всеобщій восторгъ въ Россіи и въ Австріи. Императоръ Австрійскій Іосифъ II возвелъ Суворова въ графское достоинство Римской имперіи; отъ Екатерины II онъ получилъ брилліанты къ ордену св. Андрея Первозваннаго, орденъ Георгія 1-й степени и званіе «графа Рымникскаго».

Вскорѣ Суворову представился случай прославить себя новымъ подвигомъ, еще болѣе славнымъ. Русскія войска осаждали турецкую крѣпость Измаилъ, при устьѣ Дуная. Это была громадная неприступная крѣпость: она занимала въ окружности 10 верстъ; одной стороной она прилегала къ Дунаю, гдѣ ее защищала каменная стѣна, а съ другихъ сторонъ она была окружена земляным валомъ въ 4 сажени вышиной и рвомъ въ 7 саженъ глубины; защищали ее 40.000 чел. при 250 пушкахъ. Русскіе нѣсколько разъ пытались овладѣть этой крѣпостью, но неудачно. Тогда главное начальство надъ осаждающими войсками было поручено Суворову. Въ русскомъ войскѣ было тогда 25.000 человѣкъ, ослабленныхъ болѣзнями и разными недостатками; отъ неудачъ всѣ уныли. Но когда стало извѣстно, что командованіе

войсками подъ Измаиломъ поручено Суворову, люди точно переродились, не говоря уже о простыхъ солдатахъ, тѣ самыя лица, которыя за два дня передъ этимъ приходили въ отчаяніе и доказывали, что больше ничего не остается, какъ отступать, теперь на военномъ совѣтѣ единогласно постановили штурмовать Измаилъ. «Хорошо, помилуй Богъ, хорошо»,—воскликнулъ Суворовъ, услыхавъ такое единодушное рѣшеніе. «Сегодня молиться, завтра учиться, послѣзавтра—побѣда или смерть». Къ начальнику турецкаго гарнизона было послано требованіе о сдачѣ. Командиръ крѣпости, вмѣсто отвѣта, прислалъ русскимъ совѣтъ—«убраться поскорѣй, если они не хотятъ погибнуть отъ холода и голода». Послали еще разъ. «Скажите Суворову, — былъ отвѣтъ коменданта,—что прежде небо упадетъ на землю и Дунай потечетъ назадъ, нежели я сдамъ Измаилъ».

Тогда Суворовъ началъ готовиться къ штурму. Онъ самъ училъ солдатъ, какъ переходить ровъ, какъ ставить лѣстницы, какъ лѣзть на стѣну и сражаться на валахъ; всѣмъ были отданы самыя точныя приказанія. 16 декабря 1790 года рано утромъ наши войска двинулись на штурмъ. Стѣны Измаила вспыхнули огнемъ, но ничто не могло остановить русскихъ: они смѣло и бодро лѣзли на стѣны, иногда безъ лѣстницъ, втыкая въ валъ штыки и подсаживая другъ друга. Въ одномъ мѣстѣ они дрогнули и остановились; но явился священникъ съ крестомъ въ рукѣ и повелъ ихъ впередъ. Въ 9 часовъ утра стѣны Измаила были уже заняты, несмотря на то, что турки оказали самое упорное сопротивленіе: даже женщины и дѣти участвовали въ битвѣ и обливали русскихъ варомъ и осыпали камнями. Внутри города, послѣ взятія стѣнъ, приходилось брать съ бою чуть ли не каждый домъ. Общая рѣзня продолжалась до 4 часовъ пополудни. Изъ 40.000 турокъ осталось только 5000, и то большею частью раненыхъ; въ числѣ убитыхъ было 60 пашей. Русскихъ тоже пало не мало.

Извѣщая о взятіи Измаила, Суворовъ писалъ Екатеринѣ II: «Гордый Измаилъ у ногъ Вашего Величества», а Потемкину (главнокомандующему) онъ доносилъ: «не бывало крѣпости крѣпче, не бывало обороны отчаяннѣе Измаила, но Измаилъ взятъ. Поздравляю Вашу Свѣтлость».

Взятіе Измаила поставило Суворова, какъ полководца, выше всѣхъ его современниковъ. И Суворовъ не скрывалъ, что гордится этимъ подвигомъ, хотя, говорятъ, онъ сказалъ однажды, что на такой штурмъ можно рѣшиться только одинъ разъ въ жизни.

Недоброжелатели Суворова всѣ его удачи объясняли по-своему: они говорили, что онъ побѣждаетъ постоянно не потому, что онъ искусный полководецъ, а потому, что ему везетъ с ч а с т ь е. Когда Суворовъ узналъ, что про него такъ думаютъ, онъ замѣтилъ: «Сегодня счастье, завтра счастье. Помилуй Богъ, дайте же сколько-нибудь ума».

Въ 1794 г. въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе. Кого же было послать противъ нихъ, какъ не Суворова. «Я посылаю въ Польшу двойную силу — армію и Суворова», — сказала Екатерина, отправляя русскія войска для подавленія мятежа. Страхъ напалъ на поляковъ, когда они узнали, что русскими предводительствуетъ Суворовъ, котораго они помнили еще со времени перваго возстанія. И дѣйствительно, въ самое короткое время Суворовъ разбилъ множество польскихъ отрядовъ, быстро потушилъ возстаніе въ Литвѣ и, не останавливаясь долго нигдѣ, направился прямо къ Варшавѣ, чтобы взять ее и тѣмъ самымъ положить конецъ возстанію. Крѣпость Варшавы составляло ея предмѣстье—Прага, отдѣляемое отъ Варшавы р. Вислой. За укрѣпленіями, на которыхъ находилось 100 пушекъ, засѣло 30.000 поляковъ, готовыхъ сражаться до послѣдней капли крови.

Сначала Суворовъ нѣсколько времени медлилъ, надѣясь, что поляки одумаются и покорятся безъ кровопролитія, но поляки и слышать не хотѣли о сдачѣ. Тогда было рѣшено взять Прагу приступомъ. Передъ штурмомъ Суворовъ издалъ приказъ солдатамъ, въ которомъ между прочимъ, говорилось: «въ дома—не забѣгать, непріятеля, просящаго пощады—щадить; безоружныхъ не убивать; съ бабами не воевать, малолѣтнихъ не трогать». 24 окт. 1794 г., въ 5 часовъ утра, русскіе бросились на приступъ. Кровопролитіе было страшное. Черезъ нѣсколько часовъ на мѣстѣ Праги оставались окровавленныя дымящіяся развалины и груды обгорѣлыхъ изуродованныхъ труповъ и раненыхъ, стонавшихъ въ предсмертныхъ мукахъ. Жители Варшавы, съ своего высокаго берега, видѣли все это кровопролитіе и думали только о покорности. 29 окт. Варшава сдалась на милость побѣдителя, избавляя его, такимъ образомъ, отъ необходимости новаго кровопролитія. О взятіи Варшавы Суворовъ донесъ императрицѣ въ такихъ словахъ: «Ура, Варшава наша». На это донесеніе Екатерина II отвѣтила тремя словами: «Ура, фельдмаршалъ Суворовъ». Посылая ему знаки фельдмаршальскаго достоинства, она писала ему собственноручно: «Мое правило—не производить никого не въ очередь; но Вы, завоевавъ Польшу, сами себя сдѣлали фельдмаршаломъ».

Ни одна награда не порадовала Суворова такъ, какъ чинъ фельдмаршала: тогда въ Россіи ихъ было только два: гр. Румянцевъ и Разумовскій; 9 генераловъ (аншефовъ) было старше Суворова. Свою радость онъ выразилъ по-своему: по его распоряженію, его камердинеръ разставилъ по комнатѣ 9 стульевъ, и Суворовъ сталъ прыгать черезъ эти стулья, высчитывая по пальцамъ генераловъ старше себя: „Салтыковъ назади, Долгорукій назади, Каменскій назади... а мы впереди“. Онъ перекрестился и прибавилъ: „помилуй, Господи, матушку-императрицу. Милостива она ко мнѣ, старику“.

Послѣ смерти Екатерины II (въ ноябрѣ 1796) въ судьбѣ Суворова произошла большая перемѣна. Вступившій послѣ Екатерины на престолъ имп. Павелъ I, съ перваго же дня царствованія, сталъ производить въ войскахъ различныя нововведенія: въ одеждѣ, вооруженіи, ученьи, командѣ и т. п. Суворовъ открыто выражалъ свое недовольство этими нововведеніями, и находились люди, которые его слова передавали императору. Когда, напр., были введены въ русскомъ войскѣ прусскій мундиръ, пудра, букли и косы, Суворовъ сказалъ: «пудра не порохъ, букли не пушки, косы не тесаки, а мы не нѣмцы, а русаки». Эти слова стали извѣстны вездѣ—всему Петербургу. Суворову было приказано измѣнить свой характеръ и прекратить свои шутки. «Доложите императору,—отвѣчалъ на это Суворовъ,—что мнѣ поздно перемѣняться; императрица Екатерина II 34 года терпѣла мои причуды; я шалилъ подъ Рымникомъ и подъ Варшавой, а для новой дисциплины я слишкомъ старъ».

Когда этотъ отвѣтъ былъ переданъ императору Павлу, то онъ приказалъ Суворову немедленно выѣхать изъ Петербурга и поселиться безвыѣздно въ его новгородскомъ помѣстьѣ, селѣ Кончанскомъ (Боровичскаго уѣзда). Здѣсь великій русскій полководецъ прожилъ слишкомъ два года въ полномъ уединеніи и забвеніи. Въ деревнѣ онъ повелъ самый простой образъ жизни: вставалъ рано и отправлялся на колокольню звонить, слушалъ въ церкви заутреню и обѣдню, во время которыхъ исполнялъ обязанности понамаря и дьячка, пѣлъ на клиросѣ, читалъ Апостолъ, подавалъ священнику кадило; по воскресеньямъ, послѣ обѣдни, заходилъ къ священнику въ гости. Гуляя послѣ обѣда по деревнѣ, онъ вмѣшивался въ игры крестьянскихъ дѣтей и бѣгалъ и прыгалъ съ ними, бесѣдовалъ съ взрослыми крестьянами объ ихъ нуждахъ и по возможности помогалъ имъ. Но въ то же время онъ зорко слѣдилъ за политическими событіями въ Зап. Европѣ. А тамъ происходили важныя событія.

Въ послѣдніе годы имп. Екатерины II во Франціи монархи-

ческая власть была уничтожена и на мѣсто ея провозглашена республика. Мало того, французы стали захватывать сосѣднія земли и въ нихъ также устанавливали республиканскій образъ правленія. Прусскій и австрійскій государи вступили въ войну съ республикой, но были побѣждены. Французы изъ оборонительнаго положенія перешли въ наступательное: ихъ войска, предводимыя молодымъ талантливымъ генераломъ Наполеономъ Бонапартомъ (впослѣдствіи императоромъ), вторглись въ сосѣднія земли, покорили ихъ и почти вездѣ ввели республиканскій образъ правленія. Еще Екатерина II рѣшила вступиться за побѣжденныхъ, но умерла во время приготовленій къ войнѣ. Между тѣмъ французы одерживали побѣду за побѣдой и захватывали область за областью. Особенно тяжело пришлось Австріи, у которой французы отняли почти всѣ ея владѣнія въ Италіи. Австрійскій императоръ просилъ у имп. Павла помощи. Павелъ I согласился. Начальникомъ соединенныхъ русско-австрійскихъ войскъ былъ назначенъ, по просьбѣ австрійскаго императора, Суворовъ, которому, по этому случаю, императоръ Павелъ вернулъ всѣ прежнія званія и отличія.

Въ полтора мѣсяца Суворовъ очистилъ отъ французовъ всю сѣверную Италію, несмотря на то, что французы посылали противъ него лучшихъ своихъ генераловъ. Имп. Павелъ наградилъ его за это титуломъ свѣтлѣйшаго князя Италійскаго.

Когда Италія почти вся была освобождена отъ французовъ, Суворовъ былъ вызванъ въ Швейцарію на помощь австрійскимъ войскамъ, которыя терпѣли тамъ пораженія отъ французовъ. Такая неожиданная перемѣна въ планѣ военныхъ дѣйствій поставила Суворова въ большое затрудненіе, такъ какъ приближалась осень—самое неудобное время для перехода черезъ горы; кромѣ того, всѣ проходы въ горахъ были заняты французами, такъ что остался только одинъ, самый трудный проходъ—черезъ Сенъ-Готардъ. Но, повинуясь волѣ своего императора, Суворовъ отправился въ этотъ походъ.

Въ началѣ сентября 1799 года, при ненастной и туманной погодѣ, двинулись русскія войска изъ Италіи въ Швейцарію черезъ Альпійскія горы, преодолѣвая на пути всевозможныя препятствія и трудности. Самъ Суворовъ все время былъ въ передовомъ отрядѣ; при немъ былъ великій князь Константинъ Павловичъ, котораго императоръ Павелъ отправилъ съ Суворовымъ, чтобы пріучить его къ перенесенію военныхъ лишеній и научиться побѣждать. Во все время швейцарскаго похода Суворовъ ѣхалъ верхомъ на казацкой лошади, въ старомъ «родительскомъ плащѣ».

При видѣ неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ горъ, съ ихъ льдами, водопадами, пропастями, испытывая уже въ началѣ похода недостатокъ провіанта, даже безстрашные «чудо-богатыри» Суворова смутились и возроптали. Нѣкоторые изъ полковъ осмѣлились

Переходъ Суворова черезъ Альпы.

даже не слушаться своихъ начальниковъ. «Что онъ хочетъ дѣлать»,—говорили солдаты;—«онъ изъ ума выжилъ: куда онъ насъ ведетъ». Узнавъ объ этомъ, Суворовъ приказалъ выстроить солдатъ рядами и передъ ними вырыть могилу. Потомъ явился самъ Суворовъ и началъ упрекать недовольныхъ за ихъ неповинове-

ніе: «Вы безславите мои сѣдины. Я водилъ къ побѣдамъ отцовъ вашихъ, но вы не дѣти мои—я не отецъ вашъ. Положите меня туда, въ могилу, заройте меня; я не переживу моего стыда и вашего позора». Онъ подбѣжалъ къ могилѣ. Солдаты заплакали. «Отецъ нашъ,—кричали они,—веди насъ, куда хочешь; умремъ съ тобой!» Толпой бросились они къ Суворову, падали на колѣни, цѣловали руки и клялись умереть съ нимъ...

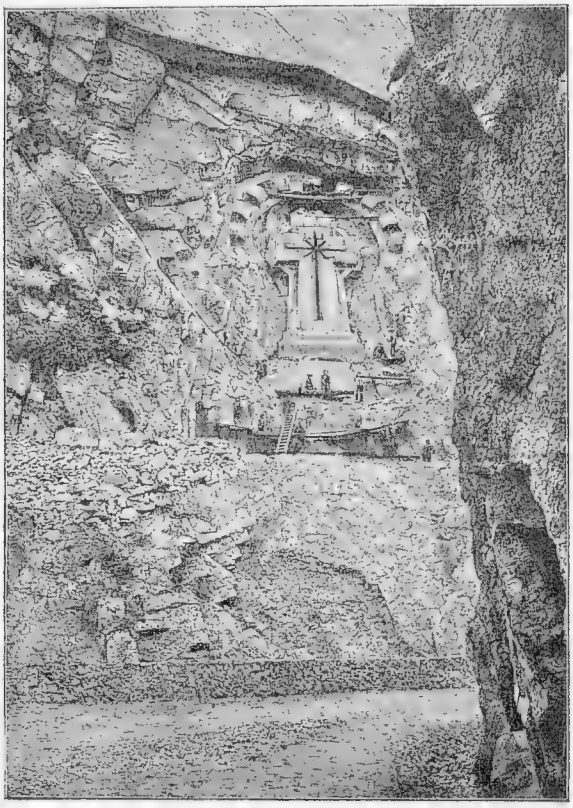
Переходъ черезъ Альпы былъ чрезвычайно труденъ: войскамъ приходилось карабкаться по отвѣснымъ скаламъ, идти по очень узкимъ тропинкамъ, перебираться черезъ водопады и терпѣть страшный холодъ и голодъ. Обувь у всѣхъ изорвалась, и многіе шли по камнямъ и снѣгу почти босикомъ, завернувъ ноги въ тряпки. При всемъ томъ французы заняли всѣ проходы, и русскимъ приходилось прокладывать путь оружіемъ. Особенно замѣчателенъ былъ переходъ черезъ такъ называемый Чортовъ мостъ, который въ видѣ арки былъ перекинутъ черезъ водопадъ на высотѣ 10 саженей.

Когда русскія войска, преодолѣвъ страшныя природныя препятствія, перешли Альпы и спустились въ Швейцарію, то оказалось, что австрійскіе генералы, не дождавшись Суворова, вступили съ французами въ сраженіе и были разбиты. Такимъ образомъ, Суворовъ оказался окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Положеніе его было ужасно: у него было только 18.000 человѣкъ (противъ 70.000 французовъ), притомъ измученныхъ переходомъ черезъ горы; у него не было ни артиллеріи, ни боевыхъ припасовъ, солдаты были босы и нуждались въ самомъ необходимомъ.

Въ такомъ положеніи Суворовъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовалъ и великій князь Константинъ Павловичъ. Суворовъ былъ очень разстроенъ. Никогда еще русскія войска не находились въ такомъ безвыходномъ положеніи. «Мы среди горъ,—говорилъ онъ,—окружены непріятелемъ, который превосходитъ насъ силами. Что предпринять намъ? Идти назадъ—постыдно: никогда еще не отступалъ я. Идти впередъ—невозможно: у Массены (французскаго генерала) 70.000, а у насъ едва 18.000; къ тому же мы безъ провіанта, безъ артиллеріи. Помощи ждать неоткуда. Мы на краю гибели. Одна надежда на Всемогущаго Бога да на храбрость и на самоотверженіе моихъ войскъ. Мы—русскіе. Съ нами—Богъ! Спасите честь Россіи и Государя! Спасите сына нашего императора!» Всѣ отвѣчали, что уступать непріятелю не думаютъ, а готовы или пробиться или умереть.

«Загорѣлись,—говоритъ одинъ историкъ,—сердца богатырскія русскихъ солдатъ; какъ львы, двинулись они, отражая французовъ и справа и слѣва, и спереди и сзади». Наконецъ французы вынуждены были оставить ихъ въ покоѣ. 26 сентября страшный швейцарскій походъ Суворова окончился.

Это былъ послѣдній героическій подвигъ Суворова. Имп. Павелъ наградилъ его саномъ генералиссимуса россійскихъ войскъ



Памятникъ Суворову у Чортова моста.

и въ рескриптѣ (указѣ) писалъ ему: «побѣждая повсюду враговъ отечества, недоставало вамъ еще одного рода славы—преодолѣть и самую природу. Но вы одержали и надъ ней верхъ. Нынѣ награждаю васъ по мѣрѣ признательности моей и, ставя на высшую степень, чести и геройству предоставленную, увѣренъ, что возвожу на оную знаменитѣйшаго полководца сего и другихъ вѣковъ». По повелѣнію императора, войска должны были отда-

вать Суворову такія же почести, какія приличествовали только императору; въ церквахъ, на молебнѣ за побѣды, велѣно было провозглашать многолѣтіе «россійской арміи побѣдоносцу»; въ С.-Петербургѣ приказано было воздвигнуть ему памятникъ.

Но эти неслыханныя до тѣхъ поръ почести отдавались Суворову недолго. Возвращаясь изъ швейцарскаго похода въ С.-Петербургъ, Суворовъ дорогой захворалъ, былъ привезенъ въ С.-Петербургъ совсѣмъ больнымъ и 6 мая 1800 г. умеръ. Прахъ Суворова хранится въ С.-Петербургѣ, въ Александро-Невской лаврѣ (въ Благовѣщенской церкви). Могила его находится подъ поломъ. Надъ гробомъ въ полъ вдѣлана плита съ надписью, завѣщанной имъ самимъ: «Здѣсь лежитъ Суворовъ».

XXX. Императоръ Александръ I.

1. Отечественная война. «Я билъ французовъ, но не добилъ; бѣда Европѣ»,—таковы были слова Суворова, когда онъ, послѣ своего швейцарскаго похода, получилъ приказъ возвратиться въ Россію. И дѣйствительно, при преемникѣ императора Павла, Александрѣ I, Европа сдѣлалась свидѣтельницей необычайной войны между Франціей и Россіей. Въ русской исторіи война эта извѣстна подъ именемъ «Отечественной».

Въ 1804 г. французскій генералъ Наполеонъ Бонапартъ былъ провозглашенъ императоромъ Франціи. Достигнувъ престола благодаря своимъ военнымъ талантамъ и подвигамъ, Наполеонъ, какъ искусный полководецъ, долженъ былъ искать завоеваній, военной славы, блеска побѣдъ, чтобы удержаться на престолѣ. И, дѣйствительно, онъ безпрерывно воевалъ съ сосѣдями. Въ нѣсколько лѣтъ онъ покорилъ почти всю Зап. Европу; въ однихъ государствахъ онъ свергалъ съ престола государей и на ихъ мѣсто сажалъ своихъ братьевъ и родственниковъ, въ другихъ оставлялъ прежнихъ государей, но ставилъ ихъ въ полную отъ себя зависимость. Одна только Россія не признавала надъ собой власти Наполеона. Желая сдѣлаться полновластнымъ распорядителемъ дѣлъ въ Европѣ, Наполеонъ задумалъ покорить и Россію, и лѣтомъ 1812 года, безъ объявленія войны, перешелъ русскую границу съ громаднымъ войскомъ, въ 600 тысячъ человѣкъ; въ этомъ войскѣ, кромѣ французовъ, были: итальянцы, голландцы, австрійцы, нѣмцы, испанцы и др.,—всего 12 народовъ.

Узнавъ о вторженіи непріятеля, императоръ Александръ издалъ приказъ, въ которомъ, призывая «вождей, полководцевъ и

воиновъ на защиту вѣры, отечества и свободы», объявлялъ, что онъ не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Россіи. Но такъ какъ силы русскихъ были значительно меньше французскихъ, то императоръ издалъ (6 іюля) манифестъ о всеобщемъ вооруженіи. Въ манифестѣ этомъ говорилось: «мы взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ, духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушно и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ замысловъ и покушеній вражескихъ. Да найдетъ непріятель на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ — Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ— Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина... Соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ».

Имп. Александръ I.

Этотъ манифестъ произвелъ во всей Россіи чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Когда императоръ Александръ вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ въ Москву, то былъ встрѣченъ народомъ съ неописаннымъ восторгомъ: жители Москвы вышли привѣтствовать его за заставу; хотѣли выпрячь его лошадей и везти на себѣ его коляску. Избѣгая этого, императоръ въѣхалъ въ Москву ночью, но на другой же день, узнавъ о его прибытіи, безчисленныя толпы народа наполнили Кремль. «Веди насъ, куда хочешь,—кричалъ народъ;—веди насъ, отецъ нашъ. Умремъ, или побѣдимъ. Возьми, государь, все имущество и жизнь нашу». Разсказываютъ, что одинъ купецъ (по другому извѣстію—крестьянинъ), видя государя грустнымъ и подавленнымъ тяжелой думой о борьбѣ съ сильнымъ врагомъ, протѣснился къ нему и сказалъ: «не унывай, государь; видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ. А сколько же во всей Россіи. Всѣ умремъ за тебя!»

Всѣ были готовы пожертвовать всѣмъ на защиту отечества; всюду собирались народныя ополченія; отовсюду несли деньги; отставные старики просились на службу; юноши бѣжали изъ отцовскихъ домовъ, спѣша стать въ ряды войскъ; купцы, мѣщане, ремесленники записывались въ полки; богатые помѣщики на свой счетъ вооружали цѣлые полки. Вмѣстѣ съ русскими, поднимались противъ французовъ калмыки и башкиры, сибирскіе тунгузы и крымскіе татары. Евреи, греки, армяне—молились о побѣдѣ русскаго царя и жертвовали деньги. Съ Урала и Буга шли полки казаковъ. Донскіе казаки поднялись поголовно, оставивъ дома стариковъ и малыхъ дѣтей. Дворянство различныхъ губерній выставляло на свой счетъ десятки тысячъ ратниковъ, а купечество жертвовало милліоны на военные расходы. (Историки говорятъ, что Россія въ короткое время добровольно выставила больше 300.000 ратниковъ и пожертвовала до ста милліоновъ рублей денегъ.) Вообще, воодушевленіе во всѣхъ классахъ общества было чрезвычайно велико.

При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ вступилъ въ Россію. Передъ походомъ, на съѣздѣ государей Зап. Европы въ Дрезденѣ, онъ хвастался, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Москва и С.-Петербургъ будутъ въ его рукахъ: «я иду въ Москву,—говорилъ онъ,—и въ одно или два сраженія все кончу. Императоръ Александръ будетъ просить у меня мира». Но ему пришлось горько разочароваться, такъ какъ война съ Россіей вовсе не походила на предшествовавшія его войны, когда послѣ одного сраженія государи являлись къ нему съ изъявленіемъ покорности. Особенно упорное сопротивленіе было оказано французамъ въ Смоленскѣ, гдѣ послѣ двухдневнаго боя изъ 2250 домовъ уцѣлѣло только 300 и изъ 15.000 жителей осталось едва ли 1000 человѣкъ. Отчаянная оборона Смоленска до такой степени поразила Наполеона, что онъ сдѣлалъ даже попытку вступить съ императоромъ Александромъ въ переговоры, но императоръ Александръ не удостоилъ Наполеона даже отвѣтомъ.

Русскими войсками начальствовали Багратіонъ и Барклай де-Толли. Барклай былъ главнокомандующимъ. Видя несомнѣнное превосходство силъ непріятеля, Барклай рѣшился дѣйствовать противъ Наполеона такимъ образомъ: не давая ему рѣшительнаго сраженія—отступать внутрь страны и, увлекая за собой непріятеля, постоянно безпокоить его мелкими схватками и всячески истощать его силы. Этой системы онъ придерживался съ самаго начала войны, а равно и послѣ взятія французами Смоленска.

Тутъ ему на помощь явилось еще новое обстоятельство: противъ французовъ, вмѣстѣ съ войсками, поднялся весь народъ. Перейдя Днѣпръ, французы безпрестанно встрѣчали прелестныя рощи, обработанныя поля, большія селенія и города. Но всѣ эти жилища были покинуты ихъ обитателями; еще чаще, на мѣстѣ жилищъ, при приближеніи враговъ, оказывались только дымящіяся головешки: сами хозяева жгли свои дома для того, чтобы они не доставались французамъ. Войска Наполеона не находили проводниковъ, погонщиковъ и т. п.; все бѣжало, скрывалось въ лѣса или уходило за отступавшей русской арміей. А если непріятель и успѣвалъ захватить кого-нибудь, то ни угрозами, ни побоями, ни деньгами нельзя было добиться отъ плѣнныхъ, чтобы они показывали дорогу; бывало и такъ, что проводникъ брался вести враговъ, а потомъ наводилъ ихъ на погибель—куда-нибудь въ болото или на русскую засаду—и убѣгалъ или самоотверженно погибалъ. Помѣщики вооружали свою дворню охотничьими ружьями и самодѣльными пиками; крестьяне принимались за топоры, косы и колья. Вооруженные, такимъ образомъ, чѣмъ попало, русскіе не могли, конечно, вступать съ французами въ открытыя сраженія, но они вели такъ наз. партизанскую войну, т.-е. они подстерегали французовъ, отдѣлявшихся отъ арміи, били отсталыхъ, рѣзали раненыхъ; по ночамъ они тревожили непріятеля неожиданными нападеніями, но лишь только замѣчали, что ихъ нападеніе открыто и ихъ ожидаютъ, они тотчасъ же скрывались въ лѣсу. Въ опустошенныхъ самими жителями городахъ и селахъ нельзя было достать никакихъ припасовъ; пришлось привозить ихъ изъ Польши, но правильное снабженіе французскихъ войскъ хлѣбомъ и другими припасами постоянно прерывалось партизанами и казаками. Армія Наполеона часто голодала. Въ конницѣ и артиллеріи лошади отъ безкормицы падали тысячами; люди, изнуренные, голодные, не имѣя подъ руками ни лѣкарствъ, ни больницъ, подвергались губительнымъ болѣзнямъ. Въ войскѣ стала падать дисциплина, и тысячи солдатъ, подъ предлогомъ собиранія для арміи провіанта, отставали отъ войска и грабили, что могли. Дошло до того, что Наполеонъ приказалъ ловить и разстрѣливать этихъ такъ наз. мародеровъ. Но ничто не помогало. Солдаты перестали слушаться даже самого Наполеона, тѣмъ больше, что офицеры и генералы нерѣдко сами подавали тому примѣръ, отдавая на разграбленіе помѣщичьи дома и церкви.

Такимъ образомъ, предположеніе Барклая де-Толли, что фран-

цузская армія придетъ въ разстройство сама собой, оправдывалось. Но современники его смотрѣли на дѣло иначе. По происхожденію нѣмецъ (изъ Лифляндіи), онъ не пользовался и прежде довѣріемъ войска, а его планъ войны, основанный на отступленіи и заманиваніи Наполеона въ глубь Россіи, окончательно возстановилъ противъ него и войско и общество. Его стали подозрѣвать даже въ измѣнѣ.

При такомъ положеніи дѣлъ, государь, внявъ голосу народа, назначилъ главнокомандующимъ кн. Михаила Иларіоновича Голенищева-Кутузова. Кутузовъ началъ свою службу еще въ царствованіе Екатерины II: онъ служилъ сначала подъ командой Румянцева, потомъ Суворова и особенно отличился при взятіи Измаила. Не разъ жизнь его находилась въ опасности: у него пулей былъ выбитъ глазъ, прострѣлена шея, но онъ остался живъ. «Видно,—говорили его современники,—Богъ бережетъ Кутузова на какое-нибудь необыкновенное дѣло». Съ военнымъ искусствомъ Наполеона Кутузовъ былъ уже знакомъ, такъ какъ командовалъ русскими войсками въ то время, когда Россія вела войну противъ Франціи въ союзѣ съ Австріей (въ 1805 г.). Еще тогда Наполеонъ назвалъ Кутузова «старой лисой» за его хитрыя и искусныя военныя движенія. Своимъ отношеніемъ къ солдатамъ Кутузовъ очень напоминалъ Суворова: такъ же былъ простъ съ ними и такъ же хорошо ихъ зналъ. Правда, Кутузовъ разъ былъ принужденъ отступить передъ Наполеономъ, но это отступленіе онъ совершилъ съ необыкновенной ловкостью и безъ большихъ потерь, за что и заслужилъ отъ Наполеона вышеуказанное прозвище. И Кутузовъ самъ гордился тѣмъ, что знаетъ Наполеона: «разбить меня,—говорилъ онъ,—Наполеонъ можетъ, но обмануть—никогда».

Имя Кутузова, природнаго русскаго, было извѣстно по всей Россіи, и вѣсть о назначеніи его главнокомандующимъ была встрѣчена и войскомъ и народомъ съ невыразимымъ восторгомъ. На всемъ пути отъ С.-Петербурга до Гжатска (между Вязьмой и Москвой) народъ привѣтствовалъ Кутузова молитвами и благословеніями.

19 августа Кутузовъ прибылъ къ арміи. Все ожило при его появленіи. Разсказывали, что когда онъ въ первый разъ осматривалъ войска, большой орелъ леталъ у него надъ головой. «Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ»,—говорили солдаты, ожидая отъ Кутузова приказанія немедленно остановиться и дальше не отступать. Всѣ ждали боя. Но Кутузовъ, осмотрѣвъ позиціи войскъ,

нашелъ ихъ неудобными для сраженія и отдалъ на другой же день приказъ отступить. На этотъ разъ отступали недолго. Въ 108 верстахъ отъ Москвы была найдена удобная позиція у села Бородина, и здѣсь рѣшено дать Наполеону сраженіе.

Весь день 25 августа, наканунѣ Бородинскаго боя, прошелъ въ приготовленіяхъ. Русскіе готовились къ завтрашнему сраженію, какъ къ суду Божію. По рядамъ войскъ была пронесена чудотворная икона Смоленской Божіей Матери, вынесенная изъ этого города русскими при отступленіи и съ тѣхъ поръ сопутствовавшая войскамъ. Солдаты одѣвали чистое бѣлье, готовясь къ смерти. Многіе отказывались отъ обычной порціи водки, говоря: «не такой завтра день, не къ тому готовимся». Уныпія ни въ комъ замѣтно не было, но не было въ русскомъ войскѣ и шумнаго веселья: въ русскомъ лагерѣ стояла какая-то торжественная тишина, какъ бываетъ обыкновенно въ ожиданіи великихъ событій. Кутузовъ объѣзжалъ войска и говорилъ съ ними просто, но такъ, что его слова проникали въ душу каждаго. «Братцы, — говорилъ онъ, — помните, что за нами Москва». И этими словами онъ производилъ на солдатъ больше впечатлѣнія, чѣмъ если бы сказалъ передъ ними длинную рѣчь. Единодушное «ура» сопровождало его все время, пока онъ переѣзжалъ отъ одного полка къ другому. Въ противоположность русскимъ, французы весело пировали, въ надеждѣ, что наконецъ-то ихъ труды и лишенія кончатся. Наполеонъ радовался, что русскіе рѣшились дать сраженіе: онъ надѣялся, что останется побѣдителемъ и, такимъ образомъ, сразу окончитъ эту войну, столь непохожую на всѣ его предшествовавшія войны. Онъ боялся только одного, какъ бы Кутузовъ не

М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

отступилъ безъ боя: поэтому онъ нѣсколько разъ посылалъ ночью посмотрѣть и разузнать, не отходятъ ли русскіе, и каждый разъ выражалъ радость, когда ему доносили, что русскіе стоятъ на своихъ мѣстахъ.

Сраженіе началось на разсвѣтѣ 26-го августа, и окончилось только поздно вечеромъ. Ни одна изъ прежнихъ битвъ, данныхъ Наполеономъ, не можетъ идти въ сравненіе съ Бородинской битвой или «сраженіемъ подъ Москвой», какъ ее называлъ самъ Наполеонъ. До 300.000 человѣкъ съ 1000 слишкомъ пушекъ бились здѣсь больше 12 часовъ на небольшомъ пространствѣ, не больше 3 кв. верстъ. Почти треть людей съ обѣихъ сторонъ была убита или ранена. Нѣкоторые полки были уничтожены до послѣдняго человѣка. Укрѣпленія переходили по 6 разъ изъ рукъ въ руки. Гулъ пушечной пальбы слышенъ былъ за 100 верстъ. Бывали минуты, когда залпы орудій сливались въ протяжный гулъ, подобный непрерывнымъ раскатамъ грома; отъ этихъ залповъ тряслась земля и помрачалось небо.

Но всѣ старанія французовъ были напрасны. Когда сраженіе прекратилось вслѣдствіе темноты и чрезвычайнаго утомленія сражающихся, то оказалось, что русскіе не отступили ни на шагъ. Потери обѣихъ армій простирались до 100.000 человѣкъ: французы потеряли убитыми и ранеными 43 генерала и до 50.000 ч., русскіе 20 генераловъ (въ томъ числѣ храбраго кн. Багратіона) и больше 50.000 убитыми и ранеными. Французскіе историки назвали эту битву «битвой генераловъ», а самъ Наполеонъ впослѣдствіи говорилъ: «изъ всѣхъ моихъ сраженій—самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвой. Французы показали себя въ немъ достойными одержать побѣду, а русскіе пріобрѣли право называться непобѣдимыми».

Кутузовъ хотѣлъ сразиться съ французами еще разъ на слѣдующій день, но, убѣдившись въ неслыханныхъ до тѣхъ поръ потеряхъ, приказалъ войскамъ отступать къ Москвѣ, предполагая подъ ея стѣнами дать французамъ другое, рѣшительное сраженіе.

Но сражаться не пришлось. Около Москвы не нашлось подходящей позиціи, и тогда Кутузовъ созвалъ въ подмосковной деревнѣ Филяхъ военный совѣтъ. (Изба, въ которой происходилъ этотъ совѣтъ, цѣла до сихъ поръ подъ названіемъ Кутузовской.) На совѣтѣ предложенъ былъ вопросъ: сразиться ли еще разъ, или уступить Москву безъ боя. Мнѣнія раздѣлились. Одни генералы были за сраженіе, другіе—противъ. Выслушавъ обѣ стороны, Кутузовъ сказалъ: «Съ потерей Москвы еще не потеряна Россія,

доколѣ будетъ существовать армія, но съ уничтоженіемъ арміи Москва и Россія—потеряны. Уступленіемъ Москвы мы подготовимъ гибель непріятелю: если непріятель займетъ Москву, онъ расплывется въ ней, какъ губка, а я буду свободнѣе дѣйствовать, какъ захочу. Знаю, что отвѣтственность обрушится на меня, но жертвую собой благу Россіи. Приказываю отступать». Но дорого стоило Кутузову рѣшиться на подобную жертву. Когда совѣтъ разошелся, Кутузовъ, оставшись одинъ, не скрывалъ горестныхъ чувствъ

Военный совѣтъ въ Филяхъ. Съ карт. *Кившенко.*

своихъ. Приближенные его видѣли, какъ всю ночь онъ то сидѣлъ, то ходилъ, печальный, задумчивый, и слезы текли изъ его глазъ. «Но доведу жъ я проклятыхъ французовъ до того, что они будутъ у меня ѣсть лошадиное мясо»,—воскликнулъ Кутузовъ, ударивъ кулакомъ по столу.

Между тѣмъ всѣ въ Москвѣ были увѣрены, что подъ Москвой произойдетъ еще сраженіе. Особенно простой народъ не допускалъ даже мысли, что французы могутъ занять Москву. Самъ губернаторъ московскій не думалъ до послѣдняго дня о возможности сдачи Москвы безъ боя и возбуждалъ народъ собраться въ ополченіе для отраженія непріятеля. Но Кутузовъ, отдавъ приказъ объ отступленіи, велѣлъ этому ополченію разойтись.

Трудно представить себѣ, какъ была поражена Москва извѣстіемъ о томъ, что на военномъ совѣтѣ рѣшено отдать Москву

безъ сраженія. Всѣ болѣе или менѣе зажиточные жители стали уѣзжать изъ города; купцы вывозили товары или зарывали ихъ въ землю. Ѣхали на чемъ попало: за неимѣніемъ лошадей,—такъ какъ для вывоза одного только казеннаго имущества понадобилось нѣсколько десятковъ тысячъ подводъ,—уходили пѣшкомъ, унося съ собой, что можно. Въ ночь отправилось духовенство съ иконами изъ соборовъ и церквей, вывезли всѣ присутственныя мѣста, и, наконецъ, вышли всѣ полицейскія команды. Велѣно было разбить бочки съ виномъ на винномъ дворѣ и въ кабакахъ, истребить всѣ казенные и частные запасы муки, крупы и т. п. припасовъ; нѣсколько барокъ съ казенными снарядами и порохомъ были затоплены въ Москвѣ-рѣкѣ. Пожарныя трубы были изъ города вывезены.

2 сентября русскія войска начали проходить черезъ Москву, а слѣдомъ за ними явились французы. Когда Наполеонъ съ По-

Московскій Кремль въ концѣ XVIII вѣка.

клонной горы увидѣлъ Москву съ ея золотыми главами церквей, съ ея полуазіатскимъ видомъ, съ ея пестротой зданій, во многихъ мѣстахъ тонувшихъ въ густой зелени садовъ, онъ не могъ скрыть своего удовольствія. «А! Такъ вотъ онъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ»,—сказалъ онъ. Подъѣхавъ къ заставѣ, онъ сошелъ съ лошади, стоялъ, сложа руки на груди, потомъ сталъ ходить въ волненіи взадъ и впередъ; потомъ въ нетерпѣніи онъ послалъ нѣсколькихъ человѣкъ въ городъ на развѣдки. «Можетъ

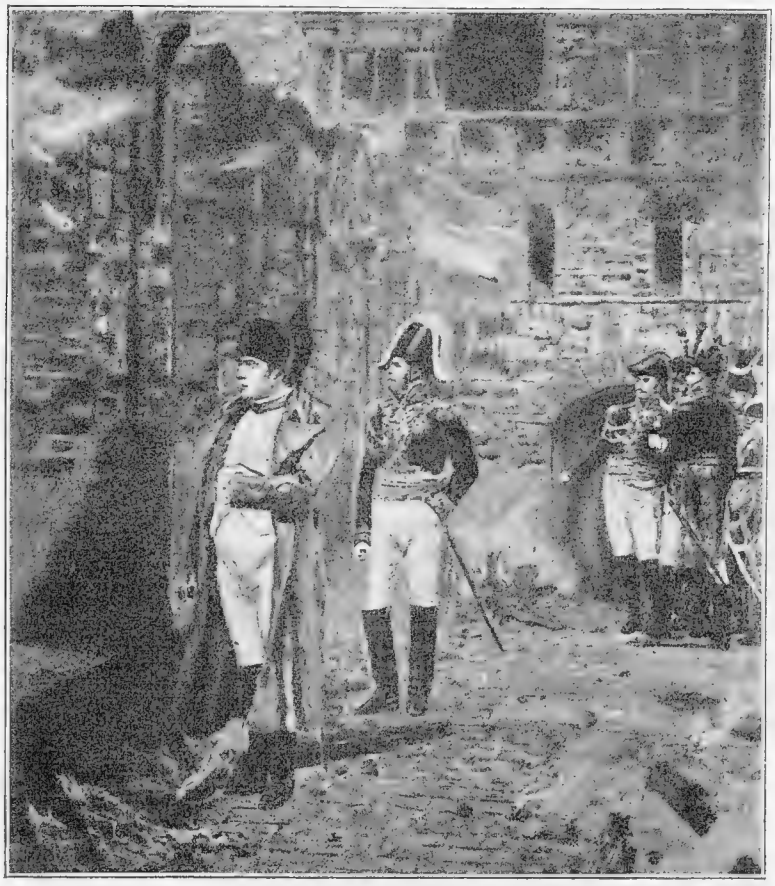
быть, эти варвары не знаютъ, какъ сдаютъ города». Наполеонъ, очевидно, ожидалъ, что къ нему явится депутація отъ города, которая, въ знакъ сдачи, поднесетъ ему ключи города. Между тѣмъ Наполеону доложили, что Москва пуста. «Что за нелѣпость,—вскричалъ Наполеонъ.—Приведите депутатовъ, приведите ко мнѣ бояръ». Около часу прошло въ томительномъ ожиданіи. Наконецъ, вмѣсто знатныхъ бояръ, къ нему привели нѣсколькихъ иностранцевъ, оставшихся въ Москвѣ. Они подтвердили извѣстіе, что Москва пуста. «Но гдѣ же сенатъ?»—Уѣхалъ.—«Губернаторъ?»—Уѣхалъ.—«Народъ?»—Убѣжалъ. «Кто же въ Москвѣ?» Никого нѣтъ.

Такъ вступили французы въ Москву.

Едва Наполеонъ вступилъ въ Москву, какъ въ ней начались пожары. Сначала французы думали, что эти пожары происходятъ отъ неосторожности, но скоро убѣдились, что городъ жгутъ сами русскіе. На другой день Москва была объята пламенемъ со всѣхъ сторонъ. Французы пробовали было бороться съ огнемъ, но оказалось, что въ то время, когда они тушили пожаръ въ одномъ мѣстѣ, огонь вспыхивалъ сразу въ нѣсколькихъ новыхъ мѣстахъ. Никакія усилія французовъ не могли поэтому остановить пожаровъ. Самъ Наполеонъ говорилъ впослѣдствіи, что «никакія описанія пожара не могутъ сравниться съ дѣйствительностью московскаго пожара. Дома были деревянные, вѣтеръ ужасный, трубы пожарныя вывезены. Это, говоря буквально, былъ огненный океанъ». Наполеонъ помѣстился было въ Кремлевскомъ дворцѣ, но пожаръ заставилъ его выбраться отсюда въ загородный Петровскій дворецъ. Казалось, что стѣны Кремля готовы были развалиться отъ жара. Стекла лопались въ окнахъ дворца. Воздухъ былъ удушливъ до того, что невозможно было дышать; искры и головни летѣли отовсюду на Кремль. Черезъ 4 дня, когда пожаръ прекратился, Наполеонъ опять вернулся въ Кремлевскій дворецъ. Москва превратилась въ груды развалинъ и пепла: болѣе двухъ третей домовъ и церквей погибло отъ пожара. Трудно даже приблизительно подсчитать потери, нанесенныя этимъ пожаромъ, такъ какъ во время его, кромѣ казеннаго и частнаго имущества, въ огнѣ погибли драгоцѣнные остатки древностей, сокровища знаній и наукъ—вообще многое, чего не могли или не успѣли вывезти.

Пожаръ сопровождался страшнымъ грабежомъ. Солдаты Наполеона вламывались въ дома и грабили, что получше; нерѣдко они врывались за добычей въ горящіе дома и сами погибали въ пламени: часто изъ-за добычи они дрались другъ съ другомъ, и

не мало ихъ погибло такимъ образомъ. Награбленнымъ добромъ они навьючивали захваченныхъ жителей и заставляли тащить въ свой лагерь. Часто ихъ били до полусмерти, чтобы допытаться, гдѣ спрятаны особенно дорогія вещи. Всякій порядокъ во французской арміи пропалъ: толпы солдатъ рылись въ домахъ, въ по-



Пожаръ въ Кремлѣ. Съ карт. *Верещагина.*

гребахъ, въ садахъ, отыскивая скрытое имущество; другіе бродили оборванные, закоптѣлые или въ странныхъ нарядахъ, одѣвая на себя, что попало.

Такъ сгорѣла и была ограблена Москва. Французы надѣялись, что они найдутъ въ Москвѣ полное довольство и спокойныя зимнія квартиры, а вмѣсто того ихъ приходилось, несмотря на на-

ступавшую осень, жить въ палаткахъ, какъ на бивуакахъ; вмѣсто теплыхъ казармъ они принуждены были грѣться около костровъ, которые устраивали изъ обломковъ мебели, экипажей и т. п. У нихъ были въ изобиліи вино, кофе, чай; они награбили много золота и серебра по церквамъ, но, благодаря предусмотрительности русскихъ и пожару, у нихъ не было хлѣба, и голодъ скоро сталъ очень ощутителенъ.

Только теперь Наполеонъ понялъ, что его походъ не удался, что съ занятіемъ Москвы онъ ничего не выигралъ, а, наоборотъ, самъ оказался въ довольно тяжеломъ положеніи въ опустошенной, полусожженной Москвѣ, посреди враждебнаго ему цѣлаго народа. Поэтому Наполеонъ сталъ думать о переговорахъ съ императоромъ Александромъ, отправилъ къ нему весьма любезное письмо, но отвѣта на него не получилъ.

Между тѣмъ имп. Александръ, потрясенный, какъ и всѣ русскіе люди, вѣстью о занятіи Москвы французами и о всѣхъ бѣдствіяхъ столицы, не упалъ духомъ.—«Скажите всѣмъ,—замѣтилъ онъ посланному отъ Кутузова, который привезъ ему печальную вѣсть о паденіи Москвы,—что если у меня не останется ни одного солдата, я созову вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду самъ предводительствовать ими и подвигну всѣ средства моей имперіи. Но если Промысломъ Божіимъ мнѣ предназначено не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, я отращу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ, пожертвованія которыхъ я умѣю цѣнить. Наполеонъ или я, я или Наполеонъ,—но оба вмѣстѣ мы царствовать не можемъ».

Эти слова государя возбудили всеобщій восторгъ. Можно сказать, что, со времени занятія Москвы французами, противъ нихъ ополчилось поголовно все населеніе подмосковныхъ мѣстностей: старики, молодые юноши, даже женщины выходили «охотиться» за французами. Дошло до того, что даже на фуражировку, т.-е. за добываніемъ провіанта себѣ и лошадямъ, французы не могли отправляться иначе, какъ большими партіями, изъ боязни быть истребленными. Ожесточеніе народа противъ французовъ было тѣмъ сильнѣе, что французы оскорбляли религіозныя чувства русскихъ: всѣмъ было хорошо извѣстно, что въ Москвѣ церкви были обращены въ бойни, конюшни, склады сѣна, овса и др. припасовъ для лошадей; въ одномъ изъ Кремлевскихъ соборовъ помѣстился Наполеонъ послѣ пожара, въ другомъ маршалъ Даву

(въ Чудовомъ монастырѣ); въ третьемъ была устроена литейная, гдѣ оклады съ иконъ и священные сосуды, для удобства дѣлежа и перевозки, переливались въ слитки и т. п.

Къ концу сентября положеніе французовъ въ Москвѣ сдѣлалось весьма затруднительнымъ. Такъ какъ подвозъ припасовъ былъ сопряженъ съ большими затрудненіями и опасностями, то войско Наполеона стало терпѣть недостатокъ во всемъ: съ голоду солдаты стрѣляли воронъ, ѣли кошекъ, лошадей. Мало-по-малу обнаружилось, что дальнѣйшее пребываніе въ Москвѣ невозможно, и Наполеонъ опять заговорилъ о мирѣ.

Между тѣмъ русская армія съ каждымъ днемъ усиливалась. Кутузовъ, выйдя изъ Москвы по направленію къ Рязани, черезъ нѣсколько времени перемѣнилъ свой маршрутъ такъ искусно, что шедшіе по его слѣдамъ французы въ теченіе нѣсколькихъ дней не знали, куда дѣвалась русская армія. А Кутузовъ съ Рязанской дороги поворотилъ на Калужскую и расположился близъ с. Тарутина. Тутъ онъ остановился и сказалъ: «теперь—ни шагу назадъ». Такимъ образомъ онъ надѣялся не пропустить Наполеона въ нетронутыя войной южныя губерніи. Сюда къ нему прибылъ одинъ французскій генералъ съ формальнымъ предложеніемъ мира отъ имени Наполеона. На это Кутузовъ отвѣтилъ, что онъ уполномоченъ государемъ только вести войну, что ему запрещено даже произносить слово «миръ» или «перемиріе». Дѣйствительно, отъ имп. Александра было получено приказаніе—не входить ни въ какіе переговоры или сношенія съ непріятелемъ. «Никакія предложенія непріятеля,—писалъ Александръ,—не понудятъ насъ прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность—отомстить за оскорбленное отечество».

6-го октября Кутузовъ перешелъ въ наступленіе. Близъ Тарутина русскіе напали на передовой отрядъ французовъ, разбили его и захватили много плѣнныхъ и пушекъ. Какъ только Наполеонъ узналъ объ этомъ, онъ отдалъ приказъ о немедленномъ выступленіи изъ Москвы. Прежде всего отправили больныхъ, раненыхъ и обозъ съ золотомъ и серебромъ въ слиткахъ (большею частью съ иконъ). Тутъ же находились старыя знамена турецкія, польскія и др., орелъ съ зданія сената и крестъ съ колокольни Ивана Великаго. (Французы сняли его, предполагая, что онъ золотой; когда же оказалось, что онъ мѣдный, только вызолоченный, то было рѣшено все-таки взять его съ собой, какъ знакъ побѣды.) Передъ выступленіемъ въ походъ Наполеонъ приказалъ взорвать кремлевскія стѣны и всѣ важнѣйшія зданія Кремля—

соборы, дворцы и пр.,; къ счастью, не всѣ мины взорвались, и проливной дождь залилъ начавшійся пожаръ.

Выступившая изъ Москвы французская армія представляла необычайное зрѣлище. Гвардія Наполеона и нѣсколько пѣхотныхъ полковъ, дѣйствительно, шли стройно, въ полномъ порядкѣ; но за ними чуть не на 30 верстъ растянулись разнаго рода экипажи (начиная съ каретъ и кончая простыми телѣгами) съ людьми, припасами и добычей, захваченными въ Москвѣ. Вьюки съ награбленными вещами виднѣлись повсюду, даже на пушкахъ и зарядныхъ ящикахъ; многіе пѣхотинцы сгибались подъ тяжестью награбленнаго добра. Очевидцы говорятъ, что французская армія по выходѣ изъ Москвы больше походила на орду дикихъ завоевателей, чѣмъ на устроенное европейское войско. Когда Кутузовъ узналъ объ уходѣ французовъ изъ Москвы, онъ заплакалъ и, обратясь къ образу Спасителя, произнесъ: «Боже, Создатель мой! Наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей. Съ этой минуты Россія спасена».

Выйдя изъ Москвы, Наполеонъ направился на югъ, къ Калугѣ, предполагая потомъ свернуть къ западу и вернуться къ Смоленску, по новой, еще не опустошенной мѣстности. (Мысль о вторженіи въ южныя хлѣбородныя губерніи онъ уже оставилъ послѣ Тарутина.) Но Кутузовъ разгадалъ намѣреніе Наполеона и загородилъ ему дорогу около Малоярославца. 12-го октября завязалось кровопролитное сраженіе, длившееся цѣлый день. Городъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Къ концу сраженія, когда темнота разлучила противниковъ, Наполеонъ понялъ, что ему не пробиться здѣсь, и онъ приказалъ отступать. Но отступать пришлось по опустошенной Смоленской дорогѣ. А этого только и хотѣлъ, этого только и надо было Кутузову. Идя за «Великой арміей» по пятамъ, параллельными маршами, онъ всякій разъ оказывалъ французамъ упорное сопротивленіе, когда они хотѣли свернуть съ этой дороги въ мѣстности, менѣе пострадавшія отъ войны. Всѣ сраженія—подъ Вязьмой, Духовщиной, Краснымъ — окончились полнымъ пораженіемъ французовъ. Вообще въ Смоленской губерніи было истреблено столько французовъ, что отъ войска Наполеона остались одни жалкіе остатки. За эти подвиги Кутузовъ получилъ прозвище «Смоленскаго».

Ко всѣмъ бѣдствіямъ французовъ присоединились еще страшные морозы, начавшіеся въ 1812 г. съ ноября. Французы кутались отъ холода въ священническія ризы, стихари, женскіе салопы и рогожи обертывали ноги соломой; изнуренные отъ голода и

жестоко страдая отъ холода, они едва-едва двигались. Завидѣвъ костеръ, они изо всей силы бросались къ нему, но многіе тутъ же умирали отъ истощенія силъ. Русскіе у разложенныхъ французами огней часто находили полуобгорѣвшіе трупы; очевидно, пододвинувшись къ пылающимъ кострамъ, эти несчастные не имѣли силъ даже отползти отъ огня, когда онъ начиналъ ихъ захватывать. Мѣсто каждой остановки французовъ обозначалось множествомъ труповъ—скорченныхъ, почернѣвшихъ, полуобгорѣлыхъ. Тысячами они падали мертвыми и всю дорогу устлали своими трупами. (По словамъ одного историка, въ Смоленской

Бѣгство французовъ. Съ карт. *Прянишникова.*

губерніи сожжено было 61,886 и закопано 107.188 человѣческихъ тѣлъ, большею частью непріятельскихъ.) Лошадиное мясо, даже падаль — было лакомствомъ. Французскіе солдаты сдѣлались какими-то звѣрями, готовыми убить другъ друга за кусокъ хлѣба; находились и такіе, которые, отнявъ или укравъ что-нибудь съѣстное у товарищей, бросали оружіе, оставляли свою команду и смѣшивались съ толпою бродягъ, шедшихъ за арміей.

Большую помощь при уничтоженіи непріятельской арміи оказали Кутузову летучіе отряды казаковъ и партизановъ. (Изъ предводителей послѣднихъ наиболѣе извѣстны: Сеславинъ, Фигнеръ, Денисовъ, Энгельгардтъ и др.) Къ нимъ присоединились крестьяне, которые, вооружившись дубинами, косами, вилами и топорами, даже цѣпами, гнали и брали въ плѣнъ цѣлые непріи-

тельскіе отряды. (Нужно, впрочемъ, сказать, что многіе сдавались въ плѣнъ, считая это счастьемъ, такъ какъ являлась надежда, по крайней мѣрѣ, сохранить жизнь.) Сдавшіеся въ плѣнъ молили только о хлѣбѣ и теплѣ. Цѣлыми толпами ихъ отправляли въ Россію, даже безъ провожатыхъ. Число французовъ, взятыхъ въ плѣнъ, было такъ велико, что нѣкоторые партизаны прямо не знали, что съ ними дѣлать. Всякая дисциплина въ французскомъ войскѣ исчезла—даже въ «старой гвардіи» Наполеона.

На р. Березинѣ арміи Наполеона готовилась окончательная гибель, такъ какъ она оказалась окруженной со всѣхъ сторонъ

Отступленіе Великой арміи черезъ Вильну. Съ карт. *Даніеля.*

русскими арміями: петербургской, Кутузова и дунайской. Но Наполеонъ очень искусно воспользовался ошибкой полководца дунайской арміи Чичагова и переправился черезъ Березину, чѣмъ самъ лично избѣжалъ плѣна и спасъ часть арміи. Но остальное французское войско было здѣсь уничтожено или взято въ плѣнъ. Рѣка Березина была, въ полномъ смыслѣ, запружена трупами, такъ что по нимъ можно было перейти пѣшкомъ съ одного берега на другой. Всѣ обозы, вся артиллерія и вся добыча, награбленная французами въ Москвѣ, достались русскимъ.

Скоро послѣ несчастной переправы черезъ Березину Наполеонъ покинулъ остатки своей арміи на произволъ судьбы и по-

спѣшилъ во Францію набирать новое войско. Послѣ его отъѣзда въ арміи пропалъ и послѣдній порядокъ. Присутствіе Наполеона, его имя какъ-то сдерживали французскихъ солдатъ; безъ него они уже не отступали, а бѣжали безъ всякаго порядка. Со всѣхъ сторонъ ихъ преслѣдовали русскія войска, и если жалкіе остатки французской арміи добрались все-таки до границы, то это можно объяснить только тѣмъ, что и русскія передовыя войска не меньше французовъ страдали отъ морозовъ и недостатка въ пищѣ и были крайне утомлены этимъ безпрерывнымъ преслѣдованіемъ и постоянными стычками съ непріятелемъ. «Только одна добрая воля русскаго солдата содѣлывала возможными такія трудности»,—говоритъ одинъ современникъ.

11-го декабря имп. Александръ прибылъ въ Вильну, уже занятую русскими войсками, и первымъ его дѣломъ было наградить мудраго полководца русскихъ армій и выразить благодарность всѣмъ войскамъ. Кутузовъ получилъ орденъ Георгія 1-ой степени, а солдатамъ императоръ сказалъ: «Вы спасли не одну Россію: вы спасли Европу».

Такъ окончилась война 1812 года, названная «Отечественной». 25 декабря, въ день Рождества Христова, во всѣхъ церквахъ Россійской имперіи уже служили благодарственные молебны за избавленіе русской земли отъ «нашествія галловъ и съ ними дванадесяти языкъ», т.-е. 12-ти народовъ. (Этотъ молебенъ и до сихъ поръ служится послѣ обѣдни на Рождествѣ.) Кутузову и Барклаю де-Толли въ С.-Петербургѣ, противъ Казанскаго собора, поставлены памятники, а въ Москвѣ сооруженъ Храмъ Христа Спасителя «въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели и въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ отечеству, какими въ тѣ трудныя времена превознесъ себя народъ русскій»,—какъ сказано въ манифестѣ Александра I. (Первоначально храмъ былъ заложенъ на Воробьевыхъ горахъ, но потомъ, въ царствованіе имп. Николая I, храмъ начали строить на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится теперь. Освященъ былъ этотъ храмъ въ 1883 г.)

Изгнавъ французовъ изъ Россіи, имп. Александръ рѣшилъ освободить и всю Европу отъ господства Наполеона. 1 января 1813 г. русскія войска перешли черезъ западную границу и вступили въ нѣмецкія земли, чтобы идти къ Парижу (главному городу Франціи). «Идемъ довершить пораженіе непріятеля на собственныхъ поляхъ его»,—говорилъ Кутузовъ своему войску.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приглашалъ нѣмцевъ заключить съ нимъ союзъ противъ Наполеона: «не завоеванія,—писалъ онъ нѣмецкимъ князьямъ,—но свобода ваша—цѣль нашего похода. Призываемъ васъ соединиться, идемъ къ вамъ друзьями». Имп. Александръ лично находился при войскѣ. Сначала только одна Пруссія возстала противъ Наполеона и соединила свои войска съ русскими. Наполеонъ, собравъ большое войско, разбилъ союзниковъ въ двухъ сраженіяхъ и заставилъ ихъ отступить *). Тогда императору удалось привлечь къ союзу съ Россіей и Пруссіей Швецію и Австрію; Англія также обязалась помогать союзникамъ деньгами и снарядами. Произошелъ цѣлый рядъ битвъ. Въ послѣдней изъ нихъ—подъ Лейпцигомъ,—которая продолжалась 3 дня и въ которой участвовало съ обѣихъ сторонъ до полумилліона человѣкъ (это сраженіе названо было «битвой народовъ»), Наполеонъ потерпѣлъ страшное пораженіе и долженъ былъ уйти во Францію. Союзныя войска побѣдоносно подошли къ Парижу, взяли его и заставили Наполеона отказаться отъ престола. Королемъ Франціи былъ посаженъ братъ прежняго короля (въ мартѣ 1814 г.).

Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ.

Когда имп. Александръ вернулся въ Россію, онъ былъ встрѣченъ всеобщимъ восторгомъ. Сенатъ и Синодъ, отъ имени народа, поднесли ему титулъ «Благословеннаго» и просили позволенія воздвигнуть въ честь его памятникъ; но императоръ, по свойственной ему скромности, отказался. (Впослѣдствіи этотъ памятникъ былъ поставленъ въ царствованіе имп. Николая I: это такъ наз. Александровская колонна передъ Зимнимъ дворцомъ въ С.-Петербургѣ. Она высѣчена изъ цѣльнаго гранита; на верху

*) Кутузова въ это время не было въ живыхъ: онъ умеръ въ началѣ похода, 16 апр. 1813 г.

ел—фигура ангела съ крестомъ въ рукахъ; надпись на колоннѣ гласитъ: «Александру I—благодарная Россія»).

Западныя государства называли императора Александра освободителемъ и умиротворителемъ народовъ. Россія въ вознагражденіе за огромныя жертвы на защиту Европы получила значительную часть Польши. (Кромѣ того, независимо отъ войны съ Наполеономъ, къ Россіи были присоединены—Финляндія, послѣ войны съ Швеціей, и Бессарабская область, послѣ войны съ турками.)

2. **Внутренняя дѣятельность.** Имп. Александръ былъ любимый внукъ Екатерины Великой. Какъ было уже сказано, бабушка сама заботилась о его воспитаніи, сама даже писала книги для поученія и развитія своего внука и въ этихъ книгахъ излагала правила, какъ долженъ поступать человѣкъ, чтобы ни ему, ни другимъ не было худо. Благодаря стараніямъ бабки, имп. Александръ получилъ отличное воспитаніе. Очень добрый отъ природы, Александръ, еще будучи наслѣдникомъ престола, съ самой юности своей, уже успѣлъ заслужить всеобщую любовь какъ въ народѣ и обществѣ, такъ и въ войскѣ.

Вступивъ въ 1801 году на престолъ, послѣ смерти имп. Павла, Александръ объявилъ, что будетъ править «по законамъ и по сердцу бабки своей Екатерины Великой», чтобы «вознести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрноподданнымъ». И дѣйствительно, вся первая половина царствованія имп. Александра I отмѣчена цѣлымъ рядомъ законовъ, направленныхъ ко благу народа. (Къ сожалѣнію, война 1812 г. и послѣдующія событія помѣшали дальнѣйшему развитію этой благотворной дѣятельности.) Была уничтожена Тайная экспедиція, учрежденная для розысковъ по политическимъ преступленіямъ; были запрещены пытки, употреблявшіяся при допросахъ; отмѣнены жестокія тѣлесныя наказанія. Особенно заботился императоръ Александръ объ улучшеніи положенія крестьянъ и о распространеніи въ народѣ образованія. Онъ думалъ даже совсѣмъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но его убѣдили, что такая мѣра можетъ оказаться небезопасной для спокойствія государства. Тогда, оставивъ мысль объ освобожденіи крестьянъ, Александръ I старался всячески облегчить ихъ положеніе: онъ прекратилъ раздачу въ награду имѣній съ крестьянами, позволилъ помѣщикамъ отпускать крестьянъ на волю (обязательно съ землей) и принималъ строгія мѣры противъ помѣщиковъ, жестоко обращавшихся съ своими крестьянами.

Для распространенія въ народѣ образованія было учреждено

много учебныхъ заведеній для разныхъ сословій (особенное вниманіе было обращено на образованіе духовенства); для другихъ сословій почти во всѣхъ губернскихъ городахъ были основаны гимназіи, а въ уѣздныхъ—уѣздныя училища (въ позднѣйшія времена преобразованныя въ городскія); были учреждены 3 университета—въ С.-Петербургѣ, Харьковѣ и Казани. На счетъ самого имп. Александра была напечатана знаменитая «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина. Въ С.-Петербургѣ основана Императорская Публичная библіотека и мн. др. По примѣру государя, и частныя лица дѣлали щедрыя пожертвованія на пользу просвѣщенія: напр., Демидовымъ учрежденъ лицей въ Ярославлѣ, гр. Безбородко—въ Нѣжинѣ и т. п.

Въ государственномъ управленіи было также сдѣлано много улучшеній. Для завѣдыванія важнѣйшими частями государственнаго управленія учреждены были министерства *)—военное, морское, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, народнаго просвѣщенія и др. Главное начальство надъ министерствомъ принадлежало министру, который одинъ всѣмъ распоряжался и за все одинъ отвѣчалъ передъ государемъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ министры должны были руководствоваться законами; для составленія же законовъ было создано новое учрежденіе—Государственный Совѣтъ: тамъ обсуждались новые законы, которые потомъ поступали на утвержденіе государя. Весь планъ реформы внутренняго управленія былъ составленъ и отчасти приведенъ въ исполненіе (къ сожалѣнію, большой помѣхой явилась война съ Наполеономъ) М. М. Сперанскимъ, замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ, который, исключительно благодаря своимъ личнымъ способностямъ, изъ сына сельскаго священника Владимірской губерніи превратился въ главнаго совѣтника имп. Александра I и носилъ высокое званіе «государственнаго секретаря».

Императоръ Александръ царствовалъ до 1825 г. Осенью этого года онъ отправился съ больной супругой своей (Елизаветой Алексѣевной) на югъ Россіи, въ Крымъ, но по дорогѣ заболѣлъ, принужденъ былъ остановиться въ Таганрогѣ, гдѣ и умеръ 19 ноября 1825 г. (Въ Таганрогѣ до сихъ поръ сохраняется тотъ домъ—небольшой, въ 6 комнатъ,—въ которомъ жилъ Александръ I.) Смерть горячо любимаго государя искренно оплакивала вся Россія.

---

*) Вмѣсто Петровскихъ коллегій.

XXXI. Императоръ Николай I.

Послѣ императора Александра I, умершаго бездѣтнымъ, на русскій престолъ вступилъ братъ его Николай Павловичъ, третій сынъ императора Павла.

Уже съ ранняго дѣтства въ немъ обнаруживалось военное призваніе. Для него, когда онъ былъ мальчикомъ, не было лучше награды, какъ если его брали смотрѣть парадъ войска. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за малѣйшими подробностями зрѣлища и возвращался домой, во дворецъ, задумчивый, весь занятый тѣмъ, что видѣлъ. Однажды, пріѣхавъ въ Царское Село со своей матерью, малолѣтній великій князь Николай Павловичъ узналъ, что на слѣдующій день вступаютъ во внутренній дворцовый караулъ измайловцы, главнымъ командиромъ которыхъ онъ числился. Еще до разсвѣта, когда все спало, онъ поднялся тихонько съ постели, одѣлъ полную форму полка, вышелъ изъ своей комнаты съ ружьемъ на плечѣ и, никѣмъ незамѣченный, подошелъ къ спальнѣ императора Александра. Дверь была заперта, но часового не было, такъ какъ императоръ Александръ, какъ онъ самъ выражался, хотѣлъ быть охраняемъ лишь любовью своихъ подданныхъ. Вел. кн. Николай Павловичъ сталъ у дверей и въ продолженіе часа не трогался съ поста, который самъ себѣ назначилъ. Къ счастью, императоръ пробудился рано и не мало былъ удивленъ, увидѣвъ у своихъ дверей маленькаго великаго князя съ ружьемъ въ рукахъ. „Ба, Николай! Что ты тутъ дѣлаешь?“—„Стою на часахъ у покоевъ Вашего Величества,—отвѣтилъ великій князь, дѣлая ружьемъ на караулъ:—полкъ мой долженъ запимать сегодня внутренній караулъ; я выбралъ себѣ самый почетный постъ и занялъ его рано утромъ, чтобы меня не смѣнили“.—Хорошо, дружокъ,—отвѣчалъ императоръ, стараясь сохранить серьезный видъ,—но что бы ты сдѣлалъ, если бы прошелъ патруль; вѣдь ты не знаешь пароля“ (условнаго слова, которое отдается при караулахъ). „Точно, всегда отдаютъ пароль и лозунгъ,—отвѣчалъ великій князь задумчиво и недовольный самъ собою:—но все равно, я не пропустилъ бы никого“, прибавилъ онъ рѣшительно.

По мѣрѣ того, какъ великій князь приходилъ въ лѣта, онъ пожелалъ ознакомиться со всѣми отраслями военнаго искусства и занялся математическими и военными науками.

Въ 1812 году, при вторженіи Наполеона въ Россію, вел. кн. Николай сталъ проситься въ дѣйствующую армію, хотя ему было всего 16 лѣтъ. Получивъ запрещеніе матери, онъ обратился съ письмомъ прямо къ самому Александру и умолялъ его позволить ему исполнить долгъ русскаго подданнаго—вступить въ ряды арміи. Но императоръ Александръ, отечески любившій брата, не согласился исполнить его просьбу, и Николай Павловичъ, повинуясь волѣ своего брата и государя, остался въ С.-Петербургѣ и занялся еще болѣе изученіемъ военныхъ наукъ. Въ концѣ царствованія Александра I онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ инженернаго вѣдомства, и подъ его руководствомъ построены многія изъ крѣпостей на западѣ Россіи.

Въ 1825 году, когда Николай Павловичъ вступилъ на престолъ, ему шелъ тридцатый годъ; такимъ образомъ, онъ вступилъ на престолъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Высокаго роста, стройный, широкоплечій, съ величественной осанкой, съ пронизывающимъ насквозь острымъ взглядомъ глазъ, то ласковыхъ, то горящихъ гнѣвомъ, онъ царственнымъ своимъ величіемъ производилъ на каждаго такое неизгладимое впечатлѣніе, что разговаривавшими съ нимъ невольно овладѣвалъ трепетъ. Громкій, повелительный голосъ и умная живая рѣчь, доходившая до сердца, подчиняли ему всѣхъ. Строгій и безпощадный съ ослушниками его воли, онъ былъ кротокъ, простъ и милостивъ со всѣми остальными. Предписывая народу законы, онъ самъ первый подавалъ примѣръ, какъ должно ихъ уважать. Высокая и благородная душа императора, его рѣдкія способности и выдающійся умъ—дѣлали его замѣчательнымъ человѣкомъ своего времени.

Имп. Николай I.

Вступивъ на престолъ, Николай Павловичъ далъ обѣтъ: «жить единственно для любимаго отечества, царствовать, какъ царствовалъ Александръ Благословенный, чтобы совершить то, чего онъ желалъ для счастья Россіи».

Почти въ самомъ началѣ царствованія императора Николая I (въ 1830 г. Россію постигло большое бѣдствіе. На нижнемъ теченіи Волги появилась холера—страшная, губительная болѣзнь, которой до тѣхъ поръ еще не знали въ Россіи. Быстро распространилась она по всей Россіи и проникла въ Москву. Какъ только императоръ Николай узналъ объ этомъ, онъ тотчасъ же написалъ начальнику Москвы кн. Голицыну: „я самъ пріѣду дѣлить съ вами опасности и труды. Предадимся волѣ Божіей“. Супруга его удерживала его со слезами: „вспомни,—говорила она,—что у тебя есть дѣти“.—„Потому-то я и ѣду,—отвѣчалъ императоръ:—мои родныя дѣти останутся на попеченіи доброй и нѣжной матери, а тамъ, въ зараженной Москвѣ, меня ждутъ тысячи дѣтей“.

Не боясь заразы, онъ прибылъ въ Москву и въ продолженіе 8-ми дней

неустанно посѣщалъ городскія больницы и госпитали, ободряя больныхъ и утѣшая московскихъ жителей. Народъ толпами окружалъ его, и всѣ молились на него. „Отецъ ты нашъ,—кричали со всѣхъ сторонъ:—мы знали, что ты будешь. Гдѣ бѣда, тамъ и ты". Московскій митрополитъ Филаретъ, при посѣщеніи императоромъ Николаемъ Успенскаго собора, встрѣтилъ его такими словами: „съ крестомъ мы встрѣчаемъ тебя, государь; съ тобой идетъ воскресеніе и жизнь". Недѣльное пребываніе императора Николая въ Москвѣ имѣло благодѣтельныя послѣдствія: унылые духомъ жители ободрились; богатые люди, вмѣсто прежняго отчаянія, одинъ передъ другимъ старались помочь больному простонародью. Въ короткій срокъ возникли больницы для зараженныхъ и богадѣльни для призрѣнія бѣдняковъ и сиротъ. Успокоивъ, такимъ образомъ, Москву своимъ присутствіемъ, императоръ Николай возвратился въ С.-Петербургъ.

На слѣдующій годъ холера проникла и сюда, несмотря на то, что около С.-Петербурга были устроены заставы (карантины) для осматриванія путешественниковъ, ѣхавшихъ изъ зараженныхъ мѣстностей. Въ С.-Петербургѣ зараза стала распространяться съ необыкновенной быстротой. Простой народъ, по невѣжеству своему, обвинялъ во всемъ врачей: говорили, что это они напустили холеру на народъ и развозятъ ее по городу въ фургонахъ (на самомъ дѣлѣ эти фургоны ѣздили по городу, чтобы подбирать больныхъ), что въ больницахъ людей отравляютъ, и пр. Волненія приняли обширные размѣры: народъ добрался до одной изъ больницъ и хотѣлъ ее разгромить.

Въ это время царская семья была въ Царскомъ Селѣ. Узнавъ, что въ С.-Петербургѣ народъ никого и ничего не слушаетъ, императоръ Николай тотчасъ же пріѣхалъ въ городъ. На Сѣнной площади была громадная толпа народа. Туда императоръ отправился одинъ, безъ свиты и безъ конвоя. Прибывъ на площадь, Николай Павловичъ приказалъ кучеру остановиться среди волнующагося народа и, приподнявшись въ коляскѣ во весь ростъ, обратился къ народу съ увѣщаніемъ. Онъ говорилъ, что болѣзнь эта (холера) есть наказаніе Божіе, посланное на насъ за грѣхи наши. Потомъ раздался мощный голосъ государя: „на колѣни!" Весь народъ палъ на колѣни и, по приказу царя, всѣ стали молиться. Послѣ этого толпа спокойно разошлась, и волненія прекратились.

Важнѣйшимъ дѣломъ императора Николая I по внутреннему устройству Россіи было составленіе свода законовъ. Послѣ Уложенія царя Алексѣя Михайловича (1649 г.), въ продолженіе почти 200 лѣтъ было издано множество законовъ; но всѣ эти законы не были разобраны, не были сведены въ одинъ сборникъ; между тѣмъ нерѣдко встрѣчались законы, другъ другу противорѣчившіе; не слѣдуетъ забывать и того, что въ этомъ промежуткѣ оказывается царствованіе Петра I, при которомъ вся русская жизнь пошла совсѣмъ по-другому, такъ что то, что считалось грѣхомъ или преступленіемъ до Петра, послѣ него перестало считаться таковымъ (напр., куреніе или нюханіе табаку, бритье бороды и т. п.). Всѣ государи, начиная съ самого Петра, стремились при-

вести въ порядокъ законы, но дѣло это, вслѣдствіе сложности и трудности его, подвигалось очень медленно; хотѣла издать, напр., новый сводъ законовъ Екатерина II, но первая турецкая война помѣшала ей осуществить это намѣреніе. Императоръ Николай I, въ самомъ началѣ царствованія, обратилъ вниманіе на необходимость составленія свода законовъ, такъ какъ, вслѣдствіе его отсутствія, происходили большіе безпорядки въ судахъ и управленіи. Всѣ дѣла рѣшались крайне медленно. По справкамъ оказалось, что въ разныхъ судахъ имперіи накопилось около 3 милліоновъ перѣшенныхъ дѣлъ и больше 100.000 подсудимыхъ томились въ тюрьмахъ въ ожиданіи суда надъ ними. Законодательныя работы были поручены знаменитому дѣятелю временъ императора Александра I—Сперанскому. Подъ его руководствомъ составлено было въ 45 томахъ Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича; затѣмъ изъ этого Собранія были извлечены всѣ дѣйствующіе законы, распредѣлены на части по главнымъ предметамъ правительственныхъ и судебныхъ дѣлъ, и такимъ образомъ получился новый сборникъ, который получилъ названіе Свода Законовъ Россійской Имперіи. Изданъ онъ былъ въ 1833 г.

Императоръ Николай обратилъ также вниманіе на улучшеніе положенія крестьянъ. Онъ запретилъ окончательно помѣщикамъ продавать крестьянъ отдѣльно отъ семей, а также позволилъ крестьянамъ пріобрѣтать, съ разрѣшенія помѣщика, землю и другую недвижимость.

Желая ближе познакомиться съ нуждами своего государства, имп. Николай неоднократно предпринималъ путешествія по русской землѣ, при чемъ посѣщалъ и самые отдаленные уголки Россіи, какъ, напр., Кавказскій край. Находя въ этихъ путешествіяхъ большую пользу, онъ посылалъ также знакомиться съ родными и заграничными странами своего наслѣдника, вел. ки. Александра Николаевича, и до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Россіи хранится память о томъ, что въ такомъ-то году былъ здѣсь наслѣдникъ престола. Въ Екатеринбургскомъ музеѣ, напр., хранится лопата, которой великій князь копалъ землю на одномъ изъ золотыхъ пріисковъ; въ другомъ мѣстѣ, тамъ же на Уралѣ, показываютъ гору, съ которой онъ любовался панорамой Уральскаго хребта (гора эта извѣстна подъ именемъ Александровской), и т. д.

Имп. Николай понималъ пользу науки и всячески покровительствовалъ просвѣщенію и ученымъ людямъ, которые своими трудами и способностями приносили пользу государству. Такъ,

напр., онъ по-царски наградилъ Карамзина, написавшаго, какъ уже извѣстно, Исторію Государства Россійскаго. Поэту Пушкину, прославившемуся чудными, образцовыми произведеніями, онъ постоянно оказывалъ покровительство и защищалъ его отъ нападокъ его недоброжелателей. Другого поэта—Жуковскаго—онъ пригласилъ, въ качествѣ наставника, для своего сына Александра.

Заботы Николая Павловича о благѣ подданныхъ и удобствахъ путей сообщенія, заставили его проложить многія тысячи верстъ шоссейныхъ дорогъ; при немъ же были выстроены первыя желѣзныя дороги въ Россіи: сначала маленькая—между С.-Петербургомъ и Царскимъ Селомъ, а потомъ и большая—между С.-Петербургомъ и Москвою (такъ наз. Николаевская). Въ это же царствованіе началось въ Россіи и пароходство.

Покровительствуя просвѣщенію и ученымъ предпріятіямъ, имп. Николай I заботился объ увеличеніи числа учебныхъ заведеній: при немъ было основано много среднихъ и техническихъ учебныхъ заведеній, которыя подготовляли знающихъ фабрикантовъ, заводчиковъ, сельскихъ хозяевъ, строителей и т. п.; но особеннымъ покровительствомъ имп. Николая пользовались военно-учебныя заведенія, куда, главнымъ образомъ, поступали дѣти русскихъ дворянъ.

1. Внѣшняя политика. Въ первые годы царствованія имп. Николая Россія вела счастливыя войны съ Персіей и Турціей. Персія объявила войну Россіи безъ объясненія причинъ, неожиданно напавъ на русскія владѣнія въ Закавказьѣ. На Кавказѣ русскіе утвердились еще при Петрѣ I, когда были завоеваны Дербентъ, Баку и другіе города по берегу Каспійскаго моря; при имп. Павлѣ I Россіи добровольно подчинились Грузія и другія области Закавказья. Встревоженные такимъ усиленіемъ Россіи по сосѣдству съ ними, персы, не безъ вліянія Англіи, объявили Россіи войну. Но война эта была для нихъ неудачна, такъ что они потеряли еще нѣсколько областей: всѣ земли по лѣвому берегу р. Аракса отошли къ Россіи.

Еще не окончилась война съ Персіей, какъ началась война съ Турціей. Причины этой войны были такія. Покоривъ въ XV в. греческую имперію и всѣ славянскія государства Балканскаго полуострова, турки страшно угнетали подвластныхъ имъ христіанъ—грековъ и славянъ. Русскіе государи часто ходатайствовали за нихъ передъ турецкимъ султаномъ и старались выговорить для нихъ различныя льготы; но черезъ нѣкоторый промежутокъ времени турки опять начинали угнетать христіанъ, не

обращая вниманія на договоры съ русскими государями. Эти угнетенія заставили грековъ возстать открыто противъ турокъ (въ концѣ царствованія имп. Александра I). Возстаніе это охватило всю Грецію. Турецкій султанъ думалъ подавить это возстаніе жестокими мѣрами: константинопольскій патріархъ былъ схваченъ турками въ храмѣ во время Свѣтлой заутрени и, послѣ долгихъ истязаній, распятъ на крестѣ вмѣстѣ съ другими лицами высшаго духовенства; въ Константинополѣ и другихъ городахъ турки безпощадно избивали грековъ, ни въ чемъ неповинныхъ, только за то, что они—христіане; можно было подумать, что они желаютъ истребить все христіанское населеніе. Но, несмотря на всѣ эти ужасы, небольшая греческая нація геройски боролась нѣсколько лѣтъ съ Турціей, хотя превосходство силъ было на сторонѣ турокъ.

Когда имп. Николай вступилъ на престолъ, геройская борьба грековъ съ турками заставила его обратить вниманіе на этотъ народъ. Вмѣстѣ съ Франціей и Англіей онъ потребовалъ отъ султана, чтобы тотъ прекратилъ войну съ Греціей; но султанъ и слышать не хотѣлъ. Тогда рѣшено было вмѣшаться въ грекотурецкія отношенія и объявить Турціи войну. Результатомъ этого вмѣшательства было провозглашеніе Греціи независимымъ государствомъ и присоединеніе къ Россіи восточнаго побережья Чернаго моря. Султанъ долженъ былъ сдѣлать такія уступки потому, что его войска и флотъ потерпѣли нѣсколько сильныхъ пораженій. (Особенно извѣстно морское сраженіе при Наваринѣ.)

2. Севастопольская кампанія. Въ концѣ царствованія имп. Николая Россіи пришлось опять вести войну съ Турціей. На этотъ разъ столкновеніе произошло изъ-за того, что Николай Павловичъ заступился за христіанъ, жившихъ въ Палестинѣ, которыхъ турки стали притѣснять. (Русскій императоръ считался и до сихъ поръ считается покровителемъ всѣхъ православныхъ христіанъ на Востокѣ.) Турецкій султанъ, тайно подстрекаемый Англіей и Франціей, отказался исполнить требованіе русскаго императора, и такимъ образомъ началась война. Война эта была для Россіи очень удачна. Особенно блистательная побѣда была одержана русскими при Синопѣ на Черномъ морѣ, гдѣ храбрый и опытный адмиралъ Нахимовъ совершенно истребилъ многочисленный турецкій флотъ (осенью 1853 г.).

Синопская побѣда произвела сильное впечатлѣніе во всей Европѣ. Всѣ иностранцы удивлялись храбрости и искусству русскихъ моряковъ. Но зато враждебное отношеніе къ Россіи усили-

лось. Особенно встревожились Франція и Англія. Онѣ рѣшили помочь Турціи и послали ей на помощь свои войска. Къ нимъ впослѣдствіи пристала еще Сардинія, такъ что Россія оказалась одна противъ почти половины Европы. Союзники одновременно напали на русскія земли въ разныхъ мѣстахъ. Англійскіе корабли появились въ Балтійскомъ морѣ, предполагая пробраться къ С.-Петербургу, но отъ Кронштадта принуждены были вернуться назадъ, такъ какъ убѣдились въ невозможности взять его. Другой англійскій флотъ пробрался въ Бѣлое море и тамъ бомбардировалъ (безъ особаго успѣха) Соловецкій монастырь. Третій отрядъ напалъ на русскія владѣнія у Великаго океана, но былъ отбитъ съ большими потерями отъ г. Петропавловска. Но главнымъ мѣстомъ военныхъ дѣйствій былъ Крымъ, отчего вся эта война извѣстна подъ именемъ Крымской (или Севастопольской) кампаніи.

Эта борьба сразу съ тремя сильными державами была для Россіи очень тяжела. Не говоря уже о томъ, что враги появились въ нѣсколькихъ мѣстахъ сразу, вслѣдствіе чего русскіе не могли сосредоточить своихъ силъ въ одномъ мѣстѣ, а должны были разбросать ихъ, эта борьба была неравной и въ другомъ отношеніи. Союзники имѣли больше войска и были лучше вооружены; при помощи своего флота (частью уже парового) они постоянно получали подкрѣпленія свѣжими войсками, а равно и всякое продовольствіе, тогда какъ сообщеніе Крыма съ внутренней Россіей было очень затруднительно: желѣзныхъ дорогъ на югѣ Россіи еще не было; приходилось всѣ припасы подвозить на лошадяхъ или волахъ, а дороги, пролегавшія въ южной Россіи по черноземному грунту, превращались отъ малѣйшаго дождя и отъ усиленнаго по нимъ движенія въ непроходимую грязь, такъ что обозы подолгу останавливались за полной невозможностью продвинуться дальше.

Союзники высадили въ Крыму большое войско и подступили къ Севастополю съ запада (отъ Евпаторіи). Русскій главнокомандующій попытался отразить ихъ наступленіе (близъ рѣки Альмы), но потерпѣлъ неудачу и долженъ былъ отступить, и Севастополь былъ осажденъ союзниками и съ моря, и съ суши. До войны Севастополь былъ хорошо укрѣпленъ только съ моря, а съ суши былъ окруженъ только незначительными окопами. (Это обстоятельство, къ счастью, не было извѣстно союзникамъ; иначе, послѣ неудачнаго для насъ сраженія при Альмѣ, они могли бы двинуться на городъ и завладѣть имъ безъ особеннаго труда. Вмѣсто этого они рѣшили вести правильную осаду и тѣмъ дали рус-

скимъ возможность укрѣпить Севастополь и съ суши.) Но русскіе не унывали. Такъ какъ непріятельскій флотъ былъ многочисленнѣе русскаго (и, кромѣ того, въ немъ было нѣсколько паровыхъ судовъ, тогда какъ русскій флотъ былъ исключительно парусный), то адмиралы Корниловъ и Нахимовъ рѣшили не вступать съ непріятелемъ въ битву на морѣ. Не имѣя, такимъ образомъ, больше надобности въ корабляхъ, они рѣшились на тяжелую жертву—затопили свои корабли при входѣ въ Севастопольскую бухту, чтобы загородить такимъ образомъ входъ туда непріятельскому флоту. По этому поводу Корниловъ писалъ главнокомандующему: «грустно уничтожать свой трудъ; много было употреблено нами усилій, чтобы держать корабли, обреченные жертвѣ, въ завидномъ свѣту порядкѣ. Но надо покориться необходимости. Москва горѣла, но Русь отъ этого не погибла. Напротивъ, стала еще сильнѣе. Богъ милостивъ».

Женщины строятъ батарею.

Моряки плакали, видя, какъ одинъ за другимъ скрываются подъ водой ихъ корабли,—но дѣлать было нечего. Пушки, снятыя съ потопленныхъ кораблей, были поставлены на укрѣпленія, а матросы вступили въ ряды сухопутныхъ войскъ. Между тѣмъ, вокругъ Севастополя день и ночь кипѣла работа по укрѣпленію города, и въ нѣсколько дней, подъ руководствомъ инженера Тотлебена, на глазахъ у непріятеля, были воздвигнуты земляныя укрѣпленія, которыя можно было взять только послѣ неимовѣрныхъ усилій. Надъ постройкой этихъ укрѣпленій, кромѣ матросовъ и солдатъ, работало почти все населеніе Севастополя, не исключая женщинъ и дѣтей,—всѣ копали рвы, дѣлали насыпи и т. п. Арестанты, выпущенные изъ тюремъ, просили, какъ милости, позволенія принять участіе въ общей работѣ; въ числѣ батарей была одна, насыпанная исключительно женщинами и получившая поэтому названіе «дѣвичьей».

Защиту Севастополя приняли на себя адмиралы Корниловъ и Нахимовъ. Оба они были извѣстны своей храбростью и оба были

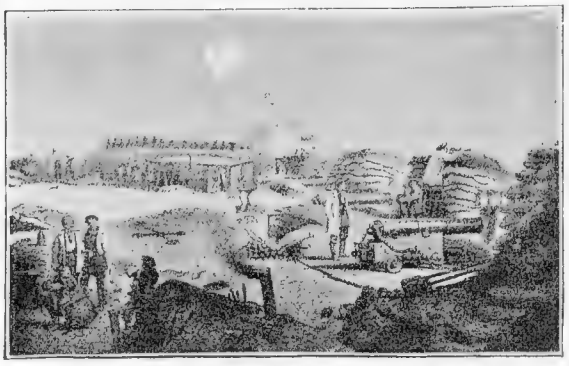
горячо любимы матросами (особенно Нахимовъ). Они твердо рѣшили бороться до конца и, если нужно, умереть, но не сдаваться. На смотру, въ началѣ осады, Корниловъ обратился съ такими словами къ войскамъ: «Ребята! Царь надѣется, что мы отстоимъ Севастополь; да намъ и некуда отступать: сзади море, а спереди непріятель. Отступленія не будетъ. Тотъ измѣнникъ, кто заговоритъ о сдачѣ. Если я прикажу—меня колите». Объѣзжая русскія позиціи, онъ обыкновенно подходилъ къ каждому орудію, нисколько не укрываясь, и указывалъ, что нужно дѣлать. Когда ему разъ замѣтили, чтобы онъ берегъ себя, что всѣ и безъ того исполняютъ свой долгъ, онъ сказалъ: «зачѣмъ же вы хотите мѣшать мнѣ исполнить свой долгъ—видѣть всѣхъ». Но это исполненіе долга стоило ему жизни, такъ какъ, во время одной изъ такихъ поѣздокъ по позиціямъ, онъ былъ смертельно раненъ. Послѣдними словами его были: «отстаивайте же Севастополь». (Умеръ 5 октября 1854 года.)

Адмиралъ Нахимовъ ненадолго пережилъ своего сотрудника: онъ былъ убитъ, такъ же какъ Корниловъ, на главномъ укрѣпленіи Севастополя, на Малаховомъ курганѣ, въ концѣ осады (30 іюня 1855 г.), и его смерть произвела сильное впечатлѣніе на защитниковъ Севастополя, такъ какъ тамъ не было ни стараго, ни малаго, кто бы не зналъ «Павла Степановича», какъ обыкновенно называли матросы адмирала Нахимова.

Адмиралъ Нахимовъ на батареѣ.

11 мѣсяцевъ продолжалась осада Севастополя; 11 мѣсяцевъ русскія войска сражались съ многочисленнымъ и хорошо вооруженнымъ непріятелемъ. Не легко было жить въ это время въ осажденномъ Севастополѣ. Ежедневно тысячи снарядовъ нашихъ и непріятельскихъ бороздили воздухъ съ ранняго утра и до поздняго вечера; въ иные дни непріятель стрѣлялъ и съ сухопутныхъ батарей, и съ кораблей, и выпускалъ сотни тысячъ снарядовъ. Ядра, какъ резиновые мячи, прыгали по улицамъ города; отъ грохота орудій и отъ разрыва бомбъ колебались зданія, стек-

ла разбивались вдребезги, внутри домовъ осыпались карнизы и штукатурка. Страшно было въ городѣ, но еще страшнѣе на передовыхъ укрѣпленіяхъ; здѣсь ежеминутно можно было ожидать смерти, и каждый день убывало немало людей убитыми и ранеными. Но неустрашимые защитники Севастополя стояли твердо и мужественно; они кипѣли отвагой, и каждый рѣшилъ стоять до тѣхъ поръ, пока въ тѣлѣ останется хоть искра жизни. Не разъ случалось, что раненые, которые мало-мальски могли участвовать въ защитѣ города, уходили изъ больницы и являлись на тѣ укрѣпленія, гдѣ были расположены ихъ части. Севастопольцы какъ будто не знали, что такое опасность. Они были совершенно спокойны въ самыхъ страшныхъ мѣстахъ, гдѣ не проходило минуты безъ того, чтобы не пролетѣлъ какой-нибудь снарядъ. Подъ градомъ ядеръ и бомбъ они работали, стрѣляли, исправляли поврежденія, какъ будто вокругъ нихъ ничего особеннаго не происходило. То же самое можно сказать и о жителяхъ города. Во время особенно сильныхъ бомбардировокъ города союзниками по улицамъ опасно было ходить, но жители такъ свыклись съ постояннымъ грохотомъ пальбы, что на пролетавшія пули и ядра не обращали никакого вниманія.



На Малаховомъ курганѣ.

Къ веснѣ 1855 г. количество непріятельскихъ войскъ въ Крыму возросло почти до 200.000 человѣкъ, и это обстоятельство заставило русскаго императора призвать на помощь осажденному городу весь русскій народъ: было собрано государственное ополченіе. Между тѣмъ, союзники, пользуясь превосходствомъ своей артиллеріи (пушекъ), пододвинулись совсѣмъ близко къ севастопольскимъ укрѣпленіямъ и стали подводить мины подъ русскіе окопы. Но севастопольскій гарнизонъ стоялъ мужественно, хотя солдаты падали отъ выстрѣловъ сотнями и тысячами, и запасы военныхъ снарядовъ приходили къ концу. Стойкость русскихъ войскъ вызывала удивленіе даже со стороны враговъ.

Весь русскій народъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ

за тѣмъ, что происходило въ Севастополѣ. Въ обществѣ можно было замѣтить почти такой же подъемъ патріотическаго чувства, какъ въ войну съ французами въ 1812 году. Вездѣ собирались пожертвованія въ пользу раненыхъ, вездѣ составлялись ополченія, въ которыхъ на ряду съ родовитыми дворянами можно было замѣтить простыхъ крестьянъ. Самъ государь послалъ въ Севастополь двухъ своихъ сыновей. Онъ принималъ очень близко къ сердцу страданія Севастополя; нѣкоторые историки говорятъ, что тяжелое положеніе осажденнаго города роковымъ образомъ повліяло на него; онъ захворалъ, съ каждымъ днемъ слабѣлъ, и въ февралѣ 1855 г. скончался.

При сынѣ, преемникѣ его, война продолжалась еще нѣсколько мѣсяцевъ. Непріятель удвоилъ усилія, и 27 августа 1855 г., несмотря на все сопротивленіе русскихъ, завладѣлъ, послѣ ужаснаго штурма, главнымъ укрѣпленіемъ Севастополя—Малаховымъ курганомъ. Съ занятіемъ его дальнѣйшая оборона Севастополя была немыслима, и русскій главнокомандующій приказалъ русскимъ оставить городъ. Всѣ уцѣлѣвшія зданія были подожжены самими русскими, такъ что врагу достались только груды камня и обгорѣлыя развалины. Съ горемъ покидали русскіе крѣпость, которую защищали 11 мѣсяцевъ, не жалѣя ни силъ, ни крови своей. «Вѣчная тебѣ память, родная твердыня наша»,— крестясь, шептали солдаты, оглядываясь на горѣвшій Севастополь.

Памятникъ Корнилову на Малаховомъ курганѣ.

Горько заплакалъ молодой имп. Александръ II, когда ему было доложено объ оставленіи Севастополя русскими войсками. «И для героевъ есть невозможное», — сказалъ онъ.

(Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ октябрѣ 1856 г.) имп. Александръ Николаевичъ самъ посѣтилъ Севастополь и пробылъ тамъ цѣлый мѣсяцъ. Онъ объѣхалъ всѣ войска и благодарилъ ихъ за

службу. Всѣмъ защитникамъ Севастополя даны были особыя медали на георгіевской лентѣ и, кромѣ того, каждый мѣсяцъ службы на укрѣпленіяхъ былъ сосчитанъ за годъ.)

Между тѣмъ, въ Азіи, гдѣ русскіе вели войну съ турками, дѣла шли для насъ удачно, и въ ноябрѣ 1855 г. была взята сильная турецкая крѣпость Карсъ. Тогда союзники, утомленные упорной войной, предложили Россіи заключить миръ. По условіямъ этого міра (Парижъ, 1856 г.), Россія получила назадъ Севастополь и отдала Турціи, взамѣнъ его, Карсъ. Кромѣ того, она обязалась не держать на Черномъ морѣ военнаго флота и не возводить на Крымскомъ побережьи укрѣпленій. (Это тяжелое для насъ условіе было уничтожено только въ 1870 г.). Съ своей стороны, турецкій султанъ обязался не угнетать больше подвластныхъ ему христіанъ. Этотъ миръ былъ для Россіи невыгоденъ во всѣхъ отношеніяхъ, но императоръ Александръ Николаевичъ все-таки рѣшился заключить его, желая дать Россіи отдыхъ послѣ тяжелой трехлѣтней войны, а также имѣя въ виду единственно пользу и благо своего народа. Дѣло въ томъ, что крымская война показала русскимъ, въ чемъ и насколько они отстали отъ другихъ государствъ Европы. Императору Александру Николаевичу нужно было поэтому умиротвореніе Россіи для обновленія и мирнаго развитія ея внутренней жизни.

Памятникъ Нахимову въ Севастополѣ.

XXXII. Императоръ Александръ II.

Имп. Николай Павловичъ передъ смертью благословилъ своего сына и наслѣдника Александра Николаевича такими словами: «Служи Россіи! Ты знаешь, что всѣ мои попеченія, всѣ усилія

стремились ко благу Россіи. Я хотѣлъ продолжать трудиться такъ, чтобы оставить тебѣ государство благоустроенное, огражденное безопасностью извнѣ, совершенно спокойное и счастливое... но Богъ судилъ иначе».

И новый царь свято исполнилъ предсмертное завѣщаніе своего отца. Въ манифестѣ имп. Александра, по случаю вступленія на престолъ, сказано: «Первою мыслью Нашею было благоденствіе любезной Намъ Россіи... Да поможетъ Намъ Всемогущій, съ возложеніемъ вѣнца царскаго, возложить на себя торжественный передъ свѣтомъ обѣтъ—жить единственно для счастья подвластныхъ Намъ народовъ». И, дѣйствительно, вся жизнь имп. Александра II была однимъ великимъ служеніемъ на пользу Россіи; всѣ его труды и заботы были направлены къ одной цѣли—ко благу и счастью подданныхъ, къ благоденствію и славѣ Россіи.

1. Воспитаніе Александра Николаевича. Къ управленію государствомъ имп. Александръ II подготовлялся весьма старательно. Когда ему исполнилось 6 лѣтъ, имп. Николай назначилъ воспитателемъ его подполковника Мердера, человѣка рѣдкаго ума и кроткаго нрава. Мердеръ цѣлью всей своей жизни поставилъ быть полезнымъ своему ученику. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ отъ него слышалъ только одинъ голосъ правды, видѣлъ одно безкорыстіе. Неудивительно, что высокій питомецъ Мердера рано пріобрѣлъ уваженіе къ человѣчеству, столь необходимое для государя.

О томъ же заботился и другой воспитатель—поэтъ В. А. Жуковскій. Онъ былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ, т.-е. любилъ и зналъ русскій народъ и чтилъ все то, что русскій народъ любитъ и чтитъ. Цѣлью воспитанія цесаревича онъ поставилъ—сдѣлать изъ него добродѣтельнаго человѣка, вселить въ его молодомъ сердцѣ чувство уваженія къ человѣческой личности и христіанскую любовь къ ближнему, чтобы его душа находила удовольствіе дѣлать добро и чувствовала отвращеніе ко всему дурному.

И воспитатели вполнѣ достигли своей цѣли. Всѣ помнящіе то время люди съ восторгомъ говорятъ о томъ, что великій князь уже съ раннихъ лѣтъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло; что онъ былъ необыкновенно правдивъ, кротокъ и ласковъ къ людямъ; его сердце всегда было готово на доброе и хорошее дѣло: онъ всегда щедро и охотно помогалъ всѣмъ несчастнымъ, нуждающимся въ помощи.

Сохранился такой разсказъ о его душевной добротѣ. Разъ, проходя по берегу р. Фонтанки (въ С.-Петербургѣ) съ своимъ воспитателемъ Мерде-

ромъ, вел. кн. Александръ Николаевичъ услышалъ стоны, откуда-то доносившіеся. Оглянувшись кругомъ, онъ замѣтилъ, что на одной изъ барокъ, стоявшихъ на рѣкѣ, на самомъ припекѣ лежалъ покрытый рогожей старикъ-рабочій. Не говоря ни слова Мердеру, великій князь быстро сбѣжалъ по доскамъ на барку, приблизился къ лежавшему старику и увидѣлъ, что онъ сильно страдаетъ отъ лихорадки. Великій князь опустился на колѣни около больного и сталъ его разспрашивать. Въ это время подошелъ Мердеръ съ недовольнымъ лицомъ и хотѣлъ сдѣлать своему воспитаннику соотвѣтствующее внушеніе, но постепенно лицо его прояснилось, и онъ сталъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, утѣшать больного. Потомъ онъ досталъ изъ кармана золотой и отдалъ его цесаревичу. Тотъ, говоря ласковыя слова, положилъ эти деньги на грудь больному старику. Больной, крестясь ослабѣвшей рукой, благодарилъ его, но цесаревичъ, избѣгая благодарности, оставилъ барку. Долго послѣ этого онъ шелъ по улицѣ въ глубокой задумчивости, и глаза его были красны отъ слезъ.

Имп. Александръ II.

Вел. кн. Александръ Николаевичъ и изъ книгъ запоминалъ, большею частью, примѣры высокой добродѣтели. Разъ, во время занятій (которыя, замѣтимъ кстати, шли очень успѣшно, такъ какъ великій князь отличался прекрасными способностями и необыкновенной охотой), въ его комнату вошелъ имп. Николай Павловичъ. Узнавъ отъ сына, что онъ проходитъ римскую исторію, имп. Николай спросилъ его: кто изъ римскихъ императоровъ ему больше всѣхъ нравится. Послѣ нѣкотораго размышленія молодой цесаревичъ сказалъ, что ему больше всѣхъ нравится имп. Титъ. „Почему?“— спросилъ Николай Павловичъ. „Потому,—отвѣчалъ великій князь,—что онъ считалъ день потереннымъ, если ему не удавалось въ этотъ день совершить ни единаго добраго дѣла“.

Когда цесаревичу Александру Николаевичу исполнилось 19 л., имп. Николай Павловичъ отправилъ его *), вмѣстѣ съ Жуковскимъ, въ путешествіе по Россіи—съ цѣлью наглядnаго изученія русскаго государства и личнаго знакомства съ бытомъ и нуждами

*) Какъ уже было выше сказано.

его отдѣльныхъ областей. Вездѣ онъ осматривалъ учебныя заведенія, пріюты, больницы, тюрьмы, посѣщалъ фабрики и заводы и знакомился съ жизнью народа, для чего нерѣдко заходилъ въ селахъ въ крестьянскія избы, чтобы видѣть жизнь народную лицомъ къ лицу. Своимъ простымъ, привѣтливымъ обращеніемъ великій князь привлекалъ всѣхъ къ себѣ; народъ толпами встрѣчалъ и провожалъ его вездѣ. Онъ (первый изъ царскаго дома) посѣтилъ Сибирь, при чемъ много содѣйствовалъ смягченію участи ссыльныхъ; на Кавказѣ, во время одной поѣздки въ горы, онъ и его спутники подверглись нападенію горцевъ, но великій князь обнаружилъ такое хладнокровіе и неустрашимость, что когда объ этомъ было доложено государю, то онъ наградилъ его Георгіевскимъ крестомъ. Всего цесаревичъ объѣхалъ до 30 губерній (въ теченіе 8 мѣсяцевъ) и всюду внимательно выслушивалъ просьбы, съ которыми къ нему обращались; важнѣйшія изъ нихъ онъ впослѣдствіи представилъ государю Николаю Павловичу.

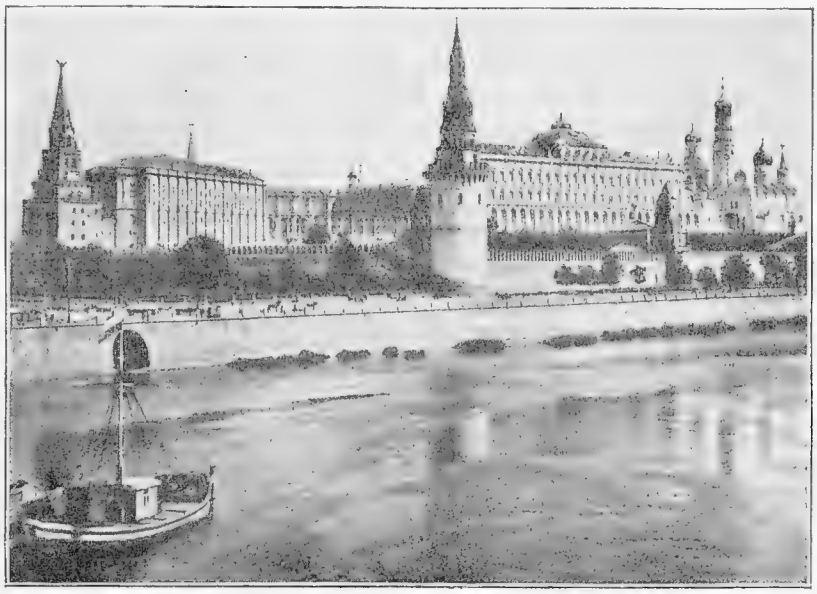
Эти поѣздки по Россіи имѣли весьма большое вліяніе на всю послѣдующую жизнь будущаго императора. Онъ узналъ жизнь русскаго народа ближе, чѣмъ ее знали его предшественники; притомъ, во время путешествій, онъ не разъ сталкивался съ людьми, которые объясняли ему разныя темныя стороны русской жизни. Такъ, напр., великій князь узналъ во время своей поѣздки про то, насколько тяжело жилось крѣпостнымъ крестьянамъ; ему выяснили, какой вредъ отъ крѣпостного права происходитъ государству. Неудивительно, что Александръ Николаевичъ впослѣдствіи вступилъ на престолъ въ полномъ сознаніи того, что, дѣйствительно, необходимо для блага всего русскаго народа.

Вернувшись въ С.-Петербургъ, цесаревичъ возобновилъ свои занятія науками; теперь онъ изучалъ высшія науки, знаніе которыхъ было необходимо для будущаго государя. Послѣ этого (въ 1838 г.) великій князь, въ сопровожденіи Жуковскаго, отправился путешествовать по Зап. Европѣ, чтобы ознакомиться съ жизнью и установленіями сосѣднихъ странъ. И въ чужихъ земляхъ, какъ и у себя въ Россіи, Александръ Николаевичъ сумѣлъ пріобрѣсти всеобщую любовь, сумѣлъ всѣхъ расположить къ себѣ своимъ умомъ и ласковымъ обращеніемъ.

Когда цесаревичъ вернулся домой, имп. Николай Павловичъ далъ ему новыя занятія: онъ призывалъ его къ себѣ въ кабинетъ въ то время, когда тамъ происходили доклады министровъ. Дѣлалось это для того, чтобы наслѣдникъ престола съ молодыхъ лѣтъ знакомился съ государственными дѣлами. Иногда государь даже

обращался къ своему сыну съ вопросомъ, какъ бы онъ рѣшилъ то или другое дѣло——и выслушивалъ мнѣніе его съ любовью и вниманіемъ.

Въ послѣдніе годы царствованія имп. Николая и во время его путешествій по Россіи и за границу, цесаревичъ Александръ Николаевичъ постоянно замѣнялъ собой августѣйшаго родителя. Въ 1849 г., послѣ смерти вел. кн. Михаила Павловича, на наслѣдника престола было возложено управленіе военно-учебными заведеніями—училищами и кадетскими корпусами. Послѣ грозъ-



Московскій Кремль.

наго по наружности и строгаго по характеру вел. кн. Михаила Павловича «точно весной повѣяло»,—по выраженію одного изъ современниковъ. «Надо было видѣть, съ какимъ восторгомъ дѣти и юноши встрѣчали и провожали своего начальника. Радостямъ видѣть его не было предѣла».

Одновременно съ этимъ, къ будущему государю перешло начальствованіе надъ гвардейскими и гренадерскими войсками. Великій князь самъ первый подавалъ примѣръ и солдатамъ и офицерамъ—примѣръ самаго строгаго и точнаго исполненія своихъ обязанностей, никогда не позволяя себѣ какихъ-либо отступленій отъ дисциплины. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вносилъ въ

отношенія къ подчиненнымъ столько теплоты и сердечности, что всѣ, начиная съ генерала и кончая солдатомъ, старались дѣлать свое дѣло какъ можно лучше, чтобы доказать ему, что они чувствуютъ и понимаютъ, насколько имъ легче служить подъ его начальствомъ, нежели подъ начальствомъ его строгаго дяди.

Между тѣмъ подошли для Россіи тяжелыя времена. Началась Севастопольская кампанія. Еще война не окончилась, какъ умеръ имп. Николай Павловичъ и на престолъ вступилъ имп. Александръ II (19 февраля 1855 г.). Какъ мы уже знаемъ, онъ заключилъ миръ съ врагами Россіи, желая дать народу отдыхъ послѣ почти трехлѣтней войны. По заключеніи мира, онъ самъ поѣхалъ въ Севастополь, чтобы лично поблагодарить войска за ихъ геройскую храбрость, при чемъ далъ имъ обѣщаніе, что ни они сами, ни ихъ семьи или семьи убитыхъ—имъ забыты не будутъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Александръ Николаевичъ торжественно короновался въ Москвѣ. По этому случаю народу были дарованы различныя милости. Заслуживаетъ вниманія, что первымъ дѣломъ имп. Александра II, по вступленіи на престолъ, было—отправить въ Сибирь одного изъ своихъ адъютантовъ, чтобы возвѣстить многимъ сосланнымъ и каторжникамъ прощеніе и разрѣшеніе возвратиться на родину. Это первое распоряженіе молодого императора явилось какъ бы указаніемъ, что царствованіе его будетъ царствованіемъ во имя любви и заботы о страждущихъ. Очевидно было, что сѣмена, посѣянныя Жуковскимъ и Мердеромъ, приносили богатые плоды. Молодой государь зналъ, гдѣ есть несчастные на Руси, чѣмъ они несчастны, какъ имъ помочь и т. д., и съ перваго же дня своего царствованія онъ сталъ не только отцомъ своего народа, но и другомъ многихъ несчастныхъ своего царства.

2. Освобожденіе крестьянъ. Самымъ великимъ дѣломъ имп. Александра II было уничтоженіе крѣпостного права.

О томъ, какъ оно произошло и развивалось, было разсказано выше.

Зло крѣпостного права чувствовали уже давно предшественники имп. Александра II; русскіе государи, съ имп. Павла I, старались оградить крестьянъ отъ произвола помѣщиковъ и, по возможности, облегчить ихъ положеніе, но окончательно освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости имп. Александръ II.

Еще будучи наслѣдникомъ престола, имп. Александръ Николаевичъ, во время своего путешествія по Россіи, какъ уже было сказано выше, узналъ нужды своего народа. Вступивъ на пре-

столъ, онъ рѣшилъ положить конецъ крѣпостному состоянію, дать крестьянамъ свободу. Дѣло въ томъ, что крѣпостное право, не говоря уже объ угнетеніи больше чѣмъ 20 милліоновъ крестьянъ, приносило страшный вредъ государству. Крестьяне, работая на помѣщика, а не на себя, нисколько не заботились объ улучшеніи способовъ земледѣлія, орошеніи почвы и т. п.; помѣщики, пользуясь даровымъ трудомъ крестьянъ, также не думали о развитіи сельскаго хозяйства; промышленность въ городахъ была развита слабо, такъ какъ каждый помѣщикъ старался имѣть собственныхъ различныхъ мастеровъ, чтобы ничего не покупать

Чтеніе манифеста 19-го февраля. Съ карт. *Мясоѣдова.*

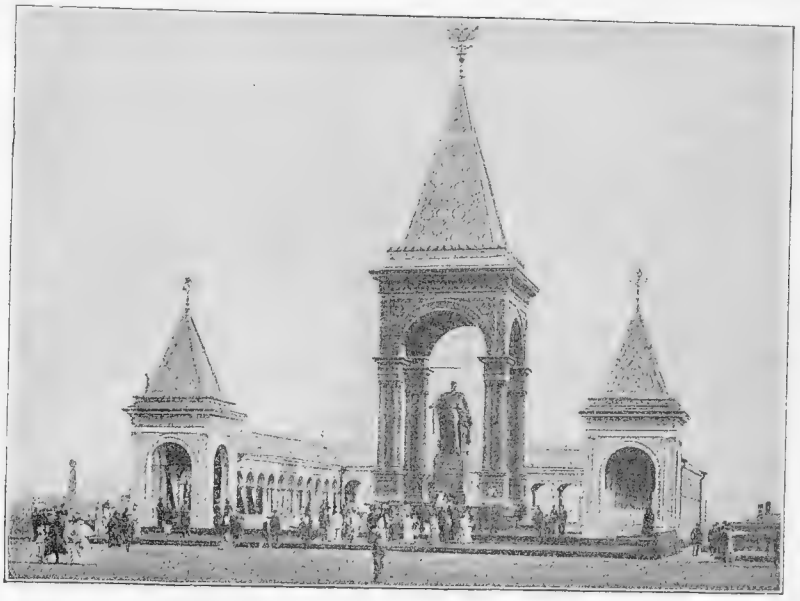
въ городѣ. Отъ всего этого страна не богатѣла, а, наоборотъ, бѣднѣла.

Принимая все это во вниманіе, имп. Александръ II издалъ 19 февраля 1861 г. манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. По этому манифесту получили «волю» больше 20 милліоновъ бывшихъ рабовъ. Освободившись отъ помѣщиковъ, крестьяне получили при этомъ землю, за которую обязаны были заплатить правительству въ разсрочку извѣстную сумму денегъ. Кромѣ того, они получили право собственнаго управленія и суда (волостной сходъ и волостной судъ). Высочайшій манифестъ 19-го февраля оканчивался такими словами: «осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и при-

зови съ Нами благословеніе Божіе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго».

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости имѣло очень важное значеніе въ исторіи русскаго народа, такъ какъ съ этого времени Россія быстро пошла по пути умственнаго развитія и развитія благосостоянія.

За такое великое дѣло русскій народъ назвалъ Александра II «Царемъ-Освободителемъ». Во многихъ городахъ Россіи импера-



Памятникъ императору Александру II.

тору Александру поставлены памятники; изъ нихъ наиболѣе извѣстны—въ Москвѣ и Самарѣ.

3. Освобожденіе балканскихъ славянъ. Царствованіе императора Александра II отличалось по преимуществу мирнымъ характеромъ. Щадя и сберегая жизнь и кровь своихъ подданныхъ, государь старался избѣгать войнъ. Онъ поставилъ своей задачей—обновленіе и развитіе Россіи путемъ внутреннихъ преобразованій, и желалъ для этого обезпечить своему народу продолжительный миръ. Но ему не удалось царствовать въ мирѣ.

Несмотря на Парижскій договоръ, которымъ окончилась Севастопольская кампанія и по которому турецкій султанъ обязался не угнетать подвластныхъ ему христіанъ и уравнять ихъ въ правахъ съ турками, положеніе христіанскаго населенія въ Турціи

нисколько не улучшилось. Звѣрства турокъ и гнетъ ихъ надъ христіанами переходилъ всякія границы. Несправедливость въ судахъ, открытые грабежи и убійства стали обыкновеннымъ дѣломъ. Найти правду христіанину было очень трудно. Положеніе христіанъ было тѣмъ затруднительнѣе, что состоявшіе на службѣ у турецкаго султана шайки черкесовъ и баши-бузуковъ безъ всякаго повода нападали на мирныя селенія балканскихъ славянъ (болгаръ и сербовъ) и опустошали ихъ безъ всякой пощады: дома жгли, народъ убивали, рѣзали и всячески мучили. Бывали случаи, когда отъ большого селенія въ нѣсколько сотъ домовъ не оставалось въ живыхъ ни одного человѣка.

Въ 1875 году турецкій гнетъ сталъ настолько невыносимъ, что двѣ турецкія области, населенныя сербами—Боснія и Герцеговина—возстали противъ турокъ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ началѣ счастье было на ихъ сторонѣ: они нанесли туркамъ нѣсколько сильныхъ пораженій. Тогда турки, чтобы подавить возстаніе, рѣшили въ этихъ провинціяхъ избить всѣхъ славянъ, хотя бы ни въ чемъ не виноватыхъ и въ возстаніи не участвовавшихъ. Баши-бузукамъ была дана полная свобода грабить, жечь, рѣзать и все уничтожать. Невозможно выразить того ужаснаго положенія, въ которое были поставлены возставшія провинціи: меньше чѣмъ въ 2 мѣсяца было совершенно истреблено до 200 городовъ и селеній и избито больше 100.000 жителей. (Съ этого времени слово «баши-бузукъ» долго было ругательствомъ въ устахъ русскаго человѣка.) Но, несмотря на эти жестокости, возстаніе не утихло. Къ возставшимъ присоединились Черногорія и Сербія. Началась упорная борьба на жизнь и на смерть.

Эта борьба славянъ съ турками за свободу возбудила весьма сильное сочувствіе среди русскаго народа. Во всѣхъ слояхъ русскаго общества появилось желаніе придти на помощь угнетеннымъ братьямъ-славянамъ: одни жертвовали деньги, другіе свою жизнь. Обильныя пожертвованія деньгами были посланы изъ Россіи въ Сербію и Черногорію, и тысячи людей изъ самыхъ различныхъ слоевъ общества, готовые положить свою голову въ борьбѣ съ турками за славянъ, отправились добровольцами въ Сербію. Но борьба была далеко не равна. Турція, получая отъ Англіи помощь деньгами, оружіемъ и даже людьми, преимущественно офицерами и инженерами, сломила силы возставшихъ и уже готовилась ворваться въ самую Сербію. Тогда императоръ Александръ II, исполняя желаніе всего русскаго народа, отправилъ султану требованіе, чтобы война была немедленно прекра-

щена; чтобы поддержать это требованіе, имп. Александръ приказалъ части русскихъ войскъ собраться у турецкой границы. Султанъ исполнилъ требованіе русскаго императора и заключилъ съ сербами перемиріе. Рѣшено было собрать въ Константинополѣ съѣздъ представителей великихъ европейскихъ державъ, чтобы сообща потребовать отъ султана необходимыхъ реформъ, которыя должны были бы обезпечить жизнь и имущество христіанскаго населенія Турціи. Императоръ Александръ II надѣялся, что съѣздъ этотъ мирно разрѣшитъ это столкновеніе славянъ съ турками: пролитія крови онъ хотѣлъ всячески избѣгнуть. «Я знаю,— сказалъ онъ представителямъ русскаго дворянства въ Москвѣ, 10 ноября 1876 г., — что вся Россія, вмѣстѣ со мной, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и происхожденію; но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь».

Но на Константинопольскомъ съѣздѣ европейскія державы слабо поддерживали требованія Россіи, а Англія даже открыто стала на сторону Турціи, которая во все время, пока шли переговоры, приготовлялась къ войнѣ съ Россіей. Когда всѣ приготовленія были окончены, Турція отвергла всѣ требованія Россіи. Такимъ образомъ, война сдѣлалась неизбѣжной, и въ апрѣлѣ 1877 г. русскія войска вступили въ турецкіе предѣлы—«не для завоеваній, а на защиту вѣры Христовой, на защиту поруганныхъ и угнетенныхъ братьевъ нашихъ—славянъ»,—какъ гласилъ приказъ главнокомандующаго русской арміей, вел. кн. Николая Николаевича Старшаго.

Война велась одновременно и въ Европѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, и за Кавказомъ. Въ Азіи русскія войска дѣйствовали очень удачно и завладѣли нѣсколькими сильными турецкими крѣпостями—Баязетомъ, Карсомъ и Эрзерумомъ. Но главныя военныя дѣйствія происходили на Балканскомъ полуостровѣ.

Переправившись, съ сравнительно небольшими потерями, черезъ Дунай, русскія войска стали брать городъ за городомъ, но встрѣтили сильное сопротивленіе у г. Плевны. Этотъ маленькій, до тѣхъ поръ малоизвѣстный, городокъ былъ занятъ большимъ отрядомъ турецкихъ войскъ, подъ предводительствомъ отличнаго генерала Османа-паши, и укрѣпленъ имп подъ руководствомъ иностранныхъ инженеровъ. Всѣ попытки русскихъ взять этотъ городъ штурмомъ не привели ни къ чему: изъ рядовъ русскихъ выбыло больше 20.000 человѣкъ, но крѣпость устояла. Русскіе ничего не

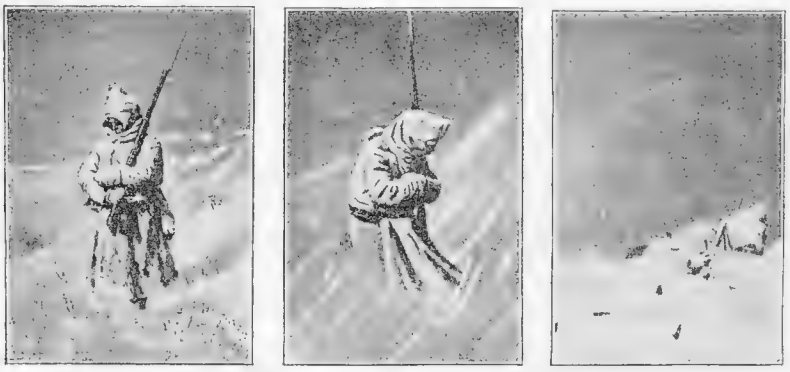
могли сдѣлать, хотя при третьемъ штурмѣ нашими войсками командовалъ знаменитый генералъ М. Д. Скобелевъ («Бѣлый генералъ»—какъ его называли турки). Послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ, пришлось оставить мысль о взятіи Плевны штурмомъ и перейти къ ея осадѣ. А это обстоятельство отразилось на ходѣ всей войны, такъ какъ Плевна, занятая турецкимъ гарнизономъ, загораживала русскимъ движеніе впередъ. Осада Плевны затянулась съ августа до ноября 1877 г. Это было самое тяжелое время войны. Изъ Россіи были вызваны подкрѣпленія—вызвана гвардія. Съ помощью свѣжихъ силъ удалось нанести туркамъ рядъ пораженій, послѣ которыхъ Плевна оказалась со всѣхъ сторонъ окруженной русскими войсками. Положеніе турокъ въ Плевнѣ, отрѣзанной отъ всякаго сообщенія съ другими турецкими войсками, мало-по-малу сдѣлалось невыносимымъ; скоро истощились всѣ съѣстные припасы, и туркамъ оставалось только одно—сдаться безъ боя. Но турецкій главнокомандующій Османъ-паша рѣшилъ сдѣлать послѣднюю попытку—пробиться сквозь русскія войска. Однако, послѣ ожесточеннаго боя, продолжавшагося нѣсколько часовъ, турки были отброшены назадъ и самъ Османъ-паша раненъ. Тогда, убѣдившись въ невозможности пробиться силой, Османъ сдался русскимъ со всей своей арміей.—Трудно даже представить себѣ, съ какою радостью и съ какимъ облегченіемъ сердца принята была во всей Россіи вѣсть о взятіи Плевны.

Послѣ паденія Плевны, русскіе быстро двинулись впередъ, забирая одинъ городъ за другимъ и разбивая турецкіе отряды, загораждавшіе путь.

Между тѣмъ, на Балканскихъ горахъ, у Шипкинскаго прохода, происходили событія, не менѣе славныя для русскаго оружія. Еще въ самомъ началѣ войны ген. Гурко занялъ Шипкинскій перевалъ въ Балканскихъ горахъ и оставилъ тамъ небольшой отрядъ войска, подъ начальствомъ Радецкаго. Для турокъ было крайне важно отнять назадъ этотъ проходъ черезъ горы, и они рѣшили употребить для этого всѣ усилія. Они стянули къ этому проходу огромныя силы, въ нѣсколько разъ превосходившія русскій отрядъ, засѣвшій на горахъ, и повели самое отчаянное наступленіе. Они неустрашимо лѣзли на скалы, гдѣ стояли русскіе, осыпали ихъ градомъ пуль и снарядовъ, но только гибли сами въ огромномъ количествѣ, не подвигаясь ни на шагъ впередъ. Небольшой отрядъ русскихъ мужественно отбивался въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Особенно извѣстна въ исторіи войны защита русскими главной позиціи—горы св. Ни-

колая. У русскихъ уже истощились всѣ припасы; за непмѣніемъ снарядовъ, они отражали нападенія турокъ камнями и бревнами и дошли уже до крайняго истощенія силъ, когда къ нимъ подошла помощь изъ отряда, осаждавшаго Плевну (послѣ ея взятія). Съ прибытіемъ къ русскимъ подкрѣпленій, турки потеряли всякую надежду взять перевалъ и отступили.

Между тѣмъ наступила суровая зима. Турки считали Балканы непроходимыми зимой и не готовились къ кампаніи. Но русскіе рѣшили вести войну безостановочно. Для этого имъ пришлось въ рождественскіе морозы совершить славный походъ черезъ Балканы. (Нѣкоторые историки говорятъ, что переходъ русскихъ черезъ Балканы, по своей трудности, превосходитъ даже



На Шипкѣ. Съ карт. *Верещагина.*

знаменитый швейцарскій походъ Суворова.) На высотахъ Балканъ, черезъ которыя нужно было переходить нашимъ войскамъ, морозъ доходилъ до 30 и болѣе градусовъ, а воздухъ отъ страшнаго холода былъ такъ рѣдокъ, что у нѣкоторыхъ солдатъ показывалась кровь изъ носа и ушей и шла горломъ. Притомъ свирѣпствовалъ такой страшный вѣтеръ, что солдаты пробирались на четверенькахъ, чтобы не быть сброшенными съ крутыхъ склоновъ въ глубокую пропасть, гдѣ ихъ ожидала неминуемая гибель въ непроходимомъ снѣгу. Оторваться отъ другихъ—значило погибнуть. Случалось, что сильнымъ вѣтромъ сбрасывало въ пропасти не только отдѣльныхъ солдатъ, но даже небольшіе сторожевые отряды. Иногда въ горахъ поднималась такая вьюга, что стоило солдатамъ остановиться на нѣсколько минутъ—и они исчезали изъ виду подъ массами снѣга. Укрѣпленія, въ кото-

рыхъ укрывались солдаты, заносило снѣгомъ до того, что для перемѣны часовыхъ ихъ приходилось откапывать изъ-подъ снѣга.

Всѣ эти лишенія русскіе вынесли съ необыкновеннымъ терпѣніемъ. Бывало, что часовые замерзали на постахъ, но не покидали ихъ, а на мѣсто людей, снесенныхъ въ пропасть, безропотно становились другіе, хотя и знали, что ихъ ожидаетъ та же участь.

Только при такомъ самоотверженіи русскаго солдата оказалось возможнымъ быстро и довольно счастливо перейти черезъ Балканы.

Совершивъ этотъ безпримѣрный переходъ, русскія войска разбили въ нѣсколькихъ сраженіяхъ турокъ, пытавшихся преграждать имъ дорогу, и почти безпрепятственно дошли до самаго Константинополя.

Тогда устрашенный турецкій султанъ обратился къ имп. Александру съ мольбой о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Государь согласился на эту просьбу. Было заключено сначала перемиріе (въ Санъ-Стефано, 19 февраля 1878 г.), а потомъ и мирный договоръ, по которому христіанскія государства на Балканскомъ полуостровѣ—Румынія, Сербія, Черногорія и Болгарія (наполовину) — были объявлены свободными отъ турецкаго ига, которое тяготѣло надъ ними — за исключеніемъ Черногоріи — въ теченіе многихъ столѣтій.

Такъ окончилась русско-турецкая война.

Война эта замѣчательна по тому участію, которое принимало въ ней все русское общество. Можно съ увѣренностью сказать, что не было такого глухого мѣстечка въ Россіи, гдѣ не слѣдили бы самымъ тщательнымъ образомъ за военными дѣйствіями на поляхъ Болгаріи. Потребность въ извѣстіяхъ съ театра войны настолько заявлялась даже со стороны простого народа, что, по распоряженію правительства, телеграммы о важнѣйшихъ событіяхъ на большихъ листахъ расклеивались по большимъ городамъ, и нерѣдко около такой телеграммы можно было замѣтить толпу народа, которая съ глубочайшимъ вниманіемъ прислушивалась къ тому, какъ кто-нибудь, иногда чуть не по складамъ, читалъ вслухъ послѣднія извѣстія изъ арміи. Всякая неудача больно отзывалась въ сердцахъ и на настроеніи общества; всякая побѣда поднимала духъ и дѣйствовала ободряющимъ образомъ. Отдѣльныя лица изъ различныхъ классовъ общества, а также цѣлые кружки, устраивали на свои или на собранныя по подпискамъ деньги госпитали для раненыхъ, снабжали выздоравливающихъ солдатъ деньгами и вещами и т. п.; очень много пожертвованій поступало на постройку военныхъ кораблей и на дѣло помощи раненымъ, организованное обществомъ Краснаго Креста. Кажется, не было города, гдѣ не было бы отдѣленія этого учрежденія и гдѣ дамы, даже изъ высшаго общества, не занимались бы на своихъ вечерахъ, вмѣсто обыкновенныхъ развлеченій, шитьемъ бѣлья и щипаніемъ корпіи для раненыхъ. Очень много дамъ и

дѣвушекъ изъ разныхъ сословій отправлялись въ армію „сестрами милосердія“, и многія изъ нихъ, не выдержавъ тѣхъ убійственныхъ условій, среди которыхъ имъ приходилось иногда жить и работать, „положили душу свою“ за другихъ.

Въ общемъ стремленіи придти на помощь раненымъ сошлись всѣ русскіе—и богатые и бѣдные, и дворянинъ и послѣдній крестьянинъ. Самъ государь и большая часть его семейства принимали личное участіе въ войнѣ. Подъ руководствомъ супруги Александра II находился Красный Крестъ. Главнокомандующимъ русской арміей былъ, какъ уже сказано выше, великій князь Николай Николаевичъ, братъ государя. Наслѣдникъ престола, вел. кн. Александръ Александровичъ, командовалъ на лѣвомъ флангѣ русскихъ войскъ, такъ называемымъ, „Рущукскимъ отрядомъ“, на который была возложена трудная задача—не допустить главныя силы турокъ подойти своевременно на помощь Осману-пашѣ, осажденному въ Плевнѣ. (Отрядъ этотъ молодецки выполнилъ возложенное на него дѣло, блистательно выдержавъ цѣлый рядъ сраженій съ турками.) Самъ императоръ былъ все время съ войсками, но не въ качествѣ полководца: „Я ѣду братомъ милосердія“, сказалъ онъ. Александръ Николаевичъ переносилъ всѣ невзгоды походной жизни наравнѣ съ другими; часто, рискуя своимъ здоровьемъ, проводилъ онъ ночи въ походныхъ палаткахъ или въ сырыхъ землянкахъ, лишь бы только быть поближе къ мѣсту военныхъ дѣйствій. Всѣ невзгоды и лишенія онъ выносилъ безропотно. Онъ всюду являлся, чтобы лично поблагодарить солдатъ за храбрость или раздать награды наиболѣе отличившимся, посѣщалъ госпитали, гдѣ лежали раненые, пролившіе кровь за дѣло, столь же дорогое и для него, какъ и для всей Россіи. Тамъ ласковымъ словомъ своимъ старался онъ утѣшить больныхъ и раненыхъ, старался, чѣмъ могъ, облегчить ихъ страданія. Простота обращенія и доброта государя такъ дѣйствовали на страдавшихъ отъ ранъ и болѣзней людей, что они, при видѣ его, забывали свои раны и страданія.

4. Покореніе Кавказа. Съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ IV Грозный покорилъ Астраханское царство, Россія пріобрѣла большое вліяніе среди тѣхъ народовъ и царствъ, которые находились въ юго-восточномъ углу Европы—около Кавказскихъ горъ и за ними. Населеніе этого края состояло изъ множества отдѣльныхъ народностей, различавшихся между собой и по наружному виду, и по языку, и по вѣрѣ, и по обычаямъ. Самый хребетъ Кавказскій былъ занятъ многочисленными горными племенами, другъ отъ друга независимыми и часто даже враждебными, а за Кавказскими горами были расположены два большія царства—Армянское и Грузинское. Оба эти государства, какъ равно и нѣкоторыя мелкія, приняли христіанство не только раньше Россіи, но даже раньше народовъ Зап. Европы. Будучи окружены воинственными сосѣдями—съ одной стороны горцами, а съ другой—турками и персами,—эти государства мало-по-малу пришли въ упадокъ, а Арменія была даже, въ V вѣкѣ по Р. Х., завоевана персами.

Съ того времени, какъ Россія утвердилась на нижней Волгѣ, разные кавказскіе царьки и царевичи, особенно православнаго исповѣданія, нерѣдко обращались къ московскимъ царямъ съ просьбой—принять ихъ подъ свое покровительство и защитить ихъ отъ сильныхъ и безпокойныхъ сосѣдей. Извѣстно, напр., что закавказскіе народы просили царя Ѳеодора Ивановича принять ихъ «подъ царскую высокую руку», но царь Ѳеодоръ, вопреки совѣтамъ Бориса Годунова, отказался исполнить ихъ просьбу, боясь, что изъ-за нихъ произойдетъ война съ сосѣдними государствами. Преемники его смотрѣли на это дѣло совершенно иначе: Петръ Великій предпринималъ походъ противъ Персіи и отнялъ у нея нѣсколько городовъ по берегу Каспійскаго моря (напр., г. Баку). При Екатеринѣ II также велась довольно удачная война съ Персіей, впрочемъ, не имѣвшая никакихъ послѣдствій, такъ какъ вступившій на престолъ послѣ Екатерины II сынъ ея, Павелъ Петровичъ, прекратилъ военныя дѣйствія. При этомъ государѣ произошло присоединеніе къ Россіи закавказскаго царства Грузинскаго. Притѣсненія персовъ и турокъ и набѣги горцевъ такъ разорили и обезсилили Грузію, что она уже не могла существовать, какъ самостоятельное государство. Поэтому одинъ изъ грузинскихъ царей передъ своей смертью завѣщалъ свое царство русскому императору.

Съ присоединеніемъ Грузіи и другихъ христіанскихъ странъ Закавказья (Мингреліи, Имеретіи) къ Россіи, оказалось необходимымъ подчинить русскому владычеству горныя племена, обитавшія по самому хребту, такъ какъ эти племена, съ одной стороны, своими разбойничьими набѣгами не переставали разорять Грузію, а съ другой—препятствовали правильнымъ сношеніямъ Закавказья съ остальной имперіей. И вотъ, почти съ самаго начала XIX столѣтія, началась упорная борьба съ кавказскими народами, продолжавшаяся болѣе 60 лѣтъ и окончившаяся полнымъ покореніемъ Кавказа въ царствованіе имп. Александра II.

Война съ кавказскими горцами была очень затруднительна. Вести ее правильно, какъ обыкновенно ведутся войны, было невозможно. Горцы скрывались въ густыхъ непроходимыхъ лѣсахъ и въ ущельяхъ недоступныхъ горъ, затрудняя на каждомъ шагу движенія русскихъ войскъ. Особенно лѣса, расположенные по склонамъ горъ, представляли имъ надежную защиту, такъ что, одновременно съ военными дѣйствіями, было признано необходимымъ прорубать въ этихъ лѣсахъ широкія просѣки въ разныхъ направленіяхъ. Этими просѣками облегчались сношенія между

отдѣльными частями кавказской арміи, а равно и движеніе отрядовъ впередъ. Но, несмотря на это, дѣло покоренія Кавказа плохо подвигалось впередъ. Много русской крови пришлось здѣсь пролить, много героевъ пало въ безчисленныхъ схваткахъ съ горцами. Бороться съ ними было тѣмъ труднѣе, что на Кавказѣ появилась новая мусульманская секта—мюридовъ, которая объявила «газаватъ», т.-е. священную войну противъ христіанъ. Главой мюридовъ былъ Шамиль, имамъ (высшее духовное лицо). Шамиль оказался весьма искуснымъ полководцемъ: онъ укрѣпилъ и безъ того недоступныя почти горы восточнаго Кавказа, настроилъ крѣпостей и даже завелъ оружейные заводы. Призывъ Шамиля поднялъ противъ русскихъ почти всѣ горные народы.

Война съ Шамилемъ сначала шла неудачно, и счастье перешло на сторону русскихъ только тогда, когда имп. Александръ II назначилъ главнокомандующимъ кавказскихъ войскъ кн. Барятинскаго, уже раньше служившаго на Кавказѣ и хорошо знакомаго съ военными пріемами горцевъ. Съ этого времени война приняла рѣшительный оборотъ. Видя, какое значеніе въ странѣ имѣетъ Шамиль, кн. Барятинскій направилъ всѣ свои усилія на борьбу именно съ нимъ. Ни природныя препятствія, ни отчаянная храбрость мюридовъ не могли остановить на этотъ разъ наступательныхъ дѣйствій русскихъ войскъ: русскій солдатъ еще разъ побѣдилъ и природу и врага. Горцы стали терпѣть пораженія вездѣ. Одно за другимъ горныя племена стали отпадать отъ Шамиля и изъявлять покорность. Аулъ (селеніе) Ведень, главное мѣстопребываніе Шамиля, былъ взятъ съ боя. Тогда Шамиль бѣжалъ съ небольшой горстью отчаянныхъ храбрецовъ въ Дагестанъ и укрѣпился тамъ въ аулѣ Гунибѣ, на вершинѣ неприступной горы. Чтобы сдѣлать свое послѣднее убѣжище совсѣмъ недоступнымъ, онъ приказалъ взорвать порохомъ нѣкоторыя скалы, загородилъ всѣ лѣсныя тропинки толстыми стѣнами и башнями и заготовилъ кучи камней, чтобы скатить ихъ на русскихъ, если они отважатся идти на приступъ. Но ничто не остановило русскихъ. Подъ личнымъ руководствомъ кн. Барятинскаго, они осадили гору, на которой укрылся Шамиль, и начали наступленіе (25 августа 1859 г.). Несмотря на цѣлый градъ камней, сбрасываемыхъ горцами съ вершины горы, русскіе, послѣ большихъ усилій, по почти отвѣснымъ скаламъ, подсаживая другъ друга, взобрались на вершину горы и окружили аулъ, въ которомъ Шамиль и его приверженцы засѣли въ каменныхъ домахъ (сакляхъ) и продолжали отстрѣливаться. Кн. Барятинскій, желая избѣжать лишняго кровопролитія,

послалъ Шамилю предложеніе сдаться. Послѣ долгихъ переговоровъ Шамиль сдался, вручая свою судьбу милосердію русскаго императора. Кн. Барятинскій принялъ его съ почетомъ и потомъ отправилъ въ Россію. Государь обошелся съ нимъ очень милостиво и назначилъ ему пожизненную пенсію. Сначала Шамиль былъ водворенъ на жительство въ Калугѣ, потомъ жилъ въ Кіевѣ, а оттуда ему было разрѣшено уѣхать на богомолье въ Мекку, гдѣ онъ и умеръ (1874 г.). Взятіе въ плѣнъ Шамиля, считавшагося до тѣхъ поръ непобѣдимымъ, произвело такое сильное впечатлѣніе на горныя племена, что всѣ народы восточнаго Кавказа, одинъ за другимъ, безъ борьбы, признали надъ собой власть русскаго императора.

Послѣ покоренія восточнаго Кавказа рѣшено было обратить оружіе на западный Кавказъ, прилегающій къ берегамъ Чернаго моря. Завоеваніе этой области Кавказа было не менѣе затруднительно, потому что горныя племена получали постоянныя подкрѣпленія оружіемъ, припасами и даже людьми изъ Турціи, а препятствовать этому Россія не могла, потому что по миру, закончившему Севастопольскую кампанію, не имѣла права заводить на Черномъ морѣ военныхъ кораблей. Послѣ долгихъ усилій все-таки удалось сломить горцевъ, и въ 1864 г., вел. кн. Михаилъ Николаевичъ, назначенный намѣстникомъ Кавказа, могъ уже донести государю-брату о полномъ покореніи края. Часть горцевъ, не пожелавшая принять русское подданство, получила разрѣшеніе переселиться въ Турцію. — Такъ окончилась борьба съ кавказскими народами, длившаяся болѣе 60 лѣтъ.

5. Завоеванія въ Средней Азіи. Вскорѣ послѣ окончательнаго покоренія Кавказа, къ Россіи были присоединены большія земли въ Средней Азіи.

Движеніе Россіи въ глубь Азіи началось очень давно, такъ какъ русское правительство сознавало необходимость защищать границы съ востока государства отъ разбойническихъ нападеній со стороны степныхъ кочевниковъ, а также желало обезпечить возможность торговли съ среднеазіатскими народами. Еще при Петрѣ Великомъ была сдѣлана попытка овладѣть восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря и завязать сношенія съ Хивой и другими ханствами Средней Азіи. Но попытка эта не имѣла успѣха, и Петру пришлось больше обратить вниманіе на защиту границъ отъ набѣговъ разбойниковъ-туркменовъ. Съ царствованія имп. Анны Іоанновны, начинается постройка по этой границѣ крѣпостей, и въ теченіе ста лѣтъ тамъ возникло нѣсколько десятковъ город-

ковъ и укрѣпленій, заселенныхъ преимущественно казаками. При имп. Николаѣ I признали русское подданство киргизы, кочующіе въ Сѣверномъ Туркестанѣ (Ср. Азіи). Кочевое населеніе сосѣднихъ магометанскихъ ханствъ—Коканда, Хивы и Бухары,—привыкшее съ давнихъ поръ къ набѣгамъ и грабежамъ, враждебно относилось къ водворенію русскихъ въ Сѣв. Туркестанѣ и грабило пограничныя русскія области. Кокандцы и, особенно, хивинцы постоянно совершали дерзкія нападенія на наши владѣнія, грабили русскіе торговые караваны, убивали русскихъ купцовъ или продавали ихъ въ рабство. Они дѣлали все это, будучи увѣрены, что русскіе не переберутся никакимъ образомъ черезъ песчаныя пустыни, отдѣляющія ихъ отъ русскаго Туркестана. Вслѣдствіе всего этого, Россія вынуждена была вести, одну за другой, войны со всѣми этими ханствами, для чего пришлось предпринимать отдаленные походы въ глубь среднеазіатскихъ степей. Особенно тяжелъ былъ хивинскій походъ (1873 г.). Три мѣсяца шли русскія войска по тысячеверстной степи въ полномъ вооруженіи, подъ палящимъ солнцемъ, по сыпучимъ, раскаленнымъ пескамъ, изнемогая отъ жажды, такъ какъ хивинцы засыпали и испортили почти всѣ колодцы по дорогѣ русскимъ. Солдатамъ приходилось самимъ добывать воду, для чего на каждой остановкѣ они принуждены были рыть сами колодцы. Вода, такимъ образомъ получаемая, была противнаго, солоноватаго вкуса, но люди рады были и такой. Не разъ случалось, что въ такомъ колодцѣ воды оказывалось слишкомъ мало, чтобы можно было напоить всѣхъ, и солдаты умирали отъ невозможности хотя каплей воды утолить пылающій жаръ, ихъ мучившій. Къ этимъ лишеніямъ присоединялись безпрестанныя нападенія туркменовъ, старавшихся не пустить русскихъ въ Хиву. Но русскіе солдаты вышли побѣдителями изъ всѣхъ трудностей похода. Песчаная степь была пройдена. Хивинскій ханъ, даже не предполагавшій возможности такого перехода, былъ этимъ страшно пораженъ и почти безъ сопротивленія отдался на волю побѣдителей. Онъ призналъ надъ собой власть русскаго государя, отдалъ Россіи часть своихъ владѣній, предоставилъ русскимъ купцамъ право свободной торговли въ своемъ ханствѣ и обязался совершенно уничтожить рабство въ предѣлахъ Хивы.

Говорятъ, что первой просьбой Хивинскаго хана, когда онъ явился въ русскій лагерь, была просьба—показать ему хоть издали „тѣхъ страшныхъ солдатъ, которые прошли мертвою степью“. Очевидно, онъ не вѣрилъ, что это были обыкновенные солдаты, а представлялъ ихъ въ видѣ какихъ-нибудь чудовищъ, такъ какъ люди смертные, по его мнѣнію, не были спо-

собны на такой подвигъ. Просьба его была исполнена, и туркестанскіе батальоны явились передъ нимъ въ томъ самомъ видѣ, какъ они пришли въ Хиву. Запыленныя, грязныя бѣлыя рубахи, сбитая обувь, оборванные мундиры и измятыя кепи (головные уборы)—все это представляло весьма некрасивую картину, но ханъ долго, говорятъ, стоялъ передъ русскими рядами и смотрѣлъ на нашихъ героевъ. Потомъ, глубоко вздохнувъ, онъ поѣхалъ прочь, ни слова не говоря. Онъ, вѣроятно, понялъ, что за неприглядной внѣшностью русскаго солдата скрывается его желѣзная воля, которая одна дала ему силу и возможность одолѣть такія природныя препятствія, о которыхъ у себя на родинѣ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія.

Въ скоромъ времени послѣ этого были присоединены къ Россіи ханства Кокандское, Бухарское, а также земли закаспійскихъ туркменовъ. Изъ всѣхъ этихъ новыхъ владѣній была образована область Закаспійская.

6. Внутреннія реформы. Одновременно со всѣми перечисленными войнами, внутри государства шли весьма важныя преобразованія, которыя, большею частью, являются продолженіемъ крестьянской реформы (освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости).

Въ тѣсной связи съ уничтоженіемъ крѣпостного права находятся земскія учрежденія. Люди, живущіе въ одной мѣстности, всегда имѣютъ извѣстныя, общія имъ всѣмъ нужды: напр., всѣ одинаково нуждаются въ хорошихъ дорогахъ, въ больницахъ, школахъ и т. п. До Александра II всѣ такія дѣла находились въ вѣдѣніи губернатора и чиновниковъ. Они были, большею частью, мало знакомы съ дѣломъ и относились къ нему, какъ къ предмету для нихъ совершенно чуждому, съ полнымъ равнодушіемъ. Кромѣ того, рѣшеніе многихъ дѣлъ страшно затягивалось вслѣдствіе того, что по каждому отдѣльному вопросу приходилось спрашивать разрѣшенія изъ столицы. Для устраненія этихъ неудобствъ императоръ Александръ II призналъ необходимымъ призвать къ ближайшему завѣдыванію дѣлами, относящимися къ хозяйственнымъ нуждамъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, само мѣстное населеніе. По «Положенію о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ 1864 г.», завѣдываніе земскимъ хозяйствомъ было ввѣрено представителямъ мѣстнаго населенія, которыхъ оно само избираетъ изъ жителей всѣхъ сословій на три года. Лица эти называются земскими гласными. Изъ этихъ гласныхъ составляются уѣздныя и губернскія земскія собранія, на которыхъ и обсуждаются общія дѣла, касающіяся губерніи или уѣзда. Постановленія земскихъ собраній приводятся въ испол-

пеніе земскими управами (губернскими и уѣздными), члены которыхъ также избираются изъ тѣхъ же гласныхъ. Земства завѣдуютъ денежными сборами, заботятся объ улучшеніи путей сообщенія, о постройкѣ школъ и больницъ, принимаютъ мѣры для развитія крестьянскаго хозяйства, для чего снабжаютъ крестьянъ хорошими сѣменами и породистымъ скотомъ, принимаютъ мѣры къ прекращенію повальныхъ болѣзней среди людей и животныхъ и т. п. Въ тѣхъ дѣлахъ, которыя имъ довѣрены, земства дѣйствуютъ вполнѣ самостоятельно.

По такому же образцу были устроены и городскія учрежденія (1870 г.). Городскія избирательныя собранія состоятъ изъ городскихъ жителей, уплачивающихъ въ доходъ города извѣстные сборы и налоги. Эти собранія созываются каждые 4 года для избранія городского головы и гласныхъ въ городскую думу. Изъ состава городской думы выбираются члены городской управы для завѣдыванія текущими дѣлами (т.-е. дѣлами, которыя требуютъ немедленнаго рѣшенія).

Одно изъ важныхъ мѣстъ среди реформъ Александра II занимаетъ реформа суда. Старые наши суды не отличались ни справедливостью и скоростью, ни особеннымъ человѣколюбіемъ. Судъ происходилъ тайно, при закрытыхъ дверяхъ, а потому только одни судейскіе знали, какъ идетъ дѣло. При такой таинственности судопроизводства, трудно было найти правду въ нашихъ старыхъ судахъ: судьи позволяли себѣ всевозможныя злоупотребленія, брали взятки, выносили неправильныя рѣшенія и т. п. Притомъ, все судопроизводство велось исключительно на бумагѣ, а словесныхъ объясненій не допускалось. Вслѣдствіе этого случалось, что въ старыхъ судахъ иногда какое-нибудь пустое дѣло тянулось по нѣсколько лѣтъ, требуя громадныхъ издержекъ со стороны тяжущихся. Преступникъ считался виновнымъ, если былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и если противъ него было не меньше 2 свидѣтелей. Обстоятельства, при которыхъ совершено было преступленіе, почти никогда въ соображеніе не принимались; поэтому, нерѣдко, за отсутствіемъ формальныхъ доказательствъ, настоящіе преступники оправдывались или только оставались въ подозрѣніи, а лица невиновныя часто обвинялись лишь потому, что обстоятельства складывались для нихъ такъ неблагопріятно, что они не могли оправдаться.

При такихъ порядкахъ человѣкъ богатый, или занимавшій видное положеніе по службѣ или въ обществѣ, всегда могъ разсчитывать выйти изъ суда оправданнымъ, остаться безъ наказанія

за несомнѣнное преступленіе, имъ совершонное; небогатый же или незначительный человѣкъ отдавался на произволъ приказныхъ людей. Умудренный горькимъ опытомъ, русскій народъ сложилъ много поговорокъ про судъ того времени, напр.: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись»; «не бойся суда—бойся судьи»; «что мнѣ законы—мнѣ судьи знакомы»; «въ судъ пойдешь—правды не найдешь» и т. д.

Въ виду такихъ недостатковъ старыхъ судовъ, императоръ Александръ II, какъ истинный другъ человѣчества, хотѣлъ водворить въ Россіи «судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ» (тогда какъ до этого каждое сословіе имѣло свои отдѣльные суды). Въ манифестѣ государя по этому поводу сказано: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ». По Высочайшему указу 1864 г., въ судахъ введена была публичность и гласность судопроизводства, т.-е. при разбирательствѣ дѣла могутъ присутствовать не только тѣ, кого это дѣло касается, но и посторонняя публика; кромѣ того, разбирательство дѣла на судѣ происходитъ устно, а для участія въ судѣ по дѣламъ такъ наз. уголовнымъ привлечено и само населеніе, изъ среды котораго избираются «присяжные засѣдатели». Присяжные присутствуютъ на судѣ и, при рѣшеніи вопроса о виновности или невиновности подсудимаго, принимаютъ во вниманіе не только доказательства, представленныя на судѣ, но и всѣ обстоятельства, при которыхъ совершено было извѣстное преступленіе, внимательно выслушиваютъ показанія свидѣтелей, рѣчи прокурора (обвинителя) и защитника, затѣмъ совѣщаются въ отдѣльной комнатѣ и выносятъ приговоръ: «виновенъ» или «невиновенъ»; судъ же опредѣляетъ наказаніе по закону.

Имп. Александръ II обратилъ вниманіе и на облегченіе своему народу тяжести военной службы. Правильное войско было, какъ уже извѣстно, устроено у насъ Петромъ I. Солдатъ обязанъ былъ въ тѣ времена оставаться на службѣ всю свою жизнь. Для пополненія арміи были установлены рекрутскіе наборы, которые состояли въ томъ, что каждый годъ брали въ солдаты опредѣленное число людей—человѣкъ 5—6 съ тысячи. Рекрутскимъ наборамъ подлежали одни только т. наз. податныя сословія, т.-е. крестьяне и мѣщане, которые одни, такимъ образомъ, несли военную службу. Военная дисциплина была очень строгая: провинившіеся солдаты подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ очень часто. Впослѣдствіи срокъ солдатской службы былъ сокращенъ до 25 лѣтъ, но тяжесть ея оставалась прежняя. Время наборовъ

было тяжелымъ и печальнымъ временемъ для податныхъ сословій, такъ какъ рекрутъ отрывался отъ всего родного на такой продолжительный срокъ, что не могъ даже надѣяться, вернувшись съ военной службы, найти въ живыхъ кого-либо изъ тѣхъ, кто провожалъ его на службу.

Имп. Александръ II, прежде всего, отмѣнилъ тѣлесныя наказанія въ войскахъ, а потомъ, манифестомъ 1874 г., призвалъ къ участію въ воинской повинности всѣ сословія—«безъ различія званій и состояній»,—какъ сказано въ манифестѣ. Одновременно съ этимъ, срокъ службы былъ сокращенъ до 6 лѣтъ. Раньше можно было откупаться отъ военной службы, поставивъ за себя «охотника»; теперь этотъ обычай былъ уничтоженъ: служить обязаны были всѣ, а льготы давались только по семейнымъ обстоятельствамъ и въ зависимости отъ того, въ какомъ учебномъ заведеніи призываемый на службу окончилъ курсъ.

Съ первыхъ лѣтъ своего царствованія имп. Александръ II обратилъ особенное вниманіе на народное образованіе. Въ 1864 г. было утверждено «Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ», и число ихъ стало быстро увеличиваться, особенно благодаря дѣятельному участію земства. Для приготовленія народныхъ учителей были учреждены особыя учебныя заведенія. Число гимназій и другихъ среднеучебныхъ заведеній сильно возросло; были открыты новые университеты.

Такова, въ общихъ чертахъ, благотворная дѣятельность имп. Александра II. Ни одно изъ царствованій русскихъ императоровъ послѣ Петра Великаго не можетъ сравняться съ царствованіемъ этого государя по обилію и важности произведенныхъ имъ преобразованій. Однако, всѣ заботы Александра II о благѣ Россіи не остановили преступнаго замысла злонамѣренныхъ людей, которые не умѣли цѣнить трудовъ его. Несмотря на всѣ его громадныя заслуги предъ отечествомъ, несмотря на его безпредѣльную доброту, великое милосердіе и безпримѣрное человѣколюбіе—среди русскихъ же людей нашлась горсть злоумышленниковъ, которые не одинъ разъ пытались поколебать въ народѣ преданность царю, произвести смуту и измѣнить государственный строй Россіи. Не останавливаясь ни передъ чѣмъ, они осмѣлились неоднократно покушаться даже на жизнь горячо любимаго народомъ Царя-Освободителя. Этотъ рядъ злодѣйскихъ покушеній на священную особу государя завершился страшнымъ злодѣяніемъ 1-го марта 1881 г., когда имъ удалось, наконецъ, достигнуть своей цѣли. Въ этотъ день имп. Александръ II, возвращаясь со смотра войскъ,

былъ смертельно раненъ снарядомъ, брошеннымъ подъ его карету злоумышленникомъ, и умеръ почти тотчасъ же по доставленіи во дворецъ.—Такъ окончилась жизнь этого великаго по своей

Храмъ Воскресенія въ С.-Петербургѣ, выстроенный на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ пораженъ на-смерть императоръ Александръ II.

дѣятельности государя, все царствованіе котораго было однимъ безпрерывнымъ подвигомъ любви на благо и счастье его подданныхъ.

Александру II наслѣдовалъ сынъ его Александръ Александровичъ.

XXXIII. Императоръ Александръ III.

Недолговременна была жизнь имп. Александра III. Онъ умеръ, не достигши еще 50 лѣтъ. И тѣмъ не менѣе, его царствованіе имѣетъ весьма большое значеніе въ исторіи не только Россіи, но и всей Европы.

Александръ Александровичъ родился въ 1845 г. (26 февраля) и былъ вторымъ сыномъ имп. Александра II. Воспитаніе великаго

князя было поручено лицамъ, которыя были извѣстны Александру II, какъ истинно-русскіе люди, горячо любящіе родину. Первоначально наслѣдникомъ престола былъ назначенъ старшій сынъ Александра II—Николай Александровичъ, но онъ умеръ въ 1865 году, и тогда наслѣдникомъ былъ объявленъ Александръ Александровичъ. Онъ всей душой отдался служенію Россіи. Во время сильнаго голода онъ дѣятельно помогалъ отцу, имп. Александру II, въ спасеніи народа отъ голодной смерти (1865—66 гг.). Въ 1877 году, во время русско-турецкой войны, великій князь Александръ Александровичъ былъ, какъ уже сказано выше, назначенъ начальникомъ Рущукскаго отряда, и возложенное на него дѣло выполнилъ весьма успѣшно. Картины войны сильно подѣйствовали на доброе сердце великаго князя, и весьма возможно, что подъ впечатлѣніемъ всего, имъ самимъ видѣннаго, Александръ Александровичъ, сдѣлавшись впослѣдствіи царемъ, старался избѣгать войны и всячески заботился о сохраненіи мира.

1 марта 1881 г. имп. Александръ II принялъ мученическую кончину. Тяжелый, трудный былъ тотъ годъ. Но твердая вѣра въ Бога дала Александру Александровичу силу и мужество перенести свое горе. (Слѣдуетъ отмѣтить, что, при восшествіи на престолъ имп. Александра III, впервые, наравнѣ съ другими, были приведены къ присягѣ на вѣрность крестьяне.)

Трудны и тревожны были первые дни новаго царствованія. Русскіе люди со страхомъ спрашивали себя, что будетъ дѣлать новый императоръ. Но Александръ III не упалъ духомъ. Онъ надѣялся, что Богъ поможетъ ему въ трудномъ дѣлѣ царствованія. Вскорѣ раздалось властное и твердое слово русскаго государя, показавшее всѣмъ, что власть находится въ сильныхъ рукахъ, которыя сумѣютъ возстановить правильное теченіе народной жизни. Александръ III понималъ, что главная его задача—умиротворить, успокоить Россію, и къ этой цѣли была направлена вся дѣятельность его, къ сожалѣнію, кратковременнаго царствованія.

Александръ III былъ настоящій русскій—и по душѣ и по наружному виду. Высокій, могучій, съ окладистой русой бородой, съ открытымъ ласковымъ взглядомъ и доброй улыбкой, онъ производилъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, кому приходилось видѣть его и говорить съ нимъ. Истинный сынъ православной церкви, нѣжный и заботливый супругъ и отецъ, онъ всей своей жизнью давалъ высокій примѣръ своимъ подданнымъ. Всѣ немногія свободныя отъ государственныхъ заботъ минуты онъ про-

водилъ въ кругу своей семьи. Въ частной жизни онъ не позволялъ себѣ никакой роскоши. Обстановка его комнатъ отличалась замѣчательной простотой. (Характернымъ образцомъ этой простоты служитъ такъ наз. Малый дворецъ въ Ливадіи, близъ Ялты, въ Крыму.) Лѣтомъ онъ любилъ посѣщать Финское побережье, гдѣ у него, близъ г. Котки, было имѣнье Лангинъ-Коски. Въ этомъ имѣніи можно видѣть простой деревянный домъ, весьма небольшихъ размѣровъ, въ которомъ имп. Александръ жилъ подолгу со всей своей семьей, наблюдая работу финскихъ рыбаковъ въ сосѣднихъ заливахъ. Александръ III отличался спокойнымъ умомъ, прямотой мысли, твердостью характера и болѣе всего любилъ правду, требовалъ ее отъ другихъ, и когда замѣчалъ въ человѣкѣ неискренность, то навсегда лишалъ его своего довѣрія. Онъ любилъ самостоятельно и спокойно обдумывать каждое дѣло, всегда старался узнать истину и строго требовалъ, чтобы всѣ прошенія, посылаемыя на его имя, доставлялись прямо въ его собственныя руки. Твердость, послѣдовательность и искренность сказывались во всѣхъ его трудахъ.

Имп. Александръ III.

Александръ III любилъ все русское; читалъ русскія газеты, любилъ русскую литературу, выдавалъ пособія выдающимся писателямъ и всячески поощрялъ русское искусство, особенно живопись и музыку. Интересуясь родной стариной, онъ принималъ большое участіе въ Русскомъ Историческомъ Обществѣ, собранія котораго происходили въ его дворцѣ; многіе важные историческіе документы были напечатаны на его средства.

Командуя во время войны съ турками отдѣльной частью, императоръ Александръ самъ лично увидѣлъ всѣ недостатки тогдашняго устройства нашей арміи и, по вступленіи на престолъ, во все время своего царствованія обращалъ особенное вниманіе на благоустройство и усовершенствованіе нашихъ военныхъ силъ,

что было необходимо въ виду усиленныхъ вооруженій сосѣднихъ европейскихъ державъ. Была сильно увеличена численность нашей арміи; каждый годъ строились громадныя военныя суда, и за 13 лѣтъ царствованія Александра III флотъ нашъ сдѣлался могущественнымъ и грознымъ для враговъ. Но эти силы собирались не для того, чтобы воевать, а для того, чтобы мирить. Онъ хотѣлъ мира, но не боялся и войны.

Къ 1887 году могущество Россіи достигло высокой степени, и съ этого времени императоръ Александръ III является миротворцемъ народовъ Европы. Своимъ могуществомъ Александръ III пользовался для того, чтобы доставить миръ не только Россіи, но и всей Европѣ. Не разъ наступали въ Зап. Европѣ такіе тревожные дни, когда всѣ ожидали общеевропейской войны, когда нѣкоторыя государства готовились разрѣшить свои взаимные споры оружіемъ; но одно твердое слово, сказанное императоромъ Александромъ III, останавливало тѣхъ, кто готовъ былъ объявить войну сосѣду. Мирное преуспѣяніе народовъ Европы было такимъ образомъ обезпечено. Когда въ Зап. Европѣ составился тройственный союзъ (изъ Германіи, Австріи и Италіи), съ цѣлью ослабить могущество Франціи, а также и Россіи, то императоръ Александръ заключилъ союзъ съ Франціей, не обращая вниманія на то, что Франція—государство республиканское, что во главѣ ея стоитъ не самодержавный монархъ, а выборный президентъ. Союзъ былъ заключенъ на тѣхъ условіяхъ, что Россія и Франція обязались помогать другъ другу въ случаѣ нападенія непріятеля на кого-либо изъ нихъ. Заключеніе этого союза произвело громадное впечатлѣніе во всей Европѣ, и никто не осмѣлился затронуть Францію или Россію. Все европейское общество, трепетавшее при мысли о возможности войны, вздохнуло свободно: всѣ поняли, что, при такихъ условіяхъ, война невозможна и что этимъ всеобщимъ миромъ вся Европа обязана не кому иному, какъ императору Александру III.

Внутри Россіи Александръ III одинаково заботился о всѣхъ классахъ русскаго общества. Для крестьянъ было сдѣлано облегченіе податей и учрежденъ Крестьянскій банкъ для выдачи ссудъ крестьянамъ, желающимъ пріобрѣсти землю въ собственность. Положеніе сельскаго духовенства было улучшено назначеніемъ жалованья причту бѣднѣйшихъ приходовъ. Было обращено вниманіе на развитіе фабрично-заводской промышленности, при чемъ фабрикантамъ и заводчикамъ для поощренія дѣлались разнаго рода льготы (относительно податей). Для развитія промышлен-

ности и торговли было построено много желѣзныхъ дорогъ, между прочимъ—въ Средней Азіи, и начаты работы по проведенію Великаго Сибирскаго пути. (Къ сожалѣнію, императоръ Александръ III не дожилъ до окончанія этого великаго предпріятія.)

Въ 1888 году императоръ Александръ III предпринялъ путешествіе по южнымъ губерніямъ Россіи и по Кавказу, чтобы лично ознакомиться съ нуждами населенія этихъ областей. Это путешествіе онъ совершалъ со всей своей семьей. По окончаніи путешествія, когда царская семья возвращалась уже назадъ, недалеко отъ Харькова, у станціи Борки, произошло крушеніе царскаго поѣзда (17 окт. 1888 г.). Всѣ вагоны рухнули и своими обломками придавили всю семью Александра III, вмѣстѣ съ нимъ и со всѣми тѣми, кто былъ въ томъ же вагонѣ. Спасенія, казалось, не было. Но Господь чудеснымъ образомъ сохранилъ государя и всю его семью. Отъ вагона, въ которомъ въ моментъ крушенія находился государь, остались одни обломки; но крыша вагона, падая, зацѣпилась угломъ за разрушенную стѣну и образовала такимъ образомъ родъ свода, подъ которымъ и нашли себѣ спасеніе члены царскаго семейства. Освободившись при посторонней помощи изъ-подъ развалинъ вагона, императоръ Александръ, несмотря на полученные имъ самимъ ушибы*), самъ сталъ распоряжаться всѣми работами, подавая собой примѣръ, трудясь неутомимо надъ откапываніемъ убитыхъ и раненыхъ. Погода была ненастная, шелъ снѣгъ пополамъ съ дождемъ, но императоръ Александръ, въ одной тужуркѣ, все время находился на мѣстѣ крушенія. И только когда всѣмъ раненымъ была подана медицинская помощь, былъ поданъ новый поѣздъ для царской семьи, и государь отправился со всѣмъ семействомъ на ближайшую станцію (Лозовую). Когда поѣздъ подошелъ къ этой станціи, было уже почти темно. Тамъ, въ помѣщеніи третьяго класса, священникъ изъ ближайшаго села отслужилъ благодарственный молебенъ о спасеніи государя и всего царскаго семейства и потомъ панихиду по убитымъ при крушеніи. Во время панихиды государь неудержимо плакалъ. Затѣмъ въ томъ же помѣщеніи былъ поданъ государю и его

*) Государь получилъ такой сильный ударъ въ правое бедро, что его серебряный портсигаръ, лежавшій въ карманѣ, оказался сплюснутымъ, а верхняя одежда оказалась порванной, такъ что ее пришлось снять тамъ же. Достойно замѣчанія, что императоръ Александръ III, занятый всецѣло мыслью о поданіи помощи другимъ, никому не сказалъ о полученныхъ имъ ушибахъ, и это стало извѣстно только впослѣдствіи, когда всѣ раненые были водворены, куда слѣдуетъ, и когда поѣздъ ушелъ уже со ст. Лозовой.

семьѣ обѣдъ, на который императоръ Александръ III позвалъ всѣхъ присутствовавшихъ: и генераловъ, и солдатъ, и поѣздную прислугу, и мѣстныхъ крестьянъ. Торжественную картину представлялъ этотъ обѣдъ, во время котораго государь старался каждаго обласкать и каждому сказать доброе слово.

Видя чудесное спасеніе государя и всей его семьи, всѣ люди земли русской слились въ одномъ общемъ чувствѣ безпредѣльной радости, такъ что всякому стало очевидно, какою прочною связью искренней преданности соединенъ русскій народъ съ своимъ государемъ.

На мѣстѣ крушенія впослѣдствіи воздвигнутъ храмъ Спасителя.

Отличаясь крѣпкимъ здоровьемъ и большой физической силой, императоръ Александръ III, казалось, былъ предназначенъ къ долговременной жизни. Но съ начала 1894 г. онъ сталъ сильно недомогать. (Нѣкоторые историки говорятъ, что, отчасти, причиной этихъ заболѣваній были тѣ ушибы, которые были получены императоромъ при крушеніи поѣзда у станціи Борки, а также то нравственное потрясеніе, которое пришлось ему пережить тогда.) Императоръ Александръ не придавалъ своимъ недомоганіямъ никакого значенія и не всегда исполнялъ предписанія врачей, рекомендовавшихъ ему спокойную жизнь. Не обращая вниманія на все усиливавшуюся болѣзнь, онъ продолжалъ заниматься дѣлами, но осенью этого же года ему пришлось оставить С.-Петербургъ и отправиться для лѣченія въ Крымъ. Но ни благодатный воздухъ Крыма, ни искусство знаменитѣйшихъ врачей не помогли, и 20 октября 1894 г. императоръ Александръ III тихо скончался въ своемъ имѣніи—Ливадіи.

Императору Александру III наслѣдовалъ сынъ его—нынѣ царствующій императоръ Николай II Александровичъ.

XXXIV. Обзоръ событій съ 1894 г. по 1913-й годъ.

Въ царствованіе имп. Александра III, получившаго отъ современниковъ и потомства прозваніе «Миротворца», Россія имѣла возможность сосредоточиться на внутренней мирной дѣятельности. Но хотя царствованіе имп. Александра прошло и безъ войнъ (какъ въ Россіи, такъ и въ Зап. Европѣ), тѣмъ не менѣе и въ мирное время европейскимъ народамъ приходилось содержать многочисленныя арміи и нести громадные военные расходы. Въ военномъ дѣлѣ чуть не ежегодно происходили улучшенія; появлялись изоб-

рѣтенія, усиливавшія значеніе того или другого рода оружія—и все это заставляло государства Европы обзаводиться новымъ вооруженіемъ, часто бросая старое, на которое были затрачены милліонныя средства. Если сравнить, напр., оружіе 1812 и 1912 гг., то оказывается, что во времена французскаго нашествія ружья стрѣляли самое большее на 200 шаговъ, а пушки—не дальше, какъ на версту; а черезъ 100 лѣтъ изъ ружей стрѣляютъ уже на 2—3 версты, а изъ пушекъ—на 15—20 верстъ; притомъ есть пушки, изъ которыхъ можно дѣлать въ минуту до 20 выстрѣловъ, тогда какъ сто лѣтъ тому назадъ дѣлали въ часъ не больше 5—10 выстрѣловъ. Военные корабли, покрытые толстымъ слоемъ стали (броненосцы), вѣсятъ сотни тысячъ (до милліона) пудовъ и стоятъ десятки милліоновъ рублей каждый. И несмотря на такую стоимость вооруженія европейскіе народы старались превзойти другъ друга въ военныхъ приготовленіяхъ и тратили на военныя надобности баснословно-громадныя суммы, часто оставляя безъ удовлетворенія необходимыя нужды. Причина этому та, что народы Европы взаимно боятся другъ друга, вслѣдствіе чего противъ тройственнаго союза (см. царствованіе имп. Александра III) составилось «тройственное соглашеніе» изъ Россіи, Франціи и Англіи. Но независимо отъ надежды на союзниковъ, каждое государство старалось вооружаться, и стоило одному государству завести у себя что-нибудь новое, какъ сосѣди старались не отстать отъ него или даже превзойти.

Имп. Николай II, заботясь о мирномъ развитіи Россіи и объ уменьшеніи все возраставшихъ военныхъ расходовъ, предложилъ западно-европейскимъ государствамъ, по доброму между собою соглашенію, ограничить вооруженія и на будущее время рѣшать взаимныя недоразумѣнія не войной, а судомъ при помощи государствъ, не заинтересованныхъ въ извѣстномъ спорѣ (третейскій судъ). Это предложеніе имп. Николая II было поддержано нѣкоторыми западно-европейскими государями, и въ 1898 г., въ голландскомъ городѣ Гаагѣ собралось совѣщаніе для обсужденія предложенія русскаго царя (т. н. Гаагская мирная конференція). Но взаимное недовѣріе и тайные замыслы нѣкоторыхъ державъ помѣшали совершиться великому дѣлу, которое могло бы быть благодѣтельнымъ для всего міра. Вполнѣ понятно, что когда другія государства отказались ограничить свои вооруженія, и Россіи пришлось слѣдить за успѣхами военнаго искусства, чтобы не отстать отъ сосѣдей. Благому намѣренію имп. Николая II не суждено было осуществиться.

Не суждено было Россіи заняться цѣликомъ и мирнымъ дѣломъ внутренняго устройства. Въ 1904 году русскому государству неожиданно пришлось вести войну съ Японіей. Это было маленькое государство, на крайнемъ востокѣ Азіи (на Японскихъ островахъ), про которое до половины XIX вѣка въ Европѣ почти ничего не знали. Съ 60-хъ годовъ XIX столѣтія японцы, однако, отказались отъ своей прежней замкнутости и стали ѣздить въ Европу учиться, а также заводили у себя европейскіе порядки и учрежденія. Въ Японіи быстро развилась промышленность, открылось много

Имп. Николай II.

школъ и было выстроено много желѣзныхъ дорогъ. Съ особенной жадностью японцы перенимали пріемы военнаго искусства, къ которому они были необыкновенно склонны отъ природы. У нихъ появилась армія, не уступавшая лучшимъ европейскимъ; они пріобрѣли въ Европѣ нѣсколько военныхъ кораблей и потомъ по образцу ихъ построили себѣ цѣлый броненосный флотъ, при чемъ и корабли, и вооруженіе арміи были сравнительно съ европейскими усовершенствованы и снабжены такими улучшеніями, о которыхъ въ Европѣ даже не помышляли.

Въ концѣ XIX вѣка японцамъ стало тѣсно на ихъ островахъ и они объявили войну сосѣднему съ нимъ Китаю, намѣреваясь отнять у него земли для переселенія туда излишка своего на-

селенія. Война эта для Японіи была очень удачна и дала имъ, дѣйствительно, нѣсколько острововъ. Стремясь къ дальнѣйшему расширенію своихъ владѣній, они обратили вниманіе на материкъ—на полуостровъ Корею и на южную Манчжурію. Между тѣмъ Корея, чувствуя опасность, угрожавшую ей со стороны Японіи, искала покровительства Россіи, а въ Манчжуріи, по договору съ Китаемъ, были построены русскими желѣзныя дороги, одна изъ которыхъ оканчивалась у Желтаго моря въ городахъ Портъ-Артурѣ и Дальнемъ. Такое близкое сосѣдство съ Россіей не нравилось Японіи и между этими государствами происходили переговоры; но въ январѣ 1904 года, прервавъ всякія сношенія, Японія, безъ объявленія войны, напала на русскую эскадру, стоявшую въ Портъ-Артурѣ, и вывела изъ строя нечаяннымъ ночнымъ нападеніемъ лучшія суда русскаго флота. (Два военныхъ корабля, стоявшіе отдѣльно въ корейскомъ порту Чемульпо, были потоплены послѣ геройскаго сопротивленія ихъ экипажа превосходнымъ силамъ противника.)

Такъ началась русско-японская война. Положеніе Россіи сравнительно съ Японіей было крайне невыгодно. Японцы на пароходахъ быстро перевезли въ Манчжурію громадныя силы и могли начать наступательныя дѣйствія, тогда какъ силы русскихъ на Дальнемъ Востокѣ были крайне незначительны, и приходилось ожидать, пока подойдутъ подкрѣпленія, которыя нужно было подвозить изъ глубины Россіи по единственному Сибирскому пути, т.-е. весьма медленно. Самая мѣстность, гдѣ происходила война, была изучена японцами задолго до войны вдоль и поперекъ, и они знали въ Манчжуріи каждую горку, каждый уголокъ, тогда какъ русскимъ приходилось, что называется, чуть не ощупью продвигаться впередъ по странѣ, занятой населеніемъ не особенно притомъ дружелюбно расположеннымъ къ русскимъ. (Не слѣдуетъ забывать и того, что, пользуясь своимъ природнымъ сходствомъ съ китайцами, японцы развили въ широкихъ размѣрахъ шпіонство, на которое они оказались необыкновенно способными.) Къ тому же съ самаго начала войны Россію преслѣдовали несчастья: въ Портъ-Артурѣ въ самомъ началѣ войны погибъ смѣлый адмиралъ Макаровъ; позднѣе въ томъ же Портъ-Артурѣ былъ убитъ ген. Кондратенко, занимавшій въ этомъ городѣ такое же положеніе и пользовавшійся такими же симпатіями солдатъ и матросовъ, какъ Нахимовъ въ Севастополѣ. На Дальнемъ Востокѣ была собрана русскими громадная армія, но среди командующихъ ею не нашлось ни одного, похожаго на знаменитыхъ русскихъ пол-

ководцевъ XIX или XVIII вѣковъ, тогда какъ японской арміей командовали лица, прошедшія нѣмецкую школу и дѣйствовавшіе по одному плану, въ то время какъ между дѣйствіями русскихъ главнокомандующихъ (на Востокѣ было 3 арміи) не всегда наблюдалось единство. Кромѣ того, обнаружились недостатки въ дѣлѣ подготовки и снабженія войскъ необходимыми припасами. Въ самой Россіи во время войны происходили весьма серьезныя волненія. Портъ-Артуръ, осажденный превосходными силами японцевъ, держался, отрѣзанный отъ русскихъ силъ, съ мая по декабрь 1904 года, но недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ заставилъ наконецъ русскихъ сдаться. Насколько тяжела была служба въ осажденномъ Портъ-Артурѣ можно судить по тому, что, по Высочайшему повелѣнію, мѣсяцъ службы въ Портъ-Артурѣ былъ сосчитанъ за годъ. На помощь арміи, сосредоточенной въ Манчжуріи, плыла кругомъ Европы и Африки русская эскадра подъ предводительствомъ адм. Рожественскаго, по по числу судовъ, и по устройству, и по боевой подготовкѣ экипажа она оказалась значительно слабѣе японской и была совершенно истреблена при входѣ въ Японское море.

Солдаты и офицеры проявили на морѣ и на сушѣ обычное для русскихъ мужество, отвагу и самоотверженіе, но противъ стеченія гибельныхъ для насъ событій и условій несчастной войны, храбрость и подвиги отдѣльныхъ лицъ и отрядовъ оказались безсильны. Это обстоятельство, а также происшедшія во время войны въ Россіи внутреннія неурядицы заставили подумать о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Такъ какъ въ это время въ Манчжуріи набралось до милліона русскихъ войскъ, то миръ былъ заключенъ на не особенно тягостныхъ для Россіи условіяхъ, тѣмъ больше, что и для Японіи война была весьма тяжела. Японіи былъ уступленъ временно занятый русскими у Китая Портъ-Артуръ и возвращена часть Сахалина, полученная отъ Японіи же по договору въ 1875 г. Миръ былъ заключенъ въ Портсмутѣ (англійскомъ городѣ).

Прекращая войну, государь императоръ имѣлъ въ виду, подобно дѣду своему Александру II, сосредоточить свое вниманіе на внутреннихъ дѣлахъ государства. Дѣло въ томъ, что въ Россіи снова началось революціонное движеніе, которое временно заглохло послѣ твердыхъ и рѣшительныхъ мѣръ имп. Александра III. Кромѣ того, нужно было устранить въ организаціи войска и флота тѣ недочеты, которые обнаружились во время русско-японской войны. И это важное дѣло имп. Николай II рѣ-

шилъ вести вмѣстѣ съ выборными отъ населенія, которыхъ онъ имѣлъ въ виду привлечь къ участію въ законодательной работѣ, подобно тому, какъ въ XVII вѣкѣ русскіе цари созывали земскіе соборы.

Постепенно развивавшаяся дѣятельность революціонеровъ выразилась въ концѣ-концовъ въ цѣломъ рядѣ предательскихъ убійствъ, жертвой которыхъ, среди другихъ, палъ вел. кн. Сергій Александровичъ (дядя государя), бывшій генералъ-губернаторомъ Москвы. Не ограничиваясь убійствомъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, революціонеры производили волненія на фабрикахъ и заводахъ, снабжавшихъ армію на Дальнемъ Востокѣ необходимыми припасами и затрудняли сношеніе съ ней забастовками на желѣзныхъ дорогахъ. По окончаніи войны смута выразилась въ разгромѣ помѣщичьихъ усадебъ и большихъ хозяйствъ. Такъ какъ борьба съ проявленіями революціи и успокоеніе страны требовали большихъ трудовъ, то императоръ Николай II (указомъ 18 февраля 1905 г.) призвалъ «благомыслящихъ русскихъ людей всѣхъ сословій и состояній соединиться въ дружномъ содѣйствіи Ему въ дѣлѣ искорененія крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней»; послѣ этого имѣлось въ виду обновить духовную жизнь народа, упрочить его благосостояніе и усовершенствовать государственный порядокъ. 6 іюня, принимая представителей земствъ, государь императоръ выразился такимъ образомъ: «Моя воля созвать выборныхъ отъ народа—неизмѣнна. Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между царемъ и всей Русью, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ». Тогда же было утверждено и Положеніе объ учрежденіи Государственной Думы. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени—17 окт. 1905 г.—Положеніе о Думѣ было видоизмѣнено и дополнено въ томъ смыслѣ, что увеличено было число лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ членовъ Думы. Государственная Дума перваго созыва начала свои засѣданія въ апрѣлѣ 1906 года. Но вмѣсто того, чтобы заняться обсужденіемъ новыхъ законовъ, крайне нужныхъ для Россіи, она стала вмѣшиваться въ дѣло управленія и больше занималась критикой дѣйствій министровъ, предъявляя иногда требованія, которыя скорѣе имѣли цѣлью поддержаніе въ странѣ смуты, а не водвореніе порядка. Въ виду этого черезъ два мѣсяца Государственная Дума была распущена, и были произведены новые выборы. Но и вторая Дума оказалась не лучше первой и потому работала только 3 мѣсяца, а затѣмъ также была распущена. Послѣ этого

указомъ 3 іюня 1907 года были произведены выборы въ третью Думу уже на новыхъ основаніяхъ. Дума третьяго созыва оказалась сознающей свой долгъ передъ государемъ и родиной и своей работой, продолжавшейся полныхъ 5 лѣтъ (до осени 1912 года) много содѣйствовала обновленію и улучшенію многихъ сторонъ государственной жизни. (Одновременно съ учрежденіемъ Государственной Думы былъ преобразованъ Государственный Совѣтъ въ томъ смыслѣ, что, кромѣ сановниковъ по назначенію государя, въ него вошли выборные отъ духовенства, дворянства, земства, торгово-промышленниковъ и отъ ученыхъ учрежденій.)

Въ настоящее время работаетъ Государственная Дума 4-го созыва. Такимъ образомъ завершилась давнишняя мысль русскихъ государей—привлечь къ законодательной дѣятельности выборныхъ отъ населенія. Объ этомъ думали и первые государи изъ дома Романовыхъ—Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ (при которыхъ собирались земскіе соборы), думала и Екатерина II, созвавшая комиссію для сочиненія проекта новыхъ законовъ. Была мысль привлечь выборныхъ къ постоянному содѣйствію правительству у имп. Александра I и имп. Александра II. Но осуществилъ всѣ эти пожеланія предшественниковъ только нынѣ царствующій императоръ Николай II Александровичъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе 5
Славяне 11
Преданіе о началѣ русскаго государства 17
Первые кіевскіе князья 20
Владиміръ Святой и крещеніе Руси 23
Народныя былины о Владиміръ Святомъ и его богатыряхъ 27
Свв. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянъ 29
Кіево-Печерская лавра 32
Владиміръ Мономахъ 37
Андрей Боголюбскій 41
Татарское нашествіе 44
Александръ Невскій 48
Образованіе великаго княжества Литовскаго 54
Начало Москвы. Иванъ Калита 56
Св. Алексій митрополитъ и пр. Сергій Радонежскій 60
Дмитрій Донской и Куликовская битва 65
Иванъ III.
Покореніе Новгорода 71
Сверженіе татарскаго ига 76
Новые порядки при великокняжескомъ дворѣ 77
Сношенія съ Западной Европой 81
Иванъ IV Грозный.
Покореніе Казани . . . . . —
Завоеваніе Сибири 86
Внутреннія дѣла 92
Царь Ѳеодоръ Ивановичъ 97
Учрежденіе патріаршества 98
Прикрѣпленіе крестьянъ 99
Убіеніе царевича Дмитрія 100
Смутное время на Руси.
Борисъ Годуновъ 102
Появленіе Самозванца 105
Царствованіе Лжедмитрія 107
Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій 108
Патріархъ Ермогенъ 111
Заслуги Троицкой лавры 112
Освобожденіе Москвы отъ поляковъ 117

Стр.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и патріархъ Филаретъ 120
Царь Алексѣй Михайловичъ 122
Патріархъ Никонъ 126
Присоединеніе Малороссіи.
Юго-западная Русь подъ властью Польши 129
Казачество 130
Богданъ Хмельницкій 133
Состояніе русской земли къ концу XVII-го вѣка.
Страна и населеніе 136
Частный домъ 139
Дворецъ царя 140
Внутреннее убранство дома . . . . . —
Одежда 143
Семейный бытъ 145
Образъ жизни 148
Царскій обиходъ . . . . . —
Промышленность и торговля 151
Замкнутость русскихъ 152
Сближеніе съ Западомъ 153
Петръ I Великій.
Воспитаніе Петра 154
Путешествіе за границу 160
Великая Сѣверная война 162
Новые порядки и обычаи 168
Преемники Петра Великаго 176
М. В. Ломоносовъ 179
Императрица Екатерина II 184
Войны Екатерины II 189
А. В. Суворовъ 191
Императоръ Александръ I.
Отечественная война 205
Внутренняя дѣятельность 223
Императоръ Николай I 225
Внѣшняя политика 229
Севастопольская кампанія 230
Императоръ Александръ II.
Воспитаніе Александра II 237
Освобожденіе крестьянъ 241
Освобожденіе балканскихъ славянъ 243
Покореніе Кавказа 249
Завоеванія въ Средней Азіи 252
Внутреннія реформы 254
Императоръ Александръ III 258
Обзоръ событій съ 1894 г. по 1913-й годъ 264

-50

-50

Цѣна 1 руб.